

Автобиография

Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture

Director

Ulisse Spinnato Vega

Editors

Claudia Criveller (University of Padua, claudia.criveller@unipd.it)

Andrea Gullotta (University of Palermo, andrea.gullotta@unipa.it)

Advisory Board

Marina Balina (Illinois Wesleyan University)

Rodolphe Baudin (Paris-Sorbonne University)

Catherine Depretto (Paris-Sorbonne University)

Evgeny Dobrenko (Ca' Foscari University of Venice)

Lazar Fleishman (Stanford University)

Stefano Garzonio (University of Pisa)

Olga Hasty (Princeton University)

Polly Jones (University of Oxford)

Ilya Kukulkin (Amherst Center for Russian Culture, Amherst College)

Damiano Rebecchini (State University of Milan)

Daniela Rizzi (Ca' Foscari University of Venice)

Stephanie Sandler (Harvard University)

Leona Toker (The Hebrew University of Jerusalem)

Yury Zaretskiy (National Research University – Higher School of Economics, Moscow)

Editorial Board

Stefano Aloe (University of Verona – Editor of the Section “Papers”, stefano.aloe@univr.it)

Daniele Artoni (University of Verona)

Giulia De Florio (University of Parma – Editor of the Section “Materials and Discussions”, giulia.deflorio@unipr.it)

Patrizia Deotto (University of Trieste)

Sara Dickinson (University of Genoa)

Giuseppina Giuliano (University of Salerno)

Simone Guagnelli (University of Bari)

Tatiana Kuzovkina (University of Tallinn – Editor of the Section “Materials and Discussions”, tatjana.kuzovkina@tlu.ee)

Francesca Lazzarin (University of Udine)

Claudia Oliveri (University of Catania)
Bartosz Osiewicz (Adam Mickiewicz University, Poznań – Editor of the
Section “Reviews”, osiebar@amu.edu.pl)
James Rann (University of Glasgow)
Kirill Rogov (University of Bologna)
Tatiana Saburova (Indiana University, Bloomington)
Alexandra Smith (University of Edinburgh)
Josephine von Zitzewitz (Independent Scholar, UK)

Managing Editors

Martina Morabito (University of Padua)
Chiara Rampazzo (University of Pisa)

Website: www.avtobiografija.com

Contact: info@avtobiografija.com

Facebook page: <https://www.facebook.com/Avtobiografi%Do%AF-1492404737730803/?fref=ts>

© 2023 AvtobiografiЯ

Design and Layout: Adriano Pavan, Samuele Saorin

Cover: Filippo Comuzzi

ISSN: 2281-6992

Università di Padova
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari
Via Elisabetta Vendramini 13
35137 Padova

Registrazione del Tribunale di Padova 23-04-2013, n. 2326 Registro della
Stampa, Variazione: Tribunale di Padova 27-10-2014, n. 3197 Registro
della Stampa.

AvtobiografiЯ

*Russian Autobiographical Writing
in the Twentieth and Twenty-First Centuries – Part 1*

n. 12/2023

AvtobiografiЯ

2023, Number 12

*Russian Autobiographical Writing
in the Twentieth and Twenty-First Centuries – Part 1*

Table of Contents

Introduction

Claudia Criveller, Andrea Gullotta 5

Special issue

Introduction to the Special Issue Russian Autobiographical
Writing in the Twentieth and Twenty-First Centuries – Part 1

Marina Balina, Claudia Criveller, Andrea Gullotta 11

Выигравшие лотерею: Сталинский период в
воспоминаниях современников-свидетелей

Leona Toker 17

Konstantin Paustovskii's Memoirs as an Intergenerational
Landmark

Maria Mayofis 59

Женщина и время (женские эготексты XX века)

Irina Savkina 93

Papers

To Be a Woman in *Sovremennik*: Poetry and Truth in
Avdot'ia Panaeva's Fiction
Andrey Fedotov, Pavel Uspenskij 131

В тумане прошлого: неизвестный автобиографический
фрагмент Василия Ивановича Немировича-Данченко
Марко Каратоццо, Людмила Спроге 161

The Contexts and American Epitext of Evgenii
Evtushenko's *A Precocious Autobiography*
Benjamin Musachio 187

Эзопов миг. М.Л. Гаспаров и культурная биография
советской интеллигенции (Филологическая басня)
Ilya Vinitsky 221

Materials and Discussions

“Автор – и оператор, и режиссёр, и актёр”. Беседа с
Славой Сергеевым об автобиографической прозе,
исторической памяти и жизнеутверждающем смехе
Francesca Lazzarin 251

“Всех выкинуло из воды на берег”. Предисловие к
дневнику Славы Сергеева (март-май 2022 г.)
Francesca Lazzarin 261

Где ты был, Адам? В эмиграции, Господи, не на войне.
Из дневника 2022 года

Slava Sergeev 265

Reviews

Яновский, Андрей (под ред.). 2019. *Городцов Василий Алексеевич. Дневники ученого. 1914–1918: Из собрания Государственного исторического музея*. В 2 кн. (Москва: ГИМ). Кн. 1. 1914–1915. 544 с., ил.; Кн. 2. 1916–1918. 384 с., ил.

Iaroslav Golubinov 297

Inber, Vera. 2022. *Quasi tre anni. Leningrado. Cronaca di una città sotto assedio*, traduzione e cura di Francesca Gori (Milano: Guerini e associati), 231 pp.

Giorgia Rimondi 303

Kuznecov, Eduard. 2023. *Parole trafugate. Diari clandestini dalla Russia (1970-1971)*, traduzione di Maria Olsufieva e Oretta Michahelles (Milano: Guerini e associati), pp. 200.

Giorgia Rimondi 309

Kuzovkina, Tat'jana, Lotman, Michail, e Majja Chalturina (a cura di). 2023. *Zara Grigor'evna Minc: Dokumenty, pis'ma, vospominanija* (Tallinn: Izdatel'stvo Tallinskogo universiteta), pp. 656.

Attilio Russo 317

*Russian Autobiographical Writing
in the Twentieth and Twenty-First Centuries – Part 1*

© Lisa Gaye Crawshaw

Claudia Criveller, Andrea Gullotta

Introduction to the 12th issue of *AvtobiografiЯ*

The first ten years of *AvtobiografiЯ* can be seen as a long thematic journey on different genres, forms, and approaches in the field of Life Writing in Russian and, to a lesser extent, Slavonic cultures. The 2023 issue constitutes a sort of balance of the studies conducted so far, reflected in an overview of autobiographical writing in the nineteenth and twentieth centuries, constructed through theoretical references, different genres, and methods. The value of this new issue lies in the variety of approaches proposed by the authors. The articles presented here explore studies on egodocuments, applying different approaches: the reconstruction of biographical facts based on unpublished or unstudied materials, the publication of unpublished materials, theoretical and genre analysis, and the definition of facts and cultural contexts based on reinterpretations of private documents.

The thematic monographic section, edited by Marina Balina, Claudia Criveller and Andrea Gullotta and illustrated in their preface, gathers the works of three scholars who are already

important contributors to *AvtobiografiЯ* as authors or members of the advisory board (Irina Savkina joins the editorial team this year). For a more detailed presentation, we refer to the introduction by the editors and here we will only introduce the different genres, trends, and methods applied. Leona Toker's article analyses, also in a comparative perspective, the memoirs of four authors who survived the Stalinist purges; Maria Mayofis frames the memoir cycle of Konstantin Paustovskii through the theoretical filter of Jens Brockmeier's "memory episteme"; Irina Savkina studies a group of female autobiographical works from the late nineteenth century to the 1990s.

The works in the second section, despite their thematic variety, share a common thread, showing how egodocuments of different nature can go beyond the narrow context of the writer's private life and allow for the reconstruction of cultural periods, events and generations, and more specifically, the intellectual and cultural biography of the Russian and Soviet intelligentsia. The articles of this section show

how egodocuments and fictional discourses should not be considered as separate dimensions, but when examined as a whole in a holistic approach, they allow for the investigation of subjectivity in relation to its social and cultural context.

The article by Andrey Fedotov and Pavel Uspenskij is dedicated to a writer, Avdot'ia Panaeva, who has so far been neglected by scholars and is mainly remembered for her relationship as lover and muse of Nikolai Nekrasov. The authors, using egodocuments and fictional discourses by Panaeva, refute hypotheses derived from contemporary criticism (for example, by Kornei Chukovskii). Instead, they use Panaeva's artistic prose as a material that allows for the reconstruction of her consciousness and subjectivity, which has so far been mainly interpreted through androcentric lenses that ignored her individuality. The authors examine the biographical material, reading it through the filter of literary works, thus allowing for the reconstruction of principles and facts based on new and plausible interpretative patterns.

Ilya Vinitzky proposes a similar approach in his work on Mikhail Gasparov. He examines letters and autobiographical annotations by the distinguished schol-

ar on the Age of Augustus, in which he studies the historical Aesopian language as a sign of the moral and intellectual crisis of Roman intellectual society, which Gasparov compares to the Soviet counterpart in the twentieth century. He also reconstructs the intellectual biography of Gasparov and, with him, of the Soviet intelligentsia, examining the perspective on the Aesopian language in the Roman Empire and its parallel interpretation by the Soviet cultural elite during the Brezhnev stagnation, a term that, according to private letters, Vinitzky argues, can be traced back to Gasparov himself.

Also the article by Liudmila Sproge and Marco Caratozzolo focuses on theoretical issues by working on the genre – or rather the *subgenre* – of *avtobiografiia po zakazu* [commissioned autobiography] through the analysis of an unpublished autobiographical fragment by Vasiliĭ Nemirovich-Danchenko, a journalist, writer, and memoirist who is the less famous brother of the well-known theatre director Vladimir. The publication of the unpublished fragment is introduced by a meticulous reconstruction of biographical facts and their connections with the intelligentsia of the time, the military and literary world,

which provokes Nemirovich-Danchenko to reflect on the role of heritage in the development of the future writer.

In other cases, egodocuments are assigned a socio-cultural function as a result of deliberate choices by the writer, as in the case of Ben Musachio's article, who shows how Evgenii Evtushenko's *A Precocious Autobiography* (1963), written at a rather young age, is based on a common assumption in the autobiographical genre, i.e. the author's self-defense in response to the fame that has arisen around him. Musachio bases his interpretative framework on Philippe Lejeune's well-known "autobiographical pact" and on typical assumptions related to the genre of autobiography. He reconstructs the story of the publication of the text in tamizdat and defines its epitext – consisting of reviews, speeches, and published and unpublished egodocuments – with the aim of analysing the text's receptive context both in the West and in the Soviet Union.

The material section features a bloc dedicated to the writer Slava Sergeev, who publishes an excerpt of his unpublished diary in which he recounts his departure from Russia after the outbreak of war in February 2022 and his decision to emigrate to Israel.

The diary excerpt is introduced by a preface by Francesca Lazzarin, Sergeev's Italian translator, who proposes also an interview with the writer. Although destined for publication, Sergeev himself did not imagine that his diary would be published so quickly, while the critics (and the protagonists themselves) are still defining the *fifth wave* of migration. With Lazzarin, who interprets Sergeev's autobiographical prose through the filter of autofiction, the author discusses his memoiristic and autobiographical prose, his possible sources of literary inspiration, as well as his personal autobiographical strategies.

The issue is completed by reviews by Iaroslav Golubinov on the publication of Vasilij Gorodtsov's diaries, by Giorgia Rimondi on two new volumes published in the *Narrare la memoria* series by Edizioni Guerini, namely the Italian translation of Vera Inber's Leningrad diary and of the diaries of Eduard Kuznetsov. Finally, Attilio Russo reviews a collection of documents, letters, and memoirs by the famous scholar of Russian Symbolism, Zara Mints, published by the University of Tallinn.

Special Issue

Marina Balina, Claudia Criveller, Andrea Gullotta

Introduction to the Special Issue *Russian Autobiographical Writing in the Twenty and Twenty-First Centuries – Part 1*

AvtobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture was founded in 2011 as part of the research project *The Refraction of the Self. Autobiographical Forms and Genres and Memoirs in Russian Culture of 19th and 20th C.*,¹ funded by the University of Padua and led by Claudia Criveller. It was the first academic project to be entirely devoted to the study of auto/biographical writing in Russian culture. A team of eighteen scholars – from Russia, Italy, France, the UK and Austria and specializing in several areas of Russian studies – was created to work on different aspects of Russian auto/biographical writing over the centuries. During the first meeting of the research team, Criveller and Andrea Gullotta, the research fellow hired for the project, proposed creating an international journal to root this field of study in the international academic communi-

¹ More detailed information about the project is available at the project's website (Refractions n.d.).

ty of scholars. The proposal was endorsed by the research team, and most of its members decided to become part of the editorial board. At the same time, several internationally renowned scholars agreed to become part of the advisory board of the journal. In 2012 the journal's first issue was published: it contained the articles derived from the papers presented at the first of the two conferences of the project.

AvtobiografiЯ over time grew more structured and became a reference point for the scholarly community for what concerns the study of auto/biographical writings in Russian culture. The growing interest in Russian auto/biographical studies both in Russia and abroad has testified for the timeliness of the journal;²

² Of the many projects and initiatives in the field of Russian Life Writing, the *Nauchno-uchebnaia gruppа mezhdistsiplinarnykh issledovaniĭ avtobiografii* [Research Group for Interdisciplinary Studies of Autobiography] of the Higher School of Economics (HSE) led by Yuri Zaretsky and Elena Karpenko deserves

yet, the vast majority of studies published elsewhere on Russian Life Writing seem to ignore the Western tradition of auto/biographical scholarship (and some terms now rooted in that tradition have not even been ever mentioned with regards to Russian texts and authors).³ Concurrently, Western scholars still lack the necessary knowledge and access to the Russian tradition of auto/biographical studies.

For this reason, while reflecting upon the work done in the first decade, the editors of the journal decided to focus again on what was felt to be one of the most important promises of the journal, i.e., that of becoming a

mention for its longstanding contribution to the study of Russian auto/biography. While the group is no longer formally active, its page on the website of the HSE is still available (HSE n.d.) and its Facebook page is still active (Gruppa n.d.). Of interest are also a series of social projects which were centered on the recovery and holding of egodocuments (diaries, autobiographies, biographies) – apart from the projects of Memorial and the Sakharov Centre, of particular interest are Prozhito (Prozhito n.d.) and Bessmertnyi barak (Bessmertnyi barak n.d.)

³ Just to quote an example, the whole area of disability studies, which in western academia is thoroughly investigated as part of the study of Life Writing, is not considered in Russian studies a part of auto/biographical studies.

theoretical bridge between the Russian and western traditions of investigation of auto/biographical texts. The original plan aimed to launch a series of conferences throughout the second decade of the journal's existence devoted to studying Russian auto/biography from a broader perspective and publishing collective volumes derived from these conferences. These volumes, in the editors' intention, had the potential to become reference points for the academic community for what concerns the study of Russian auto/biographical texts. The authors who were invited to the conferences and collected volumes had the task of opening new perspectives for scholarly research studies and/or diversifying the approaches implemented to study Russian Life Writing, drawing from both the Russian and Western auto/biographical studies' traditions.

The first conference and volume were devoted to twentieth and twenty-first-century Russian autobiographical writing. For this purpose, the editors invited two of the scholars who had most enthusiastically supported the work of the journal since its creation, Marina Balina and Evgeny Dobrenko. Work started for the

newly formed team right away: after the choice of topics and selection of authors of the papers/chapters, and after the entire editorial team of scholars was formed, work started for both the organization of the conference and the preparation of the volume. The plans were abruptly interrupted by the invasion of Ukraine perpetrated by the Russian army on 24 February 2022. The new scenario caused far too many obstacles to realize the original plan, which was eventually abandoned. Still, the organizing team felt that some of the work done needed to be salvaged, albeit in a different form from the originally planned one. As a result, it was decided to publish some of the articles initially intended to be included in the collected volume in two separate special issues of the journal, the first of which comprises the three articles presented in this 2023 issue.

In the first article of the cluster, Leona Toker – having devoted part of her career to the study of Gulag literature – turns her focus from the repressed to the non-repressed. The author of seminal works such as *Return from the Archipelago. Narratives of Gulag Survivors* (Toker 2000) and *Gulag Literature and the Literature of Nazi Camps: An Inter-*

contextual Reading (Toker 2019) analyses the memoirs written by four authors who escaped the purges during the Great Terror and wrote about those times of repression. While the memoirs of Il'ia Ehrenburg and Nadezhda Mandelstam are widely studied and analyzed, the texts of Emma Gershtein and Raissa Orlova are less known even among specialists. Toker analyses them comparatively and brings to the surface not only their interconnections (for instance, the author analyses how Gershtein integrates Mandelstam's text), but also their commonalities against the backdrop of what Lidiia Ginzburg called “points of compatibility” (Ginzburg 2011: 281–82), i.e. aspects of Soviet life that the memoirists, even if harsh critics of the Soviet reality, agreed with or made compromises with. Thus, Toker offers a new perspective on life writing about the Great Terror and provides a model for further work on similar texts about the era of the “elitecide”, as Toker puts it.

In the second article, Maria Mayofis provides a groundbreaking analysis of the memoirs cycle *Story of a Life* by Konstantin Paustovskii by reading it through the lenses of Jens Brockmeier's notion of “memory episteme” (Brockmeier 2015) as

well as Karl Mannheim's concept of "historical generations" (Mannheim 1952: 276–320). In Mayofis's view, these concepts allow us to have a more nuanced understanding of the receptive context of Paustovskii's memoirs as well as of their interactions with the socio-cultural context. Mayofis reconstructs a series of memory epistemes (which she defines as "the whole of local and societal practices, technologies, and objects of remembering and forgetting; the ideas, concepts, and theories about what it is and what people do when they remember and forget; and the values and norms that regulate, within a given community or political system, which memory stories are permissible and which are not and hence ought to be excluded and prohibited"), such as the "Restoration of the Lost World" or "requiring the portrayal of a human as part of and alongside Big History, not just as a backdrop, but with active participation in memorable historical events", and provides an analysis of how the publication of Paustovskii's memoirs occurred within these epistemes, which influenced the reception of Paustovskii's relationship with the changing context in which they were published.

The last article of the cluster provides a refreshed perspective on a thoroughly studied subject, i.e. that of Russian women's writing.⁴ Basing her work on a solid tradition of studies on women's writing both in the Anglo-Saxon and Russian contexts, Irina Savkina proposes a detailed analysis of twelve "egotexts" (as Savkina puts it) written in Russian by women in different ages with the specific aim of identifying their gender-specific characteristics. Through a varied spectrum of texts written by women from different eras and backgrounds – from renowned to scarcely accessible texts, from officially-sanctioned Soviet writers to Soviet dissidents, from late nineteenth-century students to 1990s feminists – Savkina outlines different specifically gendered modes and variants of autobiographical writing, thus providing an entirely renewed idea of gender writing based on textual analysis.

These three contributions will be complemented by the articles of the second part of this special issue, which will be published in the 2024 issue of *AvtobiografiЯ*. Altogether, they will provide a body of research aimed at start-

⁴ Among the many works devoted to the topic, see Barker, Gheith 2002.

ing new lines of scholarship on
twenty and twenty-first –
centuries Russian autobiograph-
ical writing.

Bibliography

Barker, Gheith 2002: Barker, Adele Marie and Jehanne M. Gheith. 2002. *A History of Women's Writing in Russia* (Cambridge: Cambridge University Press)

Bessmertnyi barak n.d.: 'Bessmertnyi barak'. n.d.

< <https://bessmertnybarak.ru/> > [accessed 30 December 2023]

Brockmeier 2015: Brockmeier, Jan. 2015. *Beyond the Archive: Memory, Narrative, and the Autobiographical Process* (Oxford; N.Y.: Oxford University Press)

Ginzburg 2011: Ginzburg, Lidiia. 2011. *Zapisnye knizhki. Vospominaniia. Esse* (Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPB)

Gruppa n.d.: 'Gruppa mezhdistsiplinarnykh issledovaniï avtobiografii'. n.d.

< <https://www.facebook.com/groups/1548871545438490> > [accessed 30 December 2023]

HSE n.d.: 'Nauchno-uchebnaia gruppa mezhdistsiplinarnykh issledovaniï avtobiografii'. n.d.

< <https://phc.hse.ru/autobio/> > [accessed 30 December 2023]

Mannheim 1952: Mannheim, Karl. 1952. 'The Problem of Generations'. In: *Essays on the Sociology of Knowledge*, ed. by Paul Kecskemeti (London: Routledge and Kegan Paul), 276–320

Prozhito n.d.: 'Tsentr Prozhito'. n.d.

< <https://prozhito.org/> > [accessed 30 December 2023]

Refractions n.d.: 'La rifrazione del sé: forme e generi autobiografici e memorialistici nella cultura russa del XIX e XX secolo'. n.d. < <http://www.maldura.unipd.it/rifrazionedelse/en/> > [accessed 30 December 2023]

Toker 2000: Toker, Leona. 2000. *Return from the Archipelago. Narratives of Gulag Survivors* (Bloomington: Indiana University Press)

Toker 2019: Toker, Leona. 2019. *and the Literature of Nazi Camps: An Intercontextual Reading* (Bloomington: Indiana University Press)

Леона Токер

Выигравшие лотерею: Сталинский период в воспоминаниях современников-свидетелей

Winners of the Lottery: The Stalin Period in the Memoirs of Contemporaries

The article deals with the ways in which the memoirs of Il'ia Ehrenburg, Nadezhda Mandelstam, Emma Gershtein, and Raisa Orlova testify to their authors' life during the Stalinist terror and to the fates of their contemporaries who fell victim to persecutions. Ehrenburg compared his having avoided arrest during the years of terror to having drawn a lucky lottery ticket: indeed, though each of the four memoirists took various measures to escape repression, a great deal depended on sheer luck.

The article focuses on the areas where the memoirists concurred with the ideology of the Soviet system. These are issues that Lidiia Ginzburg called 'areas of identification' or 'points of compatibility', that is, aspects of the Soviet reality with which even the critics of the regime consented, feeling a genuine inner need to cultivate such consent. Ehrenburg alternates his spare account of the Great Terror with that of his struggle against fascism and his participation in the Soviet promotion of the international peace movements: he had, as it were, to choose his fights (though he downplays the wisdom of his conduct during the antisemitic campaign of Stalin's last years). The memoirs of Nadezhda Mandelstam, whose canonical status has recently been undermined, and of her former friend Emma Gershtein, likewise not immune to criticism, take the position that it is the duty of intellectuals to maintain cultural treasures through the worst of times. By contrast, the memoirs of Raisa Orlova are a puzzled soul-searching confession of a former committed Stalinist who eventually shed her dogmatic beliefs and became a dissident.

В 1962-ом году, том самом от-
тепелном году, под конец ко-
торого выйдет *Один день из
жизни Ивана Денисовича*, в
журнале *Новый мир* началась
публикация воспоминаний
Ильи Эренбурга *Люди, годы,
жизнь* – одно из самых значи-
тельных литературных собы-

тий хрущевского периода. Это
произведение во многом зада-
ло жанровые формы последу-
ющим мемуарам: его черты –
фрагментарность (на которую
указывает само название), не-
линейность (сочетание хроно-
логии общего хода с тематич-
ностью отдельных глав), и

общее направление на восстановление справедливости по отношению к людям, которых автору посчастливилось встретить на своем пути – будут повторяться и в более поздних интеллектуальных мемуарах. Сквозь всю книгу – то в открытой форме, то подспудно – будет повторяться исповедальная тематика, сконцентрированная на роли и месте автора в период репрессий.

Перу Эренбурга принадлежит ставшая легендарной формулировка “выиграть лотерею”. Уже в первой главе воспоминаний Эренбург пишет: “Я выжил – не потому, что был сильнее или прозорливее, а потому, что бывают времена, когда судьба человека напоминает не разыгранную по всем правилам шахматную партию, но лотерею” (Эренбург 2005, I: 7). Эренбург был прозорливее многих (ведь и лотерейный билет надо приобрести), но лишь выдержки и такта не было бы достаточно. Помогла и полезность Эренбурга сталинской политике; помогла и случайность – внезапная смерть тирана.

В этой статье рассматриваются воспоминания о сталинских десятилетиях в книгах четырех свидетелей, которые не были сами арестованы во вре-

мена так называемого культа личности, но наблюдали его влияние на свою жизнь и жизнь современников: Ильи Эренбурга (1891–1967), Надежды Мандельштам (1899–1980), Эммы Герштейн (1903–2002), и Раисы Орловой (1918–1989). Их свидетельства приняли форму *воспоминаний*, а не *автобиографий*: в советской действительности жанр *автобиографии* зачастую обретал отрицательные бюрократические коннотации. В мемуарах и автобиографиях обычно сочетаются, в разных пропорциях, сведения трех видов: личное, частное и общеисторическое. Суть *частного*, в отличие от личного (см. Токер 2000), состоит в *допуске* к сферам, в которые вхожи немногие; свидетели чувствуют обязанность рассказать о том, что они увидели и поняли благодаря своей близости к значительным событиям и людям.

В 1979 г. Лидия Гинзбург отметила потребность советской интеллигенции в “точках совместимости” (Гинзбург 2011: 281–282) с режимом¹ (можно

¹ См. подробное обсуждение эссе *Поколение на повороте* (276–284) и *И заодно с правопорядком* (285–296) как частей интеллектуальной биографии Лидии Гинзбург в статье Джейн Харрис (Harris 2003). См. также Зорин 2010.

добавить: и с доминирующими общественными тенденциями). Такое явление известно в разных формах политической организации общества: и теперь, например, консервативно настроенные западные интеллектуалы рады возможности выразить такие убеждения, которое они со спокойной совестью могут разделить с так называемым прогрессивным течением – например, противостояние расизму. Контуры темы сталинских репрессий в мемуарах связаны с местонахождением точек совместимости с политикой СССР и особенностями их перемещения.

1

В той же первой главе воспоминаний Эренбург предполагает (ошибочно), что его эпоха оставит мало показаний, потому, что люди его поколения “слишком часто бывали в разговоре с нашим прошлым, чтобы о нем хорошо подумать” (Эренбург 2005, I: 7–8). “Разговор с прошлым” — это метафора чувства вины и травмы выживания. Как отметил в своей рецензии литературовед Виктор Эрлих² (Erlich 1963: 17–

² Эрлих, профессор Йельского Университета, автор влиятельной книги

18), Эренбург объясняет свой удачный “лотерейный билет” умением молчать, но не может избежать подозрений в более активной стратегии выживания в период культа личности — “спонтанного” обличения жертв и славословия палачу. Среди многомиллионного общества переживших ГУЛАГ нашлись и люди, обвинявшие Эренбурга в личном предательстве путем доноса, во что автору этих строк трудно поверить³. Но славословие пала-

о русском формализме, внук убитого гитлеровцами историка Шимона Дубнова и сын Генриха Эрлиха, погибшего в сталинском застенке в 1942 г. руководителя еврейского социалистического объединения Бунд. В том же 1942 был расстрелян, явно по указу Сталина, и Виктор Альтер, соратник Генриха Эрлиха.

³ В пятой главе первой книги Эренбург пишет что он “пронес через всю жизнь отвращение к фискалам, или, говоря по-взрослому, к доносчикам” (Эренбург 2005, I: 30). Однако, как писал Варлам Шаламов в статье *Вторжение писателя в жизнь*, произвольным доносом может стать книга: в романе *День второй* (1934) имя и фамилия героя, воплощающего проблематичное мироощущение, Володя Сафонов, слишком явно указывает на его прототип, Владимира Сафронова, которого Эренбург встречал в Томске. В 1935 году Сафронов был арестован и сослан на три года; в последствии, пишет Шаламов, “Прототипа’ забирали при каждой кампании, ‘дело’ следовало за ‘делом’, срок за сроком. Следствие,

чу со стороны Эренбурга в самом деле было. Впрочем, на такой компромисс пошли, с меньшим успехом, даже Осип Мандельштам и Анна Ахматова⁴. Если что-то и отличает

тюрьма и лагерь надломил здоровье сибиряка” – Шаламов и сам был таким “повторником”. В контексте своих радужных заблуждений Эренбург оказался неосторожным, но, добавляет Шаламов, “ни один мудрец не мог бы предугадать изобретательность и моральные пределы слуг государства конца тридцатых годов” (Шаламов 2013).

⁴ Ахматова решилась на такой шаг из-за опасности, которой подверглась ее арестованный сын. С другой стороны, мандельштамовская *Ода* Сталину не была просто вымученной попыткой искупить “преступление” 1934-го года – стихотворение *Мы живем, под собою не чуя страны*, так называемую *Сталинскую эпиграмму*. В своем исследовании связей *Оды* со *Стихами о неизвестном солдате* (“о вожде, который дает имя эпохе, и о бойце, который погибает безымянным”, Гаспаров 1996: 10) Михаил Гаспаров приходит к выводу об искренности попытки Мандельштама прославить Сталина (Г. Морев объясняет изменение отношения поэта к тирану от эпиграммы к *Оде* ложным убеждением о том, что Сталин прочел его эпиграмму и “простил” поэта за нее). Как показывает Олег Лекманов (Лекманов 2015), язык *Оды* пронизан идиоматикой и топосами хвалебной поэзии Сталину в печати 1930-х годов. Но вряд ли Сталину понравилось бы это сложное стихотворение, помодернистски открытое множеству прочтений, часто противоречащих друг другу. О чувствительности ста-

воспевание Эренбургом Сталина как ответственного “кормчего” в 1949 г. – это моменты совпадения требуемого с тем, что действительно внутренне переживалось: самые страшные идеологические эксцессы вырастают из слияния “официального заказа” с личной предрасположенностью – в данном случае связанной с потребностью верить в мудрость вождя и системы. Эренбург был долгое время заражен такой верой – на фоне страха, тоже “подпитывавшего” его пафос, никого в то время не удивлявший. Во время работы над мемуарами многие из его заблуждений уже остались в прошлом, но ясность оставалась неполной, а “участки тождества” (Гинзбург 2011: 292) приняли форму пропагандистских мероприятий “борьбы за мир”, верности системе при разочаровании в правителях, и остаточного энтузиазма по отношению к “социалистическому” строительству.

В 1934-ом году, вернувшись из Парижа в СССР для участия в Съезде писателей, Эренбург поехал с дочерью на север. В

линских ставленников в литературе к нестандартной, многозначной лексике, см. Тименчик 2014.

четвертой части воспоминаний он пишет:

Я побывал на запанях, где люди, стоя на плотях, баграми подбирали стволы сосен и елей. Запань порой скрипела, – казалось, сейчас она поддастся и лес вырвется к морю; но люди работали день и ночь. Стволы вязали; буксиры везли плоты в Архангельск; там дерево грузили на суда – английские, норвежские, шведские. Это была валюта, на нее покупали оборудование заводов.

Я подолгу разговаривал с рабочими, с юношами и девушками, недавно приехавшими из деревень. Не только лес растет неровно, но и люди. Я видел рабочих, которые на досуге сидели над учебниками математики, читали стихи, мучительно переживали трагедию немецких коммунистов; видел равнодушных, ловкачей, мошенников (Эренбург 2005, II: 46).

Эренбург видел и косность бюрократов и лишения крестьян, но не видел лагерей, все плотнее покрывающих рос-

сийский Север. Он не знал или не помнил, что сплав леса всего лишь за четыре года до его поездки осуществлялся руками заключенных – и лишь опасность бойкота советской экспортной древесины заставила власти заменить заключенных свободными поселенцами (переведя эков в основном на работы по инфраструктуре). Проблему незамеченного или несказанного Эренбург подменяет темой контрастов:

[...] просматривая старые комплекты *Красной нови*, я случайно попал на такие строки: “Эренбург видит мир в контрастах. Это свойство его глаза” [...] Я задумался: правда ли, что у меня особые глаза, с которыми нужно идти если не к глазнику, то к психиатру?.. Да, я часто восхищался, часто и сердился, хмурился, веселел. Однако, разговаривая с другими людьми, видел, что и они одно хвалят, другое ругают. Дело, пожалуй, не в моих глазах, а в эпохе – на контрасты она не скупилась (Эренбург 2005, II: 46–47).

Это признание не меняет дела: от самых страшных аспек-

тов советского строя Эренбург отводит глаза. В записных книжках за 1956 год (когда уже не было смертельно опасным предавать такие мысли бумаге), Лидия Гинзбург пишет, что Эренбургу “дозволялась, даже вменялась в обязанность легкая фрonda и тогда, когда всем дозволялось одно чистое подхалимство” (Гинзбург 2011: 419–420). Эта благоверная фрonda⁵

[...] состоит в том, что на сцену выводятся легкие тени зла. В *Девятом вале* вернувшийся с фронта еврей вдруг, изумленный и потрясенный, обнаруживает существование антисемитизма (представленного подвыпившим дворником). И тут же друзья успокаивают его: действительно, есть некоторые отсталые элементы; на них лучше не обращать внимания. Евреи, читая, восхищались. Что ж, тогда и это было важно – сказать слово, ставшее непроизносимым, именно для того, чтобы невозбранно

⁵ Со слов других, Гинзбург – на мой взгляд, несколько несправедливо – называет это явление “подхалимствующей фрндой” (Гинзбург 2011: 419).

могло совершаться дело. Но о делах страшных и кровавых врать с такой ужимочкой мог только неписатель. Только у неписателя нет внутреннего сигнала “Не трогать!” – для некоторого рода вещей, когда о них нельзя сказать правду. Теперь то же самое он проделывает со старичком, семнадцать лет просидевшим в концлагере [в романе *Оттепель*]. Антисемитизм есть, но носители его – подвыпившие дворники. В лагерях сидели, но из них выходили с девственным мировоззрением. Хороших художников еще зажимают, но народ, никогда не видевший ничего, кроме герасимовщины или репродукций с Шишкина и Айвазовского, с первого же взгляда понимает и принимает новое искусство [...] (Гинзбург 2011: 420)

Гинзбург проводит линию преемственности между романом, написанным во время террора, и *оттепельным* романом: прозорливая осторожность Эренбурга превратилась в его постоянный художественный метод, в некоторой

мере объясняющий даже структурные особенности его произведений⁶, в том числе мемуаров.

Книга *Люди, годы, жизнь* сочетает крупноплановую хронологичность с главами, родственными жанру эссе. Эренбург объясняет фрагментарность изложения нежеланием сочинять связи: “Я не собираюсь связно рассказать о прошлом — мне претит мешать бывшее в действительности с вымыслом” (Эренбург 2005, I: 10). Эти слова можно прочесть и как оправдание умолчаний. Нелинейность нарратива дает автору дополнительные степени свободы. Распределяя главы в соответствии с основными стадиями своей жизни, Эренбург создает как бы естественные условия для рассказов о людях, которых встретил или с которыми сблизился на разных этапах. Черты жанра эссе позволяют ему забегать в будущее, упоминать гибель этих ярких личностей – Владимира Антонова-Овсеенко, Марселя Розенберга, Михаила Кольцова, Лоти (Давида Оскаровича Львовича), Владимира Горева, Соломона Михоэлса и многих других – с тяжелой ру-

⁶ О мастерстве Эренбурга в деле внедрения в текст тематики и деталей, неудобных цензуре, см. Tokar 2013.

ки Сталина или когда “лесорубы выполняли, перевыполнили какую-то дьявольскую норму” (Эренбург 2005, II: 121), имея в виду печально известную поговорку, распространенную во времена Большого Террора — “лес рубят – щепки летят”. Если отсутствие деталей о мученичестве всех этих людей можно считать частью общей установки Эренбурга на показ лишь “тени зла”, это же умолчание оправдано и акцентом на свидетельстве из первых рук, а также некоторым полуинтимным доверием к читателям, которые и сами должны знать, понимать и помнить (в настоящем или в будущем). Каждое имя, каждый намек – это зацепка, заломка, открытый вопрос, основа для будущих ссылок и сравнений.

С другой стороны, рассказы о судьбах людей перемежаются главами о деятельности Эренбурга за границей. В самые страшные годы террора он мог отвлечься от ужаса происходящего при помощи своих загранпоездки. Возвращаясь в СССР, в эти же страшные времена он тешился ростом образования и культурных потребностей всё более широких слоев населения – пока не столкнулся с массовым антисемитизмом на рубеже 1952–

1953 годов. Даже тут у него нашлись объяснения (с аллюзией на Паскаля): “Я говорил, что наш народ духовно вырос; но и мыслящий тростник порой перестает мыслить; можно быть философом и все же огорчиться, если кошка перебежит дорогу” (Эренбург 2005, III: 275).

Основной “участок тождества” Эренбурга со сталинской политикой состоял в противостоянии фашизму. Из двух довоенных зол гитлеровский фашизм был бóльшим. Эренбург вспоминает слова Жан-Ришара Блока после издания сталинского антилиберального закона о семье и браке в 1944 г., “Теперь война, не стоит об этом задумываться” (Эренбург 2005, II: 415).

Жан-Ришар Блок не желал воевать на двух фронтах – как после войны на двух фронтах действовал Давид Руссе, клеймивший Бухенвальд (в 1946 г. он выпустил во Франции книгу *Концентрационный мир*), но сражавшийся и против все еще действующих советских лагерей. Эренбург, несомненно, стремился избежать ареста, особенно в 1937 г. Его статус корреспондента газеты *Известия* в Париже защитил его от излишней видимости в Москве. Впоследствии, во времена, когда, по

словам Лидии Гинзбург, “лотерея” уступила место “очереди” (Гинзбург 2011: 285), страх стареющего писателя был менее интенсивным. Надежда Мандельштам пишет: “Я готов ко всему”, – сказал мне Эренбург, прощаясь в передней. Это была эпоха дела врачей и борьбы с космополитизмом, и его черед надвигался” (Мандельштам 1970: 122).

Эренбург отмечает, что 1948-й был самым тяжелым годом его жизни. Его работа с Василием Гроссманом над *Черной книгой* требовала душевных сил, а запрещение ее издания на русском языке накануне публикации – в 1947 г. – стало для него одним из первых признаков поворота в политике властей, перехода к практически открытому антисемитизму. Еще во время войны Эренбург узнал о массовом убийстве евреев в его родном Киеве⁷; освещая Нюрнбергский процесс, он узнал гораздо больше, но пути и цели его собственной деятельности как военного корреспондента и антифашиста были ясны. В 1948 г. его духовным якорем было созданное при поддержке советского руководства Движение

⁷ О стихах Эренбурга и других советских поэтов о Бабьем Яре см. Clowes 2005.

сторонников мира, а новая волна террора заставляла его кривить душой, хоть и не беспредельно. О своих волнениях он рассказывает скупно; о том, что увиливал в ответах на вопросы иностранных журналистов, говорит не прямо, а цитируя “нападки” подозревающих его в умалчиваниях.

Сталинский антисемитизм был для Эренбурга неподвижным ударом, расшатывающим устои. Вскоре после энтузиастического приема, с которым московские евреи встретили посланника Израиля в СССР Голду Меир (книга *Люди, годы, жизнь* не упоминает об этом эпизоде), Эренбург публикует в *Правде* статью, которую многие евреи ему не простили. Переживания, связанные с этой статьей, в мемуарах не описываются; цитируется только общеидеологическая часть ее содержания, и внимание читателя сразу переносится на сталинский элитоцид:

В сентябре 1948 года я написал для “Правды” статью о “еврейском вопросе”, о Палестине, об антисемитизме [...] Мне сказали, что статью послали Сталину и он её одобрил. А несколько месяцев спустя (потом я

понял, что это было по его указанию) закрыли Еврейский антифашистский комитет, газету “Эйникайт”, издательство, разбросали набор “Чёрной книги”. Первым эшелонам жертв стали писатели, писавшие на идиш, – Перец Маркиш, Квитко, Бергельсон, Фелфер и другие (Эренбург 2005, III: 121–122).

“Для ‘Правды’” в этом случае могло значить по предложению редакторов *Правды* (см. Stupples 1977: 20): статья была официальным заданием. Основываясь на словах Менахема Флаксера, беседовавшего с Эренбургом в Париже в 1962 г., биограф Эренбурга Джошуа Рубинштейн допускает, что к Эренбургу обратились Каганович и Маленков с просьбой написать статью, предупреждающую советских евреев не связывать свою судьбу с Израилем. Михоэлс был убит за несколько месяцев до этого: Эренбург уже понимал подозрительность Сталина по отношению к евреям – как и ко всякому советскому гражданину, желающему жить в другой стране, но в случае евреев эта подозрительность была усилена личным антисемитизмом диктатора. Длинную

статью Эренбурга, занимавшую целую газетную полосу, сегодня можно прочесть как попытку предупредить советских евреев, что мечта об эмиграции в Израиль (на подобие послевоенной репатриации польских граждан) бесплодна и что на “родине мирового пролетариата”, в отличие от капиталистических стран, так называемый еврейский вопрос решается ленинским интернационализмом. Многие евреи, однако, не пожелали понять намек (Rubenstein 1996: 256–262).

В конце 1952 г. началось “дело врачей”, усилился антисемитизм и верхов, и низов, и в начале 1953 г. распространились слухи о предстоящем вывозе всего еврейского населения на Дальний Восток; приводилась даже дата – 15 мая (см. Орлова 1993: 204)⁸. Мужество Эренбурга, выразившееся в отказе подписать письмо, требующее депортации евреев из Европейской части СССР как бы для их защиты от гнева

⁸ В данное время историки считают план вывоза евреев недоказанным (даже Джошуа Рубинштейн отошел от своей прежней уверенности в правоте этого слуха). Однако мое поколение не может усомниться в их достоверности: наши родители, не сговариваясь, рассказывали о слишком большом количестве признаков надвигающегося вывоза.

населения (даже Василий Гроссман подписал это письмо), было осознанным – он хорошо понимал, что ставилось на карту⁹. Его страх не был страхом смерти: “[...] я испытывал страх не на фронтах, не в Испании, не при бомбежках, а в мирной обстановке, когда ждал звонка или стука и дверь” (Эренбург 2005, I: 331). В 1930-х годах бомбежка в Испании была духовным пристанищем от новостей, поступающих из Москвы. Эренбург замалчивает и один из наиболее героических эпизодов своей жизни:

Я пропускаю рассказ о том, как пытался воспрепятствовать появлению в печати одного коллективного письма. К счастью, затея, воистину безумная, не была осуществлена. Тогда я думал, что мне удалось

⁹ Вспоминая о пребывании в дореволюционной тюрьме (как и полагается русскому либеральному интеллигенту), Эренбург пишет: “В общем, и тюрьма – хорошая школа, если только тебя не секут, не пытаются и, если ты знаешь, что посадили тебя враги и что о тебе дружески вспоминают единомышленники” (Эренбург 2005, I: 55). Эти три условия отсутствовали в тюрьмах сталинского террора – еще один пример намека, “тени зла”, в текстах Эренбурга.

письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось и Сталин не успел сделать того, что хотел. Конечно, эта история — глава моей биографии, но я считаю, что не настало время об этом говорить [...] (Эренбург 2005, III: 277)

О драме ночного вызова Эренбурга в редакцию *Правды*, когда на требование подписать коллективное письмо он ответил контртребованием передать Сталину личное письмо, которое он тут же напечатал на машинке, расскажут другие (например: Rubenstein 1996: 272–276). В письме Эренбург выражал озабоченность в том, что коллективное письмо еврейских деятелей культуры может разжечь антисоветскую кампанию на Западе и как бы просил совета Сталина. “Дело замешкалось”, пишет Эренбург – было бы нескромно говорить, что замешкался Сталин. Через несколько дней Сталин умер от инсульта. У не живших во времена репрессий нет права упрекать писателя в излишней осмотрительности во время страшных валов террора, однако он сам оставался “в размолвке со

своим прошлым”, как часть интеллигенции, выигравшей лотерею, предварительно купив билет. Одним из оправданий его стратегии “совместимости” была мысль о том, что кто-то должен остаться, чтобы рассказать о произошедшем новым поколениям, если такая возможность представится. По мере того, что дозволялось в ранние шестидесятые годы, книга *Люди, годы, жизнь* была исполнением и оправданием этой надежды. И действительно, из воспоминаний Эренбурга широкие массы советских читателей впервые услышали имена многих западных модернистов и многих затравленных советских художников и писателей. В наши дни, более трех десятков лет после начала “гласности”, ныне прекращенной, формула “возвращенные имена” давно превратилась в клише (и подлежит защите от снобского презрения и цинизма), но в шестидесятые годы прошлого столетия она вдохновляла духовное развитие новых поколений. Влияние Эренбурга прослеживается, хотя и косвенно, в гораздо менее сдержанных *Воспоминаниях* Надежды Мандельштам, ходивших в Москве из рук в руки в конце того же шестого десятилетия и выпущенных в там-

издате в 1970 г., хотя общие черты этих книг – цитаты на всю жизнь запомнившихся слов собеседников (в отличие от искусственных диалогов), горькие парадоксы, твердые (до афористичности) окончания абзацев, сочетание прожеженной хронологической канвы с главами типа эссе – объяснимы и мерой общности в их восприятии литературно-свидетельского долга их эпохи.

2

“Сейчас моя выдержка и самодисциплина ослабели”, иронически отмечает вдова поэта Осипа Мандельштама; “[...] пишу эти страницы, хотя нам объяснили, что вспоминать те годы надо умеючи. Единственная разрешенная форма подобных воспоминаний – показ того, что человек в любых условиях остается верным строителем коммунизма и умеет отличать главное – нашу цель – от второстепенного – своей собственной искаленной и растоптанной жизни. О правдоподобии этой концепции не позаботился никто” (Мандельштам 1970, 305)¹⁰. Ис-

¹⁰ Большинство цитат в данном разделе относятся к первой книге воспоминаний Надежды Мандельштам (Мандельштам 1970).

кренность *Воспоминаний* и их недопустимость в доперестроенной печати связаны с полным отвержением этого трафарета.

Общую структуру этой книги описывает Варлам Шаламов:

Хронологическая канва, переплетенная то с историко-философскими экскурсами, то с бытовыми картинками, то с пронзительными, отчетливыми и верными портретами, – в которых нет ни тени личной обиды. Вся рукопись, вся концепция рукописи выше личных обид и, стало быть, значительней, важнее. Полемические выпады сменяются характеристиками времени, а целый ряд глав по психологии творчества представляет исключительный интерес по своей оригинальности, где пойманы, наблюдаются, оценены тончайшие оттенки работы над стихом. Высшее чудо на свете – чудо рождения стихотворения – прослежено здесь удивительным образом (Шаламов 2004: 734–735).

Мысль о “чуде рождения стихотворения” как об онтологическом событии проходит и в рассказе *Шерри-бренди* самого Шаламова, который Надежда Мандельштам слышала на вечере, посвященном Мандельштаму на мехмате МГУ в 1965 г. В этом рассказе, в сознании умирающего поэта рождаются новые стихи: их нет возможности записать, и их существование остается лишь в непостижимой поэтической сфере¹¹.

Книги Надежды Мандельштам связаны тематикой “чисто советского искусства хранения опасных рукописей” (Мандельштам 1987: 7): она записывала, переписывала, прятала, распределяла, увозила, запоминала наизусть стихи мужа, вначале помогая их становлению (Мандельштаму творческое уединение было противопоказано) а впоследствии –

¹¹ Надежда Мандельштам пишет: “У меня создалось ощущение, что стихи существуют до того, как они сочинены [...] Весь процесс сочинения состоит в напряженном улавливании и проявлении уже существующего и неизвестно откуда транслирующегося гармонического и смыслового единства, постепенно воплощающегося в слова” (Мандельштам 1970: 75). Такая концепция поэтического процесса, описанная французскими философами Рибо и Бергсоном, была свойственна и Владимиру Набокову.

заботясь об их доступности. В статье, посвященной художественным особенностям ее мемуаров (метонимичность, ритм, нюансы позиции), Чарльз Айзенберг замечает, что ради интерпретации деталей текстов Достоевского читатель вряд ли обратится к мемуарам его вдовы, тогда как воспоминания вдовы Мандельштама, вписывающие его в историю поэтического сознания, стали необходимым источником изучения его наследства (Isenberg 1990: 193). *Воспоминания* начинаются с удара: “... Дав пощечину Алексею Толстому, О. М. немедленно вернулся в Москву” (Мандельштам 1970: 7)¹². Без предисловий автор вводит читателя в кризисный период, подразумевая, что гонения, приведшие Мандельштама к отчаянному скандалу, общеизвестны. В первой же главе, в

¹² Шок, если верить Эмме Герштейн, был состоянием самой Надежды Яковлевны в начале работы над *Воспоминаниями*: “Начав писать свою первую книгу, Надя очутилась как бы в состоянии шока. Она погрузилась в свою ушедшую жизнь с Осипом Эмилевичем, постепенно по ступеням переживая все ее повороты. Это было беспощадное вживание в, казалось бы, забытую жизнь, а в действительности лишь временно отодвинутую вглубь. Не сразу к ней вернулось понимание сущности их совместной жизни” (Герштейн 2002: 584).

мае 1934-го г. (т.е. еще до убийства Кирова), НКВД вторгается в жизнь поэта – в присутствии жены и Анны Ахматовой, приехавшей его спасти¹³. В почти хронологическом порядке, но с тематическими отступлениями, описываются дальнейшие этапы – следствие, ссылка на три года в Чердынь, замена места ссылки Воронежом, сложная жизнь в Воронеже, мытарства по возвращении в Москву, западня в санатории в Саматихе, повторный арест Мандельштама в 1938-м, его смерть в пересыльном лагере под Владивостоком, противоречивые рассказы бывших заключенных о его последних неделях, бегство Надежды из временных мест пристанища, где над ней собирались тучи. Как Шаламов, повествуя о лагерях, Надежда Мандельштам начинает с самого главного, как бы спеша рассказать, пока жива и не в тюрьме. Впоследствии, во *Второй Книге* (1972) и в посмертно выпущенной *Книге третьей* (1987), заполнятся пробелы.

В *Воспоминаниях* рассказ о четырех последних годах жизни Мандельштама дополняется

¹³ См. исключительно интересную интерпретацию первого абзаца *Воспоминаний* в статье Г. Фрейдина (Freidin 1982: 422–423).

наблюдениями над культурологическими явлениями во времена репрессий. Точки совместимости Надежды Мандельштам, тогда еще – Хазиной, были в основном в первые годы революции. Во *Второй книге* она признаётся в левых настроениях своих юных лет; теперь она называет их авангардистской “жеребятиной” (Мандельштам 1990: 21). Полное прозрение пришло довольно рано и не без связи с гонениями, которым подвергся Мандельштам, когда соперничество литературных течений переросло в кампании против всего чуждого соцреализму и в борьбе литературных групп вошли в употребление нелитературные средства (Мандельштам 1970: 180). Однако идея свободы – не только от классовой системы, но и от жизненных устоев прошлого – привлекала.

Более сложным является вопрос об участках тождества самого Осипа Мандельштама, которые его вдова приуменьшает, вспоминая о нем в основном как о проницательном критическом толкователе тоталитарного режима¹⁴. Димит-

¹⁴ “Авторитет книг Н. Я. Мандельштам и создаваемого ими образа были следствием не только художественного дара их автора, но и его социальной чуткости; они шли навстречу

рий Сегал (Сегал 2021: 565–566 и 652–676) отмечает, что политические симпатии Осипа Мандельштама “были на стороне молодой русской демократии, в частности эсеров, и направлены против большевиков”, но он же выявляет и амбивалентность в отношении к октябрьскому перевороту в стихотворении *Гимн*. Судя по его поведению, а не по разрозненным репликам, приводимым Надеждой Мандельштам, одной из черт режима, приемлемых для Мандельштама, была определенная “национализация” (в отличие от “приватизации”) поэтов, с вытекающими отсюда обязанностями государства по их материальному обеспечению и связи с читателем. Вскоре Мандельштам оказался не принятым в лоно и незащищенным, но его противостояние режиму в ранних тридцатых годах связано в основном не с личной обидой, а с горем над судьбой крестьянства и, по мысли Глеба Морева (Морев 2022: 76), идеологической близостью уже не столь к эсерам сколь к той части больше-

возникающему в СССР в конце 50-х годов отчетливому общественному запросу на фигуру репрезентирующую безупречное нравственное сопротивление сталинскому режиму” (Морев 2022: 12).

вистской интеллигенции (Бухарин и единомышленники), которая уже попадала в немилость, вскоре будет жестоко разгромлена и войдет в советскую историографию как “правый уклон”. По интерпретации Гаспарова, в 1937-м г. сдвиг позиции Мандельштама навстречу культу Сталина выражает отказ от противопоставления себя массам: “разночинская традиция [...] не допускала мысли, что один поручик идет в ногу, а вся рота не в ногу” (Гаспаров 1996: 88).

Даже строгое расхождение Мандельштама с режимом по вопросу о терроре болезненно смягчилось в 1937-ом. О его стихах, обращенных к сталинистке “умильного типа” (Мандельштам 1970: 194) Еликониде Поповой (*Необходимо сердцу биться*), со спокойным упоминанием смертных приговоров (Тухачевскому и другим), Надежда Мандельштам узнала уже после написания *Воспоминаний* (см. Морев 2022: 162–167)¹⁵.

В воспоминаниях Надежды Мандельштам, точки совместности интеллигенции,

¹⁵ Александр Жолковский (Жолковский 2015) интерпретирует этот эпизод биографии поэта как один из признаков его желания идти по стопам Пастернака.

особенно ее более благоустроенной части, которой “было что терять” (Мандельштам 1970: 32), более примитивны – это попытки если не оправдать аресты, то по крайней мере понять их причины в качестве урока на будущее (“Он такое себе позволял [...] Я сам слышал, как он сказал», Мандельштам 1970: 14). Арест Мандельштама она и Анна Ахматова не могли объяснить тем, “что людей берут ни за что” – стихотворение *Мы живем, под собою не чуя страны...*, особенно его первый вариант, со словами про “Кремлевского горца / Душегубца и мужикоборца”, признавалось смертоносным и до ареста. Когда в квартиру вторглось НКВД для второго обыска, по всей вероятности искали это стихотворение, не найдя его в изъятых документах – Мандельштамы хранили его только в памяти, не записывая. Кто-то другой записал и донес. “По Надиным словам, – пишет Эмма Герштейн, – у следователя был список того варианта, который был известен только Марии Петровых и записан ею одной” (Герштейн 2002: 73)¹⁶. В

¹⁶ В романе *Сталинская эпиграмма* Роберта Литтелла это указание приобретает мелодраматическое выражение: образ поэтессы Марии Петровых синтезируется с образом артист-

Воспоминаниях Надежда Мандельштам не выдвигает таких обвинений¹⁷. “Каждая семья перебирала своих знакомых, ища среди них провокаторов, стукачей и предателей” (Мандельштам 1970: 37) – иногда такие подозрения поощрялись самой Лубянкой (Мандельштам 1970: 27). Автор *Воспоминаний* знает, что и она не была от них застрахована.

Под следствием Мандельштам назвал людей, слышавших его стихотворение, чем поставил и их под удар, хотя до начала ежовщины дела ещё не открывались автоматически на всех названных в протоколе. Тем не менее, Надежду Мандельштам тревожит мысль о пре-

ки Ольги Ваксель в вымышленной актрисе Зинаиде Зайцевой-Антоновой; встав с постели Мандельштамов, Зайцева-Антонова передает текст фатальных стихов в органы (Littell 2009: 105–107).

¹⁷ Подозрения против Марии Петровых отвергаются ее сестрой и дочерью (Фигурнова и Фигурнова 2002: 164–167 и 174–181) и другими, в том числе Е. А. Ермолиным. Екатерина Петровых (сестра) приводит мнение Марии, что Сталин не знал об эпиграмме Мандельштама (ему боялись показать) и что причиной ареста (и сравнительно “вегетарьянского” первого приговора) был эпизод с Алексеем Толстым. Глеб Морев также думает, что об эпиграмме Сталин не знал, а что приговор Мандельштаму в 1934 г. он смягчил в контексте улучшения отношения к “специалистам”.

вращениях, происходивших с людьми в застенках, “за гранью”. Только после попытки самоубийства в Чердыни Мандельштам превозмог психический кризис. Но читатель *Воспоминаний* не сразу связывает размышления о безумии подследственных с поведением Мандельштама на допросах: их размещение в тексте несколько манипулятивно.

Книги Надежды Мандельштам посвящены в почти равной мере поэзии Мандельштама и общественному фону судьбы автора. Как и в мемуарах Эренбурга, здесь периодически упоминается о том, кто из собеседников “исчез”, стал жертвой репрессий. Но в отличие от мемуаров Эренбурга ее картина сталинской эпохи включает описание интеллектуального и нравственного растреления, в которое государственный террор поверг образованную часть общества и ее дискурс. Описание общественного фона часто зиждется на его языковых особенностях: “слово ‘совесть’, совершенно выпавшее у нас из обихода – оно не употреблялось ни в газетах, ни в книгах, ни в школе, потому что его функция выполнялась сначала ‘классовым чувством,’ а потом ‘пользой государства’, – сохранилось и работало ‘внутри’ [в

тюрьме]. Там постоянно угрожали подследственным ‘муками совести’” (Мандельштам 1970: 71). Словосочетания “его взяли”, “он сидит”, “его выпустили”, “его посадили” получили в русском языке новое значение”, а в строке, открывающей стихотворение Мандельштама *Еще мы жизнью полны в высшей мере...* “высшая мера” ассоциируется с советским оборотом “высшая мера наказания”, обозначавшим смертную казнь (Мандельштам 1970: 205).

Надежда Мандельштам описывает 1920-е годы не как последний аккорд Серебряного века, а как пору консолидации тирании и идеологической подготовки к элитоциду:

[...] именно люди двадцатых годов разрушили ценности и нашли формулы, без которых не обойтись и сейчас: молодое государство, невиданный опыт, лес рубят – щепки летят... Каждая казнь оправдывалась тем, что строят мир, где больше не будет насилия, и все жертвы хороши ради неслыханного “нового”. Никто не заметил, как цель стала оправдывать средства, а потом, как и полагается

в таких случаях, постепенно растаяла. И именно люди двадцатых годов начали аккуратно отделять овец от козлиц (Мандельштам 1970: 175).

По ее диагнозу, под конец этого десятилетия изменились функции сексотов. В двадцатые годы, в отсутствие институтов общественного мнения, роль таких институтов исполняли карательные органы: они “зондировали общественные круги – что там думают? – и для этой роли существовали специальные кадры осведомителей. Затем решили, что общественное мнение совпадает с государственным, и роль осведомителей свелась к регистрации фактов расхождения, из которых планомерно делали административные выводы” (Мандельштам 1970: 176). Картина состояния интеллигенции и тех, кто стремился выдвигаться из более широких слоев, патологична: “В такие эпохи текущие дела – настоящий наркотик. Нужно, чтобы их было побольше. Надо в них погрузиться” (Мандельштам 1970: 317). Но наркотика не хватает, когда людей начинают *таскать* на встречи с НКВД – для того, чтобы завербовать их, запугиванием или обещаниями, в секретные со-

трудники (по-народному, в стукачи). Вербовка равнозначна закабалению, но многие были готовы на все. В результате люди стали встречаться реже, подозревать друг друга, бояться, что их самих примут за стукачей.

Такая жизнь даром не сходит. Все мы стали психически сдвинутыми, чуть-чуть не в норме, не то чтобы больными, но не совсем в порядке – подозрительными, залгавшимися, запутавшимися, с явными задержками в речи и подозрительным, несовершеннолетним оптимизмом. Годятся ли такие, как мы, в свидетели? Ведь в программу уничтожения входило и искоренение свидетелей (Мандельштам 1970: 94)¹⁸.

“Несовершеннолетний оптимизм” ответственен за многие участки тождества, от покло-

¹⁸ Автор добавляет, что “толпы ‘вызываемых’ жили под вечным страхом разоблачения и, подобно кадровым служащим органов, были заинтересованы в незыблемости порядка и неприкосновенности архивов, куда попали их имена” (Мандельштам 1970: 38).

нения Сталину одних через оправдание репрессий другими – до веры, что скоро станет лучше. В обществе людей, чья жизнь проходила под знаком террора, и, с другой стороны, отчаянно благоверных (“в духе чувствительного и сантиментального сталинизма”, впоследствии названного “гапонщиной”, Мандельштам 1970: 237), провокаторов, сексотов и проработчиков (термин, более часто употребляемый Раисой Орловой и Лидией Гизбург, чем отверженными Мандельштам и Герштейн), не представляющих себе, что их жертвы могут выжить и вернуться, немногим посчастливилось прожить незапятнанную жизнь. В период работы над *Воспоминаниями* сталинское прошлое “еще не изжито и не осмыслено. Слишком много народу принимали в нем участие, прямое или косвенное, или, по крайней мере, молчали о том, что знали, чтобы теперь мы осмелились прямо взглянуть ему в глаза” (Мандельштам 1970: 307).

В *Воспоминаниях* фигурируют и различные типы конвоиров¹⁹, и, наоборот, рабочие в

¹⁹ Мандельштам “[...] отличал внешнюю охрану и некоторых начальников, с которыми мы сталкивались в Воронеже, от специфического аппарата, работавшего по ночам. Первые

провинции, все еще сохраняющие традиции сочувствия и милостыни арестантам: “Доброту [...] приходилось искать в захолустных местах, глухих к зову времени. Только пассивные люди сохраняли эти качества, завещанные предками” (Мандельштам 1970: 141). В современной ревизионистской историографии наблюдается тенденция отрицания значимости сталинского террора как фактора в коллективном сознании советского народа. Воспоминания Мандельштам и других литераторов свидетельствуют о противоположном – о силе этого фактора в жизни интеллигенции. В рамках данного литературного исследования вопрос о степени проникновения страха и

были подобраны по общекрасноармейскому типу, а те ‘внутри’ – совсем особые: ‘чтобы там работать, нужно иметь к этому призвание – обыкновенный человек этого не выдержит’” (Мандельштам 1970: 71). Надежде Мандельштам хватило одного похода в Лубянку на свидание с мужем, чтобы навсегда запомнить типаж: “[...] холодок и мелкая дрожь всегда оповещают меня о приближении людей этой ‘внутренней’ профессии еще до того, как я замечаю их взгляд – голова неподвижна, а поворачиваются, следя за вами, только глаза. Дети заимствуют этот взгляд у родителей – я наблюдала его у школьников и у студентов” (Мандельштам 1970: 32).

чувства несправедливости за пределы кругов интеллигенции должен оставаться открытым, но выявление путей самообмана в литературной среде позволяет предполагать, что похожая механика действовала и в более широких слоях населения. Мандельштам свидетельствует, что и в текстильном поселке Струнино, где она жила после ареста мужа, “и своих тоже много забирали, и народ жил мрачный и насупленный”. Крамольные слова “[...] произносились только со ‘своими’, а стукачей они знали наперечет. Мы своих стукачей знали далеко не всегда” (Мандельштам 1970: 364–365).

Оправдание репрессий связано с поощряемой психологией деления общества на *своих* и *чужих* (на официальном языке, *чуждый элемент*), идущего со времен революции и гражданской войны – но тут оказывается (тоже значимое слово сталинского лексикона),

[...] что право состоять в категории ‘своих’ не бывает ни наследственным, ни даже пожизненным. За это право велась и ведется непрерывная борьба, и вчерашний “свой” в один миг может скатиться в категорию

чужих. Мало того: логически развиваясь, принцип деления на своих и чужих приводит к тому, что каждый скатывающийся становится “чужим” именно потому, что он катится вниз. Тридцать седьмой год и все, что за ним последовало, возможны только в обществе, где идея деления дошла до своей последней фазы (Мандельштам 1970: 31).

Но и сама Надежда Яковлевна не избежала тенденции такого деления, хоть и не в политическом, а в морально-эстетическом (аксиологическом) плане: одна из глав её *Второй книги* посвящена попытке объяснить, чем для Мандельштама и Ахматовой было понятие *мы*, кто входил в их миниатюрный коллектив, кто *жил* по соседству, а кто был *чужим*. Элементы официальной языковой политики проникали в сознание даже будущих диссидентов.

Не без боли Надежда Мандельштам признается в том, как легко поддавалась влияниям в молодости, например в 1919 г.:

В Киеве в мастерской Экстер какой-то заезжий

гость [...] прочел частушки Маяковского о том, как топят в Мойке офицеров. Бодрые стишки подействовали, и я рассмееялась. За это на меня неистово набросился Эренбург. Он так честил меня, что я до сих пор чту его за этот разнос, а себя за то, что я, вздорная тогда девчонка, сумела смиренно его выслушать и на всю жизнь запомнить урок (Мандельштам 1970: 114)²⁰.

Такое отрицание собственной непогрешимости усиливает ореол правдивости автобиографического текста.

Как известно, “оптимизм” населения поощрялся постоянным воспеванием советских достижений и цензурованием дискурса, противоречащего установке на жизнерадостность. Этот участок совместимости был связан и с иллюзией прогресса, улучшения жизни после временных эксцессов, расширения слоев населения, чье материальное благосостояние росло (“Нам кажется, что все идет, как надо, и жизнь продолжается,

²⁰ Бетт Холмгрен (Holmgren 1993: 104) замечает, что в этом отношении отец Надежды проложил дорогу Эренбургу, а Эренбург – Мандельштаму.

но ведь это только потому, что ходят трамваи’, – сказал мне О. М. еще задолго до первого ареста”, Мандельштам 1970: 233). Под конец тридцатых годов делались карьеры: “Все были потенциальными выдвиженцами, потому что каждый день кто-нибудь выбывал из жизни и на его место выдвигался другой” (Мандельштам 1970: 297–298) – таков был сталинский метод джентрификации. Репрессии на верхах казались восстановлением законности:

Ведь в 34 году, когда велось следствие о стихах О.М., уже стало широко известно, что Вышинский подкапывается под Ягоду. По невероятной слепоте – вот она, власть готовых концепций! – мы с интересом ловили слухи об этой борьбе прокурора с начальником тайной полиции, думая, что Вышинский, юрист по образованию, положит конец самоуправству и террору тайных судилищ. И это думали мы – уже знавшие по процессам двадцатых годов, чего можно ожидать от Вышинского!... (Мандельштам 1970: 87).

“Может, смягчится”, – сказала Надежда Яковлевна ссыльному члену одной из разбитых марксистских партий в 1934 г. “Что вы! – ответил он. – Только сейчас начинает разгораться’. И я не поверила [...] ведь не может же вечно так продолжаться, как сейчас... За мою долгую жизнь мне много раз казалось, что мы дошли до предела и скоро наступит то, что я называла смягчением... Расставаться с иллюзиями никому не хочется” (Мандельштам 1970: 65).

Хотя ни она, ни Мандельштам не были причастны к процессу усиления тирании – беспартийным не требовалось голосовать на партсобраниях – Надежда Мандельштам сожалеет о своем духовном прошлом с его культивацией духовной неполноценности: “Только собственное несчастье раскрывало нам глаза и делало нас чуточку похожими на людей, да и то не сразу” (Мандельштам 1970: 102).

Но и в конце шестидесятих годов убеждения Надежды Мандельштам не монолитны, и не только потому, что точки

совместимости включали “припадки того, что сейчас у нас называется патриотизмом”, которые Мандельштам, очнувшись, называл безумием. “Но все же интересно, что у людей, работавших в искусстве, полное отрицание существующего приводило к молчанию, полное признание губительно отзывалось на работе, делало ее ничтожной, и плодотворны были только сомнения, которые, к сожалению, преследовались властями” (Мандельштам 1970: 134). Метания и сомнения, включавшие и гипнотическую силу слова “революция” (Мандельштам 1970: 133) – еще один пророческий языковой момент – были не столько “сором” из которого, по словам Ахматовой, “растут стихи, не ведая стыда”, сколько ядовитым варевом с примесью наивных идеалистических ингредиентов.

Подобная парадоксальность явлений своего времени – сквозной мотив воспоминаний Надежды Мандельштам и один из истоков их притягательной силы. Парадоксально и в то же время совершенно логично ее объяснение успеха в главной цели ее жизни: лишив ее жилплощади (предмета мечты советских граждан),

власти выпустили ее из западни:

Останься я в московской квартире рядом с писателем-генералом, мои кости давно бы сгнили в общей лагерной яме. После второго ареста О. М., когда я слонялась без жилья и прописки, за мной пришли в нашу последнюю калининскую комнату, но меня там уже не было [...] Западни для меня не нашлось, и меня, бездомную, забыли, поэтому я выжила и сохранила стихи О. М. (Мандельштам 1970: 143)

Тут тоже подспудно проходят мотивы прозорливости и лотереи. Мандельштам объясняет и своеобразную подневольную культуру поведения, повышающую шансы оставаться незамеченным: надо улыбаться, чтобы показать, что довольны жизнью; не надо громко смеяться, чтобы не привлечь подозрение соседей (Мандельштам 1970: 324–325), можно указывать на отдельные недостатки, но только не с позиции какой-либо группы. В довоенные годы помогало и уезжать, менять адрес – тогда норму арестов выполняют и без поисков тебя. Однако в пери-

од кампании против “космополитизма” рулетка репрессий сменилась более личным выбором жертв: весной 1953 г. ее уволили из пединститута в Ульяновске, но арестовать уже не успели.

Когда Мандельштам был лишен возможности заработка, а жена не могла оставлять его одного, они просили денег у всех друзей и у знакомых писателей: “Это неприкрытое нищенство, к которому он был принужден государством, иначе говоря, той жизнью, что в печати называется счастливой. Нищенство – еще не худшая сторона этой жизни” (Мандельштам 1970: 338). Впоследствии, на протяжении многих лет после смерти Мандельштама, его вдова отдавала долги – в прямом смысле слова. В переносном смысле платеж производится и в ее книгах, при зыбкости граней между сведением счетов и поиском справедливости. *Вторая книга* в особенности вызвала неодобрение – по поводу возможного сведения счетов – со стороны Лидии Чуковской и Венямина Каверина²¹. Они спорили не столько с иконоборчеством Мандельштам, сколько с ее мятежом против традиционной в России идеа-

²¹ См. Holmgren 1993: 166–168.

лизации писателей. Взбудоражила ранних читателей и общая картина массового приспособленчества советской интеллигенции – именно в последнем Иосиф Бродский (Brodsky 1986: 152) видит причину значительного уменьшения количества гостей в ее знаменитой кухне в Москве после публикации *Воспоминаний*.

“Советские люди достигли высокой степени психической слепоты, и это разлагающе действовало на всю их душевную структуру. Сейчас поколение добровольных слепцов сходит на нет, и причина этого самая примитивная – возраст. Но что передали они по наследству своим потомкам?” (Мандельштам 1970: 62). Вспоминая с сожалением о массовой революционной переоценке ценностей, Мандельштам задумывается о своем настоящем времени: “Быть может, сейчас идет новое собирание ценностей. Они накапливаются вслепую, медленно и с трудом. Я никогда не узнаю, смогут ли их отстоять и сохранить при следующих предстоящих нам испытаниях” (Мандельштам 1970: 250). После нападения путинской России на Украину эти слова приобретают пророческое звучание.

3

Портретные “зарисовки” Эренбурга Надежда Мандельштам считает “слащавыми” (Мандельштам 1990: 171). В контексте ее воспоминаний это относится к заметкам Эренбурга об Осипе Мандельштаме, но применимость этого суждения шире. Эренбург же отмечает: “Некоторые авторы воспоминаний стараются очернить своих бывших друзей; это мне не по душе” (Эренбург 2005, II: 10). Эренбург прикрывает прием умолчания личным этическим вкусом; авторы, грешившие против благожелательной селективности, часто воспринимаются не только как более откровенные, но и как более правдивые, что не всегда одно и то же. Резкость суждений Надежды Мандельштам о многих друзьях, в том числе о литературоведе Эмме Герштейн, с годами возрастала. Герштейн в долгу не осталась. В записных книжках 1971 г. Варлам Шаламов иронично записывает: “Секрет истины: просто надо долго жить, кто кого перемеруарит” (Шаламов 2004: 328); и в эссе *О моей прозе*: “кто кого переживет, тот того и перемеруарит” (Шаламов 1998, IV: 376, про И. Пана-

ева). Во *Второй книге* Надежда Мандельштам признается: “Я хочу говорить правду, только правду, но всю правду не скажу. Последняя правда останется со мной – никому, кроме меня она не нужна. Думаю, что даже на исповеди до этой последней правды не доходит никто” (Мандельштам 1990: 131). Не исключено, что часть из того, о чем Мандельштам не хотела говорить, сказано – то ли правдиво, то ли с домыслами – в *Мемуарах* Эммы Герштейн, много лет дружившей с Мандельштамами²². Герштейн объясняет, что ее понимание документальности мемуаров шла вразрез с принципами умолчания, которых придерживалась Ахматова. Практика “нас возвышающего обмана” (Герштейн 2002: 585) у Ахматовой кажется ей чрезмерной. Не исключено, что и

²² “Надя стала бояться, что я буду писать мемуары о Мандельштамах. Я слишком много знала, по ее мнению. Как я уже писала, эти опасения сказались с полной силой в Воронеже, где Осип Эмильевич упрекал меня, конечно, инспирированный Надей, в намерении писать о нем мемуары после его смерти. Эти подозрения казались мне смешными, мои занятия были очень далеки от составления мемуаров, а отношение к Осипу Эмильевичу и Анне Андреевне было чисто личным, далеким от любопытства к знаменитостям” (Герштейн 2002: 308).

развенчание такой идеализации в ее *Мемуарах* несколько чрезмерно. Это вероятно относится и к интервью (журналу *Зеркало*), в котором мотивации Надежды Мандельштам, в основном в ее послеоттепельном конфликте с Н. И. Харджиевым, последовательно сводятся к ее собственным интересам²³. Впрочем, впоследствии Герштейн отмежевалась от этого интервью.

В книге Герштейн отношения Надежды и Осипа представляются почти как каторжный союз за счет более благоустроенных знакомых, чья помощь, особенно с ночевками, оплачивалась личным обаянием. Одна из частей *Мемуаров* носит название *Перечень обид* – этот заголовок, сочетающий частное с личным, подходил бы и к большей части текста. Герштейн любит Надежду Мандельштам, но и отвергает ее: “У меня было чувство, что я имею дело с существом какой-то другой породы, и я приняла Надю в свое сердце такой, какой она была” (Герштейн 2002: 543). Языковой регистр ее книги иногда понижается, когда речь заходит о “Надьке”.

²³ Благодарю Эдуарда Вайсбанда за то, что напомнил мне про это интервью, и за конструктивные замечания к этой статье.

Не исключено, что Герштейн права, когда говорит, что Надежда Яковлевна была бисексуальной и что практика ее замужества включала в себя секс втроем. Примеров *amour en trois* в раннюю революционную эпоху достаточно (Герштейн 2002: 592–593, 596); причиной тут и переоценка ценностей “буржуазной морали”, и нехватка жилплощади, приводящая к странным конфигурациям, и, наконец, влияние постоянного страха на интенсификацию либидо. Но при всей горечи обид, повествование Герштейн периодически оживляется, почти озаряется, появлением Надежды: “Легкость ее тона сразу подействовала на меня как шампанское” (Герштейн 2002: 29). Примерно посередине *Мемуаров* расположена автобиографическая повесть *Лишняя любовь* – о любви Эммы Герштейн ко Льву Гумилеву, сыну Ахматовой. Эта наиболее личная из всех частей книги насквозь пронизана болью от неверности и рассказами о том, как, несмотря на обиды, она всеми силами пыталась помочь “Леве” и Ахматовой во время его “кубка горя” (Герштейн 2002: 277) и посредничать между ними в годы их болезненного отчуждения.

Автобиографические повести Герштейн фрагментарны, но в этом их достоинство: Герштейн как бы понимает, что ее наблюдения о культуре сталинизма более ценны, чем ее личные переживания. “Частный” аспект *Мемуаров* включает близкий допуск к жизни поэтов а также, в разделе *Мандельштам в Воронеже (по письмам С. Б. Рудакова)*, юридический допуск к архиву Л. С. Финкельштейн-Рудаковой (вдовы Сергея Рудакова), на чьей совести исчезновение многих материалов Николая Гумилева и Мандельштама²⁴. Первая часть *Мемуаров* Герштейн, *Вблизи поэта*, в некоторой мере продолжает комментарии Надежды Мандельштам к поэзии и прозе Ман-

²⁴ Герштейн пытается восстановить суть дела: “[...] об этой злосчастной истории известно только из книги Надежды Мандельштам *Воспоминания* и беглых упоминаний в ее же *Второй книге*. Однако эти сообщения нуждаются в серьезных коррективах. Написанные легкомысленной скороговоркой, они нарушают последовательность событий, искажая тем самым смысл происшедшего” (Герштейн 2002: 100). Тем не менее, материалы Эммы Герштейн не входят в резкие противоречия с версией Надежды Мандельштам; в основном они связаны со столкновением субъективностей действующих лиц, каждый из которых – герой собственной повести.

дельштама, намечая собственную траекторию к пониманию. Реплики Мандельштама в разных обстоятельствах врезаются в ее память:

– Я мыслю опущенными звеньями... (Герштейн 2002: 33)

– Я люблю шершавую эстетику (Герштейн 2002: 42).

Подлинная поэзия перестраивает жизнь, и ее боятся (Герштейн 2002: 465)²⁵.

“Завели и бросили”, – вот дословное резюме его речи о нашей современности, то есть о пресловутой “советской действительности” (Герштейн 2002: 21).

Герштейн долго не понимала или не признавала опасности, в которую ее ставило общение с Мандельштамом. Вернувшись со свидания с Осипом на Лубянке, Надежда в отчаянии сказала ей: “Эмма, Ося вас назвал”.

²⁵ Как отмечает Дмитрий Сегал, “Мандельштам считал, что он не просто написал стихотворение против Сталина и прочел его друзьям, а совершил против него индивидуальный террористический акт” (Сегал 2021: 1155).

– Поздравляю! Теперь на вас заведено досье, – сказала мне Анна Андреевна, когда мы оказались с ней вдвоем в маленькой комнате. Тогда я была шокирована этими разумными словами Ахматовой. Если бы я могла в ту минуту охватить взглядом последующие двадцать лет, когда во всех инстанциях, отделах кадров, редакциях, квалификационных комиссиях и в Союзе писателей я слышала только одну фразу “вам отказано”, – может быть, я бы и призадумалась. Но в тот день мне было не до того (Герштейн 2002: 74).

Кроме того, Герштейн долго не понимала и опасности откровенных споров при свидетелях:

Когда из Парижа приехал И. Г. Эренбург, он пришел к Мандельштамам вместе со Святополк-Мирским. Адалис принимала участие в завазавшемся остром разговоре. Эренбург преклонялся перед прогрессивной политикой Советского Союза, восхищался строительством

социализма, а мы, советские люди, не любили Эренбурга за то, что он хвалит издали то, что мы должны выносить на своей шкуре. Мандельштам объяснял, как трудно ему здесь работать, но Эренбург не хотел об этом знать. Когда он и Мирский ушли и все оживленно обсуждали речи Эренбурга, Адалис воскликнула: “Чего вы хотите? Мужчина в 40 лет, вот и все”. Но Надя меня уверяла, что Эренбург “все понимает” и что он показывал ей литографию, где изображен ад, насколько помнится, в духе пушкинского *Фауста*: “Так вот детей земных изгнание? Какой порядок и молчанье!” – и сравнивал эту неизбывную вечность с социалистическим раем (Герштейн 2002: 48).

Эренбург, по-видимому, был осторожен в присутствии Адалис. Позже, после полу-виноватого, полу-сердитого рассказа о том, как она не смогла поехать в Воронеж, чтобы побыть с Мандельштамом, когда Надежда должна была ехать в Москву, Гер-

штейн отмечает, что Надежда “испытывала особое удовольствие, уличая в трусости писателей. У нее даже глаза светлели при этом. Однажды приехала в Москву почти ликующая: Эренбург, пробывший три дня в Воронеже, где он выступал, не зашел к ним” (Герштейн 2002: 83).

После Воронежа, веря в легитимность скандалов, Осип Мандельштам предложил, чтобы Эмма подняла крик на лестнице, когда его будут выселять (Герштейн 2002: 93). Публичные надрывные взывания к (соседскому) общественному мнению, сопротивление исполнителям ордеров, о котором мечтает и Солженицын в первой главе *Архипелага*, не были свойственны людям обычного темперамента в советские времена. Отказ Герштейн стать инструментом чужих баталий мотивирован не только чопорным принципом пристойности. В 1937 г. был уже и страх: “Я начала бояться еще до 1937 года” (Герштейн 2002: 318). То, что страх пришел сравнительно поздно, по-видимому, объясняется “точками совместимости”, о которых Герштейн не пишет. Зато много и интересно она пишет о преломлении общественных явлений в культуре периода террора. Во многом

ее сфера общего — характеристика сталинских времен — совпадает с фоном опыта Надежды Мандельштам, дополняя его. В середине тридцатых годов, по ее свидетельству, слово “народ” было “только-только реабилитировано после пятнадцатилетней замены его понятием ‘классы’ или (в рифму) ‘массы’. В обиход разговорной речи слово ‘народ’ еще не успело проникнуть. Введено оно было сверху, причем в официальной пропаганде усиленно подчеркивалось единство партии и народа” (Герштейн 2002: 120). “Общий” компонент свидетельств Эммы Герштейн включает социологические наблюдения. Главной социальной базой и “моральной поддержкой” власти Сталина она считает городских служащих: “место, занимаемое ими в структуре тогдашнего общества, было аналогично месту мелкой буржуазии, которая, по марксистскому политическому анализу, поддерживала фашистские режимы в Италии и Германии” (Герштейн 2002: 324). В стороне от политики пытался стоять новый слой интеллигенции, “особый контингент москвичей”, например “историки, бросившие преподавание в школах, чтобы стать или бухгалтерами, или

стенографистками, инженеры, сменившие суматошную службу на спокойную деятельность чертежника-конструктора, все те, кто искал выгодную и непыльную работу, свободную от давления идеологии. Они были страстными слушателями радио (оно еще было внове), у многих появились патефоны, женщины увлекались до безумия пением Козловского и Лемешева. Лет десять-пятнадцать спустя у меня стало возникать ощущение, что их всех убили, кого на войне, кого в тюрьмах и лагерях. Этот тип советских людей надолго исчез” (Герштейн 2002: 283). Жертвами Сталина она считает и часть слуг режима: “Сталин погубил нравственно не только тех невинных, кого оставил в живых, но и людей из ‘органов’. Конечно, на эту работу шли люди, имевшие склонность к садизму, но были и такие, которые были доведены до звериной жестокости всей системой и круговой порукой всех сотрудников” (Герштейн 2002: 358–359). Штрихи о самозащитном этикете в книгах Мандельштам получают продолжение – Эмму учат: “Никогда не подавайте виду, что вас застали врасплох. Нельзя так же ходить крадучись, нельзя беспокойно оглядываться”

(Герштейн 2002: 323). Надлежащей осторожностью Герштейн объясняет и тонкости эпистолярного поведения Ахматовой, когда Лев Гумилев был в лагере.

О трагедии Ахматовой, которую фактически шантажировали власти, Герштейн пишет с состраданием: в тревоге за сына, заключенного в лагерях, в 1950 г. Ахматова печатала в журнале *Огонек* цикл *Слава миру*, который “всю оставшуюся жизнь жег Анну Андреевну как незаживающая рана. После этого выступления у нее навсегда появилась фальшивая интонация в разговоре на людях” (Герштейн 2002: 446). Последнее наблюдение субъективно, и это не единственный эпизод, в котором фактография Эммы Герштейн пронизана интерпретацией. Под влиянием Бориса Эйхенбаума Герштейн стала литературоведом, исследователем Лермонтова. Некоторые из ее догадок о происходившем глубоко литературны. Ее глава *Анна Ахматова и Лев Гумилев* включает необычную интерпретацию знаменитого звонка Сталина Пастернаку после первого ареста Мандельштама: Сталин тянется к Пастернаку не (только) потому, что Пастернак упоминается в ходатайстве Бухарина о Ман-

дельштаме. Его звонок – это иррациональный ответ на личную приписку Пастернака к соболезнованиям писателей после смерти Надежды Аллилуевой – понял ли, почувствовал ли поэт что-то скрытое от других? Говорят ли два нестандартных акта “о существовании внутренней связи между этими двумя феноменальными личностями” (Герштейн 2002: 461)?

Так на трезвые страницы отчетов о веке “кремлевского горца” (и “рафинированной интеллигенции”, ждущей своего черед) проливается лермонтовская романтика, направляющая повествование ввысь и вглубь. Одна из причин популярности книги Эммы Герштейн в начале нынешнего века состоит именно в таком стимулировании читательского воображения.

4

К следующему поколению “выигравших лотерею” принадлежит Раиса Орлова, чьи *Воспоминания о непрошедшем времени* впервые вышли в издательстве Ардис в 1983 г. В то время автор, бывшая правозащитница, уже давно перешла на позиции диссидентства, так же как ее третий муж, Лев Копелев, германист,

отсидевший в лагерях, прототип упорного коммуниста Рубина в романе Солженицына *В круге первом*, и автор трех незабываемых книг о лагерях и о своей жизни до них. О таких людях, как Орлова до трансформации, пишут с презрением Герштейн и Н. Мандельштам, с сожалением – Эренбург. Проснувшись после разоблачения сталинизма, им приходилось жить с чувством вины – не только за заблуждения, но и за поступки. Со времен оттепели суть их надежд была в “социализме с человеческим лицом” – еще до того, как эта формула была создана во время Пражской весны. Наблюдая себя как будто со стороны, в третьем лице, Орлова пишет, что ее вызвали к следователю в 1934 г., школьницей, когда покончил самоубийством мальчик, которого она любила:

Ее допрашивали, ей было страшно и стыдно, что чужой человек допрашивается до личного, тайного. Она больше плакала, чем отвечала на вопросы. Она была защищена от зла, потому что не подозревала о его существовании. Следователь спрашивал: “О чем вы разговаривали? А

не высказывал ли он враждебных взглядов?” И ей не надо было тогда твердить себе: “О мертвых – только хорошее, о тех, о ком спрашивают в таких местах, – только хорошее”. Ведь это естественно, как дыхание. И она была совершенно беззащитна перед злом из-за этой самой наивности. Несколько лет спустя ей без особого труда внушили, что зло – это добро (Орлова 1993: 20).

Кроме прочего, ее происхождение придавало ей статус неполноценности – не потому, что родители были евреи, а потому, что семья числилась интеллигентской. Неполноценность приходилось компенсировать, в том числе “высокомерным” (Орлова 1993: 186) отношением к быту интеллигенции. С другой стороны, была новая любовь, также ранняя, счастливая, пока муж, поэт Леонид Шершер, не погиб на войне. Влияние личного счастья – в частности, разделенной любви – на общественную позицию молодых людей еще ожидает анализа. Не исключено, что романтика советских дальнихстроек питалась и благодаря семейной

любви молодых рабочих или мечтаний найти любовь.

Насколько идеологический настрой был всеобъемлющим, охватывающим всю личность, можно судить по следующему эпизоду:

В июне 1935 года я впервые в жизни попала на вечеринку, с патефоном, с песнями Вертинского и Лещенко, с танцами и поцелуями. Посреди общего веселья я внезапно выбежала из квартиры и на улице разрыдалась. Почему, о чем я плакала? Я была трезва. Происходившее не доставляло мне никакого удовольствия. А потом вдруг стало горько, показалось отвратительным все вокруг, все друзья и подружки и я сама. Я – изменица! Я изменила своим высоким мечтам... Рыдала я долго и никому не могла объяснить, в чем дело (Орлова 1993: 91).

Филологический анализ языка эпохи, характерный для Мандельштам и Герштейн, продолжается и в мемуарах Орловой: она вспоминает, как газеты тридцатых годов изобиловали словосочетаниями типа “самый (ая, ое) лучший (ая,

ее) в мире’, ‘впервые в истории человечества’, ‘только в нашей стране’” (Орлова 1993: 92)²⁶. Впоследствии, в ноябре 1953 г. в газете *Комсомольская правда* появился фельетон Протопопова и Шатуновского *Плесьень* – “рассказ о том, как безобразничали министерские сынки и дочки. Возникло одно из важных для того времени слов-понятий” (Орлова 1993: 21).

В ранних главах книги упоминается посещение церкви с няней: коммунистическое воспитание пришло на смену религиозному, как “новая цер-

²⁶ См. также наблюдения о жаргоне, относящемся к литературоведению. Орлова вспоминает, что в 1939–1940 гг. некоторые советские литературоведы “утверждали: реакционное мировоззрение для писателя всегда вредно. Великие художники прошлого, например Бальзак или Достоевский, поднимались над своими взглядами, становились великими только вопреки ошибочному мировоззрению. Этих критиков [...] называли ‘вопрекисты’”. Другие “возражали: соотношение мировоззрения и творчества сложнее. Художественная правда часто возникала не только вопреки, но и благодаря консервативным взглядам. Их называли ‘благодаристы’” (Орлова 1993: 99). Бенедикт Сарнов уточняет определение “благодаристов”: это были литературоведы утверждавшие, “что великое художественное произведение может быть создано только благодаря прогрессивному мировоззрению художника” (Сарнов 2009).

ковь” (Орлова 1993: 66). Рассказ о посещении костела в Каунасе много лет спустя усиливает исповедальный тон книги. Если в своей автобиографии *Apologia pro vita sua* (1864) английский кардинал Ньюман пытается объяснить, что его переход из англиканской церкви в католичество был естественным продолжением его ранних теологических исканий, “апология” Орловой зондирует причины прежней слепоты, принимаемой за верность идеалам: “До 1953 года я верила во все, вплоть до ‘заговора врачей-убийц’. Горько оплакивала смерть Сталина. В 1961 году признаваться в этом себе и другим было не только стыдно, но уже и странно” (Орлова 1993: 7). Когда в 1961 г. она просматривает *Литературную газету* за 1949 год с публикациями против “космополитов”, она пытается понять, как она могла верить в правоту официального антисемитизма, когда “всё – подбор авторов погромных статей, стиль, лексика, не говоря уже о содержании, – всё свидетельствовало о грязи, лжи, отвратительной комедии” (Орлова 1993: 189). Исповедальный характер книги прослеживается несмотря на то, что разные главы были написаны

в разные периоды со времен XXII съезда КПСС. Фрагментарность повествования косвенно оправдывается словами бывшей подруги, Агнессы Кун: “В трагическом мире невозможна гармония, и нельзя к ней стремиться” (Орлова 1993: 115)²⁷.

Фрагменты передаются с точки зрения настоящего, с надлежащими само-укорами. Отец Раисы Орловой Давид Либерзон, попал в немилость в 1930-ые годы, жил в страхе, но ареста избежал. Молодежи предвоенного поколения их благополучные родители часто казались остатками старого мира с его “грошевым уютom”, по словам песни *Бригантина* на стихи Павла Когана²⁸. В грустной ретроспективе

²⁷ Агнесса Кун, дочь венгерского коммуниста Белы Куна, расстрелянного в 1938 г., в еще большей степени, чем Орлова, сохранившая коммунистическое “правoverие”, считала, что “Об этом нельзя сказать ‘часть’. Не можешь сказать всей правды, не берись”. Орлова не согласна: “Кому с тех пор удалось сказать ‘всю’ правду?” (Орлова 1993: 108).

²⁸ Орлова сожалеет, что авторство этой чрезвычайно популярной песни (*Бригантина поднимает паруса*) многим неизвестно. Стихи этой песни написал Павел Коган, который учился в ИФЛИ, а музыку – Георгий Лепский, который уже после войны закончил Московский государствен-

Орлова чувствует себя виноватой перед отцом: “он уже никогда не узнает, что я не прошу себе тех долгих месяцев, когда я проходила мимо него, как чужая” (Орлова 1993: 35). В рассказе о 1937 г., когда студенты еще пытались нежно фрондировать, защищая изгояемых из комсомола друзей (“на этих страшных экзаменах мы не всегда проваливались”, Орлова 1993: 97), а после их ареста смирились, в *Воспоминаниях* возникает сцена разговора с отцом:

Стоим мы с папой в большой комнате у радиоприемника – опять передавали что-то о бдительности, – и он спрашивает: “А если меня арестуют?” И я, не подумав ни мгновения: “Я буду считать, что тебя арестовали правильно”. Сказала, и пол под ногами не содрогнулся, и не было ни пламени, ни серы, ничего... Бог меня помиловал, и отца не арестовали. Принял ли он мои чудовищные слова как должное? Он и сам говорил, что по-другому нельзя. А может

ный педагогический институт им. Андрея Бубнова.

быть, надеялся не на такой ответ? Иначе не спросил бы... (Орлова 1993: 74)

Писатели старшего поколения еще помнили прошлую свободу слова, распри литературных группировок и целенаправленные кампании, посредством которых формировалась полуутопическая литературная проза о строителях коммунизма, освобождающих свою среду от пережитков. Поколение Орловой силами властей и цензуры уже было надежно ограждено от “неправильных” картин действительности и снабжено концептуальными фильтрами. В случае более благоустроенных молодых людей внедрение дискурса закрытой системы работало почти безупречно: нужно было хлебнуть бед, и не под знаком патриотической жертвенности, чтобы увидеть эту систему снаружи²⁹. Орлова была плотно ограждена от инакомыслящих, особенно

²⁹ Кажется единственное, с чем Орлова тогда не полностью смирилась в этой системе – это с укреплением привилегированной касты (и, пожалуй, с собственной принадлежностью к ней). Орлова пишет, что “на протяжении долгой и путаной жизни” у нее сохранилось стремление “платить долг тем, у кого меньше” (Орлова 1993: 72).

выйдя замуж за аппаратчика Николая Орлова через несколько лет после гибели Шершера:

[...] В те годы не было рядом со мной человека, который думал бы по-иному. То есть они существовали, и где-то совсем близко, но я-то их не видела, не слышала. И естественно, они ко мне не стремились, а то и не доверяли мне. Был любимый и любящий муж, были любимые и любящие друзья, родные. Но не было никого, кто попытался бы переубедить, кто увел бы с собрания: “Не голосуй. Пусть хоть не твоими руками”. Нет, все было и моими руками. Мертвое молчание, мертвый крик, все “за” (Орлова 1993: 74–75).

“Я голосовала вместе со всеми. Я очень долго голосовала вместе со всеми” (Орлова 1993: 109), пишет Орлова, вспоминая, как в 1937 г. в институте резолюцией требовали смертной казни отцу её подруги, бывшему наркому финансов Григорию Гринько³⁰.

³⁰ Подруга – в будущем Ирина Неупокоева, несколько лет работавшая в

Когда Эренбург писал свои воспоминания в начале шестидесятых годов, он радовался поддержке советского строя со стороны Андре Жида, Романа Роллана, Брехта и Фейхтвангера; изменение во взглядах Жида после визита в СССР он объяснял личным “мотыльковым” непостоянством писателя. Спустя два десятка лет Орлова приветствует сомнения части этих писатель и сравнивает их веру со своей:

А может быть, часть нашего самооправдания – если такие люди верили, чего же нам тогда стыдиться?

Есть чего стыдиться. Они приезжали на время, их всячески ограждали от действительности. Надо было обладать огромной проницательностью, умом, чуткостью, чтобы прорвать завесу. Каждому из них – Жиду в том числе – демонстрировали, как их переводят, издают, знают, любят. Их, действительно, переводили, знали, издавали, любили.

Вильнюсском университете, с уважением упоминается и в мемуарах моей матери, тоже “выигравшей лотерею” (Стражас 2009: 284–286).

Фимиам был частью за-
весы. Трудно писателю
против этого устоять. А
мы здесь жили (Орлова
1993: 82).

Даже работая в ВОКСе (Все-
союзном обществе культурных
связей с заграницей), читая
речи гитлеровцев, она не ви-
дела параллелей со сталиниз-
мом. Впечатления иностран-
цев о жизни в СССР она счи-
тала искажением. По ходу по-
вествования, признаваемые
проблематичными поступки и
занятия проходят градацию:
(1) ей пришлось участвовать в
сочинении письма для загра-
ницы, оправдывая преслову-
тый Сталинский закон 1944 г.
о семье и браке; (2) в Бухаре-
сте в 1945 г. “грамотно, квали-
фицированно, временами да-
же изысканно” она с полной
уверенностью защищает “со-
ветское государство, строй,
человека” (Орлова 1993: 179);
(3) в Таллинском пединститу-
те она учит студентов, что “со-
ветский порядок – наилучший,
мир вообще и наш мир в част-
ности – прекрасен и все в нем
устроено в основном справед-
ливо. Надо лишь уметь это
увидеть, рассмотреть, даже ес-
ли тебя личная судьба искале-
чила” (Орлова 1993: 204); (4) ее
“таскали”, чтобы завербовать –
она сопротивлялась, но со-

глашалась давать подписку “о
неразглашении”; все же какая-
то ее бумага, которую она счи-
тала безвредной, была подши-
та к делу знакомого, наряду с
доносами; (5) она передала на
партийном собрании свой
разговор с кандидатом, кото-
рого по личным причинам
считала плохим человеком; (6)
будучи аспиранткой в Инсти-
туте мировой литературы (где
ее учили “разоблачать” амери-
канцев и их романы), во время
кампании против “космополи-
тов” она не только голосовала
со всеми, но и “выступила в
поддержку этой мерзости”
(Орлова 1993: 189), хотя, для
того времени, в несколько
дезинфицированных тонах.

Возможные причины послед-
него акта перечисляются как
общие черты периода: отвер-
жение собственного еврейско-
го происхождения; страх по-
сле недавних вызовов на Лу-
бянку, влияние психологии
масс (толпы), и настрой на го-
товность – “Раз это надо со-
ветской власти и партии, мы
готовы на все” (Орлова 1993:
195), по принципу “нравствен-
но все то, что служит пролета-
риату” (Орлова 1993: 232)³¹.
Впрочем, как обычно, оттор-

³¹ В контексте мемуаров Орловой этот принцип иронически применен к разделу Польши между Германией и СССР в 1939 г.

жение собственного еврейства не защитило Орлову от антисемитов:

В 1937 году я еще пыталась защищать гонимых. Двенадцать лет спустя я присоединилась к гонителям. Более постыдного времени, пожалуй, в моей жизни не было. А гонители не спешили принять меня в «свои». Наоборот. Провал моей диссертации в 1951 году (вслух все хвалили, а тайное голосование – 7 “за”, 8 “против”), вероятно, относился к той же космополитской кампании (Орлова 1993: 196).

Орлова не обходит тему страха, общую для всех выигравших лотерею. В молодости она мечтала о революционном героизме; после гибели Шершера просила, чтобы ее послали на фронт. Ее страх перед начальством долгое время оставался неосознанным. В ретроспективе осознание страха, особенно в диссидентский период, становится положительным явлением: “То, что я долго была такой бесстрашной перед жизнью, обогатило мои детство и юность: незамутненное счастье начала, безграничность я испытала

каждой клеточкой, целиком и полностью. Но и лишало многого – делало жестокой [...] Вместе с приходом страха в мою жизнь – осознанного страха – я стала лучше понимать других людей, стала более сострадательной” (Орлова 1993: 175). В первые годы после смерти Сталина пришел новый страх, вскоре оправдавшийся — страх “за свою веру” (Орлова 1993: 210).

Любовь к Льву Копелеву, его идеологическая трансформация, новое понимание сущности советских концлагерей³² привели к завершению этого процесса. “Участок тождества” с компартией переместился: в марте 1956 г., на трехдневном партийном собрании “люди один за другим говорили правду” (Орлова 1993: 223). Услышанное не забывалось. Но в ноябре того же года – вторжение в мятежную Венгрию. “Замораживание” оттепели, по справедливому мнению Орловой, началось, с перерывами, уже в 1957-м г. “В

³² Копелев и Орлова способствовали публикации *Одного дня из жизни Ивана Денисовича* Солженицына в журнале *Новый мир* (“За свою жизнь я не помню равного литературного события [...] [Рассказ – Л. Т.] будил не только чувство вины перед арестантами, но и нечто более глубокое – чувство исторической вины перед крестьянином” (Орлова 1993: 221).

то время”, пишет Орлова, ходил

[...] такой анекдот: учитель арифметики, реакционер, утверждал, что дважды два – девять. После упорной борьбы реакционеру пришлось уйти, его сменил либерал, который смело заявил, что дважды два – семь. А на того мальчика, который пытался робко заикнуться, что дважды два, кажется, четыре, посмотрели как на безумца, а то и подлеца: “Неужели ты хочешь, чтоб опять стало девять?!” Я долго была среди тех, кто радовался возможности сказать: дважды два – семь... (Орлова 1993: 247–248)

Хотя в диссидентском движении Орлова участвовала уже в 1968 г., партбилет она сдала в 1980-м – в знак протеста против высылки Андрея Сахарова в Горький.

Исповедальность Орловой частично стирает границы между личным и частным: ее случай показателен – она была одной из многих “правоверных” и одной из (меньшего количества) прозревших. Но в ее книге немаловажен и част-

ный “допуск”: она рассказывает, что знала об Эренбурге, его отношениях с Михаилом Шолоховым и Александром Фадеевым, о том, что “официальный” писатель Константин Симонов пытался тайно помогать гонимым, о том, какая атмосфера бывала в ИФЛИ и ИМЛИ, какие проблемы стояли перед сотрудниками журнала *Иностранная Литература*. Под конец книги помещены мемориальные главы (“частное”), основанные на разной степени личного знакомства – о Новелле Матвеевой, Александре Яшине, Аркадии Белинкове, Александре Галиче и других; особенно трогательно Орлова пишет о Фриде Вигдоровой. В портретах сочетаются, часто не без трений, личные черты героев с оттенками их идеологических позиций.

В 1974 г. вышла книга, *Мы жили в Москве*, написанная совместно Орловой и Копелевым с позиции диссидентов. Во время их визита в ФРГ, начатого в ноябре 1980 г., они были лишены советского гражданства и остались в Германии. О жизни вдали от родины рассказано в ее книге, законченной в 1984 г. но выпущенной в России посмертно, в 1994-м – *Двери открываются медленно*.

В заглавии воспоминаний Орловой сталинский период назван “непрошедшим временем”. Многие из глав написаны в шестидесятые годы, но приписки, вставленные курсивом в следующем десятилетии (в период “стагнации”), указывают на новую делиберализацию – вновь цензура, вновь обход правды, вновь страх. Сквозным мотивом неуверенность в возможности либерального общества в СССР проходит и во *Второй книге* Надежды Мандельштам. С тех пор возникали и рушились многие надежды. Теперь, в мае 2024-го, эти книги читаются совсем иначе, чем до вторжения России в Украину в феврале 2022-го – на следующий день после “Дня защитника Отечества”, бывшего “Дня Советской Армии”. Будут ли когда-нибудь написаны воспоминания о том, как эти события переживались в России, с помощью каких механизмов они одобрялись большей частью населения, где и почему были “точки совместимости” власти и частей интеллигенции? Карл Маркс был неправ, говоря, что история повторяется как фарс: она повторяется

как трагедия, хоть и с иной окраской.

Библиография

Гаспаров 1996: Гаспаров, Михаил. 1996. *О. Мандельштам: Гражданская лирика 1937 года* (Москва: Российский Государственный Гуманитарный Университет)

Зеркало 1999: 'На фоне всех ревизий века: Беседа Ирины Врубель с Эммой Герштейн. Москва. Январь 1999'. *Зеркало. Литературно-художественный журнал*, 9–10: 3–33, <<https://zerkalolitart.com/?p=2809>> [последнее посещение 9 марта 2024]

Герштейн 2002: Герштейн, Эмма. 2002. *Мемуары* (Санкт Петербург: ИНАПРЕСС)

Гинзбург 2011: Гинзбург, Лидия. 2011 [2002]. *Записные книжки. Воспоминания. Эссе* (Санкт-Петербург: Искусство)

Ермолин 2021: Ермолин, Евгений. 'Мария Петровых в мемуарах Эммы Герштейн', <<https://clib.yar.ru/wp-content/uploads/petrovyh/gershtein.pdf>> [последнее посещение 9 марта 2024]

Жолковский 2015: Жолковский, Александр. 2015. 'Он Пастернака перепастерначит: о мандельштамовских 'Стансах' к Е. Е. Поповой', *Звезда*, 2: <<https://magazines.gorky.media/zvezda/2015/2/on-pasternaka-perepasternachit.html>> [последнее посещение 9 марта 2024]

Зорин 2010: Зорин, Андрей. 2010. 'Лидия Гинзбург: опыт 'примирения с действительностью'', *Новое литературное обозрение*, 101: 32–51

Лекманов 2015: Лекманов, Олег. 2015. 'Сталинская 'Ода': Стихотворение Мандельштама 'Когда б я уголь взял для высшей похвалы...' на фоне поэтической сталинианы 1937 года', *Новый мир*, 3: <http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2015_3/Content/Publication_6_1360/Default.aspx> [последнее посещение 9 марта 2024]

Мандельштам 1970: Мандельштам, Надежда. 1970. *Воспоминания* (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова)

Мандельштам 1990: Мандельштам, Надежда. 1990 [1972]. *Вторая книга* (Москва: Московский рабочий)

Мандельштам 1987: Мандельштам, Надежда. 1987. *Книга третья* (Париж: YMCA-Press)

Морев 2022: Морев, Глеб. 2022. *Осип Мандельштам: Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы)* (Москва: Новое издательство)

Орлова 1993: Орлова, Раиса. 1993. *Воспоминания о непрощедшем времени* (Москва: Слово)

Сарнов 2009: Сарнов, Бенедикт. 2009. “Вопрекисты’ и ‘благодаристы’”, <<https://lit.wikireading.ru/11217>> [последнее посещение 9 марта 2024]

Сегал 2021: Сегал, Димитрий. 2021. *Осип Мандельштам: История и поэтика. 2 т.* (Москва: Водолей)

Стражас 2009: Стражас, Нэдда Каменецкайте. 2009. *Большая вода: Мои шесть жизней* (Иерусалим: Филобиблон)

Тименчик 2014: Тименчик, Роман. 2014. ‘Об одном эпизоде биографии Мандельштама’, *Toronto Slavic Quarterly*, 47: 219–239

Токер 2000: Токер, Леона. 2000. ‘Личное и частное в автобиографии Владимира Набокова: Мираж, принимаемый за ландшафт’, *Revue des Études Slaves*, 72, 3–4: 415–421

Фигурнова и Фигурнова 2002: Фигурнова, О. С. и Фигурнова М. В. 2002. *Осип и Надежда Мандельштам в рассказах совооменников* (Москва: Наталис)

Шаламов 1998: Шаламов, Варлам. 1998. *Собрание сочинений в 4-х томах* (Москва: Художественная литература/Вагриус)

Шаламов 2004: Шаламов, Варлам. 2004 [1965]. ‘Переписка со Столяровой Н. Н.’, в *Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела*, сост. И. П. Сиротинская (Москва: Эксмо), 734–740

Шаламов 2013: Шаламов, Варлам. 2013. ‘Вторжение писателя в жизнь’. Публикация Ф. Тун-Хоэнштайн. *Русский репортер*, 24 (302): < <https://shalamov.ru/library/21/68.html> > [последнее посещение 9 марта 2024]

Эренбург 2005: Эренбург, Илья. 2005. *Люди, годы, жизнь. 3 т.* (Москва: Текст)

Brodsky 1986: Brodsky, Joseph. 1986. ‘Nadezhda Mandelstam (1899–1980): An Obituary’, in *Less Than One* (New York: Farrar Straus Giroux), 145–56

Clowes 2005: Clowes, Edith. 2005. ‘Constructing the Memory of the Holocaust: The Ambiguous Treatment of Babii Yar in Soviet Literature’, *Partial Answers: Journal of Literature and the History of Ideas*, 3(2): 153–82

Erlich 1963: Erlich, Victor. 1963. ‘The Metamorphoses of Ilya Ehrenburg’, *Problems of Communism*, 12(4): 5–24

Freidin 1982: Freidin, Gregory. 1982. 'Mandel'shatm's *Ode to Stalin: History and Myth*', *The Russian Review*, 41(4): 400–26

Harris 2003: Harris, Jane Gary. 2003. 'Lidiia Ginzburg: Images of the Intelligentsia', in *The Russian Memoir: History and Literature*, ed. by Beth Holmgren (Evanston: Northwestern University Press), 5–34

Holmgren 1993: Holmgren, Beth. 1993. *Women's Work in Stalin's Time: On Lidiia Chukovskaia and Nadezhda Mandelstam* (Bloomington: Indiana University Press)

Isenberg 1990: Isenberg, Charles. 1990. 'The Rhetoric of Nadezhda Mandelstam's *Hope Against Hope*', in *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*, ed. by Jane Gary Harris (Princeton: Princeton University Press), 193–206

Littell 2009: Littell, Robert. 2009. *The Stalin Epigram: A Novel* (New York: Simon & Schuster)

Rubenstein 1996: Rubenstein, Joshua. 1996. *Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg* (New York: Basic Books)

Stupples 1977: Stupples, Peter. 1977. 'Il'ya Erenburg and the Jewish Anti-Fascist Committee', *New Zealand Slavonic Journal*, 2: 13–28

Toker 2013: Toker, Leona. 2013. 'On the Eve of the Moratorium: The Representation of the Holocaust in Ilya Ehrenburg's Novel *The Storm*', in *Search and Research: Yad Vashem Lectures and Papers*, 19: 37–56

Maria Mayofis

Konstantin Paustovskii's Memoirs as an Intergenerational Landmark

This article analyzes the reception of the six-part memoir cycle by Konstantin Paustovskii, published in 1946-63, and the discussions about it among professional critics, writers, and non-professionals. Using the concept of a *memory episteme* coined by Hans Brockmeier, I propose that Paustovskii positioned his autobiographical cycle between three memory epistememes. The first, which can be called the episteme of the lost world, originated towards the end of World War II. The second, which can be called the episteme of ideological purity, was characteristic of the years of the fight against cosmopolitanism (1948-53) and was, therefore, somewhat neglected in Paustovskii's works. However, it remained relevant even after Stalin's death, which forced Paustovskii to modify some of the episodes of his life or to silence them. The third episteme was launched by *Novyi mir* magazine not long before the Twentieth Congress of the Communist Party. It was related to the idea of deep personal involvement in the Russian Revolution and the Civil War, including the traumatic losses of the Great Terror. Paustovskii's own memory episteme, which he started promoting after 1953, involved popularizing a revival of the life-creation and life-writing strategies of the modernist era, while also giving the *Novyi mir* episteme of personal involvement in *Big History* its due. Whereas older generations of readers saw this revival of modernist strategies culturally insignificant and derivative, younger readers perceived it as innovative and stimulating by the younger readers.

Five of the six parts of Konstantin Paustovskii's memoirs *Story of a Life* [Povest' o zhizni] were first published in the USSR between 1955 and 1964 and were considered among the Thaw's most significant cultural events. The story of their publication and reception, as well as the many discussions that arose after each of the books had appeared, can shed light on some critical processes that still need

to be identified and described by the scholars of this period.

Literary scholars have studied Paustovskii's works extensively. However, his reception and the factors shaping his high reputation in the last decades of his life and the first years after his death have not been thoroughly analyzed, except for one aspect – his civic acts. The literary component of his legacy remains neglected and deserves special at-

tention. Filling this lacuna, I will try to demonstrate that the reception of Paustovskii's autobiographical novels can help us construct a reasonably accurate picture of the literary tastes of Thaw-era readers.

In this paper, I will focus on two ruptures that become visible when one attempts to study how *Story of a Life* was perceived by its early readers. The first rupture is related to the different horizons of expectations characteristic of the mid-1940s, when the first part of the cycle came out, and the Thaw period, when the other five parts were published in different literary journals or in separate editions.¹ The

second rupture points to the divergence demonstrated by the youngest generation of readers, i.e. by people born between the late 1920s and early 1940s, and several older generations.

I will use two theoretical frameworks to explain these ruptures: the notion of a *memory episteme*, introduced by the cultural psychologist Jens Brockmeier in his book *Beyond the Archive: Memory, Narrative, and the Autobiographical Process* (Brockmeier 2015), and the concept of historical generations developed by Karl Mannheim (Mannheim 1952: 276–320). Brockmeier defines a memory episteme as

a historical framework that gives shape and meaning to our practices and ideas of remembering and forgetting. More precisely, a memory episteme stands for the whole of local and societal practices, technologies, and objects of remembering and forgetting; the ideas, concepts, and theories about what it is and what people do when they remember and forget; and the values and norms that regulate,

¹ Here is the chronology of the first publications. The first part, *The Distant Years* [Dalekie gody], up to the chapter 'The Classical Gymnasium' [Klassicheskaiia gimnaziia], was published in *Novyi mir* in 1945 (issue 10), and then as a separate edition in 1946. The second part, *Turbulent Youth* [Bespokoinaia iunost'; in English translation, *Slow Approach of Thunder*) was published in *Novyi mir* in 1955 (issues 3–6). The third part, *The Beginning of the Unknown Age* [Nachalo nevedomogo veka; in English translation, *In That Dawn*] was published in the third volume of Paustovskii's six-volume collection in 1958. The fourth part, *A Time of Great Expectations* [Vremia bol'shikh ozhidanii; in English translation, *Years of Hope*) in the *Oktiabr'* magazine in 1959 (issues 3–5); the fifth part, *March to the South* [Brosok na Iug; in English translation, *Southern Adventure*) in *Oktiabr'* in 1960 (issue 10).

And, finally, the sixth part, *The Book of Wandering* [Kniga skitanii; in English translation, *Restless Years*) in *Novyi mir* in 1963 (issues 10–11).

within a given community or political system, which memory stories are permissible and which are not and hence ought to be excluded and prohibited. (Brockmeier 2015: 219–20)

According to Brockmeier, a memory episteme ‘foregrounds the *cultural dynamic* in which all historical mnemonic conditions are involved’ (Brockmeier 2015: 219–20). In Soviet cultural history between the mid-1940s and early 1960s, we can identify several memory epistemes that replaced each other rather quickly. Moreover, it is essential to understand that the memory episteme, at least in Soviet culture, is never universal and all-encompassing; alternative models of remembering/forgetting could emerge and later become, if not mainstream, then at least authoritative forms of the preservation and resurrection of memory.

What is most important for us in Mannheim’s understanding of historical generations is his reference to the commonality of historical events and influences experienced by peer cohorts during childhood and adolescence, as well as the principles of interpreting new experiences. I will start with the first rupture, produced by the difference be-

tween at least three distinct cultural contexts. The first of these contexts was shaped by the atmosphere of the last year of World War II and the first months after the war; the second emerged in the second half of 1946 and was influenced by the start of the Cold War and ideological campaigns in the arts and sciences; the third (very heterogeneous) context was the result of social and political conditions that took effect after March 1953.

1. First Episteme: Restoration of the Lost World

The very first part of the cycle, the novel *The Distant Years* [Далекіe годы; in English translation, *Childhood and Schooldays*] was conceived, written, and published long before the Thaw, between 1944 (first drafts) and 1946 (publication of the last chapters). As far as we can trace the primary design of the book, its very idea was formulated in 1944 and inspired by the latest news from the battlefield. A separate edition came out from the Detgiz publishing house in 1946 and was meant for a younger audience.

The Soviet army was retaking, one after another, cities and entire regions connected to

Paustovskii's childhood and youth: Ukraine and the Crimean Peninsula. Working as a journalist, Paustovskii celebrated these events with a series of articles in which he praised the Soviet army and Soviet people and shared his memories of these places, describing the beloved traits that represented the *genii loci*. These included peculiar details, such as smells or effects of the light, that come to characterize the city or the whole region. Here is one example from his essay about the liberation of Odesa: 'The boathouse in the port, the steam mills, and factories on the Peresyp. Rusty anchors, the smell of oil and brine, estuaries with healing mud, the wide beaches of Luzanivka, and overhead – the dry light of a southern afternoon' (Paustovskii 1983, VII: 323).

Some of these memories relate to the pre-war years, some to the pre-revolutionary epoch, and Paustovskii intentionally did not draw distinct boundaries between them.

My early childhood was spent in Bila Tserkva, this city surrounded by Ukraine's blue and golden fields. I remember it as the warm dew on the creeping flowers of the portulaca, as the sweet smoke of the

straw used for heating the stoves, as the stories of my grandfather, a former soldier of Nicholas I, talking about the campaigns in Thrace. (Paustovskii 1983, VII: 314–15)

The Germans desecrated the sacred Crimean land. But we knew that we would liberate Crimea, our Crimea, where steep promontories drown in the glitter and the blue, and the sea gathers fallen leaves at their feet. Crimea, where we all wanted time to stop so we would not lose the feeling of youth. Where life, like a morning at sea, has always been and will always be refreshing, and where it comes close to that line beyond which the golden age is in clear view. Crimea has always been for us the land of labour, inspiration, and poetry. (Paustovskii 1983, VII: 317)

In these short essays, Paustovskii clearly points out that the rebuilding and renaissance of the liberated cities will be possible only after the work of memory is completed and made public.

We knew we would return to Sevastopol. We know that we will create this port and this city again with great effort and inspiration. But to recreate it we need to remember the Sevastopol we all knew and loved. It was picturesque. You could clearly see the features of a seaside city, the naval fortress, the fleet anchorage. Even in the streets far from the sea, everything reminded us of it – anchor chains used as railings, shells crackling underfoot, masts with flags rustling in the wind, the specific seaside architecture of houses made of weathered Inkerman stone and stairs like gangways linking its steep streets. (Paustovskii 1983, VII: 319)

Inspired by the promise of political and social change that the Soviet intelligentsia saw in the victory over Nazism (vividly depicted in the last paragraphs of *Doctor Zhivago*), Paustovskii believed that recollections of the past that had helped the Soviet people defeat the enemy would soon help them build a new world, much better than the one destroyed by the German invasion.

How can a man with no past and no love fight desperately! Ineradicable hatred can only be born out of great love. We experienced this firsthand. And we arrived wiser, calmer, into the new, post-war life. When we talk about love, we know that love is not just about one person. It is everything that surrounds him, everything connected to him. It is something much greater than him. It is books and arguments, and meetings, and the entire stretch of life through which a loved one has passed.

And the precise thought that all this, all these bits and pieces of life are the imperceptible beginnings of happy times, the beginning of that second, beautiful life, which we cherished in our minds for so long during the war. It is here, it is near. This is our first glimpse of it. (Paustovskii 1983, VII: 325)

There are even textual parallels between the journalistic essays Paustovskii published in 1944–45, and some fragments of *The Distant Years*, where he con-

nects memories from his childhood with episodes of his World War II biography. The historical timing of the release of the essays and the first book of memoirs is arranged very sophisticatedly.

Here is just one striking example. Written after the victory, the essay 'Life' [Zhizn', 1945] opens with a recollection of the experience of defeat and humiliation at the beginning of the war:

In the summer of 1941, we were lying in the steppe near Tiraspol and watched from the side, from under our elbow, as German bombers were coming right down on us. [...] We watched from under the elbow and waited. The bombs whistled, the ground hooted, the dusty explosions rumbled, and a hot piece of shrapnel hit the ground nearby. [...] The shard was lying on the ground next to some ordinary flower, unfamiliar to me. [...] I touched the stem and thought, 'Here are two lives. The shard is the war, and the flower is the peaceful life, so distant now for all of us, we are fighting for it and carry it

in our hearts'. (Paustovskii 1983, VII: 324)

The memory of the bombing and retreat of 1941 focuses on the symbolic image of a shell fragment next to a plant full of life. It conveys the idea that, alongside the terrible and deadly wartime experiences on the battlefield or the home front, there always existed memories of a peaceful life that, in a certain sense, could be restored following victory. Thus, the path between the first defeats and the final triumph was anthropologically predetermined by the existence of memory, which, on the one hand, gave strength to fight the enemy, and, on the other, promised the possibility of a new and better life.

Paustovskii later recalls the same episode of the bombing in the field near Tiraspol in one of the chapters of his novel *The Distant Years*, in which he talks about the first flights of the aviator Sergei Utochkin over Kyiv (this fragment was excluded from the first publications of the novel. For a long time, Paustovskii himself considered it lost. It was first published only posthumously, in 1968).

We could not then look so far into the future as to hear the howl of one-ton

bombs falling on our peaceful cities, we could not imagine that, in a few decades, we would have to bury ourselves in the ground, go into damp cellars and cracks because this shelter of the birds – the sky above our heads – would become a shelter for murderers.

Could I have imagined then that in some thirty or so years, I would be lying on a dry, thorny field near Tiraspol, watching from under my palm as black Heinkels rushed over me with a sullen roar, as bombs exploded nearby? Every time the ground shuddered and hit me painfully in the chest. Somehow there, near Tiraspol, I remembered that quiet spring evening, the shouts of 'Bravo, Utochkin!' (Paustovskii 1968: 6)

The recollection of the defeats of 1941 is necessary here to show the direct connection between the technical discoveries and achievements that Paustovskii and his peers witnessed in the early twentieth century and the subsequent abuse of those same

discoveries to exterminate people.

Thus, the detailed work of memory and the creation of the autobiographical text is legitimized in the first part of the cycle by the need to recreate the details of a world that has already been lost. It is necessary not so much to reproduce something unlikely to be repeated but to inspire and comfort those who feel devastated after the hardships of the war. The insistence on the power of personal memory also affirms the significance of each person's life, with its unique experiences and recollections. According to Marina Balina's observations, in this novel 'personal life experience, rather than well-known historical fact, triggers the narrative' (Balina 2003: 191).

It is no accident that the first novel of the cycle ends with a paean to the meaning of life and the possibility of finding it, almost in the spirit of Viktor Frankl. It is undoubtedly a message aimed not so much at children as at adults:

I thought I would never believe anyone who told me that this life, with its love, its pursuit of truth and happiness, with its lightning bolts and the distant murmur of water

in the middle of the night, was devoid of meaning and reason. Each of us must struggle for the affirmation of this life everywhere and always – to the end of our days. (Paustovskii 1946: 332)

For Paustovskii and many of his readers, the world reconstructed by the work of memory needed to be both pre-war and pre-revolutionary. In other words, memories could resurrect what the war, the revolution, and Bolshevik rule destroyed. Of course, this could not be openly stated, and Paustovskii left it to his readers to arrive at this truth independently.

2. Second Episteme: Ideological Purity in Representing the Pre-revolutionary Era

According to Paustovskii's own account, shared in a letter to his foster son Sergei Navashin, the first chapters of the novel published in *Novyi mir* were received very warmly by the readership: 'The magazine is not out yet (I mean the full print), but some issues have already leaked, and I'm already getting calls from various people congratulating me. Sholokhov called, by the

way...' (letter of 29 December 1945; Paustovskii 1986, IX: 248).

However, this kind of response lasted only a short time. The situation changed rapidly after the country's top officials tightened ideological control over literature, starting with the so-called *thick* literary magazines. Initially, *Novyi mir*, *Znamia*, and *Oktiabr'* were also under suspicion. Still, the famous 'Resolution of the Central Committee of the Communist Party' issued in August 1946 directly affected the Leningrad magazines *Zvezda* and *Leningrad*. Mikhail Zoshchenko, Anna Akhmatova, and Alexander Khazin were to bear the primary responsibility for the 'erroneous line' of the two magazines. Akhmatova and Zoshchenko were excluded from the Writers Union because, according to their colleagues, they did not participate in the project of *socialist construction*. Thus, they lost any opportunity to publish, earn money, or receive ration cards, without which it was physically impossible to survive at that time (Khazin could write sketches for comic actors under a pseudonym).

This attack on fiction did not spare the autobiographical genre. Fierce criticism of Mikhail Zoshchenko was directed at two texts: the more recent story *The Adventures of the Monkey* [Pri-

kliucheniia obez'iany], published in *Zvezda* in June 1946, and the older autobiographical novel *Before Sunrise* [Pered voskhodom solntsa]. Its publication was suspended in the fall of 1943, and the novel was branded as 'alien to the spirit of Soviet literature' at an expanded meeting of the Presidium of the Union of Soviet Writers in December of that year. To understand the context of the 1946 change, it is important to know that Zoshchenko's novel was mentioned in the August 1946 decree of the Central Committee of the Communist Party in the most negative context. Andrei Zhdanov, who prepared the text of this resolution, stated that during the war, Zoshchenko, 'rather than helping the Soviet people in their struggle against the German invaders, wrote such a disgusting thing as *Before Sunrise*' (Artizov et al. 1999: 565–66).

The question of the possible influence of Zoshchenko's autobiography on Paustovskii's autobiographical project should be the subject of a separate study. I will note here only that the autobiographical narrative of his childhood in *The Distant Years* is also characterized by an emphasis on intense negative experiences and intra-family conflicts, but without the slightest appeal to psy-

choanalysis. It is also known that Paustovskii appreciated Zoshchenko's work. Regardless of the answer to this question, one thing is certain: after the publication of the 'Resolution' of 1946, the state's literary policy began to evolve rapidly, and with it, the value scale and discourse of Soviet official criticism (Dobrenko 2020, I: 363–83). These changes were rather quickly reflected in the published responses to the novel *The Distant Years* and halted the formation of the memory episteme that Paustovskii began to form in his essays and autobiographical prose of 1944–45, and which apparently was discerned and at first highly appreciated by his fellow writers. Starting in late 1946, his first book was read through the lens of 'Soviet fiction about a pre-revolutionary childhood' which had to reflect special values, give unambiguous evaluations, and present equally unambiguously shaped heroes – purely positive or purely negative, not to mention the mandatory requirement to portray social injustice and the hardships of working people.

For Soviet literary criticism of the 1930s and 1940s, the autobiographical novels of Maxim Gorky served as model texts about childhood, and any deviations from this model, even

those made to reproduce the autobiographical canvas faithfully, were immediately noticed, and condemned. Moreover, autobiographical accuracy had to be sacrificed for ideological and didactic purposes. In other words, what was expected of socialist realist autobiographies of childhood was not documentary authenticity but the artistic and ideological transformation of biographical facts and memories to the point of a complete victory of fiction – predetermined by the dominant value paradigm – over the transmission of historical experience.

The most notable responses to the first novel of the memoir cycle were written in this vein. Writing for *Literaturnaia gazeta*, the critic Berta Brainina points directly to the ambivalent nature of Paustovskii's novel. Everything worthy ('healthy') in it is inherited from Gorky, and everything that Paustovskii does not inherit from Gorky is 'artificial and false' (Brainina 1946).

These ideas were formulated even more clearly by Vladimir Ermilov, the notorious party critic and editor-in-chief of *Literaturnaia gazeta*. His article 'On Partisanship in Literature and the Responsibility of Criticism' [O partiinosti v literature i ob otvetstvennosti kritiki, 1947] is usually remembered in con-

nection with the discrediting of Andrei Platonov's story *The Return (Ivanov's Family)* [Vozvrashchenie (Sem'ia Ivanova), 1945]. However, the article begins with a harsh criticism of Paustovskii's memoir. Here, Ermilov explicitly denies Paustovskii the right to present his own biographical experience, arguing that it is far more critical that his prose perform an educational function. According to Ermilov, Paustovskii's story did not fulfil this function, but, on the contrary, gave readers utterly different reference points: 'It is quite possible, of course, that an episode told by the writer reproduces with complete photographic precision an actual incident from his childhood. But in fact, this "objectivism" means an attempt to establish in the souls of the readers of Detgiz an alien, aesthetic, bourgeois limited prejudice' (Ermilov 1947).

Reformatting the horizon of readers' expectations in 1946–47 was so unexpected and painful for Paustovskii that he and his literary associates long remembered it. Many years later, in 1982, Lev Levitskii, Paustovskii's former literary secretary, found it necessary to preface his commentary on this novel with a particular explanation that disavows the charges made by proponents of strengthening the

'didactic line' (Paustovskii 1982, IV: 713). 'These reproaches are difficult to accept as fair because the author did not "compose" the hero but described him as he was. It is hardly appropriate to expect from an autobiographical narrative the things that can be demanded of a novel' (Paustovskii 1982, IV: 713).

3. Ideas of *Enriching Biographical Experience in the mid-1950s*

Paustovskii suspended work on his next novel till the months after Stalin's death, and that pause was not coincidental. He probably understood that the following parts of the memoir would require even greater ideological certainty from the protagonist, and that the author would need an even more straightforward portrayal of the protagonist's cultural and historical conditions. Literary scholar Aleksandr Khrabrovitskii, reading Paustovskii's memoirs in the late 1950s, recalled how in 1948 the writer had told him (apparently in connection with his work on the memoirs): 'The themes are falling away one by one' (Khrabrovitskii 2012).

All that changed soon after Stalin's death. On the eve of the Second Writers' Congress (1954),

Paustovskii wrote an article for *Novyi mir* magazine in which he talked at length about purifying and enriching the Russian language, encouraging innovation in literature, but also about the need for Soviet writers to radically change their lives to carry out their professional mission fully.

We writers should have real creative biographies. Many of us have them. Many writers' biographies are inextricable from the life of the people, from the times and our current reality. Many, but not all.

This vocation comes with obligations. Literature is not an occupation, craft, mechanical work [*masterovshchina*], or an easy life. Above all, it is a service to the people. Blok said: 'I am a busy man. I serve literature'. Meanwhile, we have some writers whose life journey is so meagre that it makes us fear their future. The first book is about success, universal recognition, prosperity, and, for some reason, the excessive conceit that often arises from this success. (Paustovskii 1954: 201)

Paustovskii saw opportunities for the development of the stagnating Soviet literature in the renewal and expansion of the writer's life space. He understood the active transformation of his own life not just as a quest for ways to gain new experiences and new impressions, but as active life-building – a conscious search for his place in society and in history. However, and Paustovskii placed particular emphasis on this, he said that just a few canonized biographical models could not predetermine this life. Writers, as well as Soviet citizens who wanted to embark on the same path of life-building, should be given greater creative freedom, not only in their writing but also in their lives and the forms of representation in their own biographies. Within this context, the conception of the following parts of the memoir cycle took shape. In a short introductory note that precedes the publication, Paustovskii describes *The Turbulent Youth* as part of a 'large autobiographical novel', where the central theme is 'the formation of a human and a writer' (Paustovskii 1955: 3).²

² “Беспокойная юность” является второй книгой большой автобиографической повести. Тема этой повести – становление человека и писателя’.

This short description accurately represents how the Thaw-era readers perceived the second and subsequent parts of the memoir cycle. It was no longer about abstract periods of a person's life or valuable memories of the lost world of pre-revolutionary Kyiv but about the single biographical path of the hero, which was supposed to be a direct projection of the historical and creative personality of the author.

Some of Paustovskii's readers evaluated his autobiographical strategies as utterly unsuccessful, and some as worthy not just of attention and emulation.

In the case of *The Distant Years*, we see a break between the original idea and the subsequent re-coding of the text according to another genre model and another memory episteme. Following the publication of the second novel of the cycle, one may observe how Paustovskii gradually loses credibility and authority among readers from older generations and becomes an idol and biographical model for the youngest generation, those born between the late 1920s and the beginning of World War II.

4. A Part of *Big History*: A New Memory Episteme and the Programme of the Journal *Novyi mir*

The literary and journalistic mainstream of the Thaw created a new memory episteme, requiring the portrayal of a human as part of and alongside *Big History*, not just as a backdrop, but with active participation in memorable historical events, most commonly the Revolution and the Civil War, and sometimes even World War II. Marina Balina argues that ‘it was Thaw literature that began the work of unlocking memory: not simply individual memory, but the memory of the whole generation born during the ascent of revolutionary zeal and suffering through the traumatic losses of Stalinism and war...’ (Balina 2011: 156).

People who were not well known, illegally repressed, or undeservedly marginalized would appear in print as either authors of memoirs, or sometimes their characters, and occasionally, already posthumously, as authors of diary entries and correspondence. In these works, they were always returning readers to the heroic *beginning* of the Soviet regime. The publication of this kind of material

became the programmatic task of the journal *Novyi mir*.

For this purpose, the section ‘Diaries. Memories. Documents’ was created and frequently appeared in the magazine. Sometimes it included materials on the history of pre-revolutionary Russian literature or European literature, but, with time, it turned more and more often to personal accounts related to early Soviet history.

More and more often, these documents were retrieved directly from the archives of the magazine. For example, the second issue of 1955 (in fact, the one preceding the publication of Paustovskii’s *Turbulent Youth*) presented Aleksei Nikolaevich Tolstoi’s response to comments by the critic (and employee of *Novyi mir*) Viacheslav Polonskii on the changes that the editorial board suggested the writer make to the second part of the trilogy *The Road to Calvary* [Khozhdenie po mukam, 1920], which was devoted to the events of 1918 (Krestinskii 1955). In the second issue of the magazine for 1956, which came out precisely when the Twentieth Party Congress Party started, fragments from the war diaries of the writer Efendi Kapiev (1909–44) were published (Kapiev 1956).

After the Twentieth Congress, these publications openly served

the task of *returning to Leninist norms*. One of the first publications of this kind were the memoirs of Boris Korotkov, who in 1917–18 worked in Lenin's reception room; they were published in the final issue of the magazine from 1956 (Korotkov 1956). The sixth issue from 1956 featured one of the first materials by an author killed during the Great Terror: the 1928–36 correspondence between Gorky and Mikhail Kol'tsov, famous journalist, and chief editor of the journal *Za rubezhom* (Perepiska 1956).

Two ideas were at the basis of the new memory episteme that was being shaped in Soviet culture of the second half of the 1950s: the restoration of historical continuity with the first third of the twentieth century *across* the period of Stalinism, and the restoration of the individual's right to an autonomous inner world. Both processes were connected to de-Stalinization and a return to the cultural achievements of the 1920s (and with them, implicitly, to some fragments of Silver Age culture: for example, as early as 1956, *Novyi mir* published documents devoted to the adolescent years of Aleksandr Blok).

However, this activity took on fundamentally different meanings. For older generations –

those born between the 1880s and the early 1920s – the new memory episteme meant, above all, a return to the individual significance of their own biographies. As Denis Kozlov proves in his book about *Novyi mir* readers, the publication of articles related to the history of the 1920s and 1930s typically elicited numerous letters from readers from older generations. Sometimes, these letters were dozens of pages long, and their authors described their entire lives in detail, believing their narratives had finally gained legitimacy after this or that book was published (for example, Aleksandr Solzhenitsyn's *One Day in the Life of Ivan Denisovich* [Odin' den' Ivana Denisovicha, 1962]) (Kozlov 2013).

In general, this means that in the 1950s, and, as it later turned out, throughout the late Soviet era, memoirs about events of the twentieth century presented within this new memory episteme became very significant: generations of readers formed in the 1950s–70s perceived them to be a way to access *authentic* history rather than the version of history presented in textbooks.

Perhaps the most significant contribution to the formation of this new memory episteme was made by Il'ia Ehrenburg (1891–1967) in his memoir *People*.

Years. Life [Liudi, gody, zhizn', 1960]. Ehrenburg began writing his book in 1959, and in 1960 the first part was already published in *Novyi mir* (issues 8–10; before that, short excerpts were published in *Literaturnaia gazeta* and *Ogonek* magazine). Ehrenburg's memoir cycle received very positive reactions from readers of different generations – and a much harsher response from censors and party functionaries.³ Ehrenburg and Paustovskii were almost the same age (Ehrenburg was born in 1891, Paustovskii in 1892), and in the 1950s they both sought to resurrect *displaced*, forcibly forgotten historical periods in their memoirs. However, the methods they used were profoundly different.

Ehrenburg's memoirs create a large-scale narrative that addresses several issues at once. First, it provides detailed and

sympathetic descriptions of people who were repressed during Stalin's rule, or of poets and novelists who survived the repressions but were stigmatized in other ways (for example, Boris Pasternak in 1959–60). Ehrenburg also sought to recreate the atmosphere of a bygone time – and even of the Great Terror, which brought on particularly harsh criticism from official critics. Finally, Ehrenburg, who travelled a lot in other countries in the 1920s and 1930s and at the end of World War II and immediately after, wrote extensively about everyday life in Europe and foreign cultural figures known in the USSR at most through veiled references.

Overall, the section 'Diaries. Memoirs. Documents' and Ehrenburg's memoirs expressed the notion of direct access to the flow of history not hindered by ideologized interpreters – a kind of *historical Protestantism*. This was markedly different from Paustovskii's method, which highlighted not direct contact with history, but his hero's ability to see the life's beauty and notice the unusual rather than the typical. The private lives of Ehrenburg's characters were part of the ongoing historical transformation; the private lives of Paustovskii's characters were opposed to the steady, teleologi-

³ We know from Kornei Chukovskii's diaries that Paustovskii might have followed the reviews of Ehrenburg's book. After another volume of Ehrenburg's memoirs was criticized in the newspaper *Izvestiia* in 1963 by the same Vladimir Ermilov, and then the same newspaper published a collection of letters from 'ordinary readers' who allegedly supported Ermilov, Paustovskii, when he visited Chukovskii, had already started talking about this discussion when he was on the stairs (Chukovskii 2013, XIII: 359–60).

cally directed flow of history. The private person was of interest to Paustovskii whenever his/her memory retained events and encounters that only tangentially coincided with the movement of history. These events co-occurred with fundamental historical changes but were always associated with private biography and the individualized processing of life experience.

Like Paustovskii's memoirs, *People. Years. Life* marked a return to a previously abandoned plan, but in Ehrenburg's case, the first draft referred to the period before World War II, and, just as importantly, before the Great Terror. In a preface to the first edition of his memoirs, Ehrenburg admitted that he used chapters from the novel *A Book for Adults* [Kniga dlia vzroslykh], published in 1936. The title of the novel, which seems strange from today's point of view, does not suggest the inclusion of explicit erotic passages (there are none), but that the book was addressed to the author's (and Paustovskii's) peers, that is, people who lived through the events of 1917 already at a conscious age. The novel describes the left-democratic intelligentsia involved in the construction of the socialist economy, but a large part of it is occupied by au-

tobiographical short stories about early twentieth-century Moscow; the rest is a fictional story about people who create and implement a new industrial method of producing ammonia. Both in the memoir chapters of *The Book for Adults* and in the beginning of the first volume of *People. Years. Life*, one can discern the influence of Osip Mandel'shtam's autobiographical essay *The Noise of Time* [Shum vremeni, 1925] – one of the most important memoirs written in Russian in the first half of the twentieth century.⁴ Mandel'shtam describes the Russian intelligentsia and the social space it inhabited at the turn of the nineteenth and twentieth centuries – the sensory memories, the topics of everyday conversations, individual vivid impressions. Mandel'shtam's method differed from modernist prose in the style of Marcel Proust in one critical detail: he depicted the atmosphere of a particular social circle or geographic location as a point in the

⁴ Mandel'shtam and Ehrenburg's wives were related. The two poets knew each other well and met periodically. In 1965 Ehrenburg was the host of the first legally sanctioned evening of reminiscences about Mandel'shtam, organized by students of the Faculty of Mechanics and Mathematics at Moscow State University.

progress of significant European history, as a kind of overture to the wars and revolutions of the twentieth century and implied the existence of a disastrous gap between self-recollection and self-reproduction.

5. Revitalizing Modernist Strategies for Life-creation

Both Ehrenburg and Paustovskii were junior participants in the Russian modernist movement. In the 1950s, they sought to rehabilitate – at least partially – the modernist aesthetic in the Soviet cultural space. However, their previous work and memoirs emphasized very different aspects of the modernist legacy. Unlike Ehrenburg, Paustovskii had been very interested in *life creation* – or, to borrow the expression from Schamma Shahadat, in the *art of life* – since the very beginning of his career. Shahadat defines the art of life as a concept and practice that ‘is born in that in-between space where life becomes a text, and the text is meant to be lived’ (Schahadat 2017).

Vladislav Khodasevich was one of the first to analyse the life-creative strategies of Russian modernism in his book of memoir essays *Necropolis* [Nekropol', 1939]. He drew attention to the

fact that for many participants in the modernist movement, from the symbolists to Gorky, personal biography and even everyday life became the most important object and outcome of artistic creativity. Based on contemporary research (including Lidiia Ginzburg's book *On Psychological Prose* [O psikhologicheskoi proze, 1971] and Shahadat's work), another element can be added to Khodasevich's observations: life-writing created synchronously (diaries and letters) or retrospectively (memoirs) become an important key to their author's biography, they are seen as part of the sphere of the author's creative work and are designed to arrange their semantic accents in accordance with the author's intention.

In his memoirs, Paustovskii does not depict his life as the result of his own creative efforts – on the contrary, he emphasizes the importance of accidental events. He significantly changes (or, more accurately, eliminates) the real facts of his life. He writes nothing about the religiosity of his youth, almost never mentions his romantic affairs, which continued even when he was officially married, or about people he disliked and portrayed in his diary (for example, Nikolai Khardzhiev). In his autobiog-

raphy, Paustovskii does not say a word about his first, but tells the story of his platonic love for a front-line nurse who died of smallpox during World War I.

Some of these transformations happened for pragmatic reasons; however, to understand the general meaning of this remaking of his own biography, we should consider that in his letters and diaries of the 1910 and 1920s, Paustovskii regularly returns to the idea that his own life was a subject to be approached through an aesthetic lens. Thus, in a letter to his beloved and future wife Ekaterina Zagorskaia from 16 November 1915, the writer lays out a life-creating program, clearly devised under the influence not just of Rabindranath Tagore, mentioned earlier in the same letter, but also of the then-fashionable 'philosophy of life' of Henri Bergson:

I create myself. The irrepressible creative urge toward the highest refinement, spirituality, the desire to see my soul as changeable and beautiful, the urge that you have awakened in me is so strong that sometimes it torments me. And slowly, quietly the will to live lights up; it is born in me;

I may have lost it for a time, and thought that I did not have it. How stupid I am.

I know now. Out of the roots and seed-buds of the bitter and wild earth rose a flower – exquisite, exciting, dazzling. It was a man.

And if he is evil, muddy, and dull – anger rises in me, but it does not kill my strength.

I have all these thoughts now. It seems to me that in the peacefulness of the snow, in the lakes of the sunset, in the playfulness of the sun, in the murmur of the majestic murky seas, in the evenings and the purple disk of the moon, in the sound of the wind, in the eyes of girls, in love and passion, in the beauty of lines, in the soul of a pure man, in his melancholy and creativity, in dreams and madness lives the truth, our God, the Single Will, the World Sun from Afanasii Fet's poetry. It suddenly revealed itself to me. There must be harmony between the soul of man and the soul of the world, because the human

soul is the highest, most refined element of the world's soul, and contains, like a drop from a fountain, the essence of all water, the whole world of beauty and light. (Paustovskii 1986, IX: 14–15)

In his diaries from the 1920s, Paustovskii sometimes mentions reading Vasilii Rozanov,⁵ which is also quite telling. Rozanov's work – especially books such as *Solitude* [Uedinennoe, 1912] and *Fallen Leaves* [Opavshie list'ia, 1913] – can be seen as an example of countering the project of life-creation: it does not involve a conscious construction of biography, but rather the aestheticization of the everyday, which opposes progress in its positivistic sense. This conception of everyday life seems to have had a very significant influence on Paustovskii.

We can assume that for Paustovskii, the cycle of novels about his formation as a writer was the final part of a literary-existential project aimed at aestheticizing his own biography.

This emphasis on life-creation is especially strong in

⁵ See, for example: Paustovskii 1996 (entry from 25 November 1920); Paustovskii 2012 (entries from 9 November 1928 and 16 November 1928).

the essay 'Aleksandr Blok', which Paustovskii wrote in 1961, at the same time as his memoir cycle:

In my autobiographical narrative, I write about my life as it was. But everyone, including me, must have a second life, a second biography. It, as they say, 'didn't come out' in real life, it didn't happen. It exists only in my desires and in my imagination. And this second life is what I want to write about. To write my life as it would certainly be if I had created it of my own free will, regardless of all accidents...

You may ask why this is necessary. It is necessary so that my life can have a harmonious ending... (Paustovskii 1961: 38)

Paustovskii repeated that same desire to write 'memoirs of the unfulfilled' in the preface to the separate edition of his autobiographical cycle, but he added an important thought in the second paragraph, which can be understood as the key to the whole cycle:

In addition to my true biography, where everything is subordinate to reality, I want to write my second autobiography, which can be called fictional. This fictional autobiography will depict my life among the amazing events and people I have constantly and unsuccessfully dreamed about.

But whatever I manage to write in the future, I wish for the readers of these six stories to experience the same feeling that has possessed me throughout the years I have lived – the feeling of the significance of our human existence and a profound fascination with life. (Paustovskii 1982, IV: 6)

The expression of this feeling allowed Paustovskii to make his life more harmoniously complete in his memoirs than he had experienced it, and thus, in part, to solve the problem that he formulated as ‘a plan for the future’.

The last book of Paustovskii’s memoirs, *The Book of Wanderings* (1963), is markedly different from the previous ones in plot structure. There is no linear, chronologically organized narra-

tion; the author freely moves between periods. Many more of Paustovskii’s famous acquaintances appear. This series of personal recollections is astonishing compared with all previous parts of the project: we read about Mikhail Bulgakov (Paustovskii 1982, V: 437–41), Eduard Bagritskii (Paustovskii 1982, V: 448–62), Mikhail Prishvin (Paustovskii 1982, V: 465–67), Vladimir Maiakovskii (Paustovskii 1982, V: 467–70), Andrei Platonov (Paustovskii 1982, V: 470), Sergei Esenin (Paustovskii 1982, V: 471), etc. It is likely that, impressed by the success of Ehrenburg’s memoirs, Paustovskii decided to change his own narrative strategy, bringing it closer to Ehrenburg’s, especially considering the background of his featured characters: Bulgakov and Platonov were semi-forbidden authors, and the biography of Maiakovskii was being hotly debated shortly before *The Book of Wanderings* came out, after the 1958 publication of a volume titled *New About Maiakovskii* [Novoe o Maiakovskom] as part of the series ‘Literary Heritage’ [Literaturnoe nasledstvo] (volume 65). But, in choosing this approach, Paustovskii also took part in establishing the mainstream memory episteme (*historical Protestantism*), which

would also influence future Russian memoir writing.

6. *Idle Chatter: Rejection by Older Generations*

The fact that the first of the Thaw-era novels, *The Turbulent Youth*, as well as the novels that followed it, elicited scornful reviews from official critics is not surprising: the substance and tone of the reviews seem to adhere to those from the 1948–49 campaigns, accusing Paustovskii of not managing to bring his character anywhere near the formula for a real Soviet man, especially when it comes to his understanding of the historical process and the progress of history.

Lidiia Fomenko (1909–74), a critic and one of the editors of the newspaper *Literaturnaia Rossiia*, reproached Paustovskii for making his hero a passive, contemplative person:

...What is surprising is not that Paustovskii's hero is always contemplative and passive, that he is stretched like a string, waiting for outstanding achievements, but not contributing to these achievements – that is not only possible, but was of-

ten the case. What is surprising is the author's attitude in the present day to this kind of contemplative position, to such a purely aesthetic perception of the revolution.

That is why Paustovskii's hero, for all his enthusiasm for the new reality, is far removed from it; it is difficult to accept his position of life 'on an island', in a deserted Arcadia, in a kind of intelligentsia Hermitage, while the struggle blazed all around, when time itself was calling, shouting about taking action, about the battle, that great expectations should be brought closer with one's own hands, even with one's own blood. (Fomenko 1960)

Tat'iana Trifonova (1904–62), critic and literary scholar, a regular contributor to the journal *Voprosy literatury* [Issues of Literature], was not satisfied with the low level of historical consciousness found not only in Paustovskii's hero, but also in the author himself:

...This hero did not see or understand the main thing

in the era he lived through, and the author, telling us about it, in no way assesses the position of his character back then, does not look at it from the perspective of his mature experience, but returns to the past as if to relive it and not understand its harsh and truthful laws again. (Trifonova 1960)

Arkadii El'iashevich (1921–2004), reviewing the fourth novel for the journal *Moskva*, noted that Paustovskii rejected 'a revolutionary view of reality'. This rejection 'put the artist in a difficult position: individual bright and colourful pictures of life do not allow the story to grow into a historically truthful and profound understanding of reality' (El'iashevich 1960).

In other words, critics have described quite accurately, though not without bias, the model of the relationship between human and history embodied by Paustovskii in his memoirs – and have recognized this model as inadequate to the officially sanctioned tasks of Soviet literature. Passivity, the avoidance of a revolutionary position, the emphasis on the life of a private person to the detriment of public life –

this criticism of Paustovskii's memoirs was not limited to the critics from *Literaturnaia gazeta*, *Literaturnaia Rossiia*, *Moskva* and *Voprosy literatury*. Aleksandr Tvardovskii (1910–71), editor-in-chief of *Novyi mir*, responded with similar claims when Paustovskii sent his revised manuscript to the magazine's editors. The letter was so harsh and intolerant of both the text of the memoirs and of Paustovskii himself, that the latter, responding with great dignity to Tvardovskii's claims, withdrew the manuscript from the journal.

It does not feature any motifs of labour, struggle, and politics, yet it has poetic solitude, the sea and all the beauty of nature, the value of art, in our opinion, understood very narrowly, the last Mohicans of the old and various slickers of the new press, Odesa, depicted exotically, from anecdotes. [...]

And, most importantly, we find in everything, so to speak, the pathos of an irresponsible, essentially intensely egotistical existence, pardon me, of narrow-mindedness and pride, which does not give

a damn about world history from the height of its contemplative 'suprastellar' unity with eternity. Perhaps unwittingly, you seek to secure in the form of literature such a poor biography that bears no imprint of its great time, of the tremendous national destinies, in short of all that has lasting value. (Tvardovskii 2012)

In a conversation with Kornei Chukovskii, Tvardovskii was even more frank and called Paustovskii 'a petty bourgeois in love with beauty,' adding: 'His autobiography is a lie' (Chukovskii 1994: 303).

As a result, in the five years after his text was rejected, Paustovskii submitted the fourth and fifth parts of the cycle to the journal *Oktiabr'* and returned to *Novyi mir* only with the sixth and final instalment: *The Book of Wanderings*. This last book, at least superficially, was more in keeping with Tvardovskii's demands; it devotes a great deal of attention to important historical events (Lenin's death, for example), journalistic work and business trips, and it ends with the well-known episode of the author's fateful conversation with Gorky. Nevertheless, Tvardovskii continued to be very dismissive of

Paustovskii's prose: before the publication of the last story, according to Lakshin, Tvardovskii 'scolded' Paustovskii 'for [his] "literariness," [his] approximation even in language...' (Lakshin 1991: 176). A few years later, he told Iurii Trifonov that Paustovskii was not worthy of imitation, because 'he radiates reflected light' (Kondratovich 2011: 118).

This opinion was held not just by Tvardovskii, but also, if we believe Tvardovskii and his deputy Vladimir Lakshin, by Solzhenitsyn, who often stopped by the editorial office of *Novyi mir* at the time. Lakshin recalls that Tvardovskii and Solzhenitsyn were in agreement on Paustovskii's story *March to the South*:

[Tvardovskii] was delighted that Solzhenitsyn said about the *March to the South* almost the same words as he himself expressed: 'I thought it would be about the Civil War, fighting with Vrangeli, the capture of Crimea, and it turns out that the author rushed from Moscow to Odesa's taverns and beaches'. (Lakshin 1991: 87)

Apparently, Tvardovskii and Solzhenitsyn expected from Paustovskii's memoirs an approach to *Big History* similar to *Novyi mir*'s series of publications

on early Soviet history, while Paustovskii was pursuing something very different.

In his rejection of Paustovskii's autobiographical prose, Solzhenitsyn also agreed with Varlam Shalamov (1907–82), his aesthetic antagonist, regarding portrayals of the Gulag system. In a journal draft from 1964 exploring the topic of readers' tastes, Shalamov first complains about the lack of appreciation for Pavel Vasil'ev's poetry, while books by Vladimir Tsybin, whom Shalamov considers an epigone of Vasil'ev, sell out overnight. He then turns to Paustovskii's work, implying that he enjoys great popularity with readers: 'Paustovskii is a small writer, no matter how much he puffs himself up'. In the next sentence, Shalamov turns his attention to his own work: 'I began to consider myself a poet when I saw that I could not play out of tune in my poems' (Shalamov 2004: 299).

The fact that the fragments about Vasil'ev, Tsybin and Paustovskii appear together in this notebook indicates that Shalamov considered Paustovskii's prose imitative; the third fragment, devoted to the 'falsity' of his own poetry, seems to suggest that Shalamov found such falsity in Paustovskii's writing. In the 1950s and 1960s, Shala-

mov was a very perspicacious reader. Perhaps in Paustovskii's autobiographical prose about the revolution and the early years of Soviet power, he saw a meaningful paralipsis concerning the hero's biography and his attitude to historical events. In other words, for Shalamov, Paustovskii's position was not insufficiently Soviet, as the official critics saw it, but a silenced and unexpressed non-Soviet or anti-Soviet stance.

During the same period in 1964, David Samoilov (1920–90) also reflected on Paustovskii in his diaries, apparently in connection with the publication of the last part of the memoirs. His review is even less flattering than Shalamov's. 'In our literature, a writer's conduct trumps his writing. That is true of Paustovskii – his memoirs are idle chatter' (Samoilov 2002: 352).

I think that this statement requires an additional comment. By 1964, Paustovskii was known as the editor and compiler of two anthologies of contemporary literature, *Literary Moscow* [Literaturnaia Moskva, 1957] and *Pages from Tarusa* [Tarusskie stranitsy, 1961], which were considered oppositional and were reprimanded at the level of the Central Committee and by Khrushchev himself. At the end of 1956, Paustovskii spoke at a

public discussion of the novel *Ne khlebom edinyim* [Not by Bread Alone, 1956] by Vladimir Dudintsev and openly denounced the Soviet conservative nomenklatura, saying it was responsible for the Great Terror. By saying, 'behaviour determines the worth of the work', Samoilov points to Paustovskii's high public reputation, suggesting that his civic courage and hard-earned ethical position increase the artistic value of his work, which would be low on its own merits.

7. 'Give Me Your Hand, Paustovskii!': A Biographical Model for a Younger Generation

When listing negative reviews of Paustovskii's memoirs, it was no accident that I indicated the birth year of their authors. These dates clarify that the rejection of Paustovskii's model of the relationship between human and history, the perception of his texts as second-rate literature, the pointing out of their 'falsity' or 'historical inconsistency' were typical of people born before the late 1920s. In other words, of those who were conscious of the events of the second half of the 1930s and who were old enough to have taken

part in World War II. The generation born between the late 1920s and the early 1940s offers a very different model of historical perception: authors who remembered the atmosphere of the war years had a poor recollection of the sociopolitical experience of the late 1930s.

This younger generation accepted Paustovskii's memoirs with great enthusiasm – first, as a model of historical biography that they saw as relevant, and second, as an example of an aesthetically perfect (or at least successful) model for a literary autobiographical narrative.

Nina Kravchenko, a twenty-year-old student from the Moscow Teacher Training Institute, quotes fragments of *The Distant Years* in her diary from 1953 and uses Paustovskii to formulate the specifics of children's perception (Kravchenko n.d.). With similar piety, another twenty-year-old student, Larissa Pogudina, writes down quotations from the novel *The Beginning of an Unknown Century* in her diary from 1959: 'Everyone retains on his soul, like the delicate scent of linden trees from Noah's garden, the memory of the problem of happiness, littered with worldly garbage afterwards' (Pogudina n.d.).

In 1959, Liudmila Poliakova, then a nineteen-year-old stu-

dent at the Moscow Pedagogical Institute, later a famous stage and film actress, tried to escape from her native city (Moscow) and her chosen profession (teaching) and went to Odesa (just like Paustovskii left Moscow for Kyiv in 1918 and later Odesa). The escape proved unsuccessful but, sitting at the train station before leaving Moscow, she recalls her recent reading of Paustovskii's autobiography and gives herself a pep talk:

I'm holding a ticket. I'm sitting at the train station, waiting for the train. It's another three hours. That's how early I am. Very anxious. It's interesting to run away from home. But why so anxious? I've tried to read several times, and nothing works. My head is all mixed up. I wish I could cry, but there are no tears. Something is painfully squeezing my heart. I fear for my dream. What if it doesn't work out again? Give me your hand, Paustovskii! (Poliakova n.d.)

In 1963, a twenty-year-old student from the Geology Department of Moscow State University,

Oleg Amitrov, goes to Kyiv on a business trip and enjoys sightseeing with his friends; among the places they visit is 'the castle where Paustovskii served as a soldier' (Amitrov n.d.). This brief reference indicates that Paustovskii's autobiographical stories had become part of the city's cultural topography by this point.

Even the famous literary scholar Mikhail Gasparov, writing about the mid-1950s, when he was an undergraduate and then graduate student at the Philological Faculty of Moscow State University, expressed appreciation for Paustovskii's prose:

I wanted to write criticism as the formalists once did: from the heights of the history and theory of literature. Paustovskii released a new book, I praised it for the faculty wall newspaper, but my words were too unusual: everyone decided that I was not praising but scolding him, and female admirers of Paustovskii gathered to beat me up. This is when I realized I was not a good critic. (Gasparov 2001: 327)

Iulii Daniel' (1925-1988) provides an interesting example of the reception of Paustovskii. He took

part in World War II as a very young man. Still, he was barely in middle school during the period of the Great Terror. Reading Paustovskii's autobiography in 1967, he was left with ambivalent impressions: 'I read Paustovskii's *A Story of a Life*. Oh, what an interesting and confusing book, how kind and – again! – helpless. I wish I had one of those' (Daniel' 2000: 203). Daniel' seems to intuitively detect what Shalamov articulated quite clearly: a kind of falsity, a silencing. The value of his restoration of lost historical context is resorted to the epithets 'confused' and 'helpless'.

Speaking in 1960 at a meeting of the fifth session of the Supreme Soviet of the USSR, Nikita Khrushchev (1894–1971), who belonged to the same historical generation as Paustovskii, characterized him as an author who 'sees only simple, kind people around him, helping each other in a time of need', and was doubtful that this type of social relations met the modern objectives for how the revolutionary period should be depicted. In Khrushchev's view, this mode of representation diverged from the memory episteme which had already developed by the late 1950s: '...was this the meaning of the epoch, the very moment when the capitalist system col-

lapsed, and an unprecedented new world began to emerge?' (Khrushchev 1960)

The model Khrushchev had accurately grasped from Paustovskii's prose – 'simple, kind people helping each other in a difficult moment', along with the position of the private person 'on the margins' of history who still carefully monitors and reflects on what is happening – turned out to be in high demand among the younger generation.

Another feature of Paustovskii's prose, which Aleksandr Gladkov very accurately defined as working in the tradition of Charles Dickens, might have appealed to readers from this younger generation: Paustovskii often used hypertrophied character descriptions. Gladkov stated that Paustovskii took it 'to the point of being [sounding] anecdotal', which also proved to be in demand at the time (Gladkov 1975: 285).

The early 1960s were marked by the rise of student culture. The number of students entering higher education institutions doubled compared to the Stalin era. A central feature of student culture was oral communication and oral speech genres, such as anecdotes, satiric performances, singalongs, and ordinary conversations – in the kitchen during a party or around the fire after a

long hike. Paustovskii's style and mode of representing people in their everyday life matched this cultural trend and was thus in demand among this younger generation.

Specific short stories included in Paustovskii's memoirs resemble anecdotes not only because they emphasize one trait in the protagonist's character but also because their plot includes paradoxical peripety, through which the character succeeds or fails. For example, the protagonist of the short story 'That's Not My Mother' [Eto ne mama], Misha Siniavskii, an artist from Batumi in the early 1920s, paints portraits of townspeople, but his earnings are unpredictable: the customers can say that they do not recognize themselves or their relatives in the portrait and refuse to pay. Then, on his wife's advice, Siniavskii begins to paint portraits of the founder of modern Turkey, Kemal Atatürk, and sells them to ethnic Turks living in Batumi. These earnings prove to be both stable and plentiful. In the finale, it turns out that Misha can draw Atatürk even when blindfolded (Paustovskii 1982, V: 285–86).

A representative of the same younger generation, Sergei Dovlatov (1941–90), was clearly inspired by this novel – its plot, rhythm, and various anecdotal

details – when he depicted Lev Baranov, one of the characters in his story *A Foreign Woman* [Inostranka, 1986]. Baranov's story is as paradoxical as that of Siniavskii, but it has the opposite dynamic: it represents not a success but a failure. Baranov draws numerous portraits of Viacheslav Molotov in the early 1950s. To win a bet, he draws a portrait of Molotov in ten seconds while blindfolded. After the change of leadership in the USSR, Baranov cannot paint the new leaders, Khrushchev, and Brezhnev, well enough and starts losing requests for painting jobs. After a long period of unemployment and drunkenness, Baranov decides to emigrate to New York, where he successfully (at the time of the story) works as a cab driver and in his spare time draws Ronald Reagan on horseback. Thus, the story becomes an ironic reference to Paustovskii, whose character paints Kemal Atatürk on horseback for extra pay (Dovlatov 2017: 8–9). More generally, the question of Paustovskii's influence on Dovlatov – primarily in terms of plot composition and the rhythm of the phrasing and paragraphs – has seemingly not yet been explored and deserves further study.

8. Conclusions

Paustovskii found himself in a paradoxical position in the 1950s. He was one of the forerunners constructing a new memory episteme through his prose, but in the end, his approach did not quite coincide with the mainstream model of liberal Thaw-era memoir writing. At the time, a new autobiographical canon was being developed, largely on the pages of *Novyi mir*, though it was not limited to this journal. At that time the Hegelian notion of the correlation between personal biography and historical time, which had developed among the Russian intelligentsia in the nineteenth century under the influence of Aleksandr Herzen's *My Past and Thoughts* [Byloe i dumy, 1861] (Paperno 2009), was being restored for the older generations of the 1950s. For Paustovskii, however, as a *younger* participant in the literature of Russian modernism with its focus on individualism, personal biographical memory was opposed to the *communal* historical narrative and was considered more important.

For members of older generations, Paustovskii's individualism and pointedly modernist style largely devalued his memoirs. Paustovskii's modernist sty-

listics were perceived by these *elders* as an inappropriate reenactment of the Silver Age, an aesthetic era they considered irrevocably lost. Paustovskii avoided direct descriptions of large-scale historical events and depicted them through anecdotal situations (one may recall, for example, how he describes the establishment of Soviet regime in Odesa in the very first chapter of *The Times of Great Expectations*). Official critics ascribed this strategy to his reluctance to reproduce Soviet narratives about the Revolution and the Civil War (and they were, it seems, right in their diagnosis.) At the same time, anti-Stalinists in the opposition saw it as a cowardly refusal to utter a dangerous truth.

For younger generations, the new idea of history that was being developed in the late 1950s involved the notion that history was different from what was taught in Soviet schools, but above all the representatives of this generation valued the right to choose a unique life path and an acknowledgment of the significance of the individually chosen biography. Therefore, to these younger readers, Paustovskii felt even closer than, for example, Ehrenburg and other memoirists who talked about the traumatic events of the Sta-

lin era, precisely because of the author's individualism and impressionism of his style. For them, Paustovskii rehabilitated the aesthetics of private life, which had been repressed under Stalin.⁶ His descriptions of his endless and, as depicted in his memoirs, aimless travels embodied the idea of freedom. The same generation's members later became involved in tourism and travelled through Russian villages in search of authentic icons and handicrafts. Thus, Paustovskii, in seeking to solve his own existential and artistic problems, became one of the favourite writers of the Soviet *Sixties* generation and, as we see in the quotation from Dovlatov, had a lasting impact on the development of Soviet and even post-Soviet literature.

⁶ On the need for such rehabilitation and its means in the late 1950s, see, for example, Frumkina 2005.

Bibliography

- Amitrov n.d.: Amitrov, Oleg. N.d. *Dnevnik 1952–2007*.
<<https://prozhito.org/notes?diaries=%5B3908%5D&date=1963-01-01&offset=75>> [accessed 22 February 2024]
- Artizov et al. 1999: Artizov, Andrei and Naumov, Oleg (eds.). 1999. *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty TSK RKP(b) — VKP (b), VCHK — OGPU — NKVD o kul'turnoi politike. 1917-1953* (Moscow: Mezhdunarodnyi fond Demokratiia)
- Balina 2003: Balina, Marina. 2003. 'The Tale of Bygone Years: Reconstructing the Past in the Contemporary Russian Memoir' in *The Russian Memoir. History and Literature*, ed. by Beth Holmgren (Evanston: Northwestern University Press), 186–211
- Balina 2011: Balina, Marina. 2011. 'Prose After Stalin' in *The Cambridge Companion to Twentieth-Century Russian Literature*, ed. by Evgeny Dobrenko and Marina Balina (Cambridge and New York: Cambridge University Press), 153–75
- Brainina 1946: Brainina, Berta. 1946. 'Dalekie gody', *Literaturnaia gazeta*, 13(3): 3
- Brockmeier 2015: Brockmeier, Jan. 2015. *Beyond the Archive: Memory, Narrative, and the Autobiographical Process* (Oxford, New York: Oxford University Press)
- Chukovskii 1994: Chukovskii, Kornei. 1994. *Dnevnik. 1930-1959* (Moscow: Sovremennyi pisatel')
- Chukovskii 2013: Chukovskii, Kornei. 2013. *Sobranie sochinenii, XII: Dnevnik*, (Moscow: Terra-Knizhnyi klub)
- Daniel' 2000: Daniel', Iulii. 2000. 'Ia vse sbivaus' na literaturu...': *Pis'ma iz zakliucheniia. Stikhi* (Moscow: Memorial, Zvenia)
- Dobrenko 2020: Dobrenko, Evgenii. 2020. *Pozdnii stalinizm. Estetika politiki* (2 vols), I (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie)
- Dovlatov 2017: Dovlatov, Sergei. 2017. 'Inostranka' in *Sobranie sochinenii, III* (St Petersburg: Azbuka), 5–114
- El'iashevich 1960: El'iashevich, Arkadii. 1960. 'Oskolki vremeni', *Moskva*, 1960, 8, 210–11
- Ermilov 1947: Ermilov, Vladimir. 1947. 'O partiinosti v literature i ob otvetstvennosti kritiki', *Literaturnaia gazeta*, 16: 2
- Fomenko 1960: Fomenko, Lidiia. 1960. 'V edinom potoke (Zametki o zhurnal'noi proze 1959 goda)', *Nash sovremennik*, 1960, 2, 226–37

- Frumkina 2005: Frumkina, Revekka. 2005. 'U sebia doma', *Novyi mir*, 3, 125–30
- Gasparov 2001: Gasparov, Mikhail. 2001. *Zapisi i vypiski* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie)
- Gladkov 1975: Gladkov, Aleksandr. 1975. 'Pokhvala anekdotu' in *Vospominaniia o Konstantine Paustovskom*, ed. by Lev Levitskii (Moscow: Sovetskii pisatel'), 279–89
- Kapiev 1956: Kapiev, Effendi. 1956. 'Iz zapisnykh knizhek,' *Novyi mir*, 2: 226–36
- Khrabrovitskii 2012: Khrabrovitskii, Aleksander. 2012. *Ocherk moei zhizni. Dnevnik. Vstrechi*, ed. by A.P. Shikman (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie)
- Khrushchev 1960: Khrushchev, Nikita. 1960. 'Rech' na 5-oi sessii Verkhovnogo Soveta SSSR', *Literatura i zhizn'*, 56, 8 May.
- Kondratovich 2011: Kondratovich, Alexei. 2011. *Novomirskii dnevnik. 1967–1970* (Moscow: Sobranie)
- Korotkov 1956: Korotkov, Boris. 1956 'Vsegda v pamiaty', *Novyi mir*, 12: 201–16
- Kozlov 2013: Kozlov, Denis. 2013. *The Readers of Novyi Mir: Coming to Terms with the Stalinist Past* (Cambridge, MA: Harvard University Press)
- Kravchenko n.d.: Kravchenko, Nina. *Dnevnik puteshestvii po SSSR (1940–54)*. <<https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221953-01-01%22&diaries=%5B2044%5D>> [accessed 22 February 2024]
- Krestinskii 1955: Krestinskii, Iurii (kommentarii). 1955. 'Iz istorii sozdaniia romana "Vosemnadtsatyi god"', *Novyi mir*, 2: 225–28
- Lakshin 1991: Lakshin, Vladimir. 1991. *Novyi mir vo vremena Khru-sheva. Stranitsy iz dnevnika* (Moscow: Knizhnaia palata)
- Mannheim 1952: Mannheim, Karl. 1952. 'The Problem of Generations' in *Essays on the Sociology of Knowledge*, ed. by Paul Kecskemeti (London: Routledge and Kegan Paul), 276–320
- Paperno 2009: Paperno, Irina. *Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press).
- Paustovskii 1946: Paustovskii, Konstantin. 1946. *Povest' o zhizni*. (Moscow, Leningrad: Detgiz)
- Paustovskii 1954: Paustovskii, Konstantin. 1954. 'Bol'shie nadezhdy', *Novyi mir*, 11: 198–202
- Paustovskii 1955: Paustovskii, Konstantin. 1955. 'Bespokoinaia iunost', *Novyi mir*, 3: 3–33

Paustovskii 1961: Paustovskii, Konstantin. 1961. 'Aleksander Blok', in *Tarusskie stranitsy* (Kaluga: Kaluzhskoe knizhnoe izdatelstvo), 37–41

Paustovskii 1968: Paustovskii, Konstantin. 1968. 'Bravo, Utochkin!', *Literaturnaia gazeta*, 14 August: 6

Paustovskii 1981–89: Paustovskii, Konstantin. 1981–89. *Sobranie sochinenii v 9 tt.* (Moscow: Khudozhestvennaia literatura)

Paustovskii 1996: Paustovskii, Konstantin. 1996. 'Odesskii dnevnik', *Mir Paustovskogo*, 7–8: 6–8

Paustovskii 2012: Paustovskii, Konstantin. 2012. 'Dnevnik 1927–1931 gg', *Mir Paustovskogo*, 30: 27–32

Pogudina n.d.: Pogudina, Larisa. N.d. *Dnevniki (1953–64)*. <<https://corpus.prozhito.org/notes?date=%221953-01-01%22&diaries=%5B2044%5D>> [accessed 22 February 2024]

Perepiska 1956: 'Perepiska A.M. Gor'kogo s M.E. Kol'tsovim', *Novyi mir*, 6: 149–66

Poliakova n.d.: Poliakova, Liudmila. N.d. *Moia rodoslovnaia. (1956–61)*. <<https://prozhito.org/notes?date=%221958-01-01%22&diaries=%5B3617%5D>> [accessed 22 Februar 2024]

Samoilov 2002: Samoilov, David. 2002. *Podennye zapisi* (Moscow: Vremia)

Shalamov 2004: Shalamov, Varlam. 2004. *Novaia kniga: Vospominaniia. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela* (Moscow: Eksmo)

Shakhdat 2017: Shakhdat, Shamma. 2017. *Iskusstvo zhizni: Zhizn' kak predmet esteticheskogo otnosheniia v russkoi culture XVI—XX vekov* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie)

Trifonova 1960: Trifonova, Tat'iana. 1960. 'Proza 1959 goda', *Voprosy literatury*, 3: 3–40

Tvardovskii 2012: Tvardovskii, Aleksandr. 2012. 'Pis'mo k Konstantinu Paustovskomu (26 noiabria 1958)', *Mir Paustovskogo*, 30: 22–23

Special issue

Ирина Савкина

Женщина и время (женские эготексты XX века)

Woman and Time: Twentieth-Century Female Ego-Narratives.

The article aims to give an overview of women's ego-narratives from the twentieth century while demonstrating how the personal experience of living in different periods of the last century was recorded (re-written) and reflected in women's autobiographies, memoirs, and diaries. Twelve texts representing a diverse body of ego-narratives were chosen for the analysis, including well-known texts. These include the diaries of Elizaveta D'iakonova, a student of Bestuzhev courses and a law student at the Sorbonne; accounts from the life of writer and human rights activist Lidiia Chukovskaia; memoirs by the Soviet-era poet Olga Berggol'ts; recollections of Aleksandr Blok's wife, Liubov' Blok; autobiographical texts by a famous Soviet writer, Marietta Shaginian, a Lenin Prize laureate; Elena Rzhavskaia's World War II notes from the front; the autobiographies of Agrippina Korevanova, a peasant woman who became a member of the USSR Writers' Union; and Mariia Arbatova, a 1990s feminist. Among the less-known, 'marginal' texts considered are the diaries of Zinaida Lykova, a Thaw-era schoolgirl, and of Maria Suslova, a collective farmer in the 1980s; the memoirs of the dissident Liudmila Alekseeva and of the wife of Soviet artist Avgust Lanin, Natalia Lanina, are also quoted in the article.

The criteria for selecting narrative samples were the following: the texts should be representative of their time and, at the same time, their analysis should allow the reader to visualize different variants and modes of women's autobiographical writing.

The main task of the scholarly investigation was to uncover the gender specificity of these ego-narratives: to what extent and in what way does this specificity influence the thematic repertoire, the author's point of views, autobiographical discourse, various taboos, real and imaginary addressee, etc., in order to demonstrate the plurality of experiences and strategies of women's writing about themselves and about their time.

1. Введение

Цель данной статьи – сделать обзор женских эготекстов XX века, продемонстрировав, как был записан (переписан), отрефлектирован персональ-

ный опыт проживания различных периодов прошлого века в женских автобиографиях, мемуарах и дневниках. Моя главная задача – выяснить и показать, в чем заключалась гендерная специфика этих

эготекстов: в какой степени и каким образом она влияла на тематический репертуар, авторскую оптику, автобиографический дискурс, различного рода табу, реального и воображаемого адресата и т.д.

Очевидно, что в рамках небольшой статьи задуманный обзор будет заведомо нецелостным и неполным; выбор текстов для анализа всегда может быть оспорен с точки зрения их репрезентативности – безусловно на месте отобранных мною могли бы быть другие авторы и иные тексты. Невозможно также не только сколько-то подробно изложить, но даже затронуть вопрос о теории автодокументального¹ дискурса, специфике жанровых форм: автобиографии дневника, мемуара, автофикшн и представить историю изучения выбранных авторов

¹ В данной статье термины “эготесты” и “автодокументальные тексты” употребляются как синонимичные, обозначая тексты, которые написаны от первого лица и где существует создаваемая особыми усилиями “установка на подлинность”, в том числе и невымышленность того “Я”, которое является повествователем/повествовательницей и автогероем/героиней. Автобиография является одной из жанровых разновидностей эготекста, но иногда, особенно в западной теоретической традиции, употребляется как термин, синонимичный вышеназванным.

и текстов. Все выше названное приходится сокращать до формата ссылок².

Исследование *женской* автобиографии началось в 70-е годы прошлого века. Сначала речь шла о тематических отличиях от текстов, написанных мужчинами, затем феминистская критика сосредоточилась на специфике субъекта и субъектности, демонстрируя, что для женских эготекстов характерна, в частности репрезентация себя через значимых других (Mason 1980), а также двойственность, расщепленность субъекта: конструируя свою уникальность в автописьме, женщина-автор всегда должна учитывать и принимать во внимание, что ее Я уже априорно культурно определено как женское, что делает неизбежными, стратегии как мимикрии и само-

² Наиболее компактными и информативными книгами, дающими представления о разных актуальных аспектах изучения автобиографии, в том числе женской, являются, на мой взгляд публикации исследовательского тандема Сидонии Смит и Юлии Ватсон (Smith *et al.* 1998; 2010; 2016, а также Smith 1987). См. также Савкина (2007: 24–62). О теории женской автобиографии применительно к советскому и российскому контексту см. Rytkönen (2004: 10–98). Об эготекстах, опубликованных в постсоветское время, в том числе и женских, см. также Паперно 2021.

оправдания, так и бунта и борьбы (Brodzki *et al.* 1988; Benstock 1988; Friedman 1988). В 1990-е годы возникает целый ряд направлений феминистской критики, которые ставят под сомнение необходимость усилий по поиску какого-то специфического “женского автобиографического субъекта”, проблематизируя понятие “женщина”, различая в нем очень разнообразные группы женщин: локальные и маргинальные, незападные, номадические, мультикультурные, непривилегированные, аннулированные в квир дискурсе и т.д. (Miller 1996; Smith *et al.* 1998). Все больше исследователей/ниц приходило к выводу, что нет единой, подходящей для любых текстов теории женской автобиографии, нет набора универсальных отмычек, а есть различные парадигмы и возможности гендерно ориентированного чтения, которое позволяет понять множественность опытов и стратегий женской саморепрезентации и письма.

Именно последнее, то есть разнообразие форм и возможностей писать о себе – мне бы хотелось показать в обзоре женских автобиографических практик в России XX века. Избранный материал будет анализироваться в хронологиче-

ской последовательности, так как это, с одной стороны, даст возможность показать, как и с какой степенью специфичности женские эготексты отражают и одновременно конструируют представления “о времени и о себе” в разные периоды прошлого века, а, с другой, – позволит обратить внимание на происходящие трансформации жанровых моделей, тем и способов саморепрезентации.

Для предметного анализа я хочу выбрать как хорошо известные, попадавшие в зону исследовательского внимания, так и малоизвестные, “маргинальные” тексты. Ключевыми критериями для отбора текстов-казусов являются прежде всего следующие: тексты должны быть репрезентативными для своего времени, и в то же время их анализ должен позволить представить читателю разные варианты и формы женского автобиографического письма.

2. Женское автописьмо начала века: модернистские практики и женские судьбы

Елизавета Дьяконова, *Дневник*

Дневник Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874–1902) вместе с некоторыми ее письмами, статьями и стихами был опубликован в трех томах в 1905 году ее младшим братом Александром и выдержал до 1917 года три переиздания. Интерес читателей и критики к книге был довольно большим и в некотором смысле подогревался скандальным или сенсационным интересом к тайне ее гибели: абсолютно обнаженное тело Елизаветы было найдено в августе 1902 года в горах австрийского Тироля, недалеко от пансиона, где жила ее тетушка, навещать которую Дьяконова приехала по пути из Франции в Россию³. Дневник Дьяконова вела с 11 лет до конца жизни. Она родилась в Нерехте, училась в Ярославской гимназии, преодолев огромное сопротивление матери и достигнув

совершеннолетия, поступила на Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге, окончив которые собиралась посвятить себя юридической карьере. Получив отказ от министра юстиции Российской империи, она в 1900 г. уехала в Париж и поступила на юридический факультет Сорбонны, мечтая стать адвокатом и защищать права женщин.

Как многие девочки, Елизавета начинает вести дневник по совету старших, которые видят в этом инструмент (само)контроля и (само)воспитания (Лежен 2006). И во взрослой жизни ведение дневника для нее прежде всего средство самоопределения и поиска смысла жизни и смысла смерти. Вечное забвение, неизбежно рано или поздно поглощающее все и всех, обнуляет ценность существования: эта мучительная для Дьяконовой мысль, к которой она постоянно возвращается в дневнике, приводит ее в состояние отчаяния, депрессии, вызывает мысль о самоубийстве как естественном ответе на неизбежность всеобщего погружения в небытие. Дьяконова описывает чувство ужаса и одиночества – как перед лицом вечности, так в окружающем ее обществе, но при этом, парадоксальным об-

³ С детективной загадки и долгого обсуждения вопроса “почему она была голая” начинается своя книга Павел Басинский, который обратил внимание современного читателя на фигуру Дьяконовой и ее дневник (Басинский 2018).

разом дайаристка полна желания гражданского действия. Ей не нравится широко обсуждаемый дневник Марии Башкирцевой из-за его эгоцентризма. Башкирцева, с точки зрения Елизаветы, пишет о себе любимой, Дьяконова же хочет писать о себе как о божем создании и социальной единице, называя свой текст *Дневник одной из многих*. Для нее важна принадлежность к какому-то сообществу, она испытывает сильное влияние толстовства и народнических идей. Но рассуждая и о вечном, и о бренном, и о путях возможной самореализации, Дьяконова все время ведет немой, а иногда и реальный диалог с неким согладателем и контролером, который постоянно напоминает ей, что она *женщина* и потому ограничена в свободах и правах социально, нравственно и психологически. Воплощением патриархатного “закона Отца” для нее становится мать, которая в дневнике изображается как чудовище контроля и подавления, часто не мотивированного, почти садистского. Мать запрещает все, что не соответствует стандартам “нормального” женского поведения и потому быть собой для Дьяконовой – значит быть *другой*, – не нор-

мальной, изгоем, уродом. Рассматривая себя в зеркало, дайаристка записывает:

Боже мой, какая жалкая, уродливая фигура! Худые, детские плечи, выдавшиеся лопатки, вдавленная, слабо развитая грудь, тонкие, как палки, руки, огромные ноги, неприличных для барышни размеров. Такова я на 20-м году моей жизни. Я чуть не плакала от отчаяния. За что я создана таким уродом? [...] Да, только в одном дневнике можно откровенно признаться, невольно смеясь над собой: что может быть смешнее маленького уroda, который много о себе думает, с сумасшедшими мечтами, всевозможными планами [...]. Это может быть только смешным и глупым. Такова-то и я. И вот почему я никогда не думаю о мужчинах, — влюблённый урод смешон и жалок [...]. Как приятно теперь жить с сознанием собственного безнадёжного уродства! И мне хотелось разбить все зеркала в мире — чтобы не видеть в них своего отражения.

(22.09.1893, Дьяконова
2005: б.с.)

“Уродство”⁴ – это и крест, и возможность, потому что оно легализует ее право быть *другой*: строить утопию чистых, целомудренных отношений с мужчинами (например, “выйти замуж за старика”), или заменить брак братством – семьей единомышленников, или заняться “женским вопросом”. Последняя, французская часть дневника (*Дневник русской женщины*⁵), как отмечал, например, брат-публикатор, во многом литературна: это своего рода “автофикшн”, где записи о реальных событиях жизни смешиваются с вымыслом. В осмыслении ключевого вопроса *что значит быть женщиной* линия интеллектуальных споров о женских правах и свободах, в которых авторперсонаж отстаивает феминистские позиции, противоречивым образом соединяется с романической линией чувственных соблазнов и провокаций, любовных желаний, надежд и разочарований. Последние страницы дневника рассказывают о приготовле-

нии “Я-героини” к самоубийству, то есть, в нарративе выхода из этого конфликта феминистской освобождающей мысли и порабощающего чувственного телесного желания Дьяконова не находит. “Женщины не существует”⁶ – значит ее и быть не должно, – на этом заканчивается текст дневника, превращающегося в роман.

Любовь Блок, *И были, и небылицы о Блоке и о себе*

Любовь Дмитриевна Блок (1881–1939) известна как Прекрасная Дама поэзии Александра Блока и адресатка многих стихов Андрея Белого, как одна из ключевых фигур в жизнетворческих практиках младосимволистов. Однако практически всю свою сознательную жизнь она пыталась выйти за пределы предложенной ей роли: была актрисой, после смерти Блока занималась театроведением, написала книгу по истории русского балета, а незадолго до своей кончины в 1939 году принялась за воспоминания *И были, и небылицы о Блоке и о себе*.

⁴ На фотографиях Дьяконова вполне привлекательная девушка.

⁵ Под этим названием иногда публикуют весь текст дневника Дьяконовой.

⁶ Известное, ставшее своего рода “мемом” высказывание французского психоаналитика и философа Жака Лакана в его работах 1970-х годов о женской сексуальности.

Мемуары не были завершены, остались во фрагментах и были изданы по машинописным спискам в конце 1970-х годов в Германии. Несмотря на то, что академическое издание воспоминаний Л. Блок еще только готовится, существующие публикации позволяют хорошо понять интенции и основные идеи этого эготекста.

Любовь Дмитриевна начинает его с довольно пространных диалогов с воображаемыми читателями, перед которыми оправдывается, отстаивая свое право писать не только (и не столько) о поэте, женой и музой которого она была, но о себе.

...они знали, какая я должна быть, потому что они знали, чему равна “функция” в уравнении – поэт и его жена. Но я была не “функция”, я была человек, и я-то часто не знала, чему я равна, тем более чему равна “жена поэта” в пресловутом уравнении. Часто бывало, что нулю; и так как я переставала существовать, как функция, я уходила с головой в свое “человеческое” существование (Блок 1979: 5–6).

Повествование автобиографично, рассказ скорее не о Блоке, а о себе – попытка воплотиться в нарративе в самостоятельное женское существо, а не функцию/фикцию. Вспоминая историю своего знакомства и отношений с А. Блоком и А. Белым, мемуаристка откровенно рассказывает, что значила для ее жизни идея софийной чистой любви, в которой воспеваемая в стихах жена/возлюбленная превращалась в бестелесный символ, в Афродиту небесную, а стихия чувственного желания (у Александра Блока) реализовывалась в продажной любви “Афродит площадных”. В образе автогероини воспоминаний подчеркивается именно *телесная*, живая женская красота⁷. Как и в дневнике Е. Дьяконовой, здесь есть сцена разглядывания себя в зеркале – но в результате возникает не отвращение к себе, а напротив чувство восхищения, которое сопровождается почти автоэротическим, нарциссическим желанием.

Теперь я была уже влюблена в себя, не то, что в

⁷ О мемуарах Л. Блок как о тексте, нарушающем табу на обсуждение женской сексуальности см. Heldt 1987, 93–98.

гимназические годы. Я проводила часы перед зеркалом. Иногда, поздно вечером [...] я брала свое бальное платье, надевала его прямо на голое тело и шла в гостиную к большим зеркалам. Закрывала все двери, зажигала большую люстру, позировала перед зеркалами и досадовала, зачем нельзя так показаться на балу. Потом сбрасывала и платье и долго, долго любовалась собой. Я не была ни спортсменкой, ни деловой женщиной; я была нежной, холеной старинной девушкой. Белизна кожи, не спаленная никаким загаром, сохраняла бархатистость и матовость. Нетренированные мускулы были нежны и гибки. [...]. Так задолго до Дункан, я уже привыкла к владению своим обнаженным телом, к гармонии его поз [...]. Не орудие “соблазна” и греха наших бабушек и даже матерей, а лучшее, что я в себе могу знать и видеть, моя связь с красотой мира. (Блок 1977: 31–32)

Мотивы здоровья, полнокровности, телесной красоты, чувственности, на которых Любовь Дмитриевна делает главный акцент в своих воспоминаниях, расколдовывают от поэтических чар, возвращают ей аннулированное в эротической софийности символистов тело, а вместе с ним и самую себя: не отвлеченную идею любви, а Любу, Любовь Дмитриевну Менделееву-Блок. Можно сказать, что ее мемуары в некотором роде развернутый комментарий к тексту письма, которое Люба Менделеева, по ее словам, написала, но не передала Блоку в январе 1901 года: “Вы навоображали обо мне всяких хороших вещей и за этой фантастической фикцией, которая жила только в Вашем воображении, Вы меня, живого человека, с живой душой, и не заметили, проглядели” (Блок 1977: 42).

Воспоминания Любви Блок – попытка женского воплощения, попытка написать собственную историю жизни со всеми ее нелепостями, неудачами и потерями, вырвавшись из плена мужской идеализирующей и одновременно обнуляющей версии. Можно сказать, что, деконструируя символистскую поэтику высоких абстракций, Любовь Дмитриевна Блок пытается писать

“телом”, к чему гораздо позже будут призывать феминистские писательницы и критики.

История фабрик, заводов и женщин

Агриппина Кореванова, *Моя жизнь*. (Автобиография уральской работницы-крестьянки)

После 1917 года в усилиях по реализации проекта создания “новых людей” советской власти нужны были экзemplарные истории трансформаций, “перековки” людей “старых”. Среди подобных книг в 1930-е годы бурную, хоть и короткую популярность обрела книга Агриппины Гавриловны Коревановой (1869–1937) *Моя жизнь* – образцовая история превращения простой рабочей бабы в сознательную коммунистку и советскую писательницу. Агриппина Гавриловна родилась в бедной семье, трудилась на различных тяжелых работах, потом служила санитаркой в больнице, вступила в 1919 году в партию, во время гражданской войны была сотрудницей фронтового госпиталя, затем воспитательницей в детдоме, избачом в деревне. По ее словам, с ранних лет она писала на любых бумажных

обрывках заметки о своей жизни. Из них и была составлена ее автобиографическая книга или “роман” *Моя жизнь*. “Немые до Октябрьской революции, женщины, крестьянки и работницы, начинают сами, своими словами рассказывать о прошлом. Они пишут книги, и эти книги имеют значение исторических документов”, – писал М. Горький в предисловии к произведению (Кореванова 2021: 7). Насколько в автобиографии мы слышим собственный голос крестьянки и работницы, остается только догадываться. Записи Коревановой, разумеется, подверглись неоднократной редакторской обработке: и содержание, и язык, вероятно, не вполне соответствуют аутентичному тексту. (Литовская *et al.* 2020: 19–20)

“Роман” складывается из фрагментов, отсылающим к разным жанровым и стилевым традициям: это то воспоминания, то дневниковые записи, то свидетельства очевидца, то очерки быта и нравов.

В 2019 году студенты Екатеринбургского университета под руководством доцента О. В. Климовой осуществили интересный проект: они параллельно подготовили репринтное издание книги Коревановой и создали свой вариант

женской истории на основе ее текста: *Её жизнь. По мотивам романа А. Г. Коревановой Моя жизнь* (Климова 2020), выбрав из него только то, что рассказывало о травматическом опыте женщины, жившей в обстановке постоянного физического и психологического насилия, то есть, превратив текст Коревановой в автогинографию (autogynography)⁸. Такая операция по актуализации советского текста в рамках сегодняшней фемповестки, подчеркивала в принципе то же, что и автор предисловия к изданию 1936 года М. Горький, делавший главный акцент на тяжелой доле бабы, которая до революции была “забита до отупения”. Однако, реальный текст Коревановой сложнее, противоречивее и в некотором роде более феминистский, чем версия студенток XXI века. В автобиографии Агриппины Гавриловны наряду с рассказом о себе как о жертве насилия, есть и другая ипостась автогероини. Она внутренне свободная, неуживчивая, неудобная женщина – столкнувшись с тем, что ей не нравится, Агриппина сразу определяет это как насилие,

⁸ Термин Домны Стантон, который подчеркивает, что в женском авто-тексте необходим акцент на истории именно женского Я (Stanton 1987).

козни других людей, рвет и уходит, начиная заново, пока снова не возникает конфликт. Виновны в ее книге всегда другие: в советских главах враги и насильники маркируются социально, до революции – это патриархатный мир, где женщина бесправна, но должна бороться с грязью и неурядицами и упорядочивать жизнь. (Интересно, что в этом мире другие женщины очень редко выступают как союзницы и сестры, чаще – как доносчицы и мучительницы). Вступление в партию дает ей рычаги для выполнения матриархатной функции упорядочивания хаоса.

Автобиография Коревановой соединяет в себе две истории: историю жертвы и историю победительницы. Конечно, второй сюжет во многом предопределен социальным заказом, но, безусловно, присутствует в оригинальном тексте. Сюжет самовоплощения придает судьбе историческую осмысленность и легализует автора в качестве писательницы (что, как следует из текста, для нее очень важно), превращая автобиографию в историю выполненного предназначения: для того и жила, чтобы описать в назидание читателям, а главное – читательницам. Травматический

женский опыт описывается как трамплин для успешного опыта одобренной и награжденной советской писательницы.

Советская женщина: пафос официального героизма и марксистская рефлексия о себе и о времени

Мариэтта Шагинян, *Человек и время: история человеческого становления*

В советское время были написаны многочисленные автобиографии “новых людей” женского пола – партийных функционеров или соучастниц строительства новой жизни. в том числе и писательниц (Liljeström 2000). Так, например, своего рода женской версией истории про то “как закалялась сталь” можно называть, автобиографическую книгу Веры Кетлинской *Здравствуй, молодость!* (1975).

Но я хочу сделать предметом рассмотрения более сложный случай – книгу *Человек и время* почитаемой советской писательницы, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской премии Мариэтты Сергеевны Шагинян (1888–1982), которая начинает писать эти воспоминания в 1970 году

в восьмидесятидвухлетнем возрасте и заканчивает их описанием празднования своего девяностолетнего юбилея, закрывая некоторые необсужденные темы, потому что подступающая слепота и болезни не дают возможности продолжать работу над мемуарами. После финального *Dixi* стоит дата “31 июля 1978 года, 90 лет и 4 месяца”.

В мемуарах Шагинян есть два не параллельных, а переплетающихся сюжета: история жизни и история работы над историей жизни. Писательница понимает время как пространство: прошлое-настоящее-будущее как будто простираются перед ее взором, и она “перечитывает” свою жизнь в постоянном диалоге с читателем, делая автобиографические факты и подробности аргументами в обсуждении/рассуждении, цель которого, в частности, найти ответ на вопрос “кто есть Я”. Мемуаристка стремится представить и понять себя через принадлежность к профессии (как философа, историка, публициста, исследователя, писателя), к роду (как армянку), к человечеству, и, пожалуй, в самой меньшей степени – через категорию гендера (как женщину). Постоянно опираясь на незыб-

лемый для себя авторитет Гете, она представляет свою жизнь/судьбу как путь духовных исканий. Мемуаристка утверждает, что в движении по этой дороге жизни она в конце концов нашла критерий истины в марксизме и конкретно в идеях Ленина, на труды которого регулярно ссылается. Она подчеркивает, что вспоминает и описывает “годы учения”, “годы странствий”, перипетии отношений со своим временем *человека* (своего рода Вильгельма Мейстера), а не женщины. Но гендерный или точнее половой аспект в ее динамическом самоисследовании все же присутствует: женственность отвечает за телесно-чувственное начало этих поисков себя. Одним из ключевых эпизодов мемуаров М. Шагинян является описание и осмысление ее отношений с Зинаидой Гиппиус, при которой молодая Мариэтта четыре года была кем-то вроде послушницы и ученицы, подмастерья в духовном деле. В религиозно-духовных исканиях начала века, которым посвящена большая часть книги *Человек и время*, присутствовало сильное эротическое начало; в восходящей к идеям В. Соловьева софийной “эротической утопии”, “оргийность” была

сложным образом переплетена с идеями аскетизма, воздержания, сексуального целомудрия. Эротическое желание, по представлениям деятелей русского модернизма начала XX века, должно быть направлено не на продолжение рода, а на победу над смертью в глобальном проекте преобразования мира (Матич 2008). Этот контекст является важным для понимания того, почему взаимоотношения с З. Гиппиус изображены в мемуарах как история обманутой и поруганной любви. Но при сильнейшем духовно-эротическом накале этих отношений (со стороны Мариэтты) в них нет ничего телесного. В отношении к телу как к чему-то неважному, если не “грязному” Шагинян наследует традицию символистов, помноженную на советское идеологическое пуританство. В мемуарах она несколько раз пламенно разоблачает технику поцелуя, “имитирующего половой акт”:

Поцелуй, позорящий публично губы, учащий молодежь школьников и детей своей страшной технике, так легко, через зримое действие, перенимаемой, где на глазах у сотен зрителей проис-

ходит убиение любви, перевод возможного личного чувства в возникающее безличное ощущение, а возможного счастья – в легкодоступное самодовлеющее наслаждение. С полной ответственностью, абсолютно правдиво могу сказать, что мое поколение, все, кого я знала вокруг себя как друзей и современников, не были знакомы с *такой* (выделено автором – И.С.) техникой поцелуя. Сужу по себе: я никогда и ни разу так не целовалась и надеюсь – в свои 83 года – уже никогда так не поцелуюсь. (Шагинян 1982: 135–136)

Секс, телесное, чувственное в мемуарах М. Шагинян – это область ощущений, в то время как желание – это источник деятельности и созидания, источник не полового наслаждения, а творческого акта, который “прежде всего и главное всего – *преодоление* (выделено автором – И.С.) личного материала жизни в нечто абсолютно надличное” (Шагинян 1982:147). Хотя в книге Шагинян довольно много написано о женщинах, женских *других* и

прежде всего – о сестре и школьных и студенческих подругах, но тема сестринства тоже “разгендеризируется” и трансформируется в идеи всечеловеческого братства. Интересно видеть, как советская попытка аннигиляции пола в идеологически всеобщем понятии “товарищ” и искания символистов начала века, которые оказали на Шагинян огромное влияние, оказываются не взаимоуничтожающимися, а взаимодополняющими внутри важной для мемуаристики идеи переплавки полового желания в энергию творческого созидания (цель которого, конечно, различна у символистов и ленинцев). До непосредственного изображения советского времени воспоминания М. Шагинян не доходят, но теоретический (в виде трудов В. Ленина) и практический опыт советского периода является для мемуаристики безусловно “критерием истины” и образцом воплощенной творческой энергии.

Трагический опыт сталинского и военного времени через гендерную оптику

Лидия Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой*

Об эготекстах, описывающих травмы сталинизма через женскую оптику, существует уже достаточно серьезный круг исследовательской литературы (Fitzpatrick 2000; Holmgren 1993; Kolchevska 1998; Pratt 1996; Rytönen 2004) Страшный опыт Гулага описан в воспоминаниях Евгении Гинзбург, Тамары Петкевич, Анны Лариной-Бухариной, Ольги Адамовой-Слиозберг, Ефросиньи Керсновской, Нины Гаген-Торн и других. Эти свидетельства содержат трогательные подробности женских попыток обустройства жизни в аду сталинских тюрем и лагерей и почти невыносимые рассказы о специфических изоциренных средствах и способах унижения женского достоинства и материнского чувства.

Не менее важны и известны опыты женской автобиографии сталинского времени через жизнеописание другого/другой, например, *Воспоминания Надежды Яковлевны Мандельштам или Записки об Анне Ахматовой* Лидии Корнеевны Чуковской (1907–1996)⁹.

⁹ И та, и другая книга не раз становились объектами исследовательского внимания. См, например (Holmgren 1993; Паперно 2021: 95–177).

Лидия Чуковская 1966 году в предисловии к *Запискам об Анне Ахматовой* пишет о том, что в трагические годы террора невозможно было вести “традиционный дневник”:

Реальность моему описанию не поддавалась; больше того – в дневнике я и не делала попыток её описывать. Дневником её было не взять, да и мыслимо ли было в ту пору вести настоящий дневник? [...]. С каждым днём, с каждым месяцем мои обрывочные записки становились всё в меньшей степени воспроизведением моей собственной жизни, превращаясь в эпизоды из жизни Анны Ахматовой. Среди окружавшего меня призрачного, фантастического, смутного мира она одна казалась не сном, а явью [...]. Она была несомненна, достоверна среди всех колеблющихся недостоверностей. (Чуковская 1997, 1: 11–13)

Речь идет о действительности, которую невозможно и немислимо описать, об опыте, который можно определить как травматический, приво-

дящий к дискурсивному параличу. Для того, чтобы в этой ситуации говорить/писать Чуковская должна “переопределить” реальность, найти в ней зоны “нормального”, поддающегося описанию. Таким пространством “нормы” в мире тоталитарного абсурда и безумия для автора является культура, поэзия, которая, несмотря на все усилия власти, ускользает от тотального контроля и надзора. Ахматова с ее поэтической свободой становится олицетворением иных (несоветских) практик существования; она для автора записок – воплощенная муза и живая культура в царстве насилия и мертвечины. То, что и автор, и героиня женщины, – важно, потому что они более беззащитны и уязвимы (как матери и жены) и потому сохранение внутренней и творческой свободы связано для них с огромными усилиями по преодолению страха за близких и вынужденным самопожертвованием. Гендерное у Чуковской (как и все остальное) вмонтировано в культурное. Быть музой и хранительницей слова – миссия, которую Ахматова при всех ее человеческих и женских слабостях исполняет, и потому “через нее”, рассказывая о ней, можно говорить о том, что

кажется невыразимым в своем ужасе.

Чуковская пишет от первого лица, но не себе, а об Ахматовой. Однако, последнее не отменяет “дневниковости” или, точнее, персонализации, эгоцентризма текста. Записки о другой женщине – своего рода дневник Чуковской, в котором она описывает себя, описывающую жизнь “сопластницы”, если воспользоваться термином А. Герцена. Ахматова, конечно, не двойник автора, но в ней воплощено главное содержание интеллектуальной и духовной жизни Чуковской, которое непременно должно быть записано, так как обеспечивает целостность и непрерывность той части персональности автора Записок, которая составляет ядро индивидуальности и потеря которого уничтожает личность. Это “ядерное” Я Чуковской – ее идентичность русского интеллигента, носителя культуры и хранителя культурной памяти¹⁰.

В этом смысле перед нами не хроника жизни Ахматовой, где Чуковская лишь свидетель и

¹⁰ Все эти слова надо написать в мужском роде, потому что так же, как и для Шагинян (но одновременно и иначе), в книге Чуковской женское поглощено человеческим, точнее интеллектуально-культурным.

фиксатор, а особого рода дневник: персональный текст о главном содержании жизни, о том, что позволяет выжить и пережить травматический опыт террора, в том числе и усилием письма.

Елена Ржевская, *Ближние подступы. Записки военного переводчика*

Елена Ржевская (Елена Моисеевна Каган, 1919–2017) пишет свои книги о Великой Отечественной войне на основании записей и заметок, сделанных во время военных событий, в которых она принимала участие в качестве переводчицы. В автобиографической повести¹¹ *Домашний очаг* автор рассказывает, как в конце 1940-х годов пыталась опубликовать свои тексты в журнале *Знамя*. «Рассказы мне вернули, сказав: [...] у вас быт войны, стоит ли его описывать, это никому не интересно'. Но я могла писать только то, что могла, инстинктивно чувствуя: крупные события, батальные

сцены напишут другие, а быт войны, будни забудутся, пропадут. Те приметы, детали памятью, чувством связывают меня с войной. Это мое. Жизнь на войне» (Ржевская 2011: 544).

В автобиографической повести *Ближние подступы* (1980), которая имеет подзаголовок *Записки военного переводчика*, нет сюжета, нет главных и второстепенных действующих лиц. Автора интересует не то, что происходит «на театре военных действий», а то, что делается «за кулисами» и не попадает на страницы газет и учебников истории: повседневность войны, ее «неучтенные жертвы». «Я думала: война. А это – дорога, небо, дети, крестьяне, городской люд, голод, смерть» (Ржевская 2011: 249). Ржевская пытается зафиксировать свой (травматический) военный опыт вне рамок, предлагаемых существующей традицией писания о войне, которая очевидным образом гендерно маркирована, так как в ней доминирует мужской взгляд участника-бойца. Выбор такой фрагментарной и мозаичной формы эгописьма как *записки* позволяет этот канон до определенной степени игнорировать. Повествовательница создает мозаику из отдельных, несвя-

¹¹ Издатели предпочитают называть тексты Ржевской «повестями», хотя все они подходят под определение автодокументальной прозы с ее установкой на подлинность и повествованием от лица невымышленного Я, совпадающего с реальным автором текста.

занных между собой эпизодов, причем все время “ворошит”¹², то есть передвигает их. Возникает своего рода эффект калейдоскопа: все время создаются разные “целостности”, общая картина меняется, и не один из вариантов не может претендовать на окончательную правду – всегда может найтись иной взгляд, иное свидетельство, которое переместит представления о центре-периферии. Эта “мозаика” или какофония войны складывается в большой степени из аутентичных чужих голосов, чужих свидетельств, где авторский голос – один из многих, он как будто не имеет привилегированной позиции: “Я не выше, не мудрее, не подлее и не чище войны. Я тоже принадлежу ей” (Ржевская 2011: 347).

Ржевская выстраивает свою авторскую идентичность как пограничную: она одновременно “внутри” и “вне” событий войны, и само место действия – рубежное (на ближних подступах к Ржеву, к собственно военным действиям). Важно, что в подзаголовке Ржевская подчеркивает и свою

¹² Другое документально-художественное произведение Е. Ржевской о Ржеве, военных событиях, памяти и современности называется *Ворошенный жар*.

профессиональную идентичность военной переводчицы с ее “транс-миссией”, ибо переводчик по определению человек фронта; его функция – создавать связи между языками и собеседниками, а в случае военного переводчика между своими и чужими. Пограничность связана и с гендерным аспектом идентичности повествовательницы. Ее взгляд нельзя назвать строго гендерно ориентированным: она пишет не только о женщинах, но женщины в ее мозаичной картине войны становятся *видимыми* и получают *право голоса*. Ржевская показывает женское лицо войны, вернее, многие, многообразные женские лица и голоса. Но одновременно важно, что женское, будучи включенным, вмонтированным в картину войны, не становится органичной частью военного дискурса; через женское происходит постоянное *отчуждение* от войны, присутствие женского в картине войны не позволяет ей “натурализоваться”.

Солдат он и есть солдат.
Стреляют, убивают, хоронят,
поднимаются в атаку, идут в разведку –
это война. А бредущие
бог весть куда разутые,
голодные бабы с котом-

ками, с голодными детьми, беженцы, погорельцы – это ужас войны. (Ржевская 2011: 264)

Но вот женщина постарше меня и более, чем я, тяготеющая к мирной, регулярной жизни высказалась так: Женщина огрубляется на фронте. И не из-за условий лишь. Больше всего из-за того, что нет у нее самых что ни на есть простых женских тягот. Не отягощена. А война ею завладеть не может – это она только мужчиной. А ею не может, и все тут. И в душе у нее неприбранно, неприкажнно, все так и болтыхается. (Ржевская 2011: 281–282)

Ближние подступы и другие автобиографические тексты Ржевской о войне (*От дома до фронта, Ворошенный жар, Далекий гул*), жанр которых, вероятно, точнее вслед за автором точнее всего определить как “записки”, имеют и свой эго-сюжет, историю авторского Я, лейтмотивом которой является поиск или создание собственной человеческой, женской, профессиональной идентичности, и (че-

рез выбор и трансформацию жанра) поиск места письма, той позиции, с которой можно описать собственный травматический военный опыт и как персональный, и как гендерный, и как часть коллективного опыта, коллективной памяти.

Ольга Берггольц, *Блокадный дневник*

Если военные записки Елены Ржевской строятся на последовательном отстранении автора, приглушении собственного голоса, то дневник Ольги Федоровны Берггольц (1910–1975) периода войны и блокады, напротив чрезвычайно эмоционален и в определенном смысле эгоцентричен. Это лирический дневник, хроника чувств, поток сознания, заговаривание ужаса. Некоторые записи, как, например, сделанные во время бомбежек или в больнице рядом с умирающим от голода и эпилепсии мужем Николаем Молчановым, – нечто вроде автоматического письма; здесь письмо – процесс, удостоверяющий собственное существование (“пишу – значит (еще) существую”).

Блокадные записи Берггольц – это попытка описать нечто,

для чего нет не только слов, но и чувств:

У нас еще или просто нет эмоций, отвечающих за то, что мы переживаем. Запаса эмоций – удивления, гнева, печали, отчаяния – уже не хватает. Отсюда та тупость, то равнодушие, которым мы отвечаем на гибель близких людей и на ужас происходящего. Я уже несколько дней не плачу и не отчаиваюсь. Я погружаюсь в тупую и мелочную бытовую действительность. (10.2.1942, Берггольц 2020: 147)

Голод и холод вынимают душу и отнимают тело. “Я опухла до безобразия, все время хочу мочиться, недержание мочи абсолютное, от месятки¹³ пучит” (14.01.1942, Берггольц 2020: 147). Людей, измученных голодом, Берггольц называет в дневнике “истощенцами”. (Берггольц 2020: 114) Старославянское

истъщати означает делать пустым (тощим, тщетным). Дневник Берггольц – это усилие заполнить пустоту, тщету

¹³ Месятка – смесь из отрубей, мякины, отходов при производстве муки.

словом. В отличие от стихов, в дневнике сопротивление расчеловечивающему душевному и телесному истощению лежит не в области героического. “Все, что мы переживаем – страшное бедствие, уродство, позор, смрад, людское бесчестие и величайшая глупость и бессмыслица. Мы знаем об этом [...]. О, лучше, лучше бы, если б не было этого ленинградского героизма и мужества”, – записывает она 20 января 1942 (Берггольц 2020:128). И несколькими днями позже: “Позор, позор – вот что значит вся эта ленинградская героика, так нельзя, так нельзя, как с Колей и другими. ТАК НЕЛЬЗЯ!” (25.01.1942, Берггольц 2020: 135).

Но если приходится жить в пустоте и бреде, то, как утверждает дайаристка, надо сопротивляться смерти, возвращая в себе чувство жизни и даже наслаждения жизнью. Многие страницы дневника заполнены описанием сложных любовных отношений с Георгием Макогоненко, и именно желание, которое появляется, когда голод немного отступает, в дневнике описывается как женская стратегия сопротивления опустошающему злу войны. Как и в мемуарах Любови Блок, в блокадном дневнике Берггольц есть

сцены любования собой, своим телом: “А я верно очень хороша стала. Кожа потрясающая – атласная, упругая, теплая, играет всеми тончайшими своими цветами. Цвет лица небывалый, ярко-голубые глаза, тело пополнилось налилось, приобрело какую-то особую ленивость” (16.5.1942, Берггольц 2020: 132). Жизнь – телесна, и потому наслаждение видом собственного тела, описание возвратившегося сексуального желания, предполагаемых (но не осуществившихся) беременностей – это большая победа над смертью и пустотой, чем героическая (и часто принудительная) жертвенность. “Навзрыд живу”, – записывает Берггольц 11 марта 1943г. (Берггольц 2020: 281). Так же “навзрыд” она пишет и свой блокадный дневник.

Оптимизм Оттепели: любовь, дружба, коллектив в девичьем дневнике

Зинаида Лыкова (Леянова), *Дневник*

Пытаясь выделить что-то общее в женских автотекстах, в то же время нельзя забывать и о важности различий: между автобиографией, записками и дневником; между текстами профессиональных писательниц и обыкновенных женщин;

между “взрослыми” и девичьими текстами.

Зинаида Степановна Лыкова, в замужестве Леянова (1945–2014) – обыкновенная советская девушка, которая училась в школе рабочей молодежи в Череповце, потом была студенткой Лесотехнической академии в Ленинграде и интенсивно вела дневник в течение 1962–1968 годов. Сохранились и оригинальные записки в общих тетрадях¹⁴, и отредактированная автором версия, опубликованная в 2012 году в формате электронной книги под названием *Все станет прошлым. Дневник Лыковой*¹⁵ (1962–1968 годы) (Леянова 2012).

Дневник девочки-подростка эпохи оттепели заполнен подробным рассказом о повседневной жизни, школе, быте, увлечениях, мечтаниях и т. п. Один из сквозных сюжетов этого девичьего дневника – история собственного одиночества, изгойства, мотивированная тем, что Зина перенесла операцию на сердце, после которой врач велел ей тщательно следить за здоровьем и

¹⁴ Они в оцифрованном виде выложены на сайте проекта Прожито <<https://prozhitо.org>> [последнее посещение 9 июня 2024].

¹⁵ “Лыковенко” – девичье прозвище Зины Лыковой.

предрек недолгую жизнь. Кроме того, Зина полагает, что у нее есть существенные дефекты характера: неумение быть веселой, общительной, легкой – “такой, как все”. Огромное количество записей посвящено мрачным рассуждениям о собственном несовершенстве и обреченности. Но эти ламентации соседствуют с подробным описанием повседневной жизни, которая вся пронизана духом коллективизма и состоит из бесконечных разговоров, хождений к друг другу в гости, писания почти нон-стоп многостраничных писем подругам. В дневнике Зины Лыковой рассказывается о нескольких историях девичьей дружбы, но самая выразительная – дружеский роман с Наташей Загребой (на страницах дневника она – Натка, Натулька, Талька, Талечка, Талюнча, Загребка, Загребушка). Подруги ходят к друг другу в гости по несколько раз в день, а не застав, оставляют записки, дежурят под окнами, вместе поют, шьют, гуляют, скучают при самой недолгой разлуке: “Весь день не видела Талю. Она не пришла в школу ни утром, ни вечером. Почему? Заболела? Неужели и завтра не придет? Не виделась с ней всего день, а уже соскучилась” (13.02.1963).

Дружба эта описывается словами любви, да, впрочем, Зина сама так и пишет: “В ‘Обществеведении’ даны такие определения любви [...]: ‘Любовь – это моральная и физическая невозможность жить без другого человека’. Вот и у меня сейчас что-то вроде этого к Наташке” (19.02.1963); “Талька ревнует к Зине. Напрасно, совсем зря Наташа волнуется. Я ей не собираюсь ‘изменять’. Милая, разве ж это дело? Что же, по-твоему, мне нельзя нормально разговаривать с людьми, непременно это явится изменой тебе? Ой, не надо так. Я же тебя люблю” (22.02.1963).

Но эротизм, если и присутствует в этих записях, то очень факультативно, как составляющая дружеской близости, которая описывается идиомой “не разлей вода”. Счастье такой разделенности своей жизни с другим почти физическое: “Слушала Талькины рассказы и радовалась за нее. Когда у нее все хорошо, то и мне легче дышится” (25.05.1963). В дневнике есть и другие истории бурных и драматических отношений с подругами. Мрачные записи об одиночестве не соседствуют даже, а парадоксальным образом “вшиты” в рассказ о коммунальном и коллективном как

естественном способе существования.

Подготавливая в пожилом возрасте свой дневник к Интернет-публикации, Зинаида Степановна Леянова в 2012 году заметно сокращает и корректирует дневник Зины Лыковой 1962–1968 года. Она выбрасывает из текста практически все записи с описанием своих болезней и переживаний по этому поводу, а также такие подробности из жизни подруг, как аборт, нежелательные беременности эротизированные игры, выпивки и т.п. Редуцируется многое, связанное именно с телесными практиками – с сексуальностью и болезнью, и образ автогероини оказывается приближен к тому, что читатель и ожидает увидеть в дневнике девочки оптимистической эпохи оттепели. Между тем, в оригинальном тексте в двух этих “сюжетах”: в описании отношений со значимыми другими (прежде всего – с подругами, в меньшей степени – с матерью, еще в меньшей степени – с учителями и совсем в незначительной степени – с мужчинами) и отношений с собственным телом и духом – нарративно воплощены две главных стратегии гендерной и социальной самоидентификации, о которой и рассказы-

вает девичий дневник 1960-х годов.

Советское время в “наивных” женских автотекстах

Мария Сулова, *Дневник (1981–1985 годы)*

Мария Петровна Сулова (1926–2008) закончила 7 классов сельской школы, трудилась на заводе, после замужества переехала в село Комгорт Пермского края, где работала дояркой, продавцом, бригадиром полеводческой бригады, заведующей фермой. Дневник она начала вести после смерти матери в 1981 году в возрасте 55 лет и подарила несколько тетрадей своих записей фольклористкам из Пермского университета И. И. Русиновой и А. В. Курниковой, которые опубликовали их в 2007 году.

Наталья Козлова и Ирина Сандомирская в своем блестящем исследовании автобиографического нарратива полуграмотной простой женщины Евгении Киселевой¹⁶ называют текст, написанный человеком, для которого “практика письма не является

¹⁶ Об автобиографических записках Е. Киселевой см. также Паперно 2021: 178–226.

обязательной ни в профессиональной, ни в обыденной жизни”, “наивным письмом” (Козлова, Сандомирская 1996: 13). Дневник Сусловой многими своими свойствами напоминает текст Евгении Киселевой, но в то же время и существенно от него отличается, так как представляет собой не спонтанный поток произвольно, без соблюдения грамматических норм записанной устной речи, а подневные записи, стремящиеся быть своего рода отчетом. Сулова пишет достаточно правильным языком, но не разделяет запись на логические сегменты, практически не пользуется запятыми, точками и заглавными буквами.

Ее дневник – это женская хроника повседневности, стремящаяся к регистрации событий, а не к их эмоциональной оценке или рефлексии. Рутинная, обыкновенная, ежедневная женская жизнь, которую фиксирует Сулова, состоит из никогда не прекращающейся работы по дому и по хозяйству, рыбалки, собирания грибов и ягод, интенсивного общения и не менее интенсивного “пирования”. Центром мира, запечатленного в дневнике, является, несомненно, семья. Описываются контакты с дочерьми, со све-

кровью и свекром и другими родственниками. Но центральная фигура в дневнике – муж, в назывании которого – единственного из персонажей *Дневника*, используются многообразные номинации, и только по отношению к нему эти номинации иногда имеют оценочную, эмоциональную окраску, что вообще не характерно для протокольного стиля бытового дневника Сусловой. Муж называется не только “он” или “Ваня”, но *муж* (Сулова 2007: 11)¹⁷, *мужик* (18), *сам* (82, 103), *тот* (87) *лежебока* (96, 123 (*тунка*, то есть *тунеядец* – 98), *идол* (56,131), *Хренов* (32), *жадина* (51). В основном, подробно описываются разнообразные работы мужа и драматические эпизоды, связанные с его пьянством: “не работал дебоширил” (63), “выступал вечером” (101), “пьян дрался” (72), “брал бутылку один жорал” (80), “не давал спать целую ночь” (55), “хвтал на меня топор дрался” (31), “пьян вывалялся в грязи я тоже упала вместе с ним его вела” (36), “шатался по Комгорту” (125), “дебоширил чуть не уронил гроб” (153) и т.п. Именно в описании отношения к мужу и с мужем можно

¹⁷ Далее в коротких цитатах из дневника указаны только страницы.

увидеть, какой видится Марии Петровне “женская доля”. Дневник показывают огромную зависимость его автора от доминантных представлений о роли женщины – жертвенной матери и ответственной, контролирующей жизнь мужа и семьи жены. Муж – хозяин, но упорядочивание хаоса и поддержание порядка – дело жены и матери. Такие матриархальные практики изображаются как естественные, неизбежные, необходимые для выживания. Но форма простодушного отчета-хроники, которую имеет *Дневник* Суловой, позволяет увидеть и то, что роль женщины не только героически-страдательная. Некрасовская формула “он до смерти работает, до полусмерти пьет”, кажется, годится и для описания жизни в колхозной деревне на излете существования СССР, в том числе и женской жизни. Это мир, где питье – не веселие, а повседневная практика, которой придаются всем скопом, без особых гендерных различий. “Пили у Насти в складе
Настя+Настя+Я+Нина+Ваня” (18). Последний пример позволяет подчеркнуть еще одну особенность, зафиксированную в наивном тексте Суловой. В описываемом ею Ком-

горте не только пьют, но и живут своего рода большой семьей: постоянно ходят друг к другу, помогают, делятся, дают в долг, ночуют у соседей и родственников. В деревенском мире середины 80-х ощутимы черты традиционного общества и общинного стиля жизни. Я записей то и дело превращается в *Мы*: “делала окрошку топили баню носили дрова” (67). Неразделенные запятыми или соединенные математическими плюсами имена “слипаются” в какого-то многоголового коллективного актора: “Я Нина Зоя Витя и ребята делали окрошку” (66). И в то же время, дневник демонстрирует, что Сулова отлучена от тех функций, которые в традиционном крестьянском обществе выполняли старые женщины, потерявшие способность к деторождению: контролировать следование традиции, принимать роды, ворожить, пестовать, лечить больных, готовить мертвых в последний путь. И, как бы ни была Мария Петровна равнодушна к политическим событиям и социальным формам общежития, о которых в дневнике очень немного записей, она безусловно приобщена к другим, отличным от традиционных, формам социокультурного бытия.

Сулова не сказывает или причитает, она не транслирует родовое предание, она пишет личный приватный дневник, лишенный, однако, персональности. Она живет как бы на границе традиционного и современного, ориентируясь на традиционное понимание “женского предназначения”, но в своем поведении, жизненных и нарративных практиках постоянно выходя за пределы этого стереотипа.

Женские эготексты эпохи перестройки: Умножая различия

Наступившая в конце 1980-х годов перестройка вызвала к жизни появление огромного количества личных свидетельств – в том числе и женских. Кроме увидевших свет воспоминаний о трагических временах сталинского террора и войны появились и эготексты женщин, принадлежавших к более поздним поколениям, в которых среди прочего определялось и переопределялось понимание “советской женственности”.

Людмила Алексеева, Поколение оттепели

Мемуары Людмилы Михайловны Алексеевой (1927–2018),

входившей в круг активных диссидентов 1960-х годов, были написаны изначально в конце 1980-х годов по-английски и для американского читателя. По словам Алексеевой, она рассказывала историю своей жизни американскому журналисту русского происхождения Полу Голдбергу, который на этой основе создавал текст воспоминаний. Книга, вышедшая в американском издательстве Литтл Браун в 2006 году, была переведена на русский Зоей Самойловой при активном участии мемуаристки. То есть перед нами особый тип воспоминаний: текст создается, проходя через несколько фильтров, – причем, тот, кто пишет английский вариант, принадлежит к другому поколению, другому гендеру и является носителем другого языка. О чем бы написала и о чем бы не написала Людмила Алексеева, если бы создавала автобиографию сама и для русского читателя, мы не знаем. Но, с другой стороны, ситуация, когда женский автотекст появляется в свет, пройдя через самоцензуру, редакторскую и издательскую цензуру, – довольно типична. Воспоминания Л. Алексеевой – это личная история, встроена в повествование об ис-

тории советского инакомыслия, причем, именно последняя тема является ключевой и подчиняет себе автобиографический нарратив. Рассказывая о своем вполне советском детстве, юности и молодости (школа, комсомол, общественная работа, вступление в КПСС), Л. Алексеева все время подчеркивает свою *инакость*. По ее словам, только во время войны, ненадолго, она почувствовала себя “одной из многих”, в остальное же время ее постоянно мучило ощущение собственной инаковости: “Почему я не такая, как все? Почему остаюсь другой, хотя так стараюсь ничем не отличаться? Я пыталась сформулировать ответ, но нужных слов не находилось” (Алексеева 2006). Весь свой жизненный путь Алексеева изображает как путь “выламывания” из советскости, прежде всего в идеологическом смысле, но и в гендерном аспекте тоже. Показательна история первого замужества. Автогероиня воспоминаний выходит замуж в довольно молодом возрасте – так как “так надо было”, потому что послевоенный дефицит мужчин требовал торопиться и не быть слишком разборчивой. Муж по всем советским меркам – отменный: непьющий, хорошо зарабатываю-

щий, заботящийся о детях и даже поддающийся ее идеологическому воспитанию. Но мемуаристка разрушает свою благополучную советскую “ячейку общества”, уходя от мужа в круг единомышленников, который и становится ее истинной семьей. С подругой-диссиденткой Ларисой Богораз они изображают двоюродных сестер, чтобы получить возможность в случае ареста воспользоваться правами, которые имеют только родственники осужденного. Брак с Николаем Вильямсом заключается для того, чтобы уволенную с работы Алексееву не смогли “привлечь” за тунеладство. О том, каким образом среди многотрудной и опасной диссидентской деятельности мемуаристке удастся исполнять материнские обязанности, в автобиографии практически ничего не сказано, но сыновья становятся единомышленниками матери и в конце концов тоже эмигрируют из СССР. Феминистский лозунг “личное – это политическое” в мемуарах инверсируется: политическое, общественное приобретает статус частного, приватного и даже семейного. В одной из частей мемуаров Алексеева сетует на то, что в русском языке ограничен выбор слов для об-

ращения женщине. “Товарищ – бесполо, гражданка – безлично, девушка – это уже вторжение в тайны личной жизни” (Алексеева 2006). Однако ее гендерная самореализация прекрасно описывается словом “товарищество”: именно как товарищество единомышленников представлено диссидентское движение и “поколение оттепели”. Женское в воспоминаниях поглощено идеологическим и социальным. В этом смысле стереотип “советской женщины” – гражданки и товарища, – во многом влияет на тот тип “диссидентской женственности”, который конструируется в мемуарах Л. Алексеевой.

Наталья Ланина, *Автопортрет на фоне СССР*

Иное переосмысление советской женственности после смерти Советского Союза можно увидеть в книге Натальи Арсеньевны Ланиной (род. 1941) *Автопортрет на фоне СССР*. Дочь относительно высокопоставленного военного, жившая в Риге, потом в Минске в обеспеченной и довольно интеллигентной семье, Наталья, филолог по образованию, в 1963 году вышла замуж за ленинградского художника Августа Ланина, ко-

торый был на шестнадцать лет ее старше. Три части ее мемуаров называются: *Оккупанты (Рига, 1945–1957)*; *Оттепель в провинции (Минск, 1957–1963)*; *Конформисты и диссиденты (Ленинград, 1963–1991)*.

Рассказывая о своем детстве, Ланина описывает себя как девочку, будто сошедшую со страниц советской школьной повести:

Я начала вести дневник, занялась самовоспитанием, которое сводилось не только к самозапретам на плохие поступки, но и к стремлению стать первой и лучшей во всем. [...] в классе была общепризнанным лидером. Ко мне тянулись, со мной хотели общаться и дружить. Я была заводилой, инициатором и самым активным участником всех игр, дел и мероприятий. (Ланина 2010)

Юность, совпавшая с периодом оттепели, о событиях и деятелях которой в воспоминаниях дается немало информации, тоже была интересной и даже радостной. Ни в молодости, ни в зрелости мемуаристка практически не сталкивалась с обычными для со-

ветской повседневности бедностью, дефицитом, бытовой неустроенностью и т.п. Лишь один раз в дневнике описываются ужасы советской медицины: в эпизоде, когда машина скорой помощи отвозит ее в обычную городскую больницу. Но после того, как туда приехал муж – известный художник, врачи “растерялись, стали оправдываться, забегали и засуетились. Меня снова повели в операционную, дали успокоительное и ввели обезболивающее лекарство. ‘Кто же мог знать, что у тебя такой муж’, – заискивающе оправдывалась врачиха” (Ланина 2010). С одной стороны, Ланина описывает себя как женщину, которой, в общем, удалось воспользоваться всеми преимуществами социализма, в том числе и теми возможностями, которые декларировались в официальной модели “советской женщины” – равноправной, свободной, образованной, независимой, активной. С другой стороны, большую часть своей жизни мемуаристка не работала, а была женой при муже-художнике, принимающем решения за них обоих. Для того, чтобы заретушировать простиупающую все же в воспоминаниях тему собственной неполной реализованности,

Ланина подчеркивает, что для нее более важной уже в молодости оказалась иная, чем описанная выше, модель женственности:

...если раньше на вопросы: кем стать в этой жизни, чего я хочу от неё – ответы представлялись мне очевидными и содержали в себе представления о личном профессиональном успехе и активном участии в жизни общества, то теперь всё в моих мыслях спуталось и изменилось. Меня стали обуревать совсем иные мечты и желания. И в первую очередь – жажда любви и поиск своего мужского идеала. Любви большой, красивой, яркой, необычной. Такой, о которой написано в книгах. Такой, в которой мужчина – сильный и талантливый творец жизни, а женщина – его верная жена и сподвижница”. (Ланина 2010)

Она настаивает на том, что сознательно выбрала для себя путь Софьи Андреевны Толстой и Анны Григорьевны Сниткиной – музы и помощницы мужа, “хранительницы

семейного очага” и “эккермана” женского рода. Ее женская миссия – обустроить жизнь мужа и сына, ее творческая миссия – написать воспоминания об интересных людях, “конформистах и диссидентах”, с которыми она оказалась знакома, благодаря своему супругу. Несмотря на то, что Ланина довольно трезво (хотя в основном позитивно) оценивает жизнь в СССР, можно сказать, что в воспоминаниях она описывает себя в официально одобряемой в Советском Союзе парадигме представления о женственности как “активной самоотверженности”, правда, только в семейной сфере.

Мария Арбатова, *Мне сорок лет...*

В мемуарах Людмилы Алексеевой и в воспоминаниях Натальи Ланиной при всей разнице их позиций реализация собственной женственности описана вне разговора о сексуальности, теле и желании. Представительницы более молодого поколения последовательно стремятся в своих эготекстах растабуировать именно эти темы и рассказать истории своей жизни, не дожидаясь пенсионного возраста. В 1999 году Маша Арбатова (Ма-

рия Ивановна Гаврилина, 1957 г. рожд.) выпускает книгу *Мне сорок лет...*

Сама Арбатова называет текст “автобиографическим романом”, но, вероятно, по отношению к нему можно употребить и широко вошедшие в последнее время в обиход термины “автофикшн” и “новая искренность” (Подлубнова 2023) При всей проблематичности названных дефиниций они маркируют такие особенности автодокументальных текстов (особенно женских), как предельная откровенность и поиск нарративных возможностей проговаривания травматического опыта. Арбатова говорит в предисловии, что ее книга – “эдакий стриптиз на фоне второй половины двадцатого века” (Арбатова 1999: 3). Сделать видимым, то, что было скрыто, найти язык для того, что было невыразимо, откровенно обсуждать то, что было табуировано – в определенном смысле это становится целью новой женской автобиографии. Текст Марии Арбатовой вызывающе эгоцентричен, его главными темами можно назвать желание и насилие. Женское желание изображается как легитимный способ сексуальной, творческой и социальной реализации, насилие со стороны то-

талитарного и патриархатного социума – как не отменяемый контекст, в котором желание прокладывает себе пути. В книге есть главы, рассказывающие о пережитом травматическом опыте группового изнасилования и нескольких попытках изнасилования и агрессии со стороны различных мужчин, но, однако, не менее значимым примером патриархатного насилия являются отношения с матерью и учительницами интерната для детей с последствиями полиомиелита, куда мать “сдала” девятилетнюю дочь. Женщины (прежде всего мать), не реализовавшие себя ни в профессиональном, ни в сексуальном смысле, компенсируют “идотизм своих биографий”, осуществляя тотальный контроль над детьми, особенно девочками, не прощая им попыток вырваться из стереотипа “женщины, приносящей себя в жертву”. Но почти садистский контроль у этих “церберш” патриархата сочетается в изображении Арбатовой с эгоистическим равнодушием к проблемам дочери/ученицы.

Одна из глав книги называется *Отрыв*. Можно сказать, что это ключевое слово для арбатовской автофикшн: собственная история рассказыва-

ется как отрыв от материнской (своей матери и матери-России) традиции понимания женского “предназначения”, “судьбы” и границ возможного. Демонстративность разрушений табу мотивируется и тем, что Арбатова пишет книгу как своего рода пособие по выживанию в патриархатной тоталитарной среде, в том числе и в условиях дикого хаоса перестройки, где одни виды насилия сменились другими, но появились и возможности феминистского сопротивления.

В XXI веке подобных текстов становится все больше. Можно, в частности, назвать комикс (графический роман) Алены Камышевской *Мой секс* или широко обсуждавшиеся книги *Рана* и *Степь* Оксаны Васякиной, в разговоре о которых можно было бы вспомнить строки из стихотворения Галины Рымбу: “*Моя вагина – это любовь, история и политика. / Моя политика – это тело, быт, аффект. / Мой мир – вагина. Я несущу мир, / но для некоторых я – опасная вагина, / боевая вагина. Это мой монолог*”. (Рымбу 2021: 141). Однако, книги Камышевской и Васякиной, как и стихи Рымбу, – это уже тексты нового века, отличные от выше описан-

ных, но и в чем-то им наследующие.

Заключение

Краткий обзор избранных произведений, конечно, не может дать полного представления о русской женской автобиографии XX века. Заведомо неполон и анализ текстов обзора: каждый из них содержит намного больше тем и смыслов, чем были затронуты, и может быть проанализирован с помощью других исследовательских инструментов. Моей задачей было сосредоточиться на гендерной проблематике, продемонстрировать на примере отобранных эготекстов множественность опытов и стратегий женского письма о себе и времени. Но на фоне очевидных различий явным становится и нечто общее. Как уже не раз отмечали феминистские критики, анализирувавшие женские автобиографии, женщина-автор не может писать о себе (писать себя), не учитывая и не обсуждая представления о женственности и связанные с ними нормы и ограничения, характерные для времени и общества, в котором она живет, даже в том случае (или

особенно в том случае), когда важно продемонстрировать независимость от них, что видно в текстах советского времени в нашем обзоре. Общим является и то, что практически во всех текстах возникает вопрос о патриархальном насилии, которое проявляется в различных формах и абьюзерами далеко не всегда являются мужчины. Эту функцию в патриархальном социуме часто исполняют женщины: мать в текстах Е. Дьяконовой и М. Арбатовой (есть эта тема и у З. Лыковой), свекровь у Л. Блок, мачеха и золовка у Коревановой. Травматический опыт жизни в атмосфере длительного или постоянного насилия (гендерного, государственного, военного) заставляет искать способы говорить о том, что не поддается выражению и описанию. В определенном смысле такую задачу решают все наши мемуаристки и дайаристки, одни – сознательно и рефлексивно (Е. Дьяконова, Л. Блок, М. Шагинян, Л. Чуковская, Е. Ржевская, О. Берггольц, Л. Алексеева, М. Арбатова), другие – неосознанно (А. Кореванова, З. Лыкова, М. Сулова, Н. Ланина). Все авторы также так или иначе сталкиваются с проблемой табуирования для пишущей о себе женщины определенных

тем и языковых средств, в частности связанных с дискурсами тела и желания. В избранных текстах мы можем видеть разные способы работы с этими табу – от их демонстративного нарушения (У Л. Блок, О. Берггольц, М. Арбатовой) до их переопределения (у М. Шагинян).

Но различия текстов, как мне кажется, более очевидны, чем их общность. Нет никакой “русской (точнее, – российской) женщины XX века”, пишущей свою женскую историю. Есть очень разные, совершенно не похожие друг на друга, женщины (девочки, девушки, старухи), которые пишут мемуары, воспоминания, автобиографические повести/романы, дневники, записки, автофикшн или, точнее, создают глубоко индивидуальные вариации этих жанровых форматов.

Но почему они выбирают именно автобиографический, автодокументальный дискурс? Барбара Хельдт в своем давнем пионерском исследовании *Ужасное совершенство. Женщины и русская литература* высказала предположение, что автобиография и лирика в

российском культурном контексте – это те области письма, где женщины могут говорить вне диктата узурпированного мужчинами канона, обращаясь к читателю непосредственно и создавая собственную женскую традицию (Heldt 1987, 6–8). Утверждения Барбары Хельдт о том, что автобиография – совершенно свободный, не связанный с литературной традицией и апеллирующий только и непосредственно к реальности жанр, кажутся мне весьма проблематичными. Однако, нельзя не согласиться с тем, что маргинальность автодокументальных жанров создавала некоторую свободу “для маневра”, которой многие женщины смогли прекрасно воспользоваться. Но в нашем обзоре речь шла о текстах прошедшего века. В XXI веке ситуация с эгожанрами сильно, если не радикально изменилась, как впрочем и с женщинами. И теперь трудно утверждать, что и те, и другие находятся *Ad marginem*, на периферии культурного процесса.

Библиография

Алексеева 2006: Алексеева, Людмила. 2006. *Поколение оттепели* (Москва: Захаров) из <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/388472-lyudmila-alekseeva-pokolenie-ottepeli.html> [последнее посещение: 11 апреля 2023]

Арбатова 1999: Арбатова, Мария. 1999. *Мне сорок лет...* (Москва: Захаров-АСТ).

Басинский 2018: Басинский, Павел. 2018. *Посмотрите на меня: Тайная история Лизы Дьяконовой* (Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной)

Берггольц 2020: Берггольц, Ольга. 2020. *Мой дневник, Т.3, 1941–1971* (Москва: Кучково поле Музеон)

Блок 1979: Блок, Любовь. 1979. *И была, и небылицы о Блоке и о себе* (Bremen: Kafka Press)

Дьяконова 2005: Дьяконова, Елизавета. 2005. *Дневник* (Санкт-Петербург: Кирцидели). http://az.lib.ru//d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml [последнее посещение: 11 апреля 2023]

Климова 2020: Климова, Ольга. (под ред.). 2020. *Её жизнь. По мотивам романа А. Г. Коревановой “Моя жизнь”* (Екатеринбург: издательство Уральского университета)

Козлова *et al.* 1996: Козлова, Наталья и Сандомирская, Ирина. 1996. *Я так хочу назвать кино.* (Москва: Гнозис)

Кореванова 2010: Кореванова, Агриппина. 2010. *Моя жизнь. (Автобиография уральской работницы-крестьянки)* (Екатеринбург: Издательство Уральского университета)

Ланина 2010: Ланина, Наталия. 2010. *Автопортрет на фоне СССР* (Москва: Нестор-история). <https://lanin.spb.ru/main/publications/lanina/> [последнее посещение: 11 апреля 2023]

Лежен 2006: Лежен, Филипп. 2006. “Я” молодых девушек’, в *Автобиографическая практика в России и во Франции. Сборник статей*, под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной (Москва: ИМЛИ РАН), 13–29

Леянова 2012: Леянова, Зинаида. 2012. *Все станет прошлым. Дневник Лыковенко (1962-1968 годы)* (Череповец: Череповец) leyanova.com/books/vse—stanet—proshlim.html [последнее посещение: 11 апреля 2023]

Леянова б/г: Леянова (Лыкова), Зинаида. б/г. *Дневник*. <<https://prozhito.org/person/959?ysclid=lgai73chqq445386753>> [последнее посещение: 11 апреля 2023]

Литовская *et al.* 2020: Литовская, Мария и Подлубнова, Юлия. 2020. 'Авторство как "достижение рабочего человека" в автобиографических книгах уральских рабочих 1930-х годов', *Вестник Пермского университета. История*, 4 (51): 16–25

Матич 2008: Матич, Ольга. 2008. *Эротическая утопия* (Москва: Новое литературное обозрение)

Паперно 2021: Паперно, Ирина. 2021. *Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах, опыт чтения*, (Москва: Новое литературное обозрение)

Подлубнова 2023: Подлубнова, Юлия. 2023. 'К маме с небритыми ногами: "новая искренность" в эпоху метамодерна', *Знамя*, 2: 178–188

Ржевская 2011: Ржевская, Елена. 2011. *Ближние подступы*, в: Ржевская, Елена. *За плечами XX век*. (Москва: АСТ-Астрель-Полиграфиздат). 229–356

Рымбу 2021: Рымбу, Галина. 2021. 'Моя Вагина', в: Бобылёва, Мария и Подлубнова Юлия. *Поэтика феминизма*. (Москва: АСТ). 136–141.

Савкина 2007: Савкина, Ирина. 2007. *Разговоры с зеркалом и Зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века* (Москва: Новое литературное обозрение)

Суслова 2007: Суслова, Мария. 2007. *Дневник М. П. Суловой (1981–1985 гг.): Публикация и исследования текста*, отв. ред. И. Русина (Пермь: издательство Пермского университета). 11–153

Чуковская 1997: Чуковская, Лидия. 1997. *Записки об Анне Ахматовой* (Москва: Согласие)

Шагинян 1982: Шагинян, Мариэтта. 1982. *Человек и время: история человеческого становления* (Москва: Советский писатель)

Benstock 1988: Benstock, Shari (ed.). 1988. *The Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings* (London: Routledge)

Brodzki *et al.* 2008: Brodzki, Bella and Schenk, Celeste (eds.). 2008. *Life/Lines: Theorizing Women's Autobiography* (Ithaca: Cornell UP)

Fitzpatrick *et al.* 2000: Fitzpatrick, Sheila and Slezkine, Yuri (eds). 2000. *In the Shadow of Revolution: Life Stories of Russian Women from 1917 to Second World War* (Princeton: Princeton University Press)

Friedman 1988: Friedman Susan. 1988. 'Women's Autobiographical Selves: Theory and Practice', v *The Private Self: Theory and Practice of Women's Autobiographical Writings*, pod red. S. Benstock (London: Routledge), 34–62

Heldt 1987: Heldt, Barbara. 1987. *Terrible Perfection. Women and Russian Literature* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press)

Holmgren 1993: Holmgren, Beth. 1993. *Women's Works in Stalin's Time On Lidiia Chukovskaia and Nadezhda Mandelstam* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press)

Kolchevska 1998: Kolchevska, Natasha. 1998. 'A Difficult Journey: Evgeniia Ginzburg and Women's Writing of Camp Memoirs', v *Women and Russian Culture. Projections and Self-Perceptions*, pod red. R. Marsh (New York: Berghayh Books), 148–162

Liljeström 2000: Liljeström, Marianne. 2000. 'A Soviet Remarkable Revolutionary Woman: Rituality and Performativity in Soviet Women's Autobiographical Texts from the 1970s', v *Models of Self. Russian Women's Autobiographical Texts*, pod red. M. Liljeström, A. Rosenholm and I. Savkina (Helsinki: Kikumora), 81–100

Mason 1980: Mason, Mary. 1980. 'The Other Voice: Autobiographies of Women Writers', v *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*, pod red. J. Olney (Princeton: Princeton University Press), 207–235

Miller 1996: Miller, Nancy. 1996. 'Representing Others: Gender and the Subjects of Autobiography', v *Voicing Gender*, pod red. Y. Hyrynen (Tampere: University of Tampere), 105–141

Pratt 1996: Pratt, Sarah. 1996. 'Angels in the Stalinist House: Nadezhda Mandelstam, Lidiia Chukovskaia, Lidiia Ginzburg, and Russian Women's Autobiography', *a/b: Auto/Biography Studies*, 2: 68–86

Robey 1998: Robey, Judith. 1998. 'Gender and the Autobiographical Project in Nadezhda Mandelstam's "Hope Against Hope and Hope Abandoned"', *Slavic and East European Journal*, 42 (2): 231–253

Rytkönen 2004: Rytkönen, Marja. 2004. *About Self and the Time. On the Autobiographical Texts by E. Gerštejn, T. Petkevič, E. Bonner, M. Pliseckaja and M. Arbatova* (Tampere: Tampere University Press)

Smith 1987: Smith, Sidonie. 1987. *A Poetics of Women's Autobiography: Marginality and the Fictions of Self-Representation* (Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press)

Smith *et al.* 1998: Smith, Sidonie and Watson, Julia. (eds.) 1998. *Women, Autobiography, Theory: A Reader* (Madison: University of Wisconsin Press)

Smith *et al.* 2010: Smith, Sidonie and Watson, Julia. 2010. *Reading Autobiography: A Guide for Interpreting Life Narratives* (Minneapolis: University of Minnesota Press)

Smith *et al.* 2016: Smith, Sidonie and Watson, Julia. 2016. *Life Writing in the Long Run: A Smith & Watson Autobiography Studies Reader* (Ann Arbor: Michigan Publishing)

Stanton 1987: Stanton, Domna. 1987. 'Autogynography: Is the Subject Different?', in Stanton, Domna. (ed.) *The Female Autograph: Theory and Practice of Autobiography from the Tenth to the Twentieth Century*, (Chicago and London: University of Chicago Press), 3–20

Papers

Andrey Fedotov, Pavel Uspenskij

To Be a Woman at *Sovremennik*: Poetry and Truth in the Fiction of Avdot'ia Panaeva

The article focuses on Avdot'ia Panaeva's fiction as a source for reconstructing the writer's subjectivity. Examined from this point of view, her prose allows for an understanding of how Panaeva, the only female contributor to *The Contemporary* [Sovremennik], felt about the progressive declarations and daily practices of the male editorial staff of the periodical. The article also discusses in detail both the defining characteristics of Panaeva's prose (such as prototypism, or the emancipation project outlined in her prose) and her literary reputation as a fiction writer, in particular examining her retirement from literature a few decades after the publication of the novel *A Woman's Lot* [Zhenskaia dolia, 1862]. Although, due to historical circumstances, Panaeva's progressive project turned out to be unpopular with her contemporaries, the legacy of her prose gives researchers an opportunity to view the editorial staff of *The Contemporary* through a woman's eyes. This article is the updated version of a Russian language article published by the authors in the journal *New Literary Observer* [Novoe literaturnoe obozrenie] in 2023 (No. 3).

Avdot'ia Panaeva (1820–93) is now considered a minor author. Her late memoir *Memories* [Vospominaniia, 1889] is the only text from her extensive literary heritage which has remained in the canon. The attitude towards it, however, is predetermined – Panaeva is reproached for the inaccuracies and a superficial view of the writers surrounding her. Her novels and short stories, published under the pseudonym Nikolai Stanitskii, are absolutely forgotten, while Panaeva herself is often recalled as a co-author of the second-rate prose of Nikolai Nekrasov – the novels *Dead Lake*

[Mertvoe ozero, 1851] and *Three Lands of the World* [Tri strany sveta, 1848], which were written during the years of censorship restrictions called 'the seven dark years' [mrachnoe semiletie].

Literary scholars have assigned Panaeva the role of 'the poet's wife' (Chukovskii 2004). Moreover, she is usually defined as a distinguished woman of an outstanding man': the mistress and muse of Nekrasov, the wife of Ivan Panaev, a close friend of Nikolai Chernyshevskii, a patroness of Nikolai Dobroliubov. Although the scholars evaluated these roles positively, Panaeva

was always perceived as a dependent. Disregarding the real duties of Panaeva in *Sovremennik* [The Contemporary] (she was a proof-reader and the head of the fashion section), Soviet literary historians saw her as the hostess of the editorial board – in other words, a person who, through domestic routine, united the employees and the authors in a ‘circle’ or ‘family’. However, for many members of the circle, Panaeva was an eroticized emblem of the editorial staff, if not an object of harassment.¹

Panaeva has almost always been considered through androcentric optics, while her subjectivity and intentions have not been taken into account.² All efforts to explain her psychology appear even more depressing. Kornei

Chukovskii, who was mostly responsible for the distortion of the writer’s image, did not attach great importance to her prose. The only exception was the early short tale *The Talnikov family* [Semeistvo Tal'nikovykh, 1928], but even in this case, Chukovskii believed that the text had been written with considerable help from Nekrasov. In his opinion, fiction, in general, did not play a crucial role in Panaeva’s life: at heart, she was mere ‘Avdot’ia, a good, very good Russian woman, who almost accidentally found herself in the circle of great people’, and her inner world can be determined by futile attempts to give birth and create a family (Chukovskii 2004: 297).³

The image of Panaeva as an unsuccessful, dependent, and creatively fruitless agent maintained in Soviet history due, to a certain extent, to a famous story of embezzlement of Nikolai Ogarev’s money (Cherniak 1933; Makeev 2017). Since this story threatened the reputation of

¹ T.N. Granovskii wrote this about Panaeva to his wife in 1851: ‘And if you knew how they treat her! There is no one to protect her from the most impudent, insulting philandering on the part of the friends of the house’ (Stankevich 1897: 284).

² Cf., however, the portrait of Panaeva in the latest biography of Nekrasov. While evaluating the relationship between the poet and the writer in a balanced way, and noting that Panaeva was a strong person (in contrast to the views of the Soviet time), the researcher, nevertheless, believes that Panaeva ‘had no literary ambitions’, and her equality with Nekrasov was possible only in the emotional sphere (Makeev 2017: 162).

³ Because of Chukovskii’s high status, it was his understanding of Panaeva that prevailed in Soviet scholarly circles. However, even in Soviet times not everyone accepted his view. See the balanced critique of his attitude to Panaeva the writer in the pioneering dissertation of Ul’ana Dolgikh (Dolgikh 1977: 37–38).

Nekrasov, and since Panaeva did indeed play a dubious role in legal and financial operations, the easiest option for literary scholars was to charge her with the disappearance of money.⁴ Thus, Nekrasov became innocent, while Panaeva acquired an aura of treachery. Later, this aura would become the core element of her image as a temptress and *femme fatale*.⁵

This understanding of Panaeva is deeply archaic. It reduces her character to an attribution of versatile roles fixed in masculine discourse.⁶ Historically, it is a

⁴ B.L. Bessonov proved convincingly that M. K. Lemke even forged Nekrasov's letter in order to make Panaeva the main culprit in this 'case'. It should be emphasized that we are talking about the research reception of the twentieth century; Nekrasov's contemporaries were inclined to blame him for the story.

⁵ See the reprint of Panaeva's memoirs under the title *My Lover – Nikolai Nekrasov* [Moi liubovnik – Nikolai Nekrasov] (Panaeva 2014) and the telling phrase from the abstract: 'Before you are the memories of the great poet's Muse, a woman who inspired, excited and drove out of mind'.

⁶ Moreover, these roles developed as early as the first third of the 19th century and were attributed to a greater or lesser extent to women writers. It is noteworthy, for example, that during the transition from an aristocratic salon to a more democratic journal culture, the repertoire of women's roles remained the same. While the editorial office was radically different from the salon, the

great injustice because Panaeva, as well as other women of the literary circle of Vissarion Belinskii and his followers (Mariia Ogareva, Elizaveta Granovskaia, Natal'ia Gertsen), was an early representative of the emancipation movement. Not only did she help form the feminist discourses of her times, referring to George Sand and French socialists, but also was a member of a radical (for her era) experiment to change the marital status of a woman (Kafanova 2017). The triple alliance of Nekrasov and Panaeva was an experiment in developing a new type of family. It is hard to regard Panaeva as a passive participant in these experiments. Several ego documents prove beyond doubt that her decisions and acts were based on a developed and ideologically elaborated subjectivity. One of these documents is her correspondence with Belinskii from the summer of 1845, in which she addresses the critic on equal terms and, sometimes, with irony, proves her absolute intellectual independence. She speaks with displeasure about Ogarev, reports on her disputes with Nikolai Ketcher, and char-

role of 'the woman of the house' with all its stable attributes was equally prescribed to women in both types of spaces.

acterizes other members of the circle (Brodsii 1948: 217–23).

Panaeva's subjectivity manifests itself in her letters to Ogareva more consistently (Cherniak 1933). Traditionally, these letters are regarded as material for reconstructing the facts of the financial affairs of the Ogarev case. However, this aspect is not the only important one. In this correspondence, Panaeva articulates her cherished beliefs and reflects on the social and marital status of women. Among her core values, Panaeva lists autonomy, independence (above all, the financial), and labour as the way to achieve them.⁷ In light of early feminist ideas, the Ogarev case looks like a thought-out but not well-realized act of emancipation, which had to change the subordinate position of women and the established gender hierarchy (on early Russian femi-

nism see Stites 1978 and Iukina 2007).

Panaeva was the only writer among the women of Belinskii's circle. Fiction was not a leisure practice for her – Panaeva regarded writing as a professional activity and as a source of income. The account books of *The Contemporary* show that Panaeva received royalties for her work on par with other contributors to the journal.⁸ Professional realization was important for her because it confirmed the social status of the writer and provided her with the artistic, financial, and human independence, to which Panaeva aspired. For younger participants in the women's movement, Panaeva was not just the common-law wife of an outstanding editor and poet, but an autonomous cultural figure. Thus, Liudmila Shelgunova considered Panaeva a personality of the same status as the French feminist Jenny d'Héricourt (Stackenschneider 1934: 344, 536). The ideas of the latter inspired Mikhail Mikhailov to write an article entitled 'Women, Their Upbringing and Meaning in the Family and Society' [Zhenshchiny, ikh vospitanie i znachenie v sem'e i obshchestve] (Mikhailov 1860).

⁷ Let us take just one quote as an example – a fragment from a letter to Ogareva dated March 2, 1848: 'It is time to understand that reliable fortune is the first condition of life. [...] And my advice is to have capital in your hands, to take it when you want and give it to whomever you want if it is necessary. Enough have you lived in dependence [...] (Cherniak 1933: 345). In these words, it is easy to see the reflection of Panaeva's life program. However, since she, unlike her friend, did not even potentially possess much capital, she had to rely on literary labour.

⁸ We thank M.S. Makeev for the reference.

The publication of this text is the starting point of a wider feminist movement in Russia (Kotliarevskii 1914).

Panaeva occupies a very specific place among Russian-speaking women writers, a subject which has become the focus of extensive research in the last few decades.⁹ Panaeva's prose, however, has not received sufficient attention in papers on women's literature, although there are still some works dedicated to her specifically (Kurova 1952; Dolgikh 1977; Gheith 2001; Holmgren et al. 2007; Holmgren 2009; Vaysman 2021). Literary scholars do not always manage to reconcile the revision of the canon and its inevitable aesthetic hierarchy. Perhaps, Panaeva's fiction is inferior to the prose of her contemporaries. But another aspect is important to us: in comparison to other writers (e.g. Elena Gan, Elizaveta Salias de Tournemire, Nadezhda Khvoshchinskaia and others), Panaeva occupied a more stable position in the field of literature. This place was not on the periphery but at the centre of literary practices.

⁹ See, for example: Kelly 1994; Clyman et al. 1994; Marsh 1996; Greene 2004; Stroganova 2004; Stroganova et al. 2006; Stroganova 2019; Kliuchkin 2019 etc.

For *The Contemporary*, she was not just an ordinary author. Her willingness to sacrifice her artistic freedom in the interest of the journal is an evidence of that: the aforementioned *Dead Lake* and *Three Lands of the World* were created for the sole purpose of filling the pages of the prose section and saving the face of the publication in the eyes of subscribers when not enough material was available for publication. Such a thankless goal implies work to a deadline, labour governed not by inspiration or inner needs but by necessity.¹⁰ This labour, in turn, would have been impossible without self-identification with the journal, which is undoubted in Panaeva's case.¹¹ She could rightfully consider herself a member of the editing office of

¹⁰ We shall note that traditional literary criticism, which attributes all the successes of the co-authored novels to Nekrasov (Evgen'ev-Maksimov 1950: 123–27, 155–57; Nekrasov 1981–2000, IX, 2: 327–35; Nekrasov 1981–2000, X, 2: 268–76), is set by an androcentric lens which cannot withstand serious criticism, and needs revision. See the attempted reinterpretation in Dolgikh (Dolgikh 1977).

¹¹ See a significant line from V.I. Dobroliubov's 1860 letter to his nephew about *The Contemporary's* criticism by the press: 'Avdot'ia Iakovlevna is terribly upset about the attacks and has ordered to send to you all the articles written against *The Contemporary*' (Chernyshevskii 1890: 604).

The Contemporary. Due to several historical circumstances, the life of *The Contemporary* was not only studied, but studied better than the life of any other magazine. That is why 'the reality' of Panaeva is accessible to scholars in opposition to the world of Russian female writers of the middle of the nineteenth century, which is sometimes 'closed' to research.

The unique position of Panaeva naturally determines researchers' approaches. While modern literary historians interested in gender analyze women's fiction as a relatively autonomous and hermetic subsystem that exists alongside 'overvalued' masculine literature, we will use fictional material to reconstruct women's subjectivity. No doubt, gender literary studies have also reached an unprecedented level in the study of historical forms of female consciousness, but they are often faced with a scarcity of data. The emergence of female subjectivity in the prose is frequently impossible to correlate with the biographical facts. Hence, detaching literary stimuli (for example, Sand's novels) from the personal experience of the writer also becomes difficult. The researchers usually detect personal experience in a text and notice that it is realized in literature in specif-

ic 'female' subgenres (Kelly 1994).

We believe that it is necessary to consider Panaeva's artistic prose as material that allows us to reconstruct a particular woman's consciousness. In this approach, the study of the subjectivity of the female writer is especially important for us. Among such studies, first of all, is the monograph by Irina Savkina, which, alongside other aspects, successfully summarizes the findings of previous studies (Savkina 2007). Savkina introduces a metaphor within the framework of which the female autobiographical writings are presented as a mirror. This 'mirror' reflects the prescriptions and expectations of a society shaped mostly by men. We can apply this metaphor to Panaeva's fiction: we know for sure who is looking into the 'mirror' of her prose and can compare the reflection against reality – in other words, we can show that her works critically respond to the ideological projects and daily practices in relation to gender of the male editorial staff of *The Contemporary*, primarily Nekrasov. Using Savkina's lens for the analysis of the non-autobiographical texts, we will show that in the case of Panaeva, there is no impenetrable border between egodocu-

mentary and fictional discourses.

The common reading of Panaeva's prose allows us to assert: its distinctive feature is the sublimation of life and editorial experience into literary subjects. As a professional writer, Panaeva focuses on the depiction of fictional worlds that are structurally related to the tradition that is relevant to her. The plots and subjects that play out in her work are from early Russian women's prose and Sand's novels (such as disappointment in marriage or betrayal). Panaeva's reputation as a Russian George Sand was acknowledged by her contemporaries (see, for example, the elements from the 1850s in Nikolai Shcherbina's *The Dream Book of Contemporary Russian Literature* [Sonniki sovremennoi russkoi literatury, 1857] (Shcherbina 1929: 148–49)). This attitude to Panaeva later made its way into literary studies, including gender studies.¹² At the same time, like many writers, Panaeva willingly included portraits of people she knew in her works; to them, her texts turned out to be a special

message addressed to them only.¹³

Traditional literary criticism loves to unravel the prototypes of characters. This fad has not overlooked Panaeva's texts: it has already been noted that Mikhail Lermontov (Bessonov 1979) was portrayed in Panaeva's *The Apiary* [Paseka, 1849], and Vasilii Botkin and Dobroliubov were depicted in *A Woman's Lot* [Zhenskaia dolia, 1862] (Kurova 1952; Dolgikh 1977: 157–58; Stepina 2019). This list can go on: in Serge from the novel *Trifles of Life* [Melochi zhizni, 1854], a failed scientist, a homeopath, and a landowner who goes bankrupt thanks to utopian projects to improve the lives of peasants, one can recognize Ogarev. Panaev is behind the image of Boris Olkhovskii, who maniacally changes his attire and lives in constant quarrels with his wife Elena while chasing after every passing skirt. The traits of Belinskii can be seen in an ever-present character in Panaeva's prose – a poor, sincere young intellectual who sympathizes with the heroine (Karsanov from *Romance in the*

¹² Thus, M. Vaysman interprets the novel *A Woman's Lot* in the light of the specifics of women's narratives and, in particular, the 'gender transvestism' of the nineteenth century (Vaysman 2021).

¹³ This probably explains the skeptical attitude of some contemporaries to her, for example, I.S. Turgenev's irritated remarks about her, or V.P. Botkin's doubts about her femininity (Turgenev 1987: 235; Izmailov 1930: 69–70, 86).

Petersburg Demi-Monde [*Roman v Peterburgskom polusvete*, 1860]), and the similarity is made more obvious by the fact that the character is dying of consumption (Anatolii Skvortsov from *Trifles of Life*, Sergei in *A Woman's Lot*).¹⁴ No doubt, Nekrasov also appears in Panaeva's prose (Stepina 2019). His traits appear in the so-called 'artistic figures' – the sculptor Cordier, who makes his way in the world from the lower classes and is very gifted, but also vain and prone to quarrels (in *A Capricious Woman* [Kapriznaia zhenshchina, 1850]), as well as in the artist Drozdov, a skilful manipulator who imitates an incurable disease and enslaves those around him (*Domestic Hell* [Domashnii ad, 1857]). The evidence for the prototypic nature of the characters can be unmistakably found in plot collisions and the typical characteristics of the 'intellectuals' preserved in memoirs.

However, it would not be right to limit research to the unraveling of prototypes and searching for the real people reflected in characters. The prototypes of Panaeva's characters are valuable as vehicles of ideology and

supporters of family and social practices that she opposes, rather than as real people with different personalities and habits. In this regard, the prototypical nature of Panaeva's works fully defines her writing and sets her apart from other writers. While usually for a writer who resorts to the poetics of prototypes the inclusion of references to specific people works as an additional technique that strengthens the fictional character system of the work, for Panaeva, the desire to explain herself to the people around her comes first. Thus, fiction functions as a way of delivering replies in a tense dialogue. In a certain way, the prototypical nature of Panaeva's prose is pre-literary; it is more a property of the writer's imagination and only as consequence of this is it a feature of her writing. Analyzing this phenomenon, we come closer to understanding her not as a fiction writer among others, but as a representative of the specific subjectivity of the mid-nineteenth century.

The most acute controversy in the *Contemporary* circle was reflected in Panaeva's novel *A Woman's Lot*, which gathers together numerous themes from her previous stories and novels. A distinctive feature of this text is that a circle of characters who can be traced back to the senior

¹⁴ However, Karsanov and Sergei could also reflect traits of Dobroliubov, whose image was superimposed on the memories of Belinskii.

members of the editorial staff (Botkin, Panaev, Nekrasov, etc.) are all accused of the same allegation. Although all the characters in the novel are depicted as independent individuals, they are indistinguishable in a way that is crucial for Panaeva – all of them participate in the oppression of women.

In this regard, this group of friends and like-minded people, subjectively evaluating themselves as ‘new men’, as emancipators striving for the maximum realization of the creative and intellectual potential of the individual, does not differ from another persistent enemy in the prose of Panaeva and other women in the nineteenth century – traditional high society. The writer repeatedly attacked this society in short stories, such as *The Apiary*, *Castles in the Sky* [Vozdushnye zamki, 1855], and in longer works like *Domestic Hell* and *Romance in the Petersburg Demi-Monde*, and others. The specifics of Panaeva’s deconstructive approach lie in the fact that the characters representing the circle of *The Contemporary* tend to see and accentuate their differences from the high society [svet]. They openly oppose themselves to it, while the writer’s gaze is fixed on the part of their practices where these differences are not

apparent. Panaeva chooses a perspective in which there is no difference between the new ‘emancipators’ and the old ‘oppressors’: both treat women as property, but the former seek to justify emotional and social submission using the need for progress, while the latter plays out the norms of high-society life. In other words, Panaeva aspires to see more than other writers – she discovers a deep and essential similarity where those who have fallen under the spell of emancipatory preaching see only superficial, albeit striking differences.

This attitude of Panaeva is based on a notable discrepancy between the theory and practice of the senior representatives of *The Contemporary*. While Druzhinin, Botkin, Panaev, and, of course, Nekrasov professed a new attitude to women, their daily lives did not reflect the ethical ideals they propagated. The authors frequented brothels and practised a purely masculine, objectifying attitude towards women in both high society and the *demimonde*, such as discussing how available they were. Moreover, being participants in the *Chernoknizhniki* circle, they took part in comical literary exercises that humorously and obscenely reflected all

these practices.¹⁵ Panaeva's texts are vivid evidence that not only was she aware of the wide gap between the theoretical views and the behaviour of the senior editorial board, but that she also saw the ethical inferiority of the male feminist project reflected in this fact.

In *A Woman's Lot* this understanding is expressed in an over-exaggerated form. The novel consists of two parts, which are connected by the central character, Sofiia Grigorievna. Wishing to deprive her mother of her power over her young daughter, her father, who suddenly arrives at the estate, sets Sofiia up with Petr Vasilievich, a young man from St Petersburg, a bearer of advanced ideas, and an 'artistic nature', as he is sincerely characterized by those around him and ironically by the narrator. Soon Sofiia is seduced, becomes Petr's wife and moves to his estate, where she finds herself surrounded by her husband's friends, Fedor Fedorovich, Nadezhda Kondratievna, and her lover Sergei Ignatievich. They consider themselves progressive people and strive to educate Sofiia: they try to liberate the modest heroine's sexuality

¹⁵ See Druzhinin's diary, letters to him and poetic texts in (Druzhinin 1986: 239, 227–28, 254, 261, 332–33; Popov 1948: 63, 82, 86–87; Ranchin et al. 1994).

and turn her into a 'bacchante' [vakhanka].¹⁶

The world of the estate in which Sofia finds herself gradually unfolds before her. It turns out that Petr has a child with the housemaid. Nadezhda Kondratievna and Sergei Ignatievich also have an adult son, who has been declared insane (indeed, the eccentric Serezha reminds the reader of the blessed Myshkin in Dostoevskii's *The Idiot* [Idiot, 1868]) and is hidden from the eyes of outsiders in a cabin in the woods. Fedor Fedorovich turns out to be a womanizer obsessed with sexual desires, in particular, his attraction to Sofiia, which he attempts to justify philosophically by constantly

¹⁶ The word 'bacchante' refers, incidentally, to the name given to Ogareva in Aleksandr Herzen's circle (Gertsen 1961: 155). One must assume that the relationship with Nekrasov was not the only basis for the first part of *A Woman's Lot* – it can be considered as an ostracizing look at the attempts of Herzen's and Ogarev's families to build a communitarian, harmonious family. Sofiia's independent position, unwilling to participate in the 'bacchic' projects of Nadezhda Kondratievna and Fedor Fedorovich, corresponds in many respects to the experience of Ogareva, whose family affairs were well known to Panaeva. For Panaeva, the intellectuals of the 1840s and the older generation of *The Contemporary* merged into one group of characters, and Sofiia's experience embodies not only Panaeva's experience, but also that of her friend.

talking about 'attraction' (Panaeva 1862: 95). In addition, everything in the house is subject to the will of the owner, the grandfather, who lives in isolation and terrorizes all the inhabitants of the estate. Panaeva portrays the grandfather as a capricious manipulator akin to Foma Opiskin, one of the characters of Dostoevskii's *The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants* [Selo Stepanchikovo i ego obitateli, 1859] who uses his power (owning and controlling the estate) for his sadistic pleasures. Gradually Sofiiia realizes that she has ended up in a nest of hypocritical debauchees who cover up their lust and greed with exclamations of progress, humanity, and gender equality. The only ally of the heroine is the naive and sincere Serezha, but his help is not enough to improve her situation in any way.

The villains of the novel objectify and oppress the woman and create a discourse that justifies her position in the family. The ideology that, at first glance, was supposed to give women the long-awaited right to make their own destiny, in practice turns out to be a new set of instructions. Women are re-subordinated to this ideology, which takes away the obligation to follow the old rules but imposes new ones. Sergei Igna-

tievich tells Sofia: 'I want to teach you how you should live, and how you should establish your marital relations' (Panaeva 1862, IV: 141). Meanwhile, Nadezhda Kondratievna encourages her to work on herself: 'You, Sophie, [...] should be proud that you live among people who have such a sublime view of women, and therefore you should try to become on a par with us in the development of your mind and heart' (Panaeva 1862, IV: 101).

Sofiiia's husband considers her an uncultured, selfish woman whose constant complaints and sufferings are explained by her childhood upbringing and her lack of understanding of others. She should only treat him with understanding and sympathy. Petr tries to explain to his wife: 'Our sensible love has bound us spiritually, not materially; and therefore I am convinced that you will heal my wounds with your warm attention to my sufferings' (Panaeva 1862, IV: 143). In constructive terms, the rhetoric Petr uses on the heroine corresponds to an important aspect of Nekrasov's love poems to Panaeva. The famous 'Panaeva cycle' is characterized by the subject's insistent tendency to instruct the beloved. In creating a new, more equal, free, and emotionally diverse relationship,

the woman needs to be constantly controlled, and only the man knows how the relationship should be arranged. Therefore, the status of the heroine in Nekrasov's poems is ambivalent: she seems to be intellectually and emotionally equal to the man; however, her intelligence is valued according to her ability to obey the man's instructions (rather than form her own subjectivity). A careful reading of the 'Panaeva cycle' convinces us that instruction framed in various poetic forms is its main rhetoric.¹⁷

Panaeva's novel *A Woman's Lot* is a gesture of disagreement with the gender model of Nekrasov. We assume that we are dealing

with an extremely rare situation for the nineteenth century. In a work by a woman writer, we find a reflection of her dissatisfaction with the established gender order and the way her relationship with a specific man has developed. Moreover, she is dissatisfied with the form of literary sublimation in which this relationship is represented by the man. Thus, *A Woman's Lot* can be read as a reaction to the Panaeva cycle. The novel clearly shows the kind of practices of Nekrasov and his friends that were unacceptable to Panaeva. The promiscuity of the characters in *A Woman's Lot*, along with their hypocrisy, directly undermines the norms of behaviour and the rhetoric of the *Contemporary* circle. As Panaeva sees it, the ideology of the editorial board is a liberal screen for a transactional attitude toward women.

The relationships that Nekrasov portrays one-sidedly are presented in *A Woman's Lot* from the perspective of the silent and subordinate woman. There are a number of specific examples in the text that mirror the themes and problematics of Nekrasov's poems. Thus, the novel deconstructs the demonstrative disregard for women's tears expressed in 'Tears and Nerves' [Slezy i nervy, 1876] (Nekrasov

¹⁷ C.f. for example: 'Govori zhe, kogda ty serdita'; 'Ia ne liubliu ironii tvoei. / Ostav' ee otzhivshim i ne zhivshim'; 'Otrin' nasil'stvennoe bremia'; 'Prosti! Ne pomni dnei paden'ia'; 'Opravdan'ia i slezy osmei'; 'Ne govori, chto dni tvoi unyly'; 'Ne gordis', chto v tsevetushchie leta'; 'Skazhi! Ia dolzhen znat' ('Speak when you are angry'; 'I do not like your irony / Leave it for those who finished living or did not live at all'; 'Reject the burden forced on you'; 'Forgive me! Do not remember the days of fall'; 'Laugh at excuses and tears'; 'Do not tell that your days are sad'; 'Do not be proud that in your flourishing years'; 'Tell me! I need to know' – our emphasis). In the 'Panaeva cycle' there are other, more complex, forms of discursive suppression of women, the discussion of which requires a separate study. See Fedotov et al. 2023.

1981–2000, II: 129–30). In this text, Nekrasov declares tears a way of manipulating a man. Moreover, in his opinion, they reveal a whole complex of stereotypical notions about the deceitful and theatrical nature of women. The sincere tears of Sofia's mother are the last degree of despair in her confrontation with her villainous husband. However, the latter understands them as a 'desire to appear unhappy' in order to achieve his hidden goals (Panaeva 1862, IV: 61). The attitude was so outrageous to Panaeva that she objected to the stereotypical perception of tears on behalf of the narrator: 'Many people are convinced that women's tears, like children's tears, are water. Both women and children, probably, shed many tears as a result of this cheerful belief' (Panaeva 1862, IV: 54). Thus, Panaeva rejects Nekrasov's gender rebuke directly. The plot of her novel, in turn, is an implicit rejection.

Panaeva's novel also reflects another text by Nekrasov, the poem 'When from the Darkness of Delusion' [Kogda iz mraka zabluzhdeniia, 1845]. This text, whether it implies Panaeva or an unknown prostitute (Stepina 2019: 15–16), is characterized by the demonstrative attitude of a 'male emancipator': a relationship with an educated man

could pull a 'fallen' woman out of the social abyss and elevate her to a new civil status. Moreover, such relationships were actually suggested to the developed intellectual as a 'moral duty'. In fact, the older circle of *The Contemporary* practiced such 'developmental' marriages, though not with sex workers, but still with those who were deemed to be 'socially unequal' and in need of 'help and liberation'.

Such manifestations and actions seemed false to Panaeva. In the 1850 story *The Reckless Move* [Neobdumannyi shag] she deconstructed the idea of saving a woman lower on the social ladder. The story, which 'may serve as a lesson to other young people' (Panaeva 1850a: 141), is simple: a young intellectual nobleman, Danilov, who lives in the provinces, takes Tat'iana under his protection. She is a petty bourgeois who has been molested during a feast. Danilov sees Tat'iana as a 'perfectly beautiful creature' and decides to 'rescue' and 'educate' her. He rents her an apartment, buys clothes for her, and tries to teach her how to read. They live in a common-law marriage, and have children after a while, but the 'reeducation project' fails. Not only does Tat'iana not change for the better, but she drags Danilov into

the swamp of a vulgar bourgeois life, out of which he, unable to leave his children, can not escape. As a result, he becomes a 'fallen' man. Panaeva writes: 'Thinking of developing a sense of dignity in her, Danilov developed in her only false pride and self-confidence'. A few lines later, she leads the character to the realization that 'only the monotonous life in a provincial town and the absence of educated women could bring him close to such a woman, who at every step insulted him with her words, notions – in a word, with all the triviality of her nature' (Panaeva 1850a: 146, 157).

In *The Reckless Move*, Panaeva debunks the idealism of intellectuals by showing that the utopia of salvation leads to ruined lives for the main characters and their children. In *A Woman's Lot*, in turn, she goes further and deconstructs both the practice of salvation (she sees it only a source for easily accessible sexual pleasure) and its rhetorical framing. Petr has a mistress, Ekaterina, apparently a prostitute or 'lorette', in town. Not being satisfied with his life with Sofiiia (as well as, probably, his sex life), he regularly visits Ekaterina. However, he explains these trips quite differently: he believes that he must save and

financially support the fallen woman.

The argument for Ekaterina's salvation and development, as expounded by Petr, looks both comical and pathetic. While on a visit to the town, Petr gives his wife instructions in a letter, explaining how she should react to the situation emotionally and linking his infidelity to the principles of lofty humanism:

It would be cruel of you if, out of an empty and unworthy sense of jealousy, you prevented me from saving a fallen woman and showing her the true path to life. You are so kind and so mature, that you will yourself rejoice with me if we succeed in resurrecting a lost soul. Yes, my dear friend, you have now entered a new life and must look at things objectively; by this alone you will attain an open-minded view of life and will be able to show sympathy for the high arts and sympathy for suffering humanity. (Panaeva 1862, IV: 143)

This cynical view of relationships with sex workers reaches its climax in Petr's sincere exclamation in his conversation with Serezha: 'I need fallen

women – they understand my suffering!’ (Panaeva 1862, IV: 162).

The right of the lustful man to ‘educate’ anyone and everyone is not only ridiculed but also markedly rejected by the narrator. Interestingly, the rhetoric of ‘education’ leads to the paradox that the ‘debauched women’ turn out to have a better standing in society than the ‘decent women’: ‘A ‘lorette’ or a hypocritical young lady will always find protection in a society that cherishes them, patronizes them, and is proud of them as the very best side of its moral civilization!’ (Panaeva 1862, IV: 50). From the author’s perspective, men who are unable to limit their sexual demands hinder emancipation. Indeed, ‘educating’ relationships have always proceeded from the presumption of the moral superiority of the senior partner. Meanwhile, Panaeva repudiates this very superiority in her decisive statement: ‘Until men become more moral, no emancipation of women is possible’ (Panaeva 1862, IV: 51).

Panaeva’s deconstruction of the idea of ‘saving’ women and the sexual desire behind it was based not only on her polemic with Nekrasov’s poem, but also on her rejection of his behaviour. *A Woman’s Lot*, as already

noted, shows that the writer was aware of the sexual habits of the men in her circle. Nekrasov’s behaviour was no exception for her, although there is not much factual information about this. It is known, for example, that in 1860 Nekrasov had an affair while Panaeva was abroad. According to his confession in a letter to Dobroliubov, he informed his common-law wife about it. In our opinion, the poet’s frank letter to the critic contains a conglomerate of ideas, intonations, and rhetorical strategies of self-justification that are artistically debunked in Panaeva’s novel. Nekrasov wrote to Dobroliubov that he:

dreamed of some kind of renewal of the heart. And for four days I had robins singing in my soul. [...] If only it had stayed that way – but it didn’t. First, though the girl was *neither an angel nor a fallen angel, to my misfortune she turned out to be a decent woman – that’s the trouble!* And then there was the sacrifice, not a trivial one in her position. She was so flattered by my sweet talk (I was very eloquent!) that she left the man who’d been providing for her [...] Write to me something

about Av[dot'ia] Ia[kovlevna]. You will surely see her soon; if she is distressed, comfort her somehow: I must tell you that I have written to her briefly but directly about my new relations. For I should have done so – though this new relationship is hardly lasting. She did not pity me, loving and dying, and yet I pity her [...] I have been trying to make up my mind for four years now, but the realization that we should not live together, when I am drawn to other women, has always spoken in me. (Nekrasov 1981–2000, XIV, 2: 138–39; our emphasis)¹⁸

Not aiming to either reconstruct Nekrasov's psychology or give a detailed description of the vicis-

¹⁸ Nekrasov's infatuation brought Panaeva a lot of worries; for this Chernyshevskii criticized the poet: 'He is partly upset by various semi-family affairs, and, although the fault is more likely his, [...] still I partly pity him. However, there are moments when he creates a different impression, which makes one think: is it decent for a man in his years to awake in a woman, who was once so dear to him, a sense of jealousy – with the antics and liaisons befitting some cavalry cornet?' (Chernyshevskii 1949: 401–02).

situdes of his relationship with Panaeva, let us note that this episode is not the only case of infidelity. The period Nekrasov alluded to as the time when Panaeva 'had no pity' for him 'loving and dying' was 1853–55. At this time he was suffering from a severe throat disease that he and the doctors believed would lead to imminent death (Mel'gunov 2006–2009, I: 468). This period was truly difficult for the couple: their son had died earlier, in April 1855, and by the end of the summer it became obvious that Nekrasov's illness was sexually transmitted, which shed some new light on the sexual side of his past (Mel'gunov 2006–2009 I: 466–67; Nekrasov, 1981–2000, XIV, 1: 214). A little more than a year later, Nekrasov and Panaeva reunited abroad. According to the confessional letters of the poet, the resumption of their relationship was psychologically difficult: Panaeva felt guilty (perhaps she was not faithful to Nekrasov), while Nekrasov was at times delighted with their feelings, but almost 'ran away' from his partner once (Nekrasov XIV, 2: 57). Despite the stream of difficult feelings, Nekrasov, however, did not fully focus on his relationship with Panaeva. On 17 February 1857, he wrote to Turgenev that 'the heart cannot and

should not fight against a woman with whom so much has been lived through'. On March 2, referring to his own experience, he informed Druzhinin in detail about the best way to find a prostitute in Italy (Nekrasov 1981–2000, XIV, 2: 57, 61). Presumably, these examples are only a few remaining pieces of evidence of a more frequent, if not systemic, practice.

Sexual intemperance, like the failure of marital fidelity, is a typical topic in other novels besides *A Woman's Lot*. In the novel *Trifles of Life*, Elena's husband Boris is courting a young lady. He is clearly ready to go further with his advances, not to mention that at one point he disappears with some French women of the demimonde (Panaeva 1854, IV: 146–63).¹⁹

¹⁹ We noted above that Boris has many of Panaev's traits, but he also has some of Nekrasov. Thus, Boris quarrels with his wife and even brings her to tears, which is followed by a reconciliation and promises 'to be more tolerant towards each other' (Panaeva 1854, II: 210). Let us bear in mind that quarrels are a key theme of the 'Panaeva cycle' (cf, for example, the poem 'Me and you are 'You and I Are Stupid People...' ['My s toboi bestolkovye liudi...', 1851]), not to mention that memoirists often drew attention to the fact that Nekrasov regularly brought Panaeva to tears. It is also interesting that Boris takes offence at his wife's ironic harshness, saying that her 'irony is offensive' (Panaeva

Cordier, a brilliant sculptor and at the same time a vain, resentful, and hypocritical man in *A Capricious Woman*, was ready to leave his wife for the heroine and, demonstrating the seriousness of his intentions, 'even told of his amorous victories' (Panaeva 1850b: 302).

Love's desire becomes the central theme of *Domestic Hell*. In the story, several men at once seek the favor of Katerina Petrovna, a young and poor ward of the landlady Denisova. A particularly noteworthy character is the painter Drozdov. Living on the estate of Denisova and adored by her, he terrorizes everyone around him; in this respect, he resembles the grandfather from *A Woman's Lot*; he, however, employs other manipulative techniques. Presenting himself as an incurably ill but brilliant artist, he tries to win Katerina's sympathy, discredit the opponents who 'are killing' him and at the same time maintain Denisova's patronage and love. Drozdov turns every conflict in the landlady's house to his advantage, demonstrating how badly the scandals affect his

1854, II: 210); c.f. the canonical Nekrasov poem 'I do not like your irony' ['Ja ne ljubliu ironii tvoei...', 1855]. This referencing shows that Panaeva's female characters are also autobiographical in many respects.

shattered health and his inspiration, although his talent is dubious and his health is not in any real danger.

In our opinion, the combination of artistic talent and illness in the character, who was created after the above-mentioned biographical twists and turns of the 1850s, unequivocally points at Nekrasov.²⁰ Panaeva's taking issue with Nekrasov thus takes on an exceptional degree of severity here. Not only is his infidelity brought to life, but his illness itself is portrayed as manipulation.

One may suppose that when Nekrasov accused Panaeva of being merciless in his letter to Dobroliubov, he might have been referring to her story *Domestic Hell*. It is obvious that while reading Panaeva he noticed harsh, sometimes insulting, attacks on himself and his friends. Yet, remarkably, he published her works in *The Contemporary*. What could be the explanation for that?

We are proposing psychological, as well as historical-literary ex-

planations. The publication of *A Woman's Lot* and other works in *The Contemporary* most likely indicates that Nekrasov separated his relations with Panaeva the writer and Panaeva the partner, and did not channel personal resentment into the professional field. At the same time, Nekrasov, apparently, could not help admitting the fairness of many of these claims. By publishing Panaeva's fiction, he demonstrated that, at least on the level of beliefs and attitudes, he was in solidarity with emancipatory ideas and did not limit the individuality and professional realization of his partner.

At the same time, publishing Panaeva's works corresponded to Nekrasov's editorial strategy. Ideologically, Panaeva's prose matched both the emancipatory program of *The Contemporary*, expressed in Mikhailov's article about women, and the board's bet on the 'new people' – young intellectual *raznochintsy*. The publishing of Panaeva's novels reflected Nekrasov's belief that only young editorial staff would be able to bring *The Contemporary* to a new level. It is significant that in the previously mentioned confessional letter, Nekrasov confides to Dobroliubov, who was then a young employee of the journal. Nekrasov's complaints about his common-law

²⁰ With that in mind, it is no coincidence that Italy plays an important part in this text. This is the place where Denisova had once come across Drozdov, and where the sequel novel *Russkie v Italii* [Russians in Italy, 1858] is set. C.f. above about Panaeva and Nekrasov in Italy.

wife arise against the background of a split at *The Contemporary*, during which Panaeva was a firm ally of her partner and publisher.

Both the emancipatory programme and the bet on the 'new people' are mentioned in *A Woman's Lot*. In this context, Panaeva's attacks on the members of the old editorial board become an act of literary contestation. It might seem strange that the circle of *The Contemporary* did not take up this challenge and did not respond to criticism directed at it. The targets of the accusations could not publicly respond, as the editorial board of *The Contemporary*, following a long-standing and strictly guarded tradition, did not review the works of its contributors. However, it's unlikely that the male circle of the journal was interested in attracting additional attention to their private lives. It cannot be ruled out that Panaeva's attacks were discussed within the circle, but unfortunately, here we encounter a distinct lack of information. The gauntlet thrown down by Panaeva was left untouched.

While the emancipatory program is unrolled in the first part of the novel, sympathy for young intellectuals is consistently declared in the second. There, the reader finds Sofiia in a new situ-

ation: she has run away from her husband, met the landowner Lakotnikov, and borne him children. Still, Lakotnikov also reveals his true face, leaving Sofiia behind.²¹ However, the second part of the novel focuses on the fate of the heroine to a much lesser extent. New characters appear: the illegitimate and de-classed Anna Vasilievna and Snegov. Snegov, a young graduate of St. Petersburg University, is a writer of radical beliefs, who has already suffered for them, while Anna Vasil'evna is the object of stereotypical courting and overt harassment by numerous powerful men. Nevertheless, as a young woman of the new era, she resists patriarchal pressure and chooses the determined, free, and honest Snegov as her ally. At the end of the novel, she follows Snegov into political exile in Irkutsk.

The appearance of positive, idealized characters in *A Woman's Lot* and the abrupt switch of the narrative to new relationship models are symptomatic, although for Panaeva it was not her first attempt to express a positive programme. In 1860, the writer had already introduced a

²¹ Let us refrain from the temptation to unequivocally associate Lakotnikov with Nekrasov only – the character obviously joins the gallery of male oppressors of the first part of the novel.

'new man' in *Romance in the Petersburg Demi-Monde*. Karsanov, the son of a church clerk and a university graduate, makes his way by doing diligent literary work. He is wholeheartedly in love with the novel's main character, who is only seen as an object of 'bargaining' by people in high society. At the end of the novel, Karsanov, like Snegov, fails: he is arrested at the border while trying to flee abroad with his beloved; although his future is not pictured, he is certain to face imprisonment. In line with the tragic ethic of progressivism, suffering and hardships are used to 'emphasize' the significance and value of the character's path and 'prove' him right.

It is noteworthy that Dobroliubov's article 'When Will the Real Day Come?' [Kogda zhe pridet nastoiashchii den'?, 1860] was published in the same issue of *The Contemporary* as the first part of Panaeva's novel. This publication led to the final break in relations between Nekrasov and Turgenev and became the final point in the editorial split. We should note that, while discussing Turgenev's novel *On the Eve* [Nakanune, 1860], Dobroliubov demanded the emergence of an active hero such as the Bulgarian Insarov on Russian soil. Both Karsanov and, later, Snegov were clearly conceived

by Panaeva as a direct response to the critic's demand (about which she, due to her friendship with Dobroliubov, had known earlier and in more details than others: Dobroliubov was living in Nekrasov's apartment).

The writer apparently attempted to join the young radical voices only to be rejected. How is it that Panaeva's progressiveness was not recognised in the collective memory of the progressives themselves?

Shortly after the publication of *A Woman's Lot*, Panaeva, who had hitherto been an active fiction writer, left literature for a long time. The explanation for this hiatus seemed obvious to literary historians: that was a time of the break with Nekrasov, who was traditionally perceived as the patron and almost the co-author of everything that Panaeva created. She married the editorial secretary Apollon Golovachev and gave birth to a daughter in 1866. The end of her literary career after leaving Nekrasov seemed, in the view of many, to signify the writer's creative impotence. And according to Chukovskii, it even reflected her 'true' ambition – that is, to create a family and raise children. However, this hiatus should not be attributed merely to the tribulations of her personal life.

We would like to propose an alternative reconstruction, primarily based on literary rather than biographical logic. Like Chukovskii's version, it is not supported by documentary evidence, but it takes into account Panaeva's professional choice, rather than solely relying on gender stereotypes imposed on women. We believe that the end of Panaeva's literary career was mainly motivated by professional reasons. *A Woman's Lot*, Panaeva's most radical and feminist novel, was not successful with the very audience that the author thought should have received it with great enthusiasm. In 1864 the novel was subjected to a devastating critique by Dmitrii Pisarev. In his article 'A Puppet Tragedy with a Bouquet of Civil Sorrow' [Kukol'naiia tragediia s buketom grazhdanskoi skorbi] (Pisarev 1864) he declared that Panaeva knew literally nothing about the life of 'the new people' and that Karsanov and Snegov were the best evidence of this (on Pisarev's attack on Panaeva, see also Kurova 1952).

Pointing out the contradictions in the contents of *The Contemporary* (*Russian Word* was engaged in irreconcilable polemics with Nekrasov's periodical), Pisarev wondered how one journal could consistently publish

novels praising egoism as almost the main driving force of social development (*What Is to Be Done?* [Chto delat'?, 1863]) and then publish works that denounced it (*A Woman's Lot*). The very comparison with the novel *What Is to Be Done?* was on the mark: Chernyshevskii had clearly succeeded in doing what Panaeva had long tried to do unsuccessfully – presenting progressive radicals favourably, so that they would see themselves as heroes and recognize the author's right to be their emissary in literature. Chernyshevskii's novel, in some sense, overturned and discredited Panaeva's attempts. After its publication, Panaeva's Karsavins and Snegovs, romanticized lonely characters whose values are affirmed by their losing struggle against the system, lost their relevance for the time and started to be perceived as obsolete. They were replaced by the Lopukhins and Kirsanovs, cheerful, optimistic, and completely unwilling to see themselves as marginal. The tragic stoicism of the progressives would still return to the Russian novel, but in this brief phase, Chernyshevskii's utopian project won out. It pushed all competing models of the 'new people' to the periphery, in particular the model in Panaeva's novel.

The emancipatory program of *A Woman's Lot* also seemed unpromising to Pisarev. Insisting on the necessity of social transformation of men for the liberation of women, Panaeva essentially declared the goal of this transformation to be marital fidelity; Panaeva's unhappy heroines were primarily women deceived in love and marriage. Pisarev, on the other hand, insisted that real emancipation was not in the elimination of the cause of jealousy, but in the rejection of this relic emotion. Without jealousy, the very value of fidelity would disappear as irrelevant to the social definition of women. While Panaeva called for the restraining of men, Pisarev urged women to finally do something besides experiencing unhappy love:

It would be a sad thing if [...] a seven-year-old child had to remain a child for seventy years, and if there were a whole breed of such humanoid creatures who would shed bitter tears over every summer rain that ruined a pleasant walk. Yet those pathetic and miserable individuals, for whom the infidelity of Ivan and Petr constitutes a tremendous misfortune, filling a whole life with

tears and despair, are not far removed from these weepy creatures. Novelists and critics daily exalt to the great dignity of human nature this weepiness, this wretchedness, this shocking poverty [...] The emancipation of women must be directed precisely against this very painful and shameful dependence. (Pisarev 2003: 206)

Pisarev's criticism effectively dissected the two key points of Panaeva's writing: the high hopes for emancipation and the 'new people'. A third (i.e. the veiled rebuke against Nekrasov and his circle) could not be of interest to Pisarev, as they were not addressed to him.

Nadezhda Khvoshchinskaia also joined in the criticism of *A Woman's Lot* in an article from the cycle *Provincial Letters on Our Literature* [Provintsial'nye pis'ma o nashei literature, 1862] (Khvoshchinskaia 1862). She sympathized with the themes of Panaeva's prose, but denied her literary skill (none of her novels 'is satisfying in artistic terms' (Nesterenko 2018: 126)). According to Khvoshchinskaia, Panaeva sometimes manages to speak honestly, but more often falls into caricature, and most importantly, she tends to overuse

depictions of evil and suffering, which makes the reality of her work implausible:

Let us assume that there is no cursed corner in the world where fate has brought together both the cruel, greedy egotistic old man, his heir, the idle and debauched dandy, the lady of no decent manners, her friends, the debauched phrasemonger-sponging houseguests, and her son, the madman à la Hamlet. They evoke in the reader sometimes a smile, more often the annoyance of fatigue, but both the smile and the annoyance are cut short suddenly by a sigh: 'What a parade of uglies!' [...] He [Stanitskii, Panaeva's pseudonym] has brought his sufferers all together in one place, at one time – an artistic error, perhaps, unforgivable; but it does not prevent us, from looking at our unfortunate and fallen, our *misérables*, all at once and in one place. It is ugly to the point of caricature, it is filthy to the point of disgust – and yet all these fallen ones are guilty only of having trusted and

loved... (Nesterenko 2018: 127–28)

Thus, *A Woman's Lot* was attacked by people in the literary communities important to Panaeva. The reproaches from Pisarev were painful because their author was the 'heir' of Dobroliubov, whose literary inheritance Panaeva, as it seemed to her, was following faithfully. Khvoshchinskaia's criticism, on the other hand, mattered for another reason: the prose of Panaeva was condescendingly criticized by a woman – a writer who was more successful in literary terms.²²

In our opinion, it was not the break with Nekrasov, but the devastating critical reviews of *A Woman's Lot* that served as the main reason for the suspension of Panaeva's literary career. It was the defeat of *A Woman's Lot* that prompted Panaeva, who saw herself as a professional writer, to leave literature.

Panaeva did not gain a foothold in the collective memory of pro-

²² Certainly, Panaeva was aware that it was a female author writing under the pseudonym of V. Krestovskii. Back in 1856, in one of his reviews Nekrasov directly pointed out that Krestovskii was 'the pseudonym of a lady writer' (Nekrasov 1981–2000, XI, 2: 244). For the editors of *The Contemporary*, therefore, Krestovskii's gender was not a mystery.

gressives – due to the fact that competing social programs, primarily in Chernyshevskii's novel, proved more influential. She also remained unknown to the 'general reader' despite the novels and novellas published in *The Contemporary*. This is partly due to the fact that the literature of the following decades largely transformed Panaeva's themes and plots, deepening and problematizing them. Thus, practically all the problematic aspects and the system of images in *A Woman's Lot* were developed by later writers. It is worth remembering the independent women in Khvoshchinskaia's prose and the analysis of the problem of experiencing attraction to a sex worker in Dostoevskii's *Notes from Underground* [Zapiski iz podpol'ia, 1864], and odd heroes like Myshkin, as well as the hardships and horrors of marriage in *Anna Karenina* [1875] and *The Kreutzer Sonata* [Kreitserova sonata, 1890], not to mention the poetics of the horrifying caricature of one family's life in *The Golovlev Family* [Gospoda Golovlevy, 1880].

In her later years, Panaeva tried to return to creative activity, but in the 1880s and 1890s, she found herself in a completely different literary context. Even if one does not attempt to evaluate the aesthetic component of her

later stories and novels (*The Mongrel* [Dvorniazhka, 1889]; *The Rooster* [Petukh, 1891]; *Orphans* [Siroty, 1893]), it is clear that she had no place in the new culture of Populist and pre-Symbolist movements (for more detail, see Dolgikh, 1977). This period, however, left us with *Memories* (1889), Panaeva's most canonical and popular text.

In our opinion, the memoirs were largely powered by the same emotional impulses that defined Panaeva's prose of the 1850s and 1860s. Their 'unreliability' is explained by the same style of writing. In her memoirs, there is no need to conceal the prototypes. At the same time, Panaeva is also unable to avoid the fictional basis – she constructs her narrative on the model of an almost plot-driven text, fictionalized and with the smoothness of literature. In other words, Panaeva's inability to write a credible memoir is the inverse of her inability to create pure fiction.²³ On an imaginary

²³ Note that, as it seems, Panaeva's works were less successful when based on fictionalization. It is indicative that her late memoirs most strongly remind us of her earliest text – *The Tal'nikov Family*, a story highly praised by Belinskii, whose autobiographical and traumatic character was never doubted – if we apply the term 'autobiography' broadly – not as an exact reproduction

authenticity scale, her *Memories* aspires to be an 'auto psychological novel' that combines the wish to tell the truth about people once close to her and, at the same time, the determination to settle accounts with them. In this respect, the antithesis of the 'old editorial staff' vs. the 'young radicals', represented in the *Memories*, is emotionally homogeneous to a similar antithesis in the prose of the 1850s and 1860s. In a certain way, Panaeva's *Memories* replace one type of authenticity with another. Therefore, they should not be evaluated in the same way as other testimonies. In place of the 'masculine' factuality there is a 'feminine' emotional authenticity, unmatched in other texts of the epoch.

Thus, the fundamental principle of Panaeva's poetics of the 1840s and 1860s is the presence of prototypes, which forms the emotional core of her writing, rather than being a peripheral literary device as in most of her contemporaries' works. Her defeat and retirement from literature can be explained by professional reasons. At the same time, it was not the principles of Panaeva's writing that were repressed but her attempts to engage in the

most urgent literary and political agenda. She could not compete with her ideological allies, who were her rivals in the literary field. Unnoticed and underappreciated, Panaeva's prototypical device would only be re-discovered after most of the people in her circle became part of cultural history.

Regardless of whether the readers of the 1850s and 1860s were right in their assessment of the originality and artistic merits of Panaeva's prose, ignoring it drastically reduces the opportunity for researchers and enthusiasts to understand and visualize this era of Russian literature. In her works, Panaeva offered a defamiliarizing, feminine, protesting view of the central literary phenomenon of her time – the editorial board of *The Contemporary*. She revealed the gendered side of both its activities and ideology, as well as the everyday life of the writers associated with the journal. Without the contribution of the only woman among the editorial staff, the portrait of *The Contemporary* is doomed to be inaccurate, if not false.

of facts, but as a reproduction of one's life experience (Holmgren 2009).

Bibliography

Bessonov 1979: Bessonov, Boris. 1979. 'Lermontov v povesti A.Ia. Panaevoi "Paseka" (1849)', in *M.Iu. Lermontov: Issledovaniia i materialy*, ed. by Mikhail Alekseev (Leningrad: Nauka), 423–25

Bessonov 1980: ——. 1980. 'Ob utrachennoi perepiske A.Ia. Panaevoi i Nekrasova (Istoriia odnoi publikatsii)' in *Nekrasovskii sbornik*, 7 (Leningrad: Nauka), 47–65

Brodskii 1948: Brodskii, Nikolai (ed.). 1948. *V.G. Belinskii i ego korrespondenty*. 1948 (Moscow: Gosudarstvennaia biblioteka imeni V.I. Lenina)

Cherniak 1933: Cherniak, Iakov. 1933. *Ogarev, Nekrasov, Gertsen, Chernyshevskii v spore ob ogarevskom nasledstve [Delo Ogareva — Panaevoi]. Po arkhivnym materialam* (Moscow, Leningrad: Academia)

Chernyshevskii 1890: Chernyshevskii, Nikolai. 1890. *Materialy dlia biografii N.A. Dobroliubova, sobrannye v 1861–1862 godakh*, I (Moscow: Tipografiia V.F. Rikhter)

Chernyshevskii 1949: ——. 1949. *Polnoe sobranie sochinenii: V 15 tomakh*, XIV. Pis'ma. 1838–1876 gg. (Moscow: GIKhL)

Chukovskii 2004: Chukovskii, Kornei. 2004. 'Nekrasov i Avdot'ia Panaeva [1921]' in Chukovskii, Kornei. *Sobranie sochinenii: V 15 tomakh*, VIII, 264–303 (Moscow: Terra)

Clyman et al. 1994: Clyman, Toby W. and Diana Greene (eds.). 1994. *Women Writers in Russian Literature* (Westport: Bloomsbury Publishing)

Dolgikh 1977: Dolgikh, Ul'ana. 1977. *Zhizn' i literaturnoe tvorchestvo Avdot'i Iakovlevny Panaevoi (1820–1893)*. PhD diss. (Leningrad)

Druzhinin 1986: Druzhinin, Aleksandr. 1986. *Povesti. Dnevnik*, ed. by Boris Egorov, Vladimir Zhdanov (Moscow: Nauka)

Evgen'ev-Maksimov 1950: Evgen'ev-Maksimov, Vladislav. 1950. *Zhizn' i deiatel'nost' N.A. Nekrasova*, II (Moscow, Leningrad: GIKhL)

Fedotov et al. 2023: Fedotov, Andrey, Uspenskij, Pavel. 2023. "Panaevskii tsikl" Nikolaia Nekrasova. Poetika emansipatsii i menspleininga', *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, 68/1: 128–63

Gertsen 1961: Gertsen, Aleksandr. 1961. *Sobranie sochinenii v 30 tomakh*, XXIII: Pis'ma 1847–1850 gg. (Moscow: AN SSSR)

Gheith 2001: Gheith, Jehanne. 2001. 'Redefining the Perceptible: The Journalism(s) of Evgeniia Tur and Avdot'ia Panaeva' in *An Improper Profession: Women, Gender, and Journalism in Late Imperial Russia*, ed.

by Barbara Norton and Jehanne M. Gheith, 53–73 (Durham and London: Duke University Press)

Greene 2004: Greene, Diana. 2004. *Reinventing Romantic Poetry: Russian Women Poets of the Mid-Nineteenth Century* (Madison: University of Wisconsin Press)

Holmgren 2009: Holmgren, Beth. 2009. 'Ne-natural'naia shkola: "Semeistvo Tal'nikovykh" Panaevoi' in *Travma: punkty. Sbornik statei*, ed. by Sergei Ushakin and Elena Trubina, 45–72 (Moscow: NLO)

Holmgren et al. 2007: Holmgren, Beth, Gheith, Jehanne. 2007. 'Art and Prostokvasha: Avdot'ia Panaeva's Work' in *The Russian Memoir: History and Literature*, ed. by B. Holmgren, 128–44 (Evanston: Northwestern University Press)

Iukina 2007: Iukina, Irina, 2007. *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* (St Petersburg: Aleteiia)

Izmailov 1930: Izmailov, Nikolai (ed.). 1930. *V.P. Botkin i I.S. Turgenev. Neizdannaiia perepiska 1851–1869*. (Moscow, Leningrad: Academia)

Kafanova 2017: Kafanova, Ol'ga. 2017. 'Avdot'ia Panaeva mezhdru publichnym i lichnym prostranstvom', *Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie*, 29, <<https://doi.org/10.4000/ilcea.4296>> [accessed 1.12.23]

Kelly 1994: Kelly, Catriona. 1994. *A History of Russian Women's Writing, 1820–1992* (New York: Oxford University Press)

Khvoshchinskaia 1862: Khvoshchinskaia, Nadezhda. 1862. 'Provint-sial'nye pis'ma o nashei literature', *Otechestvennye Zapiski*, 5: 24–52

Kliuchkin 2019: Kliuchkin, Konstantin. 2019. 'Women's Prose in the Modernizing Cultural Economy: 1850s–1870s' in *Skladchina. Sbornik statei k 50-letiiu professora M.S. Makeeva*, 98–121 (Moscow: OGI)

Kotliarevskii 1914: Kotliarevskii, Nestor. 1914. 'Ocherki iz istorii obshchestvennogo nastroeniia shestidesiatykh godov. Zhenskii vopros v ego pervoi postanovke', *Vestnik Evropy*, 2: 225–52

Kurova 1952: Kurova, K.S. 1952. 'Tvorchestvo A.Ia. Panaevoi v 60-e gody', *Uchenye zapiski Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.M. Kirova*, 14: 39–58

Makeev 2017: Makeev, Mikhail. 2017. *Nikolai Nekrasov* (Moscow: Molodaia Gvardiia)

Marsh 1996: Marsh, Rosalind (ed.). 1996. *Gender and Russian Literature. New Perspectives* (Cambridge: Cambridge University Press)

Mel'gunov 2006–2009: Mel'gunov, Boris (ed.). 2006–2009. *Letopis' zhizni i tvorchestva N.A. Nekrasova, 1821–1877: V 3 tomakh* (St Petersburg: Nauka)

Mikhailov 1860: Mikhailov, Mikhail. 1860. 'Zhenshchiny, ikh vospitanie i znachenie v sem'e i obshchestve', *Sovremennik*, 4: 473–500; 5: 89–106; 8: 335–50

Nekrasov 1981–2000: Nekrasov, Nikolai. 1981–2000. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 15 tomakh* (Leningrad, St Petersburg: Nauka)

Nesterenko 2018: Nesterenko, Mariia (ed.). 2018. *Avtoritsy i poetki. Zhenskaia kritika: 1830–1870*. 2018 (Moscow: Common place)

Panaeva 1849: Panaeva, Avdot'ia. 1849. 'Paseka', *Sovremennik*, 11

Panaeva 1850a: ——. 1850. 'Neobdumannyi shag', *Sovremennik*, 1

Panaeva 1850b: ——. 1850. 'Kapriznaia zhenshchina', *Sovremennik*, 12

Panaeva 1854: ——. 1854. 'Melochi zhizni', *Sovremennik*, 1–4

Panaeva 1855: ——. 1855. 'Vozdushnye zamki', *Sovremennik*, 3

Panaeva 1857: ——. 1857. 'Domashnii ad', *Sovremennik*, 9

Panaeva 1860: ——. 1860. 'Roman v peterburgskom polusvete', *Sovremennik*, 3–4

Panaeva 1862: ——. 1862. 'Zhenskaia dolia', *Sovremennik*, 3–5

Panaeva 2014: Panaeva, Avdot'ia. 2014. *Moi ljubovnik – Nikolai Nekrasov* (Moscow: AST)

Pisarev 1864: Pisarev, Dmitrii. 1864. 'Kukol'naia tragediia s buketom grazhdanskoi skorbi', *Russkoe slovo*, 8: 1–58

Pisarev 2003: Pisarev, Dmitrii. 2003. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 12 tomakh*, VI (Moscow: Nauka)

Popov 1948: Popov, Pavel (ed.). 1948. *Letopisi. Kniga IX. Pis'ma k A.V. Druzhininu*, (Moscow: Izdanie GLM)

Ranchin et al. 1994: Ranchin, Andrei and Nikita Sapov (eds.). 1994. *Stikhi ne dlia dam. Russkaia netsenzurnaia poeziia vtoroi poloviny XIX veka* (Moscow: Lodomir, AST)

Savkina 2007: Savkina, Irina. 2007. *Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoi literature pervoi poloviny XIX veka* (Moscow: NLO)

Shcherbina 1929: Shcherbina, Nikolai. 1929. *Al'bom ipokhondrika. Epigrammy i satiry*, ed. by I. Ivanov-Razumnik (Leningrad: Priboi)

Shtakensneider 1934: Shtakensneider, Elena. 1934. *Dnevnik i zapiski (1854–1886)* (Moscow: Academia)

Stankevich 1897: Aleksandr Stankevich (ed.). 1897. *T.N. Granovskii i ego perepiska*, II (Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova)

Stepina 2019: Stepina, Mariia. 2019. 'Nekrasov i A.Ia. Panaeva: neskol'ko chastnykh soobrazhenii' in *Nekrasovskii sbornik* 15–16, 51–65 (Briansk: Istoricheskoe soznanie)

Stites 1978: Stites, Richard. 1978. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860–1930* (Princeton: Princeton University Press)

Stroganova 2004: Stroganova, Evgeniia (ed.). 2004. *Russkaia literatura XIX veka v gendernom izmerenii. Opyt kollektivnogo issledovaniia* (Tver: Liliia Print)

Stroganova et al. 2006: Stroganova, Evgeniia and Elizabeth Shore (eds.). 2006. *Zhenskii vyzov: russkie pisatel'nitsy XIX – nachala XX veka. Sbornik statei* (Tver: Liliia Print)

Stroganova 2019: Stroganova, Evgeniia. 2019. *Klassiki i sovremennitsy: gendernye realii v istorii russkoi literatury XIX veka* (Moscow: Litfakt)

Turgenev 1987: Turgenev, Ivan. 1987. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 30 tomakh. Pis'ma. V 18 tomakh, III: Pis'ma, 1855–1858* (Moscow: Nauka)

Vaysman 2021: Vaysman, Margarita. 2021. 'Woman's Lot: Realism and Gendered Narration in Russian Women's Writing of the 1860s', *The Russian Review*, 2: 229–45

Voloshina 2016: Voloshina, Svetlana. 2016. *Utopiia i zhizn'. Biografiia Nikolaia Ogareva* (St Petersburg: Vladimir Dal')

Марко Каратоццоло, Людмила Спроге

В тумане прошлого: неизвестный автобиографический фрагмент Василия Ивановича Немировича-Данченко

In the Fog of the Past: An Unpublished Autobiographical Fragment by Vasilii Nemirovich-Danchenko

In 1909, the poet and translator Fedor Fidler (Friedrich Fiedler) curated a collection of short autobiographies from various contemporary Russian writers. However, not all of the autobiographies submitted to him were included in the final 1911 volume *First Literary Steps*. Notably absent from this publication is the contribution of the prose writer and journalist Vasilii Nemirovich-Danchenko (1845-1936). Recently unearthed, this previously unpublished text is presented and analyzed here for the first time.

Публикуемый впервые¹ фрагмент представляет немалый интерес в рамках определенного биографического поджанра, который принято называть “автобиографией по заказу” (Деотто 2011). Автор текста – плодовитый русский журналист, поэт, писатель и мемуарист Василий Немирович-Данченко (1844–1936, далее Н-Д), старший брат известного театрального режиссера Владимира (1858–1943), с которым его нередко путали из-за идентичности инициалов². набросок автобиогра-

фии, сделанный Н-Д, значим не только как неизданный архивный материал, касающийся *curriculum vitae* “творца бесчисленных романов”³, но и

на жизни, опубликованной в итальянском переводе в журнале *Nuova Antologia* в начале XX века” (Pagani 2020).

³ Известность Н-Д как плодовитого автора, в чей творческий арсенал вошли многочисленные жанры, многообразие тем и проблем, описания своих путешествий, корреспонденции с нескольких войн, участником которых он был, стали поводом для эпиграмм и шуточных шаржей на протяжении всей долгой жизни писателя; Lolo (Л.Г. Мунштейн (1867–1947) поэт-сатирик) запечатлел его широкую известность и пафос жизненных исканий так: “Амфитрион литературы, / Весенний наш Мафу-саил, / Ты, не боясь ‘температуры’, /

¹ Каратоццоло: с. 3-9, 15-21; Спроге: с. 9-15, 21-29.

² “Иногда, – пишет М.П. Пагани – их даже путают, как в случае ошибочного приписывания Василию пьесы Це-

потому что представляется важным фактом фиксации особого периода истории русской периодической прессы, – в течение которого личность и литераторство Н-Д, завоевывают, не без трудностей (как он сам пишет в автобиографии), свою писательскую репутацию в русской интеллектуальной среде. Рукопись названа автором *В тумане прошлого*⁴ (Письмо к Ф.Ф. Фид-

Весь белый свет исколесил. / Творец бесчисленных романов, / Новелл, рассказов, повестей, / Певец любви, борьбы страстей, / Военных бурь и ураганов. / Как встарь, талантлив, полон сил / И жизнерадостен, и светел, / Своей зимы ты не заметил, – / Дни нашей жизни осветил!” (Lolo 1927).

⁴ Интересно, что через двенадцать лет после описываемых событий, Н-Д напишет под таким же заглавием роман, где главный герой Андрей сталкивается с различными препятствиями, проходит через жестокие испытания в своем стремлении к успеху, богатству и счастью. Роман Н-Д прочно забыт; после эмиграции в Берлин, а затем в Прагу, по всей вероятности, жизненные коллизии персонажей (Андрея, Константина и Анны) *перешли* в другие беллетристические сюжеты писателя, *растворившего* таким образом свой роман 20-х гг. в многочисленных текстах, созданных в краткий берлинский период или в пражской жизни, когда писатель был “одним из наиболее переводимых на чешский язык и широко публикуемых русских авторов: за годы эмиграции в Праге вышло более 20 его романов и 10 сборников

леру) и состоит из пяти частей, содержание которых распределяется по шести рукописным бумажным листам, заполненных текстом не одинаково. Листы были написаны Н-Д предположительно между 1909 и 1910 годами, затем отправлены известному в своем кругу *русскому немцу* – писателю и переводчику – Федору Фидлеру – хорошему знакомому Н-Д. Текст был недавно обнаружен в одном из двух главных архивных фондов Фидлера, – тот который хранится в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (второй находится в ИРЛИ)⁵.

Документ представляет собой письмо, которое было отправ-

повестей и рассказов” (Белошевская 2011: 128).

⁵ Немирович-Данченко Василий Иванович (1848–1936), писатель. Ф. 2044 107 ед. хр.; 1864–1926. Содержание фонда: Стихотворения, статьи, путевые записки, записная книжка. Личные, финансово-хозяйственные документы. Письма Вас. И. Немировичу-Данченко: А.В. Амфитеатрова, Н.Ф. Анненского, В.П. Буренина, П.И. Вейнберга, В.П. Гайдебурова, П.П. Гнедича, Д.В. Григоровича, А.Ф. Кони, Вл.И. Немировича-Данченко, О.К. Нотовича, А.А. Плещеева, А.С. Суворина, В.Е. Чешихина, К.И. Чуковского, П.Е. Щеголева и др. Стихотворения М.А. Лохвицкой, В.М. Лаврова; письмо Г.С. Петрова И.Д. Сытину (Дубровский *et al.* 1999: 188).

лено Ф.Ф. Фидлеру, в связи с тем, что он в это время готовил к печати сборник писательских воспоминаний *Мои первые литературные шаги*. Упомянутый сборник был результатом трехлетней работы: уже с 1909 г. Фидлер начал переписываться с разными по эстетике современными русскими писателями и поэтами (в том числе с Блоком, Буниным, Ремизовым, Тэффи и др.) с просьбой написать автобиографический текст о первых литературных шагах. Надо отметить, что Фидлер не впервые взялся за издание литературной антологии: подобные книги его интересовали уже с 1889 г., когда он выпустил в Германии сборник о русских лириках (Fiedler 1889). Автобиографии русских писателей планировалось издать в книге 1911 г., но по неизвестным причинам не все полученные собирателем материалы были в нее включены. Так как книга Фидлера не переиздавалась, то не попавшие в сборник автобиографии остались неопубликованными, но сохранились в указанном фонде; среди них текст Н-Д представляет особый интерес. В продолжении 75-летнего писательства “русский европеец”, “скиталец по

векам”⁶ несчетное количество раз давал интервью о своем творчестве, отвечал на многочисленные анкеты, писал автобиографические очерки, вел переписку со своими современниками – журналистами, издателями, критиками, которые в разные периоды его творческой деятельности пытались создать его литературный портрет и разгадать загадку его актуальности и созвучности эпохе. Проникновенным демократическим пафосом были наполнены ранние его стихи, где мотивы независимого поэтического творчества и свободного родного края “без палачей и угнетенья” пересекаются с ориентальными южными картинками в духе предшествующей ему романтической традиции:

Кто возвратит мне край
родной, / И страсть, и
негу ночи южной. / И
лепет моря под скалой, /
И песнь грузинки молодой – /
Печальный вздох души
недужной?.. / В полдневный
зной под сенью лоз /
Перебегающие тени, /
Благоуханье алых роз, /
Хранящих

⁶ Такие характеристики писателя наиболее частотны в литературной критике и в многочисленных поэтических посвящениях.

след вечерних слез, /
 Платанов дремлющие
 сени?.. / Свободу родины
 моей – / Где мысль не
 ведает стеснения, / Где
 груди дышится вольней,
 / Где нет над словом –
 палачей, / Над челове-
 ком – угнетенья?..
 (Немирович-Данченко
 1902: 62)

О первых шагах своих на литературном поприще Н-Д умел и любил рассказывать и в XIX, и в XX веках, всегда находя строгие закономерности и интересные случайности в жизни начинающего литератора. Позднее, уже в эмиграции, писатель задумал автобиографические книги *Солнечное детство*. (Из воспоминаний) и *Тропические дали*, главы из которых публиковались в периодических изданиях – *Черные страницы*, *Мой первый гонорар*, *Апофеоз* и *Первый дебют*, в котором отчасти раскрыта поэтика малых прозаических жанров Н-Д, – а именно, – как завершать сюжетную интригу? Диалог в *Первом дебюте* касается “секрета” авторской стратегии письма:

Чем все это кончилось?
 Можете не досказывать!
 Почему? Концы всегда
 не интересны... Заклю-

чительные аккорды хо-
 роши только в музыке...
 Дальше – повторения...
 Оборвать рассказ надо
 на крещендо! Надо, что-
 бы слушатель оставался
 с нетерпеливой жадью:
 “А что же потом?..” А не с
 разочарованием: “Только
 то!” (Немирович-
 Данченко 1932: 3)

Ранний набросок воспомина-ний о первых творческих шагах впоследствии не был предан забвению. Оглядывая творческий путь Н-Д до его отъезда из России, можно утверждать, что мемуарные сюжеты о встречах с русскими классиками, видными деятелями культуры, солдатами и офицерами на полях военных действий, были осмыслены в контексте автобиографических линий писательской судьбы. Частотность мемуарных публикаций в начале 20-х гг. XX в. свидетельствует о том, что потребность в много-томных воспоминаниях входила в писательские планы Н-Д, об этом говорят публикуемые им сюжеты в эмигрантской периодике⁷. Характерно,

⁷ В этой связи характерны письма 1931 г. Н-Д редактору газеты *Сегодня* М.С. Мильруду: “Когда у меня спрашивают: Что Вы пишете? Я отвечаю: посмертные произведения [...]. Думаю,

что тематическая направленность этих публикаций часто соответствует тем наброскам, которые остались на листках *В тумане прошлого*, – это и принципиальный вопрос “что оставить в памяти, а что – вычеркнуть”; роль наследственности в становлении будущего писателя, влиятельные имена и книги; сопротивление жизненным неудачам; политические убеждения; война с цензурой. Эти грани определили рефлексию собственного жизненного пути и творческих воплощений.

О Федоре Федоровиче Фидлере (1859–1917) вышло в последние годы немало исследований, что подтверждает повышенное внимание к значению его личности в рассматриваемый период⁸. Особенно пристально рассматриваются его интересные мемуары и записные книжки, опубликованные в 2008 г. под редакцией Константина Азадовского (Фидлер

пора писать воспоминания. Я их наметил себе много. И Вы когда-то рекомендовали мне тоже, да я все текущею действительностью был занят. [...] Газета, переводившая из *Сегодня* мои воспоминания, недавно спрашивала, когда же я буду продолжать их”. (Абызов *et al.* 1997: 211, 213).

⁸ См.: Константинов 1982, Данилевский 1960, Азадовский 2015. Новейшая библиография о нем находится в: Азадовский 2019.

2008). Редактор во вступительной статье называет Фидлера “одним из достойнейших представителей дореволюционной российской интеллигенции” и отмечает ценность его подробных дневников, которые он вел “с аккуратностью образцового аптекаря” (Немирович-Данченко 1921: 101). Только недавно они были опубликованы, и сразу же заслужили сравнение со “своего рода памятником, содержанием и уникальным, охватывающим сотни имен, событий и фактов” (Азадовский 2008: 5). Автор мемуаров и дневников был сыном немецкого часовщика (часовых дел мастера), который из Германии переселился в Санкт-Петербург. Хотя в семье говорили по-немецки, дети воспитывались по русским традициям. Фидлер учился в столичной гимназии и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где вместе с ним студентом-филологом был брат писателя Всеволода Гаршина; это обстоятельство поспособствовало знакомству с популярным литератором, что помогло Фидлеру-переводчику войти в круг самых известных столичных поэтов. С 1894 г. Фидлер начал преподавать немецкий язык в

известной женской гимназии княгини Оболенской, где успешно проработал долгие годы, что ему позволило в 1913 г. дослужиться до чина статского советника. Любовь к родному языку нашла профессиональное отражение в его широко известной деятельности переводчика. По словам писателя Николая Познякова, одного из авторов, включенных в сборник: “За 25 лет он перевел на немецкий язык всех выдающихся русских поэтов” (Азадовский 2008: 9). Особенно выразителен отзыв о его переводческом мастерстве Антона Чехова, приводимый в книге Н-Д, который назвал Фидлера “лампадой перед иконой русской литературы” (Немирович-Данченко 1921: 97). Благодаря прижизненной известности Фидлера, нетрудно представить себе широкий диапазон его контактов и, с другой стороны, – понять готовность русских литераторов сотрудничать с ним, в частности, – принять участие в проекте *Мои первые литературные шаги*. Сборник вышел в 1911 г. в издательстве Сытина, и доходы с его продажи поступили в Литературный Фонд. В книге собраны пятьдесят четыре⁹ краткие ав-

тобиографии, написанные на основе “опросного листа” из 25 вопросов, – например: “Первое написанное и оставшееся в рукописи произведение. Когда? Какое?”, “Первый гонорар – Со строки, с листа или полностью за всю рукопись?” (Фидлер 1911: 3–4). Фидлер раздал опросный лист знакомым авторам, не всегда получая, как он сам пишет в своем дневнике, желаемое внима-

не в алфавитном, а “в порядке их поступления” (Фидлер 1911: 3), обнаруживает широту знакомств Фидлера и его центральное место в тогдашней литературной среде: Б.А. Лазаревский, В.П. Авенариус, Г.С. Петров, Л.Н. Андреев, А.А. Измайлов, В.А. Тихонов, Е.Н. Чириков, О.А. Шапир, К.В. Лукашевич, И.Н. Потапенко, Т.Л. Щепкина-Куперник, Н.А. Морозов, А.А. Луговой, А.А. Блок, И.С. Рукавишников, П.С. Соловьев, И.Л. Щеглов, А.М. Федоров, А.И. Косоротов, Ф.В. Черниговец-Вышневецкий, В.В. Муйжель, С.И. Гусов-Оренбургский, Г.И. Чулков, В.И. Томашевская, Д.М. Ратгауз, О.И. Дымов, А.Н. Будищев, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, П.А. Сергеенко, В.Я. Светлов, Г.А. Галина, К.К. Арсеньев, Л.Ф. Пантелеев, С.Д. Дрожжин, К.С. Баранцевич, М.А. Волошин, В.В. Туношенский, И.Ф. Анненский, Л.И. Шестов, М.И. Альбов, Л.Я. Гуревич, И.И. Ясинский, Н.А. Тэффи, Н.О. Пружанский, П.В. Засодимский, А.Е. Зарин, А.М. Ремизов, Е.П. Карпов, Е.М. Безпятов, И.А. Белоусов, А.М. Хирьяков, Д.М. Цензор, И.А. Гриневская, И.А. Бунин.

⁹ Сам список авторов, размещенных

ние¹⁰. Например, в сентябре 1909, отмечает Азадковский (2015: 236), он обращается к Федору Сологубу с просьбой получить от него адреса разных писателей, а в последующие месяцы старается дойти до них, передавая опросный лист, но, видимо, не всем проект сборника показался интересным, или просто не все получили его письмо, что и могло бы объяснить причину отсутствия текста Н-Д. Второй причиной мог быть формат текста: представленная писателем автобиография оказалась намного длиннее остальных, появившихся в сборнике. Несмотря на строгую условность опросника, авторы сборника на самом деле прислали разнотипные тексты: Бунин, например, не старался сюжетно представить биографический текст, а просто и

¹⁰ См., например случай Федора Сологуба, жившего тогда “по соседству” с Фидлером и также приглашенного собирателем участвовать в сборнике. 30 сентября 1910 Фидлер записывает в своем дневнике: “Я упрекнул его в том, что он, вопреки своему обещанию, так ничего и не дал мне для Первых литературных шагов (как раз сейчас печатают корректуры от Сытина из Москвы). ‘Для меня нет прошлого в моей литературной работе. О чем я должен был написать? Что поначалу все редакции возвращали мне мои сочинения?’” (Фидлер 2008: 542).

коротко ответил на вопросы; Ремизов же, наоборот, отнесся весьма творчески к выдвинутой задаче и сочинил небольшой сюжет о своем первом рассказе, где тонирует известную метафору о сапоге, и ссылается на первые строки *Бедных людей* Достоевского.

Эти различные биографические *медальоны* указывают на природу *поджанра*, о котором идет речь – *автобиографией по заказу*; по определению Патриции Деотто: “Автобиографическое письмо автора, представляющее произведение или сборник в прозе или поэзии, [...] или биографический очерк для журнала или сборника автобиографий разных авторов” (Deotto 2012: 49). С обычной автобиографией, как уточняет исследовательница, *автобиография по заказу* имеет немало различий: с одной стороны, тем, что это не волевой акт, поэтому “тот, кто пишет должен выстраивать свою память, приспособляя ее к образу, данному заранее” (Деотто 2011: 85), и, следовательно, пишущий такую автобиографию автор должен избегать некоторых аспектов, которые он бы не пропустил в написании обычной автобиографии. С другой стороны, следует уточнить, что даже если автор текста в действи-

тельности совпадает с изображенным персонажем, дистанция между ними увеличивается, поскольку последний должен соответствовать заданному образу, тем самым противостоя повествователю, который, наоборот, сохраняет свое всеведение (Деотто 2011: 85).

Оставшийся незавершенным текст Н-Д представляет своего создателя как бы в процессе выстраивания событий и фактов не в линейном порядке, а на эмоциональной волне. Он и в самом деле подходит к строгим критериям заказной автобиографии без особой дисциплины, которая предлагалась в опроснике Фидлера: этого нельзя не заметить, повествование Н-Д не следует логике, предусмотренной редактором, не фокусируется на 25 вопросах. Свидетельствует об этом и подзаголовок *Письмо Ф.Ф. Фидлеру*, в котором выражено желание сохранить самостоятельное видение своего литературного *гепоттée*, а также осязаем интимный тон личной переписки, освобожденной от необходимых в данном случае ограничений и схем. Тем самым Н-Д значительно сокращает дистанцию, которая обычно создается между канонической автобиографией и её поджанром. Следует

добавить, что в намерение самого Фидлера входило предпочтение к более свободным описаниям, не скованным “опросником” и это обнаруживается в предисловии, где он уточняет, что “авторам предоставлялось отвечать в любой форме и не на все пункты нижеприводимого опросного листа” (Фидлер 1911: 3). Желание Фидлера включить Н-Д в проект сборника *Мои первые литературные шаги* естественно и не подлежит сомнению, так как он к концу первого десятилетия XX века был уже классиком современной литературы и приобрел международную известность своими произведениями¹¹. Писатель родился в Тбилиси в 1844 г. и провел свою юность между Кавказом и Москвой. В десятилетнем возрасте он был отдан отцом, кавказским офицером, в Кадетский корпус, где его неприязнь к военной среде год от года усиливалась. В 1863

¹¹ Библиография о Н-Д достаточно объемна. Написанное о нем по 1999 г. можно найти в подробной библиографической статье В.Н. Баскакова и В.Е. Хализиева (1999: 285). Из более недавних исследований, см.: Кулагина 2015, Данченко 2017, Гусев 2017. По поводу особенно интересной и актуальной “итальянской темы” у Немировича-Данченко, см.: Caratuzzolo 2021, Талалай 2021, Немирович-Данченко 2023.

году, решив посвятить жизнь литературе, укрепленный своим очевидным мастерством в стихосложении и поощрением кадетов и некоторых преподавателей, Н-Д переехал в Санкт-Петербург и начал публиковаться, одновременно работая журналистом в *Петербургском листке*. Это был 1865 год, то самое время, когда Ф.М. Достоевский работал над *Преступлением и наказанием*, также используя материалы из этой газеты.

В 1868 году, по причинам, которые до сих пор не выяснены¹², Н-Д был заключен в тюрьму, лишен дворянских прав, удален из столицы и сослан в Архангельск, где прожил в ссылке до 1874 года. Благодаря заботам Н.А. Некрасова, ему все же удалось попутешествовать, посетить ряд мест, что и дало ему возможность сразу же проявить особый талант к путевым заметкам и к этнографическим материалам: в частности, по-

¹² Интересен на эту тему отрывок из дневников Фидлера от июля 1890 г., где он описывает разговор с Лейкиным о Н-Д: “Да, теперь он – знаменитый писатель. Но когда-то давно занимался тем, что брал у изготовителей под залог рояли и фортепьяно, а затем продавал их или закладывал, и был за это выдворен из Петербурга. А все-таки стал человеком!” (Фидлер 2008: 74).

сле посещения Соловков, Ваалаамского архипелага и Лапландии, в 1874 он опубликовал в Петербурге (куда ему тем временем было разрешено вернуться) книгу *Соловки. Воспоминания и рассказы из путешествия с богомольцами*, которую оценил И.С. Тургенев, но особенно высоко – Достоевский. Именно благодаря книге о Соловках, Достоевский узнал о Н-Д и постарался убедить князя Владимира Мещерского, тогдашнего издателя *Гражданина*, ходатайствовать перед министром юстиции о помиловании молодого писателя (Белов 2001: 22–23).

В последующие годы автор все больше утверждался как писатель-путешественник, автор интересных популярных рассказов и путевых заметок по Уралу, Волге, Кавказу, Малой Азии, Африке и Южной Америке, затем по Центральной и Западной Европе (одна из его книг, *Очерки Испании*, 1888 года, стала знаменитой далеко за пределами России)¹³. Впе-

¹³ Известный поэт – сатирик Д.И. Минаев неоднократно использовал в своих эпиграммах личность Н-Д, его растущую известность и “скоропись”, как индивидуальную черту его творческого акта; в конце 1860-х гг. описывая созданное за два часа и изумившее всех полотно художника-

чатления от посещаемых мест нередко вкрадывались в сюжеты многочисленных повестей и романов, которые составляют значительную часть литературного наследия Н-Д. “Много пишет и Василий Иванович Немирович-Данченко”, – записывает сам Фидлер в своем дневнике от 5 января 1889 г., – “он разъезжает по Европе в поисках новых впечатлений, затем уединяется в каком-нибудь безлюдном месте и через две недели – роман готов!” (Фидлер 2008: 57). Эта черта примечательна и в произведениях, действие которых разворачивается в Италии, по которой Н-Д путешествовал и даже продолжительное время проживал¹⁴.

мариниста И.К. Айвазовского, поэт сравнивает его быстроту с аналогичным талантом Н-Д – очеркиста: “Айвазовский в два часа / Вид морской создал для пробы, / Но такие чудеса / В прессе редки ли? Ещё бы: – / Немирович без затей / В час напишет ряд статей, / Всем доступных, даже путных – / И морских и сухопутных”. Надеясь на “плодовитость” молодого беллетриста, на экспансию его материалов в периодической печати, Минаев “предостерегает” издателей от “вездесущего” автора: “Когда себе желаете вы счастья, – / Вам надо объявить не менее ста раз, / Что Немирович-Данченко у нас / Не будет принимать в издании участия” (цит. по: Немирович-Данченко 1925: 6).

¹⁴ См. недавно появившийся, под редакцией Михаила Талалая, сборник

Цель его путешествий была не только “беллетристической”. Н-Д фактически был и известным военным корреспондентом, одним из первых русских журналистов, кто профессионально выполнял свою задачу. В этом качестве, посылаемый от известных печатных изданий (*Наш век*, *Новое время*, *Русское слово*), он был свидетелем разных войн: Сербско-турецкой 1876 г., Русско-турецкой 1877 г., затем Русско-японской 1904 г., войны на Балканах в 1912-13 гг. и, наконец, Первой мировой войны, о которой он писал из Польши, Англии, Франции и Италии. “Я рисовал, – заявил он в 1914 году, – ужасы войны, в которых отвратительное сплетается с вдохновенным, героизм с подлостью, гений с бездарностью, самоотверженность с показным расчетом” (Баскаков *et al.* 1999: 283).

В 1917 г., находясь в Москве, Н-Д позитивно воспринял Февральскую революцию и отрицательно Октябрьский переворот, в котором он усмотрел “трагический крах разрушенной древности” (там же: 284). В годы гражданской войны он продолжал сотрудничать с народной прессой, публикуя

его произведений об Италии: Немирович-Данченко 2023.

статьи и рассказы, но в 1920 году, желая осуществить проект исторического труда под названием *Народные суды, вожди и мученики*, попросил разрешения выехать за границу для изучения архивов¹⁵. С 1922 года, когда разрешение было получено, Н-Д покидает Россию: он живет сначала в Берлине в течение года, затем в Праге, где он стал одной из самых влиятельных личностей русской эмиграции и получил среди соотечественников-интеллектуалов прозвище “наш старшина” (Баскаков *et al.* 1999). В эти годы он сотрудничал с самыми известными русскими эмигрантскими газетами в Берлине, Праге, Софии, Париже, Ревеле и Риге. В то же время он пользовался до определенной поры литературным успехом и в советской России, где его книги достигали ошеломляющих тиражей на протяжении 1920-х гг. Из мемуарной трилогии, которая “писались в первые дни революции” (Немирович-

¹⁵ О своем существовании в послереволюционной Москве Н-Д написал ряд статей: *Как бегают из советского рая* (1925), *О десятилетии Октябрьского переворота* (1927), *Голодная смерть писателей при большевиках (По личным воспоминаниям)* (1929), *От нас ушедшие. Мои встречи с Гумилевым* (1929).

Данченко 1921: 3), в эмиграции, вышел только первый том *На кладбищах*, остальные материалы остались в рукописном виде и хранятся в основном в РГАЛИ. За свою долгую писательскую жизнь Василий Н-Д был автором более 250 романов, повестей и рассказов¹⁶.

Широкая известность его объясняет лишь отчасти предложение Фидлера написать автобиографию в сборник. Двух современников спланивали тесные дружеские отношения, о чем неоднократно подтверждается в дневниковых записях Фидлера, где имя Н-Д фигурирует довольно часто. Особый интерес вызывает запись от 7 сентября 1892 о встрече с писателем в гостинице Англетер, где Н-Д занимал роскошный номер. В тот день Фидлер брал у него интервью и аккуратно записанные ответы на вопросы представляются одним из самых интересных

¹⁶ Количество прижизненно изданных книг Н-Д разнятся от 215 до 250, ему было присвоено прозвище *русский Дюма*, 50 томов его дореволюционного собрания сочинений были подтверждением его незаурядной трудоспособности, хотя он не преувеличивал своего значения в русской литературе, считая себя “посредственным романистом, добросовестным и неутомимым журналистом и хорошим военным корреспондентом” (Пехтерев *et al.* 1993: 59).

свидетельств о жизни и о творчестве Н-Д (Фидлер 2008: 97).

Уважение и неподдельный интерес Фидлера к писателю были взаимными, как не трудно догадаться, читая *На кладбищах*, где четвертая глава *Памятка о неугасимой лампаде* полностью посвящена недавно умершему Фидлеру. Н-Д вспоминает о его неугасимом стремлении переводить русскую поэзию на немецкий, о его аккуратности, о его любви к рукописям, которые он постоянно просил у коллег-поэтов и хранил в своем скромном доме, где он жил с дочерью и больной женой. Его дом воспринимался современниками как музей и действительно бы стал настоящим музеем, если бы большая часть коллекции Фидлера не была бы утеряна. В мемуарах нет упоминаний о работе над сборником *Мои первые литературные шаги*, но есть подтверждение большого круга знакомств среди писателей и поэтов, которым деятельность Фидлера не могла быть безразличной:

Фидлер был неременным членом всех литературных учреждений, кружков и обществ. Едва ли за все время их суще-

ствования он пропустил хоть одно заседание или даже опоздал на какое-нибудь самое скучное и незначительное. Особенно он любил устраивать юбилеи. [...] На этих юбилеях Фидлер любил выступать с остроумными характеристиками писателя или приветствиями ему, составленными из названий его повестей, рассказов, романов. (там же: 102–103)

Как было сказано выше, публикуемая здесь рукопись Н-Д, записанная скорописью, с сокращением слов, *невозможным почерком*¹⁷ и не завершенная, делится на пять частей. В первой, – вступительной – автор уподобляет *память длинной дороге с верстовыми столбами* – могилами умерших друзей и близких. На втором листке рассказывается о ранней юности, об учебе и службе в Александровском Брестском Корпусе, где

¹⁷ О *невозможном почерке* Н-Д ходили легенды: трудно читаемый, – скорее – разгадываемый, он вносил дополнительные трудности в работу наборщиков, которые держали пари, кому набирать рукопись произведения Н-Д. Об этом содержатся комические упоминания в поздних воспоминаниях о Н-Д: Амфитеатров 1935 и Пильский 1936.

единственным сокровищем для него была большая корпусная библиотека с произведениями на английском, французском и русском языках. Затем – первый опыт молодого журналиста, подневный труд репортера в редакциях разных журналов, с которыми Н-Д сотрудничал в шестидесятые и семидесятые годы (*Вестник Европы, Отечественные записки, Дело, Стрекоза*). Согласно просьбе Фидлера, отвечая на 18-ый и 19-ый вопросы, Н-Д подробно описывает свои первые гонорары и рассказывает об издателях, и о разных условиях оплаты, об уничижительном отношении к молодым и никому неизвестным авторам, одним из которых он был сам. Далее делается краткое отступление на политическую тему, на цензурные запреты и на артикуляцию авторского *credo*, утверждающего: “Моя вера в свободу и братство отражалась в каждом задуманном мною сочинении. Не понимаю до сих пор, что значит тенденциозная литература”. В финале автор отвечает на 13–16-ые вопросы о цензуре и рассказывает о необычных ситуациях, в которых побывал. Н-Д воспроизводит эпизод издания сборника очерков и впечатлений *Святые горы*,

издаваемым у Суворина в 1880 г., когда книга “так была обезображена цензором, что хоть не признавай ее своей. Он вымарывал части, не думал о связи оставшегося и истерзанного”. Неизданный текст известного литератора должен быть опубликован в силу того, что он отчасти характеризует мемуарную стратегию Н-Д и восполняет утраченный эпизод литературной жизни, героями которого были 54 автора *автобиографий по заказу*, Фидлер и не вошедший в его сборник *Амфитрион* русской литературы.

Представленный ниже текст Н-Д хранится в Российском Государственном Архиве Литературы и Искусства (РГА-ЛИ) в фонде *Фидлера* (Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 1–6). Документ написан в виде *письма к Ф.Ф. Фидлеру* и состоит из пяти нумерованных листов разного размера и одного маленького листа (л. 5) с подписью “Василий Немирович-Данченко. Первые литературные шаги”. Везде сохранены особенности авторского стиля, за исключением орфографии, которая была модернизирована.

Василий Иванович Немирович-Данченко

В тумане прошлого (Письмо к Ф.Ф. Фидлеру)

[РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 75. Л. 1–6]

I.

Говорят, что в семь лет человек весь строится заново¹⁸. И это не ремонт, где только местами делают поправки и подставки, а весь он изменяется от грубой берцовой кости до загадочных молекул его мозга. Значит, я уже почти семь раз¹⁹ прошел через эту невидимую

работу творческой природы. Оглядываясь назад, в эту давним давно затянувшуюся мглою быль, я, если бы мне каким-нибудь чудом пришлось встретиться с самим собою, едва ли бы узнал пятнадцатилетнего мальчишку, выброшенного на произвол судьбы и улицы в Петербурге²⁰. Ведь ни одного из тех, локоть к локтю выходивших со мною в жизнь сейчас не осталось. Позади – точно длинная дорога и на ней верстовыми столбами их могилы. Самому себе кажешься каким-то архаическим пережитком – слыш-

¹⁸ Н-Д придерживался идеи семилетних циклов в жизни человека, считая, что каждые семь лет выводят человека на новый этап развития. Человек проходит определенное количество семилетних циклов, которые разнятся между собой по своим характеристикам. Современник Н-Д, писатель Иван Бунин, придерживаясь подобной цикличности человеческого возраста, в своем труде *Освобождение Толстого*, расписал каждые из двенадцати *семилетий* жизни графа Л.Н. Толстого, ссылаясь на философию возраста, принятую самим писателем: “Он разделял тогда свою жизнь на семилетия, говорил, что ‘соответственно семилетиям телесной жизни человека, признаваемым даже и некоторыми физиологами, можно установить и семилетия в развитии жизни духовной’. Этих семилетий было с небольшим недочетом двенадцать” (Бунин 1988: 7).

¹⁹ Н-Д в это время 49 лет.

²⁰ В 1863 г., прервав учебу в кадетском корпусе, Н-Д, переехав в Петербург, испытал тяготы нищенской жизни, о чем впоследствии неоднократно рассказывал, как в беллетристических, так и в *автобиографических* произведениях, в частности, рассказ о годах нужды был зафиксирован и опубликован близким ему писателем А.В. Амфитеатровым: “Шестнадцатилетний мальчик брошен в Петербурге одиноко и без гроша. Поступить в университет, конечно, не удалось: нужда не допустила. Впоследствии, писатель, уже знаменитый и богатый, не раз вспоминал в своих романах и повестях этот период безысходной нищеты. Навсегда памятными ему остались морозные ночи, когда он бродил по улицам Петербурга без пристанища в ожидании звона к заутрене, – авось, можно будет выспаться в церкви – где-нибудь у стены на скамейке” (Амфитеатров 1936: 3).

ком уж много в памяти и сердце таких былей, одни из которых страстно хотел бы вернуть, и другие вычеркнуть: чтобы им пусто было!

II.

Была ли у меня наследственность? Не знаю. Думаю, впрочем, что я сам свой предок. Отец былой кавказский офицер²¹, но у него оказалась по

²¹ “Отец – потомок казаков, небогатый помещик села Кневичи Ново-зыбковского уезда Черниговской губернии; долго служил военным и штатским на Кавказе; участник боевых действий, пехотинский офицер; вышел в отставку в чине подполковника, умер около 1863” (Баскаков *et al.* 1999: 282). А.В. Амфитеатров в вышеупомянутом очерке об отце писателя приводит следующие факты: “Родитель его, Иван Васильевич, командир гренадерского полка, стоявшего в городе Дербент, был человек воинственный и сына желал воспитать таким же. А потому, совершая набеги на горцев, он и младенца Василия брал с собою. Очень часто по ночам, когда мальчик спал в отцовской палатке, его будил треск внезапной перестрелки. Дворянин старого украинского рода, потомок запорожских атаманов и литовских воевод, сын храброго кавказского офицера, героической эпохи, воспетой Марлинским, Пушкиным, Лермонтовым, рожденный и выросший, так сказать, под грохот барабана, Василий Иванович, казалось бы, и атавизмом, и детскими впечатлениями, – не говоря уже о воле родительской – был пред-

тому времени громадная библиотека, которую я и читал без разбора. С наибольшим увлечением я перелистывал и Вальтер Скота и Кузьму Рощина²² и Мельмота Скитальца²³ и Юрия Милославского²⁴, и Дюма-отца и Купера²⁵ и Мариета²⁶ и Смоллета²⁷. Потом в Кадетском корпусе от Марлинского я перешел к Диккенсу, который и сделался моим любимым писателем вместе с Вальтер Скотом. В те далекие теперь года издавался превосходный детский журнал „Мир Божий” М.Б. Чистякова²⁸. Красочно, заманчиво авторы его

назначен к военной службе” (Амфитеатров 1936: 3).

²² Рощин Кузьма – герой одноименной исторической повести русского писателя и драматурга М.Н. Загоскина (1789–1852).

²³ *Мельмот-Скиталец* – роман английского писателя Ч.-Р. Мэтьюрина (1782–1824).

²⁴ Юрий Милославский – герой романа М.Н. Загоскина *Юрий Милославский, или Русские в 1612 году*.

²⁵ Фэнимор Купер (1789–1851) – американский классик приключенческой литературы.

²⁶ Огюст Мариет (1821–1881) – французский египтолог.

²⁷ Смоллет – один из персонажей романа *Остров сокровищ* шотландского писателя Р.-Л. Стивенсона (1850–1894).

²⁸ Ошибка памяти: русский педагог и писатель М.Б. Чистяков (1809–1885) редактировал с 1851 по 1860 гг. *Журнал для детей*.

статей рисовали страны и народы, воспитывая молодое воображение в стремлении к красоте природы и характер в опасных приключениях их героев. От него я перешел к Дюма и Дюрвилю²⁹ и его кругосветным плаваниям. Книгохранилище Александровского Брестского Корпуса³⁰, где я учился, было обильно по разделу путешествий, и чуть ли с самого младшего класса я уносился наивною мечтою на острова Тихого океана, в таинственную глубь Южной Америки, в мистическую заповедную жизнь мусульманских народов Индии и Востока. Я даже любил карцер³¹, потому что там никто не скучал, плен и утомительная шагистика не мешали мне с любимыми авторами странствовать в знойных пустынях, одолевая бурные океаны... Потом моим идолом стал – Лев Толстой³², а

критическое чувство росло на Чернышевском³³ и Добролю-

(Немирович-Данченко 1928: 4). Отношение Толстого к творчеству Н-Д не было однозначным: с одной стороны, он критично отзывался о тоне и языке его произведений, с другой – рекомендовал его сочинения издательству *Посредник*, где вышло около тридцати изданий для народного чтения; отдельные публикации Н-Д были высоко оценены Толстым – *Мухомудкины дети*, корреспонденции о Китае и Японии. В литературных воспоминаниях, со слов своего младшего брата (Владимира Ивановича Немировича-Данченко) писатель приводит вопрос Толстого: “– У вашего брата отличный живой диалог! Говорил обо мне Л.Н. Толстой. – Ему бы следовало писать для театра” (Немирович-Данченко 1927: 4).

³³ На протяжении долгого жизненного пути Н-Д с пафосом вспоминал свою юношескую влюбленность в личность Н.Г. Чернышевского. В эмигрантский период были опубликованы его мемуары *Н.Г. Чернышевский в кадетском корпусе (по личным воспоминаниям)*, где была отражена “пора великих реформ и еще более великих ожиданий” и “как этот чрезвычайный обетованиями рассвет отразился в белых стенах закрытого военно-учебного заведения”. Н-Д описывает свои незабываемые 13-14-летние впечатления от чтения трудов Бокля, Льюиса, Дарвина, Белинского, Герцена, но и среди этих имен журнал *Современник* и “наш кумир Чернышевский” оказывали решающее влияние: “Молодая мысль, как бунтующие воды, шла за теми, кто был далеко впереди и ломала все рогатки, сносила плотины по пути за ними. Любимым журналом значился у нас *Современник*. Нельзя себе предста-

²⁹ Жюль Дюмон Дюрвиль (1790–1842) – французский путешественник, мореплаватель, океанограф.

³⁰ В 1854 г. Н-Д был отдан в Александровское кадетское училище в Москве (позже переведенное в Вильно), речь идет об одном из его корпусов.

³¹ В дореволюционных учебных заведениях помещение для временного одиночного заключения провинившихся учеников, кадетов.

³² К столетнему юбилею Толстого Н-Д откликнулся статьей *В 2428 году. Лекция о Льве Толстом через 500 лет*

вить, до чего истрепывались его книжки. Мы чуть не выучивали каждую строку Н.Г. Чернышевского. Его смелость, диалектический блеск, остроумные сравнения и железная убедительность выводов кружили молодые головы. Было в этом, разумеется, много детского. Мы говорили по Чернышевскому, убеждая друг друга, приводили его положения, не допуская никаких сомнений. Его портреты добывались всеми способами. Самым лакомым блюдом за нашими обедами считались пироги. И я помню, что приобрел его карточку ценой пятнадцати пирогов. Пятнадцать дней я таким образом лишал себя этих сокровищ кадетской кулинарии. Мы носили портреты на груди. [...] Нас занимало все, что касалось отца русского радикализма. Наш учитель словесности Еленевский, чуть ли не товарищ Чернышевского по семинарии, любил рассказывать о нем и мы, затаив дыхание, слушали его восторженные очерки бурсы, в которых видную роль играл Николай Гаврилович. [...] Я судил о крестьянской реформе по статьям Чернышевского. [...] Я ехал в Петербург, рисуя себе впереди великое счастье встречи с писателем. Мечтал об этом. Обдумывал, что я ему скажу и впредь корректировал каждую мою фразу. И вдруг в Москве меня обухом по теме ни ударила неожиданная весть об аресте Чернышевского. [...] Я уже не был кадетом. Отчасти под влиянием любимого писателя я снял с себя погоны. Так много надеялся на его руководство в новом пути. Вез ему свои первые литературные работы. Сколько вечеров я провел тогда перед приземистыми стенами Петропавловки, соображая и догадываясь, где должен быть он. Слушал печальный звон курантов. Я потом показывал Н.А. Некрасову стихи, написанные мною в

bove... В корпусных стихах я любил природу³⁴. Не видя ее прежде, я страстно привязался к ее прелести на страницах „моих поэтов”. Я не расставался с Пушкиным, Лермонтовым, Фетом, Меем³⁵, Щербиной³⁶. Музыка стиха вызывала у меня слезы. Я до сих пор не могу равнодушно „переживать” строфы дававшие молодой душе такие впечатления. Совершалось невозможное: Писарев и Чернышевский – сплетались с Фетом и Щербиню...

III.

Да, мне жизнь доставалась тяжело и за каждую из своих

эти дни. Они мне казались верхом гнева и негодования. [...] Но, увы, Н.А. отрезвил меня: ‘Лучшее употребление, которое вы можете сделать из них – на растопки’. А Салтыков еще хуже: ‘Пишите, мой друг, на мягкой бумаге, на что-нибудь она вам пригодится’. Так я и увял, не успев расцвести” (Немирович-Данченко 1928²: 4).

³⁴ “Корпусные стихи” – т.е. написанные в кадетском корпусе; в раннем поэтическом творчестве Н-Д преобладали мотивы природы, далее в поэтических сборниках 1882, 1893 и 1902 гг. стихи о природе занимают центральное место, см. лирический цикл *На Севере* и др. стихотворения.

³⁵ Лев Александрович Мей (1822–1862) – русский поэт, переводчик.

³⁶ Николай Федорович Щербина (1821–1869) – русский поэт.

„побед” я платился ростовщи-
чьими поражениями, пока мне
не удалось стать на ноги и за-
нять „свое место в простран-
стве и времени”. Неужели этот
мальчуган, трепетно ожидав-
ший в редакции „Занозы”³⁷ су-
да М.П. Розенгейма³⁸ над сво-
ими стихами был я. С какой-
то завистью смотрю я на сего-
дняшних начинающих! Как
они самоуверенно входят в
писательские кабинеты и с ка-
ким апломбом спрашивают: а
что вы мне заплатите за это? Я
помню свой настоящий уже
дебют, не первые пробы пера,
а так сказать гастроли, когда я
получил письмо от М.М. Ста-
сюлевича³⁹: „Соловки”⁴⁰ при-
няты и будут напечатаны в
„Вестнике Европы”⁴¹, и такое

же от Н.А. Некрасова⁴²: ваши
пять стихотворений уже по-
мещены в „Отечеств[енных]
Записках”⁴³. Если и было

⁴² Сохранились воспоминания Н-Д о Некрасове: Немирович-Данченко 1946.

⁴³ Редактор указанных выше воспо-
минаний С. Макашин указывает, что
“сотрудничество Н-Д в *Отечествен-
ных Записках* оказалось кратковре-
менным и неудачным. Впервые он
выступил здесь как поэт. В 1871 г. он
предложил Некрасову стихотворный
цикл под заглавием *Из песен о пав-
ших*. Стихи были слабые и, видимо,
мало понравились Некрасову. Но он
все же напечатал пять стихотворений
(*Отечественные Записки*, 1871, № 11.
Отд. 1, 243–246, подпись: “Д”). Изве-
щая об этом автора, Некрасов писал:
“Во уважение серьезных причин, из-
ложенных в Вашем письме, а равно и
достоинств Ваших стихотворений,
редакция *Отечественных Записок*
напечатала некоторые из них – луч-
шие по ее мнению. [...] Через два ме-
сяца Некрасов дополнительно поме-
стил в журнале из того же цикла:
Освобожденный и После войны
(*Отечественные Записки* 1872, № 2)”
(Немирович-Данченко 1946: 590). В
мемуарном сборнике *На кладбищах*
Н-Д поместил главу *Мои встречи с*
Некрасовым, где есть такие характе-
ристики: “В Некрасове часто замеча-
лось два человека. За письменным
столом, в редакции – один. Друг и
товарищ писателя, он в английском
клубе или со своими чиновными, бо-
гатыми и аристократическими дру-
зьями казался совсем другим. Двуди-
кий Янус. Но хорошею стороною об-
ращенный к нам, ко всем, кто в нем
нуждался, до последнего типограф-
ского рабочего, рассыльного. И в нем
это не было напускное, личина для

³⁷ *Заноза* – литературно-
художественный сатирический еже-
недельник либеральной направлен-
ности в Петербурге с 1863 по 1865 гг.,
один из издателей журнала – М.П.
Розенгейм (см. ниже).

³⁸ Михаил Павлович Розенгейм (1820–
1887) – русский поэт, публицист и пе-
реводчик.

³⁹ Михаил Матвеевич Стасюлевич
(1826–1911) – русский историк и пуб-
лицист.

⁴⁰ Произведение Н-Д *Соловки*. *Вос-
поминания и рассказы из поездки с*
богомольцами опубликовано в *Вест-
нике Европы* в 1874 г.

⁴¹ *Вестник Европы* – русский старин-
ный “толстый” журнал, о котором в
исторический период 1866–1911 гг.
пишет Н-Д.

публики, для рекламы, нет. Тут он являлся самим собою. И в этом его бы не узнали клубные завсегдатаи, видевшие его за зеленым сукном. [...] [Н]адо сказать, что Н.А. Некрасов ко всему, что носило печать таланта, относился не только внимательно, но и трогательно. Особенно, если молодой писатель был беден, а кто же из нас тогда был богат? Он для таких являлся не издателем, а скорее товарищем, собратом, если хотите, опекуном. Время было тяжелое. Капитал еще не врывался в печать, и самые популярные впоследствии издания начинались с такими ничтожными средствами, с какими нынче не выпустишь и тощей книжки. Случалось, для очередного номера закладывать женины серебряные ложки. Разумеется, это не относилось к *Отечественным Запискам*, *Вестнику Европы*, *Делу* или *Русскому Вестнику*, но и у них бывали затруднительные минуты. Ведь впоследствии средней руки автор за газетный фельетон получал больше, чем, например, Достоевский за печатный лист в мое время. Н.А. Некрасову не легко достался издательский успех. А ведь он помимо громадного таланта обладал еще практической сметкой, какой не могут похвалиться и заправские коммерческие дельцы. Это и помогло ему создать не одно крупное литературное предприятие, не скупясь с сотрудниками. А широко по тому времени тратя на них подписные тысячи. Он никогда не мог забыть пережитых им былей. Первые годы его литературной деятельности в Петербурге отмечены тяжелыми лишениями, даже нищетою. Я могу здесь привести со слов Николая Алексеевича страничку из мартиролога некрасовской юности. Был скверный осенний вечер в Петербурге. Я встретил поэта на набережной Невы у Зимнего

настоящее счастье – так только в эти три момента: в 1863г⁴⁴. в „Стрекозе”⁴⁵ и в 1874 году⁴⁶ в названных журналах. Гонорар „Вестн[ика] Евр[опы]” (бор. за лист) и „От[ечественных] Зап[исок]” (75к. строка), можно этим уже жить, да еще как, но их первые! Мих[аил] Павл[ович] Розенгейм, еще платил по тому времени широко – четвертак строка стихов, за то потом, когда мне пришлось, чуть не умирая от голода и оставаясь зимою по месяцам без квартиры, писать в тогдашней ежедневной печати – воробью в декабре на улице куда лучше! Я, разумеется, говорю о печати малой.

Дворца. Ни красок, ни света, все темно и серо кругом, дали казались намеченными карандашом в тумане. Николай Алексеевич стоял, опершись на гранит у Зимнего Дворца. Внизу грузно плыла свинцовая Нева. Холодом веяло. Он оглядел меня и усмехнулся: ‘Как вы сейчас напоминаете мне меня самого много, много лет назад. У меня не один такой вечер в памяти. [...] Трудные были годы... Каторжные... Много они в моей душе вытравили и здоровья отняли не мало’” (Немирович-Данченко 1921: 141, 144).

⁴⁴ Ошибка памяти.

⁴⁵ *Стрекоза* – еженедельный журнал сатиры и юмора с карикатурами, выходивший в 1870–1912 гг.

⁴⁶ Ошибка памяти.

Сотрудники у Краевского⁴⁷ и у Корша⁴⁸ были белою костью, Крезами⁴⁹ в сравнении с нами. Я помню, как я должен был получать по три копейки за каждые две строчки. Должен был – потому что я их никогда не получал. Они – эти копейки только значились в счетных книгах – а в карманы ко мне попадали только жалкие дробы. Теперь, между моими маленькими рассказами, десятками изданий, разошедшимися для народа, для детей, вошедших в не раз повторенные сборники, есть такие, которые у меня покупались гуртом: десять целковых за пачку и не рыночными торговцами, а великолепными Медичисами⁵⁰ периодической печати. Случалось, что за очерк, который и сейчас ставится мне в красную строку, я имел возможность пообедать в греческой кухмистерской. Да и потом, когда у меня было уже имя, –

три изданиями после Вестника Европы разошлись „Соловки”, появились книги „У Океана”, сначала помещенные в „Деле”⁵¹ Благодетеля⁵², и окончились в „Отечественных Записках” статьи „За северным полярным кругом”⁵³, – знаете ли, что я получил за книгу и за вошедшие в нее восемь детских рассказов, проданных на вечные времена крупнейшему из тогдашних издателей? По тридцати рублей за каждый, включал сюда и гонорар за помещение их в журнале. За остальные девять дополнившие эту книгу – мне было уплачено не деньгами, а возвратом других моих рукопи-

⁴⁷ Андрей Александрович Краевский (1810–1885) – редактор-издатель *Отечественных Записок*.

⁴⁸ Федор Адамович Корш (1852–1923), драматург, переводчик, основатель Театра Корша.

⁴⁹ Крез – последний царь Лидии, богатейший правитель в античном мире, имя его стало нарицательным.

⁵⁰ Т.е. Медичи – правители Флоренции, меценаты выдающихся художников и архитекторов эпохи Возрождения.

⁵¹ *Дело* – издаваемый в Петербурге с середины 1866 по январь 1888 гг. литературно-политический ежемесячный журнал под редакцией Н.И. Шульгина и Г.Е. Благодетеля, там публиковались очерки (в том числе упомянутый *У Океана*) Н-Д: *Колыбель миллионов. Очерки из золотого царства* (1884, № 7–8).

⁵² Григорий Евлампиевич Благодетель (1824–1880) – русский журналист, публицист, редактор журналов *Дело* и *Русское слово*.

⁵³ В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Н-Д жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которые описал в ряде очерков, опубликованных в журналах *Отечественные Записки* и *Вестник Европы* и вышедших затем отдельными книгами: *За Северным полярным кругом*, а также – *Беломоры и Соловки*, *У океана*, *Лапландия и лапландцы*, *На просторе*.

сей, безжалостно сокращенных каким-то идиотом – по писарски: нужно было место для рисунков – и из моих очерков выстраивались кусочки, за которые только и уплачивалось. Я останавливаюсь на этих подробностях, чтобы показать какой переворот произошел за последние двадцать-тридцать лет в русской литературе. Жизнь впроголодь – этот кошмар прошлого отошел чуть ли не в средневековье. Вспоминаешь, неужели это действительно было? Голодные дни, холодные ночи, дрянь и рвань таких костюмов, в которых даже и в Публичную библиотеку не пускали, унижения перед пухлою и глупою мошной и все-таки... Верните мне далекую юность с ею порывами, увлечениями, розовыми горизонтами и яркими миражами – и я бы опять ушел на улицу бороться и верить, недоедать и чуть ли не весь мир считать своим. Должно спеть из-под крыш – дальше видно в слуховые окна чердаков. Море громадного города под вами – и вы один надо всеми. О, если бы теперь после полувековой неустанной работы – хоть день прожить так, когда казалось, что на всем этом просторе недостаточно воздуха – наполнить вашу грудь. Как жилось и лю-

билось! Даже гибель и та не отнимала веру в свое грядущее у этих микроскопических Александров Македонских⁵⁴. Схватила тебя за хвост судьба, закружила в высоте и швырнула: пропадай ты пропадом. И все-таки – упадешь на четыре лапы, отлежишься, отдышишься и опять уносишься грезой в головокружительную высь... Какой-то отъевшийся до отрыжки литературный буржуй назвал таких червями в навозе. Неправильно. Червяку в навозе, во-первых, сытно и тепло, он, пожалуй, и двухутробному буржую не позавидует. А во-вторых, и червяк – Бог, если он грезит о звездах небесных и смелою мыслью облетает моря и земли. Кому лучше, туполобому тюремщику, для которого его свобода постылая, будничная жена или узнику пламенно, охватывавшему ее страстною упоительною мечтою, как желанную любовницу – венчанную царицу всей его жизни...⁵⁵

⁵⁴ Великий полководец Александр Македонский вошел в историю как завоеватель, не проигравший ни одной битвы. Здесь употреблено в переносном значении.

⁵⁵ Пассаж по мотивам напоминает более поздние миниатюры, публиковавшиеся в эмигрантских изданиях (*Последние новости, Иллюстрированная Россия, Сегодня*) под заголовком *Облетевшие Листья* (Из дневни-

IV.

Я никогда не мог отрешиться от своих политических убеждений. Я не притягивал за уши к ним [нрзб], но как-то само собой моя вера в свободу и братство отражалась в каждом задуманном мною сочинении. Не понимаю до сих пор, что значит тенденциозная литература. Раз мне что-нибудь дорого и свято, понятно, что и в твоём бедном творчестве образ, создается именно в том направлении. Шестидесятники ли тут отразились на складе моей работы, не знаю, – но рядом и т<аким> образом у меня всегда шли идеи. Они переплетались, и я не мог оторвать одну от другой... даже и в поздней действительности, в полуфантастических маревах я не скрывался – всякое старание потом пахнет, а по самой природе своей [я] был солдатом великой армии, завоевы-

ка писателя). Н-Д дорожил лапидарным форматом и афористичностью своих миниатюр, в письме к редактору рижской газеты *Сегодня* М.С. Мильруду он писал: “С моей легкой руки Бунин начал печатать свои отрывки. Из Парижа мне писали, что мои *Облетевшие листья* (*Из дневника писателя*) и Бунинские осколки очень нравятся. Посылаю Вам новую серию таких” (Абызов *et al.* 1997: 212).

вающей человечеству лучшее будущее.

V.

Ты спрашиваешь о войне с цензурой⁵⁶. Я думаю, нет такого литературного имени, которое не было бы вписано в мартиролог российских писателей. Я помню, как в благо-светловском „Деле” из моих очерков с далекого севера было вычеркнуто красным карандашом описание бури. Сбоку цензор удостоил выяснить: природа Лапландии представлена в слишком мрачном „свете”. Одна из повестей моих была вся от первой до последней строки перекрещена. Оставлены заголовки и надпись сбоку: „печатать разрешается”. „Махмудкины дети”⁵⁷, где в рождественскую ночь наш офицер – выпускает больного и раненого турецкого майора, у кото-

⁵⁶ О цензуре и страданиях от нее Н-Д писал неоднократно. В середине 1920-х гг. он публиковал очерки в русских эмиграционных изданиях. См.: *Литературная полиция во время оно* (*Преданья старины глубокой*); *Борьба писателей с цензурой в старину*; *Мумии прошлого* (*Из анекдотической истории старой русской печати*); *Палачи слова. Из личных воспоминаний* и др.

⁵⁷ Н-Д. рассказ *Махмудкины дети* был издан в Москве в 1884 г.

рого без призора обреченная голодной смерти семья, – были запрещены, потому, видишь ли, что я проповедую государственную измену. Это – вслед за пояснением в том же рассказе, что мы там были обременены тысячами пленных, что не знали куда их девать. Еще недавно из моих военных воспоминаний глава „Два конца” чуть не повела к запрещению целой книги⁵⁸. Я объяснялся с цензором. Спрашиваю, как же вы пропустили Сеньобоса?...⁵⁹ И получил ответ: не только не пропустил, но, и начато против него преследование. Нужно его засадить в тюрьму! – Довольно трудно! Почему? По нынешним временам? – Сеньобос француз и живет, вне пределов досягаемости – в Париже. – А! протянул цензор... Я думал – наш жид!⁶⁰ Книга „Святых гор” так была обезображена цензором, что хоть не

⁵⁸ Вероятно, речь идет о главе из книги *На войну (От Петербурга до Порт-Артура). Из писем с дороги* (Москва, 1904).

⁵⁹ Шарль Сеньобос (1854–1942) – крупнейший французский историк, профессор Сорбонны, создатель нового подхода в изучении истории.

⁶⁰ В смысле: российский еврей; ограниченный в своих познаниях цензор воспринимает *нерусскую* фамилию как еврейскую, проявляя при этом антисемитский настрой.

признавай ее своей⁶¹. Он вымарывал части, не думал о связи оставшегося и истерзанного. Из моих статей об Италии, печатанных в приложении к иллюстрированному журналу цензор из главы „Пасквино и Макфорио” выбросил несколько эпиграмм, вышедших на Западе даже в хрестоматии⁶². Спрашиваю, за что сие? – Обидно папе и иезуитам! Боже мой, да есть ли возможность припомнить все, что творимо нашими цензорами. Капитан Копейкин⁶³ в сравнение с ними – сама мудрость.

⁶¹ Речь идет об издании: Немирович-Данченко 1880.

⁶² Пасквино – народное прозвище римской античной статуи, изображающей Аякса с трупом Ахилла. Пасквино, вместе с другой статуей, Марфорио, суждено было играть видную роль в средневековом Риме: на обоих памятниках появлялись надписи: эпиграммы, пасквили, шутки на злобу дня; создавалось забавное впечатление, что две статуи как бы ведут между собой диалог. Приводимые Н-Д хрестоматийные эпиграммы были причиной нападков со стороны цензуры.

⁶³ Персонаж *Повести о капитане Копейкине* Н.В. Гоголя из поэмы *Мертвые души*.

Библиография

Caratozzolo 2021: Caratozzolo, Marco. 2021. 'Introduzione', в Nemirovič-Dančenko, Vasilij. *I gemelli di San Nicola* (Bari: Stilo), 7–12

Deotto 2012: Deotto, Patrizia. 2012. 'L'autobiografia su commissione', *AvtobiografiЯ*, 1: 49–58

Fiedler 1889: Fiedler, Friedrich. 1889. *Der russische Parnas. Anthologie russischer Lyriker von F. Fiedler* (Dresden und Leipzig: Heinrich Minden)

Lolo 1927: Lolo [Леонид Мунштейн]. 1927. 'Эпиграмма', *Сегодня*, 18 (23 января): 5

Pagani 2020: Pagani, Maria Pia. 2020. 'Vasilij Ivanovič Nemirovič-Dančenko', <<https://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=773>> [последнее посещение 22 января 2024]

Абызов *et al.* 1997: Абызов, Юрий, Равдин, Борис, Флейшман, Лазарь. 1997. *Русская печать в Риге: Из истории газеты Сегодня 1930-х годов*, кн. II (Stanford: Stanford Slavic Studies)

Азадовский 2008: Азадовский, Константин. 2008. 'Рыцарь русской литературы', в *Из мира литераторов. Характеры и суждения*, Федор Фидлер (Москва: Новое Литературное Обозрение), 5–28

Азадовский 2015: Азадовский, Константин. 2015. *Серебряный век. Имена и лица. Избранные работы* (Санкт-Петербург: Нестор-История)

Азадовский 2019: Азадовский, Константин. 2019. 'Фидлер Фридрих Людвиг Конрад', в *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*, т. VI (Москва-Санкт-Петербург: Большая Российская Энциклопедия), 446–447

Амфитеатров 1935: Амфитеатров, Александр. 1935. 'Любимый дед девяноста лет. (К сегодняшнему юбилею В.И. Немировича-Данченко)', *Сегодня*, 6 (6 января): 4

Амфитеатров 1936: Амфитеатров, Александр. 1936. '76 лет на литературном посту. Жизнь и работа Василия Ив. Немировича-Данченко', *Сегодня*, 260 (20 сентября): 3

Баскаков *et al.* 1999: Баскаков, Владимир, Хализиев, Валентин. 1999. 'Немирович-Данченко Василий Иванович', в *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь*, том IV (Москва: Большая Российская Энциклопедия), 282–285

Белов 2001: Белов, Сергей. 2001. *Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь*, том II (Санкт-Петербург: Алетейя)

Белошевская 2011: Белошевская, Любовь (под ред.). 2011. *Воспоминания. Дневники. Беседы. Русская эмиграция в Чехословакии*, кн. I (Praha: Slovanský ústav AV ČR)

Бунин 1988: Бунин, Иван. 1988. *Собрание сочинений в шести тт.*, VI (Москва: Художественная литература)

Гусев 2017: Гусев Н. 2017. 'Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны', в *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. К юбилею Т.В. Волокутиной* (Москва: Институт Славяноведения РАН), 31–44

Данилевский 1960: Данилевский, Ростислав. 1960. 'Переводчик русских поэтов Ф. Фидлер', *Русская литература*, 3: 174–177

Данченко 2017: Данченко, Елена. 2017. 'Мой прадед Василий Иванович Немирович-Данченко', *Зарубежные записки*, 36 <<http://z-zapiski.ru/publication.php?id=20086>> [последнее посещение 22 января 2024]

Деотто 2011: Деотто, Патриция. 2011. 'Автобиография по заказу', в "Образ мира в слове явленный..." *Сборник в честь 70-летия Профессора Ежи Фарыно*, redakcja Roman Bobryk et al. (Siedlce: Instytut Filologii i Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego v Siedlcach), 83–89

Дубровский et al. 1999: Дубровский, Александр, Царькова, Татьяна (сост.). 1999. *Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского дома. Аннотированный указатель* (Санкт-Петербург: Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ)

Константинов 1982: Константинов (Азадовский), К. 1982. 'Из дневника Ф.Ф. Фидлера', *Литературное наследство*, 3: 831–856

Кулагина 2015: Кулагина, А. 2015. 'Публицистика В.И. Немировича-Данченко в русско-турецкую войну 1877–1878 годов', *Век информации*, 2: 125–137

Немирович-Данченко 1880: Немирович-Данченко, Василий. 1880. *Святые горы. Очерки и впечатления* (Санкт-Петербург: Новое время)

Немирович-Данченко 1902: Немирович-Данченко, Василий. 1902. *Стихи. 1863–1901* (Санкт-Петербург: Суворин)

Немирович-Данченко 1904: Немирович-Данченко, Василий. 1904. *На войну. (От Петербурга до Порт-Артура). Из писем с дороги* (Москва: Сытин)

Немирович-Данченко 1921: Немирович-Данченко, Василий. 1921. *На кладбищах: (Воспоминания)* (Ревель: Библиофил)

Немирович-Данченко 1925: Немирович-Данченко, Василий Иванович. 1925. 'Живые картины в старом Петербурге (Из воспоминаний)', *Сегодня*, 263 (22 ноября): 6

Немирович-Данченко 1927: Немирович-Данченко, Василий. 1927. 'Почему я не сделался драматургом?', *Сегодня*, 18 (23 января): 4

Немирович-Данченко 1928: Немирович-Данченко, Василий. 1928. 'В 2428 году. Лекция о Льве Толстом через 500 лет', *Сегодня*, 251 (16 сентября): 4

Немирович-Данченко 1928²: Немирович-Данченко, Василий. 1928. 'Чернышевский в кадетском корпусе', *Сегодня*, 209 (5 августа): 4

Немирович-Данченко 1932: Немирович-Данченко, Василий. 1932. 'Первый дебют. (Отрывок из романа «Тропические дали）」', *Сегодня*, 184 (5 июля): 3

Немирович-Данченко 1946: Немирович-Данченко, Василий. 1946. 'Из воспоминаний: Мои встречи с Некрасовым' (публикация С. Макашина), *Литературное наследство*, XLIX–L (Москва: АН СССР – ИРЛИ Пушкинский Дом), 589–599

Немирович-Данченко 2023: Немирович-Данченко, Василий. 2023. *Близнецы святого Николая. Повести и рассказы об Италии*, сост., науч. ред., коммент. М.Г. Талалая (Санкт-Петербург: Алетейя)

Пехтерев *et al.* 1993: Пехтерев, Алексей; Клапка, Йиржи. 1993. *Русская литературная эмиграция в Чехословакии (1918–1938)* (Прага-Брно: Филиал Инст. Рус. Яз. им. Пушкина)

Пильский 1936: Пильский, Петр. 1936. 'Встречи с В.И. Немировичем-Данченко', *Сегодня*, 263 (23 сентября): 3

Талалай 2021: Талалай, Михаил. 2021. 'Базилио Данченко и его итальянский роман', *Русское слово*, 4: 34–38

Фидлер 1911: Фидлер, Федор. 1911. *Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей* (Санкт-Петербург: Сытин)

Фидлер 2008: Фидлер, Федор. 2008. *Из мира литераторов. Характеры и суждения* (Москва: Новое Литературное Обозрение)

Benjamin Musachio

The Contexts and American Epitext of Evgenii Evtushenko's *A Precocious Autobiography*

The Soviet Russian poet Evgenii Evtushenko, just thirty years of age, first published *A Precocious Autobiography* (1963) in translation in western European periodicals. This was his attempt to speak directly to international audiences, bolstering his global reputation while responding to critics. I offer new facts about the circumstances of this autobiography's publication and Evtushenko's subsequent defence of his actions in the face of Soviet criticism. American appropriations of this autobiography are of special interest. The text, but especially the polemical back-and-forth between Evtushenko and his critics, which nourished the autobiography's epitext, riveted American political elites (including Allen Dulles and Sargent Shriver) in the summer and autumn of 1963. This narrative of literary reception refines our understanding of Soviet tamizdat and its early history; it also reveals Evtushenko's prominence as a global literary figure in US public debates in the early 1960s.

Introduction

'A poet's autobiography is his poetry. Anything else can only be a footnote. A poet is a poet only when the reader sees him whole, with all his feelings, all his thoughts, and all his actions, as if the reader held him in the hollow of his hand' (Yevtushenko 1963: 11).

These opening sentences of Evgenii Evtushenko's *A Precocious Autobiography* (1963) represent an audacious, even paradoxical beginning to a thirty-year-old's prose autobiography. Evtushenko here posits an es-

sentia identity between a poet and his lyric oeuvre; yet he states this identity in a prose account that purports to pull back the curtain on his own path to literary stardom. The lack of personal pronouns suggests a universal perspective. Evtushenko speaks not of one poet in particular, but poets as such. Further, the ontology of the poet finds its grounding in an external actor; namely, the reader. Continuing the reconstructed argument, the poet qua poet must give himself to his reader ('all his feelings, all his thoughts, and all his actions') in order to achieve a recognized status. Poetry and poets are formed *in and*

through public view on this account. It comes as no surprise that this supposedly universal definition tracks closely to Evtushenko's own rhetorical posture enacted in his lyric poetry, one of radical openness, sincerity, and direct address to his public. Over the course of this, his first extended prose text, Evtushenko attempts to convince his reader of the absolute necessity for his autobiography, generating a certain tension with the poetry-centred vision articulated in this opening paragraph (excerpted above).

To speak broadly of genre, ego-documents such as published memoirs and autobiographies are inimitable tools in the writer's arsenal with which writers creatively fashion their own selves for and in public view.¹ Scholars have routinely dissected the rhetoric of 'self-disclosure' in this genre, revealing the artificiality between private and public selves as well as the symbiotic relationship between published autobiography

and literary celebrity.² Celebrities, particularly celebrity writers, often turn to autobiography so as to combat perceived misrepresentations of their lives and work. The performance in and through the autobiography becomes a defence mechanism by which the famous author bypasses self-interested mediators and creates a 'pact' directly with the reader (Lejeune 1989). Philippe Lejeune's influential theorization of autobiography works particularly well for this Evtushenko source material: his approach foregrounds the reader in defining this generic tradition, which can be understood as a 'contract' or 'pact' of authorial authenticity offered to the reader. The Evtushenko-related plot reconstructed in this article demonstrates that the autobiography as an active defence of the

¹ With her understanding of the autobiography as an 'act' rather than a static text, Elizabeth W. Bruss shows how 'various aspects of the act finally coalesce' into 'a personality, a self, an identity; it must have, as Blake might say, a "human face", whether the author or the reader is ultimately responsible for imposing it' (Bruss 1976: 12).

² Moran's analysis of John Updike's *Self-Consciousness: Memoirs* (1989) models common literary-critical practices in dealing with a writer's autobiography and in particular, the constitutive role of foils (in Updike's case, the New York City literati; in Evtushenko's case, neo-Stalinist functionaries) for the authorial subject in claiming a rhetorical position (Moran 2000: 83–99). While celebrity studies as a subfield originated in Anglophone cultural studies (see especially Braudy 1986), Slavists have recently examined nineteenth- and twentieth-century Russian writers through the lens of celebrity (e.g. Denner 2009; Harrington 2016; Vaysman 2023).

authorial image's integrity can involve both text and context, with context here being particularly salient. Put differently, the autobiography *as well as* the author's rhetorical performance in the accompanying (international, multilingual) paratextual space both offer opportunities for the author to set the record straight, so to speak. The claims made by both the poet-author (Evtushenko) and his American mediators, claims found in the context and epitext, are my primary research objects.³

Evtushenko explicitly addresses his 'confessional' *A Precocious Autobiography* to Western readers.⁴ It was first published in

³ I follow Gérard Genette's formula '*paratext = peritext + epitext*', focusing especially on the epitext (Genette 1997: 5). All of the threshold framing elements for a particular book comprise the paratext. The paratext is divided into two further categories: the peritext, which may include tables of contents, introductions, prefaces, indices, the dust jacket, and all those elements physically affixed to the text, and then the epitext, which includes critical reviews, advertisements, interviews with the author, recitations, and other discourses that are not bound in the same volume as the text.

⁴ Evtushenko in his later 1998 memoir asserts that, among European intellectuals, his memoir functioned as productive proselytization material for the communist cause (Evtushenko 1998: 283–84). A few anecdotes are offered in

French, then German, and later in English (as well as multiple other languages), a fact that I will address in depth below. The complicated circumstances of the text's tamizdat publication, as well as Evtushenko's own statements in the text itself, merit close attention.⁵ Evtushenko's rhetorical statements and strategies in and around his *Autobiography* show how the author himself had, in this instance, considerable agency in directing the creation of his own reputation.⁶ Evtushenko's prose work came on the heels of the snowballing press attention in the US in the period 1960–1963. The publication of Evtushenko's famous anti-antisemitic poem 'Babi Yar' (published in September 1961), the poet's trips abroad (including to the US), and his appearance on the cover of *Time Magazine* in April 1962 were all important early inflection points in the popularization of Evtu-

support of this claim, but the poet likely exaggerates.

⁵ For a theorization and historical introduction to tamizdat, see Klots 2023: 1–33.

⁶ While L.F. Mashkovtseva provides a helpful, if brief, survey of 'literary reputation' as a theme in Russian literary studies, she overstates her case when she claims that reputation 'does not much depend upon the will of the writer himself', (Mashkovtseva 2012: 174–76; quotation from 176).

shenko among American audiences. Given the author's fame on both sides of the Iron Curtain, *A Precocious Autobiography* was a global literary (and literary-political) event, though one that has hitherto escaped scholarly attention.⁷

In what follows, I reveal the important (sometimes contradictory) roles that this text played not only in Evtushenko's professional trajectory, but also in the fraught public debates in the Soviet Union and especially in the United States. Archival material uncovers new understandings of Evtushenko's conduct in maximizing the appeal of the text among Western audiences while minimizing domestic blowback. The first part of my article, which features factual historical reconstruction, will hopefully encourage other scholars to attend to the fine-grained details of the text's publication. Some space is reserved for a discussion of the text itself, though much of the historical interest resides in how the autobiography was published, reviewed, and appropriated. This reception (excavated

from the epitextual record) involved surprising interventions from two figures from the American political establishment: the Peace Corps' founding director Sargent Shriver and former CIA director Allen Dulles. For a period in the summer and autumn of 1963, *A Precocious Autobiography* stood at the centre of American elite thinking on US-USSR relations, the viability of reformed Soviet socialism, and grand strategy in geopolitics as a whole.

The Publication of *A Precocious Autobiography*

The factual background regarding the appearance of Evtushenko's autobiography is convoluted but also vital to our understanding of this document's significance. On the basis of published materials, we can surmise the following: In February of 1963, Evtushenko composed a novella-length prose memoir while traveling in the Federal Republic of Germany and France; in France, Evtushenko met Picasso, Chagall, Miró, French autoworkers, and officials from the French Communist Party (Afiani et al. 2005:

⁷ The *Autobiography* is briefly discussed in Ziolkowski 1987: 199-202. Ziolkowski links Evtushenko's *Autobiography* with its supposed 'forerunner,' Boris Pasternak's *Safe Conduct* [*Okhrannaia gramota*], though this parallel is underdeveloped in her article.

596).⁸ These trips were sanctioned, of course, by Soviet Communist Party authorities. In addition to private meetings, he also gave public readings to thousands of spectators. At some point during his trip, the poet handed over his laconic autobiography to the Parisian weekly magazine *L'Express*, which published it in installments in French translation. *L'Express* splashed a headshot of Evtushenko across the cover of the 21 February 1963, issue (pages 16–19).⁹ This autobiography was sensationally billed as a ‘confession of a child of the Soviet century’ (‘Confession d’un enfant du siècle soviétique’). K.S. Karol (birth name: Karol Kewes), a Polish-born, Russophone *L'Express* journalist, provided a column of introductory remarks to Evtushenko, whom he called a ‘brilliant personality,’ empha-

⁸ From ‘Zapiska Glavlita SSSR o stat’iakh o E.A. Evtushenko v burzhuaznoi inostrannoi presse’, authored on 25 March 1963. Archival documents analyzed by Viacheslav Ogryzko indicate that Evtushenko did the bulk of the work on the autobiography during his multi-week stay in France (Ogryzko 2014: 4).

⁹ The decision was made to recall Evtushenko back to the USSR just two days later, on 23 February. See ‘Zapiska ideologicheskogo otdela TsK KPSS o neobkhodimosti vozvrashcheniia iz komandirovki vo Frantsiiu i FRG poeta E.A. Evtushenko’ (Afiani et al. 2005: 587).

sizing the young poet’s ability to enthrall audiences and readers. The last installment of the autobiography appeared in *L'Express* on March 21 (‘Evtouchenko raconte: Suis-je le chef des voyous?’ 1963: 33–35).

Evtushenko’s ‘confession’ spread like wildfire around Europe, Israel, North America, and the entire Anglosphere. It was picked up by the West German journal *Stern* and published in German as early as March 1963. Israeli periodicals reported on the autobiography with provocative article titles, in one instance expressly contrasting Evtushenko with the Soviet Premier (‘Evtushenko: there is antisemitism. Khrushchev: there is no antisemitism’).¹⁰ By the summer, the publisher E.P. Dutton had already published the text in book form for the US reader; it was translated from the Russian by Andrew R. MacAndrew, a Slavist at the University of Virginia, and a prolific translator of Russian literature. The autobiography was published as a book simultaneously in England and Canada; it was also released in 1963 into the Italian and French markets (Evtušenko 1963; Ev-

¹⁰ See ‘Spravka o stat’iakh E. Evtushenko, opublikovannykh v izrail’skom zhurnale “Davar gashavua” i v gazete “Lamatkhil”’ (Afiani et al. 2005: 598–600).

touchenko 1963). The London-based émigré publisher (and provocateur) Alec Flegon published an unauthorized copy in Russian through his Flegon Press in 1964.¹¹ The book was not published in the USSR in this period, though the work circulated in samizdat in the Soviet Union throughout the 1960s, in part thanks to Evtushenko's own efforts in distributing it among friends (Afiani et al. 2005: 750–52).¹² This autobiography caused a global literary scandal that lingered for weeks and months beginning in the late winter of 1963.

What was so troublesome about the autobiography from the perspective of the Soviet regime, particularly its cultural and ideological apparatus? According to Evtushenko's Soviet critics, the poet had 1) published a (purportedly) politically incorrect text; 2) published said text abroad; 3) sought publication in outlet(s) that were 'bourgeois' and hostile to Soviet interests; and finally, 4) Party authorities had not given Evtushenko per-

mission to do any of this. Notice here that the *context* was most offensive to these critics -- it was how and where the work was published more than what was actually said that caused outrage among Soviet ideological authorities, as well as mainstream cultural figures. Sergei Chuprinin in the reference work *Ottepel'* [*The Thaw*] inserts a revealing assortment of criticisms of Evtushenko's autobiography from various Soviet voices (Chuprinin 2020: 696–724). Even the celebrated Soviet astronaut Iurii Gagarin expressed his dismay at Evtushenko's carelessness. At the height of the campaign against the poet, Kornei Chukovskii heard rumors that Evtushenko had committed suicide (Chuprinin 2020: 724). As we shall see, even in the face of severe criticism, Evtushenko maintained his autobiography's fidelity to the Soviet ideological project.

Additional details of the translation process, involving a series of exchanges among Evtushenko, European journalists, and American publishers, have hitherto been sparse, prompting much speculation (see Johnson 1963).¹³ Thankfully, two archival

¹¹ Note that Flegon dropped the word 'precocious' (*prezhdevremennaia*) from the title -- it was released by Flegon Press simply as *An Autobiography* [*Avtobiografiia*]. On Flegon, see Jacobson 2020: 240–53.

¹² See 'Zapiska KGB pri SM SSSR o nas-troeniakh E.A. Evtushenko'.

¹³ Priscilla Johnson's analysis of what she terms 'L'affaire Yevtushenko' -- the publication of *A Precocious Autobiography* -- is the most detailed of any that

documents shed some light on the history of this autobiography's publication. The first of these documents is a transcription of a speech that Evtushenko gave to the Plenum of the Governing Body of the Union of Writers of the USSR. This speech was delivered in March 1963 (the Plenum convened from 26 to 30 March), after the poet had returned from his travels in Europe.¹⁴ Portions of this speech (perhaps 10% at that), particularly those in which Evtushenko admitted his own fault, were selectively quoted in *Literaturnaia gazeta* on 30 March in a highly

I have encountered. The American translator and journalist as early as the summer of 1963 introduced the possibility that Evtushenko 'was the victim of a giant provocation'; namely, that some Party authorities had given Evtushenko (perhaps only tacit) permission to publish his text abroad, only to turn on him a few weeks later after the installments in *L'Express*.

¹⁴ See 'Vystuplenie na plenumе pravleniia Soiuzа pisatelei SSSR 1963, mart' in Yevtushenko 1963a. There are two different transcriptions; the first in Folder 10 is complete, while the second one in Folder 11 is fragmentary. I quote from the Folder 10 transcript. However, the Folder 11 transcript is valuable because, unlike the Folder 10 transcript, it identifies the critic who delivered a rebuttal to Evtushenko's speech: the Ukrainian writer and functionary Oleksandr Korniychuk ('A. Korneichuk' in the document).

tendentious piece.¹⁵ In fact, this entire *Literaturnaia gazeta* issue was full of critical responses to Evtushenko's autobiography authored by leading Soviet literary functionaries, including Oleksandr Korniychuk and Georgii Markov.

Evtushenko's speech before the Plenum is a fascinating rhetorical performance in its own right as well as a significant documentary source that can help us to understand factual details concerning this publishing scandal. In his own telling, Evtushenko claims that the Soviet publisher Mezhdunarodnaia kniga had finalized a contract with an American publisher (unnamed) for a one-volume collection of the poet's writings. The contract called for some autobiographical prose, though there were few specifications on this point. Evtushenko finally began writing these prose reflections during his European travels in January–February 1963. Instead of merely submitting a dossier or resume in the style of a traditional Soviet institutional autobiography, Evtushenko harnessed this opportunity to disabuse Western journalists of distortions in his life's story and in his ideological

¹⁵ 'Za vysokuiu ideinost' i khudozhestvennoe masterstvo sovet'skoi literatury: plenum pravleniia Soiuzа pisatelei SSSR' 1963: 1–2.

convictions by writing more than one hundred pages (Yevtushenko 1963a: 1–3). The avalanche of hurtful German, French, and Russian-language émigré press that Evtushenko received during his tour deeply frustrated him, and he resolved to send his expanded autobiography not just to the American publisher, but also to European outlets. This is the poet's 'defensive' motivation, a need to protect and fashion his global literary reputation on his own terms in the face of an international campaign of misinformation.

However, during the trip, I had to confront a series of articles about myself published in the foreign press. Moreover, in some of the articles, facts from my biography were misinterpreted, and besides that, I was presented as some sort of rebel against communism. Unfortunately, in support of this myth, numerous labels were promoted, which were previously pinned onto me by several Soviet critics in their articles. For instance: 'album verse', 'the ideological leader of the spiritual beatniks [dukhovnykh stiliag]', 'bard of the dirty bedsheets', 'pseudo-

revolutionary', etc. [...] So, as you see, it sometimes happens that our critics give adequate material to our enemies.¹⁶ (Yevtushenko 1963a: 2)

Notice how Evtushenko frames his decision to write and publish this autobiography as a vindication of the communist cause. Connecting this quotation to my article's introduction, the *apologia pro vita sua* logic of the literary celebrity autobiography comes to the fore here. Further, Evtushenko even pins the origins of Western misinformation (perhaps even willful disinformation) onto domestic hardline critics, claiming that Western journalists are merely repeating what they read in the Soviet press. This is a bold move that testifies to Evtushenko's confidence in walking the figurative tightrope in front of his writer peers and ideological bosses. Continuing on, he insists that he was never told that he needed to clear these writings with Soviet authorities before sending them to the American publisher, though in his speech, the poet recognizes that this assumption

¹⁶ All translations from the original Russian are my own unless otherwise specified.

and subsequent omission was 'shameful' and flippant.

The rest of the speech seeks to fend off denouncers – most prominently, the writer and literary bureaucrat Aleksandr Chakovskii, who edited the influential periodicals *Inostrannaia literatura* and *Literaturnaia gazeta*. Chakovskii called Evtushenko a 'cynical three-handed Shiva': 'Yesterday, Chakovskii on this platform depicted me as a cynical three-handed Shiva' (Yevtushenko 1963a: 3). This is a derogatory comparison with the Hindu god of destruction, though Shiva is typically shown with four arms and thus four hands. These nefarious three hands supposedly allowed Evtushenko to fight against Stalin's cult of personality, write lewd verse, and also flirt with anti-Soviet poetic content. This, coincidentally, is not the only deity to whom Evtushenko will be compared during this scandal, as we shall see below.

More substantively, Chakovskii charged that the prose autobiography represented a marked ideological departure from the poet's verse. Evtushenko in response places excerpts of his poetry and prose side-by-side in his speech to prove that his ideological fidelity to the communist cause is evident in each mode of writing (Yevtushenko

1963a: 4). The transcript records that the poet had to fend off numerous interruptions from the audience, so as to finish his speech in its entirety (this was successfully accomplished). He concludes by comparing his original Russian manuscript submitted to the French magazine *L'Express* with embellished portions from the French translation that were supposedly fabricated by the editors:

When I was given the French translation of the Autobiography the day before yesterday [...], I was struck by an entire series of wanton abbreviations and distortions [...], as well as additions. I shall present the Russian text to the Writers' Union, so that the opportunity for misunderstanding may be eliminated. (Yevtushenko 1963a: 9)

Of course, the sensationalist titles and captions conjured up by the French editors also did Evtushenko no favours. He presented the Russian original to the Writers' Union as proof of the Western editors' manipulation.

This was a high-pressure *apology* for Evtushenko, in both senses of the word – a simultaneous *apologia* of his actions as well as

a partial admission of wrongdoing. He offered a textually grounded defence of his autobiography while recognizing that it was self-congratulatory at some moments. Further, he apologized for his naive trust in the 'bourgeois' journalists' integrity; he carelessly expected that they would give an honest rendering of his text to French readers. Evtushenko recognizes his mistake (note, *not* a crime) and ultimately chalks up any wrongdoing to naivety. It is obvious from his speech that the young writer raised in the bosom of late-Stalin and post-Stalin Soviet literary culture and institutions had expertly assimilated the rules of the game. That is, he knew where and how to soften the edges of his provocative actions, divert blame to other actors (e.g. *Mezhdunarodnaia kniga*, reactionary Soviet critics, Western editors, the émigré press), affirm his communist commitments, and articulate a rhetoric and logic comprehensible and even acceptable to the cultural-ideological authorities. At one point in the speech, he even pulls off a bit of humor: 'I.I. Anisimov accused me of answering "I don't know" to the question "Are you the Christ?" Well, how, ultimately, was I supposed

to answer the question? (laughter)'.¹⁷ (*Ibid.*: 8) There is a touch of foreshadowing here. Mere months later, the Italian film director Pier Paolo Pasolini invited Evtushenko to play the role of Christ in his 1964 film, *The Gospel According to Matthew (Il Vangelo secondo Matteo)*, an opportunity that Evtushenko had to decline because of his (temporarily) more restricted position in Soviet literature post-March 1963 (Evtushenko 1998: 348–50).

In addition to Evtushenko's speech itself, the archival document also includes a brief reply offered by the Ukrainian literary functionary, politician, and Stalin Prize winner Oleksandr Korniychuk. Korniychuk's reply reveals that there is still considerable doubt as to whether Evtushenko had actually learned his lesson in dealing with the treacherous 'bourgeois' press: 'You don't understand this. You took it and threw it up, and of course, they used it... Even now you say the same thing... I don't understand, what's the matter? You're obliged to defend your Motherland and the Party's honour' (Yevtushenko 1963a: 11). This is the last transcribed word

¹⁷ Beginning from 1952, Ivan Ivanovich Anisimov (1899–1966) served as the Director for the Institute of World Literature.

of this brief public criticism. Notably, Korniyuchuk does not express an explicit threat of lengthy sanction or expulsion. The second relevant archival document is a letter sent from the translator and literary journalist Olga Carlisle to René Guyonnet, editor-in-chief of *L'Express*, dated 24 July 1963 (Carlisle 1963). Carlisle was set to review the English translation of Evtushenko's autobiography for the *New York Herald Tribune* (see Carlisle 1963a: 1, 11).¹⁸ In preparation for this review, she asked Guyonnet for information regarding the original Russian manuscript. Guyonnet reveals that it was entrusted to the *L'Express* journalist K.S. Karol. Karol seems to have served as Evtushenko's primary contact in the Paris publishing world. Karol also translated Evtushenko's autobiography into French for the book publication (cited above). Guyonnet assures Carlisle that Evtushenko was more than satisfied with the French translation first published in *L'Express* and

¹⁸ In her largely positive review ('A Young Soviet Rebel's Manifesto for Truth'), Carlisle notes that MacAndrew's English-language translation differs from the French version published serially in *L'Express*. Despite certain faults of the poet and the translator, Carlisle still regards the autobiography as a 'manifesto of a whole new Soviet generation.'

then in book form by Éditions Julliard, a surprising revelation and one that contradicts his remarks to the Writers' Union. Note that Evtushenko did not know French. Someone initially relayed enough information about the French translation to give Evtushenko a sense of its character. Eventually, a complete 'back translation' (from Russian to French, then from French back to Russian) was made. Evtushenko's archived speech to members of the Writers' Union quotes liberally from the French version in Russian translation, with some excerpts running longer than a paragraph. Evtushenko in his speech claims that he received the *L'Express* version (back translated into Russian) only a few days prior to his speech. He would later complain to the editorial board of *Iunost'* that the domestic vitriol that he suffered was partially explained by distortions inherent in the 'translation of a translation'; he urged his colleagues to consult the Russian original held by the Moscow Branch of the Party Committee.¹⁹

¹⁹ 'The featured text, the "translation of a translation," is a product that has very little correspondence to the original, as will be made evident to you.' -- from 'Otvét E.A. Evtushenko na písmo

The most intriguing portion of this letter from Guyonnet to Carlisle deserves full quotation: 'I can, however, confirm to you that Evtushenko was more satisfied with the text's publication than the press had said. A letter that he wrote later to Karol attests to this. For reasons that you can guess, it is however impossible to reference this letter'.²⁰ The implication here is that publicizing Evtushenko's letter of praise to Karol would put the Soviet poet in a compromising position, given that he was forced to publicly abjure the decision to publish his autobiography without passing it through the censors. Evtushenko also objected to the portions of text supposedly fabricated by *L'Express*. Guyonnet's letter, in sum, contradicts central elements of Evtushenko's Writers' Union speech.

Was Evtushenko more truthful in his private correspondence with Karol, or in his public speech to his fellow Soviet writers? A probable hypothesis runs as follows: Evtushenko was riding high on three years of international travel and success at home and abroad (from 1960

through early 1963). He sought to craft a favorable account of his life to disseminate in multiple languages and countries throughout the West. He gathered that his position at home was secure enough to pursue this tamizdat venture of self-celebrification. The 'liberals' in January 1963 looked to be in the ascendancy and many leading writers even up until March 1963 thought that the trends of liberalization would only accelerate.²¹ Moreover, the actual contents of the autobiography, even if they were 'juiced up' by Western editors, were thought (by Evtushenko at least) to be within the bounds of Thaw-era de-Stalinization discourse. It is possible that Evtushenko approached a high-ranking party

redaktsii zhurnala "Iunost"
(Afiani et al. 2005: 626–28).

²⁰ My thanks to Melvin Thomas for his help with this translation. See the previously cited Carlisle 1963.

²¹ Olga Carlisle remembers a conversation with Kornei Chukovskii, Andrei Voznesenskii, and other Russian intellectuals in spring, 1962: 'My older friends like Chukovsky and the painters and writers of my own age all believed that things were beginning to open up, that release from censorship and intimidations was imminent. [...] Voznesensky kept assuring me that this was indeed happening, that freedom was coming to Russia' (Carlisle 1985: 73). The November 1962 publication of Solzhenitsyn's *Odin den' Ivana Denisovicha* [*One Day in the Life of Ivan Denisovich*] in *Novyi mir* was, already by the mid-1960s, considered to be the 'warmest moment' of the Soviet Thaw (Hayward and Crowley 1964: 89, 192, 206).

member (e.g. Aleksei Adzhubei, Khrushchev's son-in-law, and the editor of the newspaper *Izvestiia* -- he and Evtushenko became acquainted with one another during the poet's lengthy travels to Cuba in 1961–62) to probe the possibility of publishing his autobiography abroad. *Life Magazine* contributors even suggest that the Soviet ambassador to France, Sergei Vinogradov, signed off on the *L'Express* publication. Of course, in the absence of archival documentation, this is pure speculation. After the scandal had receded into the past, Evtushenko in private maintained that his autobiography 'benefited greatly our Motherland and Leninism...' (Afiani et al. 2005: 685–89). Even unauthorized revisions made by French editors were acceptable to Evtushenko, so long as western European readers could access the poet's first-person testament.

In January 1963, the risk of serious retaliation from the Soviet ideological authorities must have looked manageable to the poet, especially when compared to the upsides of multilingual, international publicity. This would have been especially true if Evtushenko had received prior permission from someone within the cultural-ideological apparatus. Evtushenko's bold at-

tempt to revise the rules for Soviet writers vis-à-vis publishing abroad failed, in a sense. Tamizdat in Western, non-communist outlets without pre-authorization was and would remain verboten within Soviet literature. Evtushenko's *A Precocious Autobiography* as well as Andrei Voznesenskii's neo-modernist poetry and Ernst Neizvestnyi's non-representational art, were some of the most prominent offending artefacts castigated by Khrushchev in March 1963. The Thaw in the fateful spring of 1963 took a cold turn. Still, all three artists survived the affair, with Evtushenko and Voznesenskii continuing to publish in the coming months and years. The censorious press campaign turned out to be temporary. This was partial, temporary cancellation and not total oblivion. Even some American observers, such as CBS correspondent Marvin Kalb, were mildly surprised at how quickly Evtushenko resurfaced in Soviet print (Kalb 1963: 20–21). A year after the scandal, Evtushenko even felt comfortable enough to recommend and distribute his samizdat autobiography within Soviet artistic circles, claiming (hyperbolically) that its publication was 'the greatest communist propagand-

distic act' (Afiani et al. 2005: 750–52).

Thanks to this episode, Evtushenko's fame only grew. He attracted the sympathy of Western observers dismayed by Khrushchev's crackdown, including the discerning academic specialists Gleb Struve and Max Hayward. Struve is admittedly moderate in his estimation of Evtushenko:

In 1962 I was inclined to regard Yevtushenko as a man who was becoming more and more a tool -- and a useful tool at that -- of the regime. I have since modified my view of Yevtushenko in the light of his *Autobiography* (though it is in many ways, in my opinion, an unpleasant document), and especially in view of the circumstances of its publication [...]. (Hayward and Crowley 1964: 139)

Context here outweighs the text itself in Struve's evaluation. Evtushenko's decision to seek publication in a Western periodical, which precipitated the public campaign against the poet, placed Evtushenko in a sympathetic light. Hayward sounds even more uniformly positive notes:

Fortunately his [Evtushenko's] recently published autobiography shows him in a more unpretentious and engaging light than he appears to many on the public platform. Those who are well acquainted with his work will be struck by his humility and his acute awareness of his own limitations. (Hayward and Crowley 1964: 207)

I now turn to the text itself as well as the variegated American reception of said text. Finally, with this tamizdat book, a reader could hold Evtushenko, the poet, 'in the hollow of his hand,' whether he read German, English, French, Hebrew, Italian, etc. But exactly what image of the poet did this reader encounter? And how did Evtushenko justify his decision to pen an autobiography at the tender age of thirty?

A Precocious Autobiography: A Reading of Evtushenko's Rhetoric

The E.P. Dutton version of Evtushenko's autobiography includes approximately a hundred pages of text supplemented by glossy

photographs in the centre of the book, rushed out for expedited release in the summer of 1963. The photographs depict Evtushenko declaiming his poetry to a smiling German audience in Munich during his February 1963 visit, admiring a Max Ernst canvas, and preparing his autobiography for publication (with a pack of Marlboro Reds strewn across the handwritten pages). The publisher and translator acted quickly -- that is, in just a few months -- to release this slim book to Anglophone markets. This was obviously perceived as a favourable commercial opportunity that would reward a rapid response. The 1963 E.P. Dutton edition features streamlined simplicity: it lacks a contextualizing introduction, a foreword, or endnotes. It is possible that E.P. Dutton was the unnamed American publisher referenced in Evtushenko's Writers' Union speech, the publisher that had contracted with *Mezhdunarodnaia kniga*. E.P. Dutton had already released *Yevtushenko: Selected Poems* (translated by Robin Milner-Gulland and Peter Levi) in 1962 and then the autobiography a year later. More controversially, Dutton published Vladimir Dudintsev's *Not by Bread Alone* [*Ne khlebom edinyam*, 1957, translated by Edith Bone]; clearly,

contemporary Soviet literature located at the outer bounds of ideological acceptability was of interest to this particular US publishing house (see Shcherbinina 2023: 303–04).

While Evtushenko argues multiple points in this text, his principal message is as follows: he wants the West to understand that he is representative of Soviet society's yearnings and not an oddball, a radical, or an exception. Rhetorically, Evtushenko finds it useful to cast his 'autobiographical sketch' as a corrective to Western journalistic distortions of his life and mission. This helps to explain why such a young writer (barely thirty years of age), who at least in the West had only been known for a few years, should be granted an entire book to outline his biography. Evtushenko offers himself as the poetic orator for his generation, his people, even for the entire world: 'For me the world contains only two nations: the nation of good people and the nation of bad people. I am a nationalist of the nation of good people' (Yevtushenko 1963: 22). This is a shrewd humanistic revision of the Cold War binary, one that uplifts the good and condemns the bad on both sides of the Iron Curtain. Because Evtushenko tells us that he has been anointed the poet-

protagonist in the battle of good over evil, he simply *must* compose his autobiography in order to dispel artificial misunderstandings. The circumstances require him to release his autobiography precociously early.

An earlier Russian variant of the autobiography's title was *The Autobiography of a Person Who Matured Too Soon* [*Avtobiografiia rano sozrevshego cheloveka*]: articles from the Soviet press campaign adduce this title in their plural condemnations.²² This 'autobiography of a person who matured too soon' more accurately describes the audacious decision of the young poet to publish his autobiography. What would become the canonical title in Russian, *Prezhdevremennaiia avtobiografiia*, is of course more laconic and also features a pun -- Evtushenko revises the fixed phrase 'premature death' [*prezhdevremennaiia smert'*], reframing it instead to denote a 'premature' recollection of life. This linguistic play gestures toward one of Evtushenko's (and Soviet literature's) idols: Vladimir Maiakovskii. Maiakovskii began working on his own prose autobiography, 'I Myself' [*Ia sam'*], in 1922, on the threshold of thirty (Maiakovskii 1955: 7-

²² For instance, this title was referenced in Zhukov 1963: 3.

29). He augmented and published his autobiography in 1928; it is a fragmentary, humorous, factually imprecise, and ironic recollection that verges on the genre of pseudo-autobiography.²³ The English translation 'A Precocious Autobiography' is a felicitous choice, because it alludes to the author-subject's youth as well as his (purported) literary and experiential maturity.

In the body text itself, the poet curates and relays a reading biography that is maximally ecumenical and international. He claims that his father raised him on a diet of European literature beginning at an early age. The trickle of names and literary influences mentioned in Western reportage and in the verse lines of Evtushenko's poetry itself transforms in the autobiography into a flood of writers from Russia and the West: 'Dumas, Flaubert, Schiller, Balzac, Dante, Maupassant, Tolstoy, Boccaccio, Shakespeare, Gaidar, Jack London, Cervantes, and Wells' (Evtushenko 1963: 20). Later, in Evtushenko's late adolescence, he learned to love Hemingway, Whitman, Frost, and T.S. Eliot -- all towering figures in the mid-

²³ See Lyons 2014: 678-89 for a discussion of the 'celebrity pseudo-autobiography' in twenty-first-century American literature.

century American literary canon (Yevtushenko 1963: 64–65).²⁴ These lists presented in prose synergize with the public image of Evtushenko's reading habits constructed in the surveyed reportage as well as in much of his poetry. Here is a poet steeped in the Russian literary tradition but open, and proud of his openness, to major writers from European and American literatures. The accompanying photographs affirm that he is at ease socializing with West German movie stars and that he appreciates abstract art. His outlook is clearly an internationalist one, though his biography is literally and figuratively rooted in the Russian soil. The autobiography's curated tales of geological expeditions, wartime experiences, urban brawls against bullies, and poignant scenes from village weddings in Siberia concretize Evtushenko's 'authentic' connection to the Russian people.

Evtushenko does not shy away from adopting the communist

label, even when addressing a primarily anti-communist or at least non-communist Western audience. To be clear, the poet *was* a communist, though his understanding of what 'communism' meant was famously flexible.²⁵ Evtushenko asks his Western readers to appreciate the fact that the Russian people are committed to a humane form of communism, a revolutionary spirit that is compatible with an enthusiasm for the best of modern Western art and thought. He insists that Russians are essentially a revolutionary people and that the majority of them, as 'sincere communists,' are not murderous dogmatists or even dispassionate dialectical materialists (Yevtushenko 1963: 39–43). Communism in Evtushenko's definition finds its principal expression not in a statement of political economy or philosophical anthropology, but rather in individuals' ardent self-sacrifice. This sentimental 'communism as self-sacrifice' formulation lacks philosophical precision as well as any historical contextualization; but as dis-

²⁴ From an official Soviet perspective, Eliot ('the apostle of American decadence and modernism') is the outlier in this list; his 'aesthetic aristocratism' was extremely problematic for mainstream Soviet literary criticism (see Zasurskii 1966: 169–74). The first Soviet-published book of Eliot in Russian translation only appeared in 1971 (see Eliot 1971).

²⁵ Nina Bialosinskaia in her diary quotes a 1959 conversation between Evtushenko and another writer about the essence of communism. Evtushenko muses: "And what exactly is communism? It's a quality of the soul. Communism is talent" (Bialosinskaia 2018).

cussed below, it was apparently both plausible and attractive enough to convince major American political figures (e.g. Sargent Shriver) and seasoned journalists of Evtushenko's respectability. In reviewing the autobiography for *The New York Times*, Orville Prescott did not judge Evtushenko's communism to be a conspicuous shortcoming; instead, it is an understandable quirk explained by 'the chance of his nationality' (Prescott 1963: 31). The poet's 'Soviet patriot[ism]' escapes Prescott's critique. The book is 'a sharply outlined self-portrait and a moving plea for human dignity, kindness, generosity and freedom of expression' (Prescott 1963: 31).

Evtushenko's actions throughout the narrative are cast in a maximally rhetorical and supposedly self-sacrificial manner. His was a slaloming path between assertions of self-importance and humility. He stresses his duties and responsibilities, yet neglects to describe the benefits of his position, such as regular international travel, meetings with foreign writers and celebrities, and material privileges conferred to elite members of the Writers' Union. The pose articulated in such expressions as 'I despised money', and, 'money always was and still

is the means of making people into slaves', exposes the author to the charge of hypocrisy (Evtushenko 1963: 37). Evtushenko, it ought to be remembered, profited handsomely as a self-giving servant of the people and enjoyed numerous trips abroad to the United States, Europe, and Cuba in the early 1960s. The frank recognition of his material privilege would have weakened the poet's rhetorical appeal to Western audiences. While scholars today might find Evtushenko's omissions, exaggerations, and moral binaries unconvincing, many contemporary readers and reviewers were persuaded by the poet's rhetorical pose (e.g. to cite Hayward again, Evtushenko's autobiography shines an 'unpretentious and engaging light' on the poet — Hayward and Crowley 1964: 207).

The way that Evtushenko weaved discussion of literary activities and texts into this egodocument also bears comment. All of the poems mentioned in the autobiography existed in translation (not only in English translation) and constituted Evtushenko's most famous literary works. The 'big three' underlined in the autobiography are 'Prologue', 'Babi Yar', and 'The Heirs of Stalin.' Evtushenko's multi-page yarn about the anx-

ious publication of 'Babi Yar' in *Literaturnaia gazeta* predictably places the poet on the moral-literary vanguard in the struggle against both antisemitism and neo-Stalinism (Yevtushenko 1963: 116–22). Evtushenko did not use *A Precocious Autobiography* as an opportunity to introduce non-Soviet readers to the 'deep cuts' in his poetic corpus. Instead, the autobiography was a victory lap celebrating the poet's own courageous and popular verse that already enjoyed recognition in multiple national literary systems.

The final pages universalize Evtushenko's belonging to 'the people'. He not only channels the hopes of the Soviet Thaw, but he also claims connection to everyone. As a poet, he dwells here, there, and everywhere: 'What I wanted was that the whole world should be my home' (Yevtushenko 1963: 113). At some point in the early 1960s, Evtushenko supposedly discovered that he had a responsibility to the entire world (Yevtushenko 1963: 115). What stronger claim to public relevance is there than this, the ability and even *obligation* to direct one's poetic talents in service of others? The poet's pose of global belonging was itself manifested in the *Autobiography's* lightning-quick publication and cir-

ulation among various languages and national literatures. I understand this autobiography to be both evidencing and contributing to the ongoing construction of Evtushenko's celebrity in part because the text uplifts its author as a figure of global importance -- but also because its message, confessional tone, publication circumstances, and Soviet and American responses directed attention toward Evtushenko's personal and professional trajectories.

Evtushenko's *Autobiography* in America: Institutional Adoption

'If a narrow circle of the Western intelligentsia read *Doctor Zhivago*, then evidently broader readerships will read Evtushenko's *Autobiography*.' -- Il'ia Ehrenburg (quoted in Ogryzko 2014: 4).

MacAndrew's translation of Evtushenko's *Autobiography* resonated with a US mass readership as well as the country's political elites. In addition to the text itself, the months-long Soviet press campaign against Evtushenko (approximately from March through May 1963) sustained American journalists' interest in the poet for the better

part of the year. Put differently, in terms of media interest, the epitext often outcompeted the text. To offer one high-profile example, *Life* summarizes the contents of the autobiography along with excerpts from the worst condemnations of the poet in the Soviet press (Scherman 1963: 32–37). The *Life* journalists speculate that the press campaign may be a ‘prelude to a purge.’ The photographs that *Life* runs along with the textual profile were mostly sourced from the *Autobiography* (plus an additional photo — Evtushenko declaiming in a standing-room-only Paris theater — ‘Cry Out, Russian Poet!’ the caption shouts); they certainly do not depict a cowed or humbled writer. *Life* neglects to mention that the audience in one of Evtushenko’s largest readings on his Paris tour consisted of local French Komsomol members (i.e., communists).²⁶

This Luce publication was attempting to corral American readers’ support and sympathy for the persecuted writer, playing on the familiar topos of the defiant Russian poet-martyr. (It was Pasternak who was made to play this role in American cover-

age of *Doctor Zhivago* and the subsequent Nobel Prize scandal in 1958). The new Evtushenko-specific element to this existing cultural code was the movie-star popularity commanded by the poet. *Life* editors made sure to portray the packed theatre of thousands in the photo spread. Further, the *Life* profile and the *Autobiography* itself both include a photograph of Evtushenko seated in between the International ‘film stars Maria and Maximilian Schell’ (Yevtushenko 1963: 48–49). Evtushenko’s ability to exhilarate a crowd, even a Western crowd, with his poetry recitation was an exotic reality for American mediators, especially given the comparatively minor position of poetry and poets in American public life.

The supposed ‘trial’ (mentioned in the *Life* caption in Scherman 1963) that Evtushenko endured at the Writers’ Union Plenum paled in comparison to actual Soviet trials against writers, such as those endured by Joseph Brodsky (1964) as well as Andrei Siniavskii and Iulii Daniel’ (1966). But for American observers, the ‘vilifications’ that the poet suffered were evidence enough of his budding martyr status (Scherman 1963: 37). Evtushenko’s life story and courage in the face of state persecution

²⁶ Evtushenko cites a poetry recital in the Maison de la Mutualité in his speech to the Writers’ Union (Yevtushenko 1963a: 3).

were thought to be so inspiring that the first director of the newly launched Peace Corps, Sargent Shriver (brother-in-law of then President John F. Kennedy, husband to Eunice Kennedy), even decided to read aloud excerpts from Evtushenko's autobiography to the Corps' members. Shriver eventually included the work on an official Peace Corps reading list (see a mention of this in Bellow 1963 and also 'Peace Corps Told to Read Soviet Poet' 1963: 14).²⁷ Shriver did not share Evtushenko's communist commitments, yet found the poet's message and fervour inspiring nonetheless. Shriver is quoted in *The New York Times* instructing the Peace Corps members: "You should go overseas", he said, "believing as much in the ideal of the American Revolution — that all men are created equal — as Yevtushenko believes in his Communist ideas". Evtushenko's idealism was thought to be (productively) infectious. Evidently, the supposed ideological oppositions between the US and the USSR were no obstacle to

²⁷ From the latter: "To 170 members in their last week of training at Teachers College, the Peace Corps director read passages from the Russian poet's newly published book "A Precocious Autobiography".

American admiration of this Soviet communist poet.

The reporting on this speech indicates that Shriver stressed the *revolutionary* inheritance of American political values, a stylizing of American political history that appealed to contemporary Soviet writers, such as Evtushenko and Viktor Nekrasov, both of whom visited the US in the early 1960s and had positive things to say about some of America's Founding Fathers qua revolutionaries.²⁸ The US embrace of Evtushenko was most intense among members of the capacious and powerful left-of-centre establishment. Many conservative voices found Evtushenko odious ('Yevtushenko: Prostitute Poet', read one article title published in the conservative magazine *Human Events*) and were especially distraught at the ostensible infiltration of Soviet communist ideology into the American foreign policy apparatus through Shriver's reading recommendations (Ryskind

²⁸ Official Thaw-era Soviet culture found much to admire in the American political tradition. Viktor Nekrasov, for instance, casts Americans as a revolutionary people. In writing about Thomas Jefferson, Nekrasov underlines Jefferson's enlightenment bona fides, his radical progressivism, and his support for the French Revolution (Nekrasov 1967: esp. 119–21).

1963: 2).²⁹ An exception among conservatives is the poet, thinker, and essayist Peter Viereck, who criticized modern American conservatism (the ideological synthesis known as ‘fusionism’, spearheaded by William F. Buckley Jr.’s *National Review*) for its perceived ‘extremist’ tendencies. Following along with liberal-establishment voices, Viereck in a longform essay in *TriQuarterly* approvingly cites Evtushenko as an ‘anti-Stalinist rebel’ (Viereck 1965: 8).

Shriver did not just mention Evtushenko once, in passing. Shriver’s speeches to various groups (e.g. the National Federation of Catholic College Students, the San Diego State College Convention, and the National Student Association) throughout August and September of 1963 featured Evtushenko front and centre. In trying to connect to the youth of America, Shriver favoured showcasing Evtushenko as his opener. From all

accounts, Shriver was a charismatic and effective orator — the speeches discussed below took place in the context of Shriver’s ‘recruiting tours’ to drum up more applications for his rapidly expanding Peace Corps, founded just two years prior in 1961 (Liston 1964: 168–69). In California in the autumn of 1963, Shriver in fact gave twelve speeches in just four days (Stossel 2004: 293–96). Evtushenko and his autobiography played important roles in Shriver’s rhetorical gambit.

We encounter truly surprising ideological reflection on display in Shriver’s speech to the San Diego State College Convention (Shriver 1963). Shriver quotes Evtushenko at length from the poet’s autobiography, with multiple passages praising the spiritual resources of communism and contrasting it with the empty materialism (*not* understood in a philosophical-metaphysical sense, but as a synonym for ‘commercialism’) characteristic of the West. *A Precocious Autobiography* appears in Shriver’s reading as an opening salvo in the ‘revolution’ or ‘purification’ of Soviet communism, whereby the Soviet youth will revivify the communist ideals with ‘spiritual content with the power to draw humanity to its cause’ (Shriver

²⁹ Ralph De Toledano’s review of *A Precocious Autobiography* slings sharp arrows at Evtushenko, citing the ‘newspaper poet’s’ ethical, literary, and political failures (see De Toledano 1963: 404–06). Ever more venomous critical profiles of Evtushenko appeared in the conservative flagship magazine *National Review*, as well as *Human Events*, in the subsequent years (see Geltman 1972: 637–39; ‘Yevtushenko: Prostitute Poet’ 1968: 11; ‘The Iron Curtain on Stage’ 1973: 9).

1963). This is both ‘a threat and a hope’ (Shriver 1964).³⁰

For his San Diego speech, Shriver boldly titled the address ‘The Challenge of a Communist Poet’, emphasizing Evtushenko’s ideological otherness from the American mainstream, but not demonizing him for his communist position. I say *boldly* titled, as Shriver, in the early years of the formation of the Peace Corps, had to contend with powerful critics (Richard Nixon and President Dwight D. Eisenhower among them) who regarded the Corps as an impractical outfit full of communist-sympathizing beatniks.³¹ Though the Peace Corps was on firmer political and financial footing in 1963, Shriver’s decision to uplift Evtushenko all while accepting and even foregrounding the label of him as a ‘communist poet’ left him open

³⁰ In this later Bellarmine speech, Shriver expresses hope for co-existence between the converging youths of the US and the USSR.

³¹ Evtushenko as ‘the Beat Keats’ — according to *Time* magazine circa 1961 — had faded from American public perception; in its place stood Evtushenko as the critic of antisemitism and neo-Stalinism. Evtushenko’s ideological image was remarkably malleable both synchronically (in the hands of differently positioned American actors at a particular time) and diachronically (in the political establishment’s projection of Evtushenko throughout the 1960s).

to critique from the anti-communist right.³²

As this brief summary of these speeches suggests, Shriver is not articulating a by-the-numbers doctrine of co-existence, much less advocating a proto-‘peace through strength’ foreign policy position. He observes and even admires the youthful revolutionary spirit percolating in Soviet Russia; his duty is to call attention to the ‘Challenge of a Communist Poet’ in an attempt to galvanize American college students to build ‘a world of liberty under law, [...] an open society for all men. Are we committed to making that vision a reality?’ (Shriver 1963).³³ Here, Evtushenko serves as an estimable competitor to young Americans; his revolutionary zeal

³² Shriver’s confidence and burgeoning clout in Washington DC power politics is on full display in the previously cited 20 August 1963 *New York Times* piece. “‘Someone may object to my sending out something written by a Communist”, he [Shriver] said’. Shriver evidently thought that any objections could be easily brushed aside as he went ahead in warmly recommending the *Autobiography*.

³³ This left-liberal ‘open society’ was theorized by Karl Popper in his influential work of political philosophy *The Open Society and its Enemies* (1945). As the name suggests, *Open Society Foundations*, the George Soros-founded network, took inspiration from Popper’s book.

ought to be matched, if not surpassed, by Shriver's audience. As was discussed earlier, Evtushenko in publishing *A Precocious Autobiography* did not intend to make a radical statement that would reset the pre-political, 'spiritual' foundations of Soviet communism. But at this moment, in front of this audience, and in the hands of this particular speaker, Evtushenko's autobiography was made to serve in the role as a respectable foil, an idealistic and humanistic revolutionary committed to the radical purification of his society. Even if the poet's original message and intentions were shifted in Shriver's reception, this is the sort of high-profile engagement -- substantive, influential, admiring -- that Evtushenko was seeking with the translation and publication of his autobiography.

Other American commentators were even more enterprising in appropriating Evtushenko's autobiography for their own ideological purposes. Consider the former CIA director Allen W. Dulles' contextualizing introduction to a portion of Evtushenko's autobiography, published in the *Saturday Evening Post* (Yevtushenko 1963b: 45-69). Almost the entire 10 August 1963 issue was devoted to Evtushenko (an abridged reprint of

his autobiography). The magazine's cover captions implicitly compare Khrushchev to Stalin and note the contraband status of the work in Soviet Russia -- 'Banned in Russia: A Soviet poet's brilliant story of his life and fight for freedom under Stalin and Khrushchev'.

Dulles (who served as the Director of the Central Intelligence Agency from 1953 through 1961) was not a spymaster who stuck to the shadows. Even during his tenure at the CIA, he had a 'glamorous' public profile in the US and abroad (Grose 2006: 499). He left his post as director after the Bay of Pigs debacle, though he exited his office with public support from President John F. Kennedy and Attorney General Robert F. Kennedy, both Democrats. (Behind the scenes, the relations between the Kennedy brothers and Dulles were much more fractious).³⁴ Many Republicans in Washington also supported him -- Dulles voted for Richard Nixon in the 1960 presidential election and served under the Republican President Dwight D. Eisenhower (Grose 2006: 530). His retirement by no means represented a retreat from the public eye. On the con-

³⁴ For a relentlessly critical, revisionist account of Dulles' career, see Talbot 2015.

trary, Dulles in 1963 published a book (*The Craft of Intelligence*), gave dozens of lectures, and he was even 'a pioneer in the emerging television fixture of the talk show' (Grose 2006: 539). This is all to say that he was a genuine 'power player' in American public life in 1963, even after his official retirement from the CIA (Talbot 2015: 487). His introduction to Evtushenko's *Autobiography* must be understood as a key intervention in the history of the text's American reception.

In contradistinction to Shriver, Dulles strategically downplays Evtushenko's stated commitment to a revived Leninist communism. Dulles' profile instead champions Evtushenko as a courageous fighter in the anti-communist struggle. According to the headline's subtitle, Evtushenko wrote 'the most sweeping indictment of Soviet Communism that any Soviet author has ever written. The Kremlin banned this book. Now, for the first time, American readers can find out why'. The crowds of adoring fans that come to listen to Evtushenko are described as fomenting a 'revolt' against the existing order. It must be restated that Evtushenko considered his activities and publications vis-à-vis his autobiography to be supportive of the Soviet regime.

In other words, this is sensationalist, ideologically driven journalistic framing at its most brazen.

An archived draft of Dulles' *Saturday Evening Post* remarks draws a provocative connection between Khrushchev's Secret Speech (delivered at the 20th Party Congress in February 1956) and Evtushenko's *Autobiography* (see Dulles 1963). Dulles takes credit for circulating Khrushchev's speech globally during his tenure as CIA director. Given the speech's anti-Stalin content, it was made into a potent weapon for the CIA in the worldwide battle for hearts and minds. Dulles then invokes Evtushenko's *Autobiography*, which can also serve the CIA's ideological aims, provided the proper *context* (that all-important term appears yet again) is appended to it. The contrast between Dulles' and Shriver's creative interpretations of Evtushenko's ideological intervention could not be starker. Whereas Shriver finds in Evtushenko a worthy competitor, devout communist, and fellow idealist, Dulles in the *Saturday Evening Post* casts Evtushenko as an anti-communist fifth column.

Further down in Dulles' published preface, a more nuanced argument emerges. Dulles is convinced that Soviet com-

munism suffers from a fatal contradiction: while even its anti-Stalinist intellectuals may still respect communism ‘in theory,’ communism ‘in practice’ will devolve into repression against artists, and thus prompt the intellectual class to stage a bloodless revolution. Dulles expanded an existing line of thinking in the American intelligence community: figures in both the FBI and the CIA were convinced that portions of official Soviet culture — the ‘liberal’, Westernizing, anti-Stalinist elements — could be re-directed as potent weapons in the cultural Cold War.³⁵ After meeting Evtushenko at a public reading, one CIA source in the summer of 1962 described Evtushenko as a champion ‘of liberalism, non-conformism, and extravagancy’, someone who, moreover, was aware of his burgeoning American popularity, and wanted to strengthen ties

with audiences and publishers there (‘Aerodynamic Vol. 23 (Operations)’ 1962: 12–13).³⁶ In effect, the CIA hoped to drive a wedge between Evtushenko and Khrushchev specifically.³⁷ Dulles’ implicit policy prescription may be explicated as follows: Evtushenko ought to be encouraged in his writing, embedded ever deeper into the (American-led) Western system that prides free artistic expression, and given the space, and perhaps also explicit encouragement, to recognize the theory-praxis contradiction at the heart of Soviet communism.

Even though Evtushenko and his cohort never came close to staging a dramatic coup d’état in the 1960s, there is a way to read late twentieth-century history as ultimately vindicating Dulles’ intellectual-centred policy vision. Some writers born and developed in the Soviet system sought

³⁵ On the FBI’s translation, dissemination, and overall weaponization of Evtushenko’s ‘Babi Yar’ poem in the fall of 1961, see Silverman 2020. The sensationalist headline — ‘Inside the FBI’s File on Soviet Poet-Dissident Yevgeny Yevtushenko’ — inaccurately applies the term ‘dissident’ to Evtushenko, an editorial framing often encountered in early American coverage of the poet back in the late 1950s and early 1960s. A more scholarly analysis of the FBI’s appropriation of ‘Babi Yar’ will be forthcoming in my doctoral dissertation.

³⁶ My thanks to Yuri Leving for sharing this source.

³⁷ In the 8 April 1963, edition of the CIA’s *Bi-Weekly Propaganda Guidance* (‘Further Restrictions on Soviet Literature and Art’ 1963: 644), Evtushenko’s ‘autobiographical articles’ published in *L’Express* are thought to denounce “‘Stalinist” attitudes, such as conformism and antisemitism, which are actually shared by many Soviet officials today, including Khrushchev.’ This guidance was used to direct journalists in reporting upon current affairs in a manner harmonious with CIA objectives.

refuge on the western side of the Iron Curtain (e.g. Brodsky, Solzhenitsyn, Aksenov, Dovlatov, Voinovich, etc.) throughout the 1960s, 70s, and 80s. Any widespread hope among Soviet intellectuals for reform from within was on the wane by the mid-1960s and totally battered by 1968, after the Warsaw Pact's invasion of Czechoslovakia in August. Greater disillusionment went hand-in-hand with internal and external emigration. The more or less one-way direction of travel of dissenting or non-Soviet writers from east to west may not have been the immediate political outcome that Dulles hoped for, yet it certainly enriched the cultural life and ideological authority of European, American, and Israeli literary scenes.

Conclusion

Two decades later, the popular Soviet poets and writers of the 1960s (the *shestidesiatniki*) were on the vanguard of Russia's emerging civil society and more variegated political life during perestroika. Evtushenko himself was a founding member of the society Memorial (dedicated to the research and rehabilitation of victims of Soviet repressions) as well as an elected member of

parliament representing Kharkiv in the Supreme Soviet in 1989. But, in retrospect, the *shestidesiatniki* were not as politically revolutionary as their nineteenth-century namesake. Nevertheless, some of their number defected from the Soviet system to the West, while others tried to critique this system's repressive excesses from within. Dulles was right to stress the political potential of this generation of writers, a generation that would seek out alternatives to a neo-Stalinist, xenophobic politics, even if a 'bloodless revolution' with intellectuals at the vanguard never materialized during Dulles' lifetime.

To summarize my main interventions, I have excavated the convoluted publication circumstances of Evtushenko's *Autobiography*, analyzed the poet's own rhetorical posture as constructed in the text and its epitextual space, and then tracked two important American (political) engagements with the *Autobiography*, those of Sargent Shriver and Allen Dulles. The publication of the *Autobiography* in French, German, English, etc. throughout 1963 represented a highwater mark of Evtushenko's celebrity in the West and especially the United States. The poet and his autobiography were well received in multiple

quadrants of the cultural field, from daily newspapers to journals of opinion to literary reviews to scholarly periodicals and even in the halls of US government agencies.

A great deal of Western attention was directed to the context (how and where it was published) and epitext (critical reactions, interviews, and speeches concerning it), even more so than the actual contents of the autobiography. Especially by the time the E.P. Dutton volume was released in the summer of 1963, Western literary tastemakers, political actors, and scholars dilated upon the vituperative Soviet campaign against Evtushenko, thereby enlivening the narrative and authenticating Evtushenko's ostensible 'stubborn independence' from Soviet ideological directive (Prescott 1963: 31). In the eyes of American observers, Evtushenko in the early 1960s was most useful as a weathervane for Soviet cultural politics. While some of his poetic and prose work merited comment, it was more often his changing fortunes within Soviet society -- themselves metonymic of larger cultural trends -- that attracted the attention of American mediators.

A Precocious Autobiography represents an outlier in the history of Soviet Russian tamizdat: an

supposedly pro-communist and even pro-Soviet work (at least, according to its author) that was directly handed over to 'bourgeois' Western publishers by a celebrated official writer; an autobiography praised by mainstream figures in the West but condemned by the Soviet Communist Party and swathes of Soviet society.³⁸ These radically different receptions, combined with the author's own rhetorically calculated, sometimes obscure actions, offer plural historical narratives worthy of elucidation. *A Precocious Autobiography* deserves greater attention from literary historians, especially those interested in the European reception of Soviet literature. My own reception-studies angle was US-focused, but as the first part of the article suggests, there is much more to uncover concerning the initial French and German publications, not to mention the *Autobiography's* influence on the literary-political debates in other national literary systems.

³⁸ Framed in this way, Evtushenko's autobiography creates a striking contrast with the prototypical Gulag-focused tamizdat publications discussed throughout Klots 2023.

Acknowledgments: I would like to thank Yuri Leving, Lazar Fleishman, Ilya Vinitzky, Tim Noakes, and the anonymous reviewers of *AvtobiografiЯ* for

their assistance during the research and editing process.

Bibliography

'Aerodynamic Vol. 23 (Operations)' 1962: 'Aerodynamic Vol. 23 (Operations)', 31 August 1962, *CIA Dispatch*. https://www.cia.gov/readingroom/docs/AERODYNAMIC%20%20%20VOL.%2023%20%20%20%28OPERATIONS%29_0103.pdf [last accessed 27 January 2024]

Afiani et al. 2005: Afiani, V. Iu. (compiler and lead editor). 2005. *Apparat TsK KPSS i kul'tura 1958–1964: dokumenty* (Moscow: ROSSPEN)

Bellow 1963: Bellow, Saul. September 26, 1963. 'Barefoot Boy'. *New York Review of Books*. <https://www.nybooks.com/articles/1963/09/26/barefoot-boy/> [last accessed 17 January 2024]

Bialosinskaia 2018: Bialosinskaia, Nina. 2018. "‘Ei, tovarishch! Khochesh' byt' schastlivym?’": Iz dnevnikov'. Commentary by Vladimir Orlov. *Znamia* 8. <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/8/ej-tovarishh-hochesh-byt-schastlivym.html> [last accessed 17 January 2024]

'Book Authors: Evocations of Yevtushenko' 1963: 'Book Authors: Evocations of Yevtushenko', 16 April 1963. *The New York Times*, 32

Braudy 1986: Braudy, Leo. 1986. *The Frenzy of Renown: Fame & Its History* (New York: Oxford University Press).

Bruss 1976: Bruss, Elizabeth W. 1976. *Autobiographical Acts: The Changing Situation of a Literary Genre* (Baltimore: JHU Press)

Carlisle 1963: Carlisle, Olga. 1963. 'Letter from René Guyonnet to Olga Carlisle'. *Olga Andreyev Carlisle Papers*. Hoover Institution Library & Archives. Box 106, Folder 4

Carlisle 1963a: Carlisle, Olga. 11 August 1963. 'A Young Soviet Rebel's Manifesto for Truth'. *The New York Herald Tribune*, Section 6: 1 and 11

Carlisle 1968: Carlisle, Olga. 1968. *Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets* (New York: Random House)

Carlisle 1985: Carlisle, Olga. 1985. 'On Being a Literary Intermediary', *The North American Review*, 270(4): 71–74

Chuprinin 2020: Chuprinin, Sergei. 2020. *Ottepel': sobytiia: mart 1953 - avgust 1968 goda*. (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie)

'Confession d'un enfant du siècle soviétique' 1963: 'Confession d'un enfant du siècle soviétique', 21 February 1963, *L'Express*, 16–19

Denner 2009: Denner, Michael. 2009. “Be not afraid of greatness...”: Leo Tolstoy and Celebrity’, *The Journal of Popular Culture* 42(4): 614–45

Dulles 1963: Dulles, Allen. 1963. ‘Sent to Stewart Alsop of the Saturday Evening Post — Draft July 8’. *Allen W. Dulles Papers*. Department of Special Collections, Princeton University Library, Box 61, Folder 39

Eliot 1971: Eliot, T.S. 1971. *Besplodnaia zemlia: izbrannye stikhotvoreniia i poemy*, trans. Andrei Sergeev (Moscow: Progress)

Evtouchenko 1963: Evtouchenko, Eugène. 1963. *Autobiographie précoce*, trans. K.S. Karol, (Paris: Éditions Julliard)

‘Evtouchenko raconte: Suis-je le chef des voyous?’ 1963: ‘Evtouchenko raconte: Suis-je le chef des voyous?’, 21 March 1963, *L’Express*, 33–35

Evtušenko 1963: Evtušenko, Evgeny. 1963. *Autobiografia precoce*, trans. Valeria Riva and Maria Olsoufieva (Milano: Feltrinelli)

Evtushenko 1964: Evtushenko, Evgenii. 1964. *Avtobiografiia* (London: Flegon Press)

Evtushenko 1998: Evtushenko, Evgenii. 1998. *Volchii pasport* (Moscow: Vagrius)

‘Further Restrictions on Soviet Literature and Art’ 1963: ‘Further Restrictions on Soviet Literature and Art’, 8 April 1963. *Bi-Weekly Propaganda Guidance* 113: 644

Geltman 1972: Geltman, Max. 9 June 1972. ‘A Month in the Life of Yevtushenko’, *National Review*, 637–39

Genette 1997: Genette, Gérard. 1997. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*, trans. Jane E. Lewin (Cambridge, UK: Cambridge University Press)

Grose 2006: Grose, Peter. 2006. *Allen Dulles: Spymaster: The Life & Times of the First Civilian Director of the CIA* (London: André Deutsch)

Harrington 2016: Harrington, Alexandra. 2016. “It is unseemly to be famous”: Anna Akhmatova, Boris Pasternak, and the melodramatic dynamics of the myth of the Russian poet in Russia and the West’, *Celebrity Studies* 7(4): 509–25

Hayward and Crowley 1964: Hayward, Max and Crowley, Edward L. (ed.). 1964. *Soviet Literature in the Sixties: An International Symposium* (New York: F.A. Praeger)

Jacobson 2020: Jacobson, Alexander L. ‘Provocateur, Pirate, Book Artist: An Introduction to Alec Flegon’, *Wiener Slavistisches Jahrbuch* (8): 240–53

Johnson 1963: Johnson, Priscilla. 1963. 'The Regime and the Intellectuals: A Window on Party Politics', *Problems of Communism* 12(4): I-XXVII

Kalb 1963: Kalb, Marvin. August 10, 1963. 'Poet-Hero of the Young at Heart', *Saturday Review*, 20–21

Liston, 1964: Liston, Robert A. 1964. *Sargent Shriver: A Candid Portrait* (New York: Farrar, Straus and Company)

Klots, 2023: Klots, Yasha. 2023. *Tamizdat: Contraband Russian Literature in the Cold War Era* (Ithaca: Cornell University Press)

Lejeune 1989: Lejeune, Philippe. 1989. *On Autobiography*, ed. by Paul John Eakin, trans. Katherine Leary (Minneapolis: University of Minnesota Press)

Lyons 2014: Lyons, Siobhan. 2014. 'Writing the Celebrity Pseudo-Autobiography: Hauntings in Ellis and Ellroy', *Continuum* 28(5): 678–89

Maiakovskii 1955: Maiakovskii, V.V. 1955. 'Ia sam' in *Polnoe sobranie sochineniia v 13 tt. I: 1912–1917* (Moscow: Khudozhestvennaia literatura), 7–29

Mashkovtseva 2012: Mashkovtseva, L.F. 2012. 'Istoriko-kul'turnye istoki i problemy izucheniia poniatiia "literaturnaia reputatsiia"', *Diskussiia* 2(20): 174–76

Moran 2000: Moran, Joe. 2000. *Star Authors: Literary Celebrity in America* (Sterling, VA: Pluto Press)

Naiman 2017: Naiman, Anatolii. 5 April 2017. 'Vse vmeste i dva razgovora', *Colta*, <https://www.colta.ru/articles/literature/14436-vsyo-vmeste-i-dva-razgovora>. [last accessed 17 January 2024]

Nekrasov 1967: Nekrasov, Viktor. 1967. *Puteshestviia v raznykh izmereniakh* (Moscow: Sovetskii pisatel')

Ogryzko 2014: Ogryzko, Viacheslav. 17 July 2014. 'Pod ideinym nakalom', *Nesavisimaia gazeta-Ex libris* 24(4). https://www.ng.ru/ng_exlibris/2014-07-17/4_kafedra.html. [last accessed 27 January 2024]

'Peace Corps Told to Read Soviet Poet' 1963: 'Peace Corps Told to Read Soviet Poet', 20 August 1963. *The New York Times*, 14

Ryskind 1963: Ryskind, Allan. 9 November 1963. 'Shriver's Recommended Reading', *Human Events*, 2

Scherman 1963: Scherman, David. 19 April 1963. 'A Poet vs Stalin', *Life*, 30–37

Shcherbinina 2023: Shcherbinina, O.I. 2023. “Uplyvalo semero romantikov”: Pervaia poezdka gruppy sovetskikh zhurnalistov v SShA epokhi “ottepeli”, *Literaturnyi fakt* 3(39): 293–322

Shriver 1963: Shriver, Sargent. 7 October 1963. ‘The Challenge of a Communist Poet’, *Sargent Shriver Peace Institute*, <https://www.sargentshriver.org/archive/speeches/the-challenge-of-a-communist-poet?searchq=Yevtushenko> [last accessed 28 April 2024]

Shriver 1964: Shriver, Sargent. 8 April 1964. ‘Address to Bellarmine College’, *Sargent Shriver Peace Institute*, <https://sargentshriver.org/speech-article/address-to-bellarmino-college?searchq=Yevtushenko> [last accessed 17 January 2024]

Silverman 2020: Silverman, Jacob. 21 September 2020. ‘Inside the FBI’s File on Soviet Poet-Dissident Yevgeny Yevtushenko’, *The New Republic* <https://newrepublic.com/article/159382/fbi-surveillance-russian-poet-yevgeny-yevtushenko-cold-war> [last accessed 17 January 2024]

Stossel 2004: Stossel, Scott. 2004. *Sarge: The Life and Times of Sargent Shriver* (Washington D.C.: Smithsonian Books)

Talbot 2015: Talbot, David. 2015. *The Devil’s Chessboard: Allen Dulles, the CIA, and the Rise of America’s Secret Government* (New York: HarperCollins)

‘The Iron Curtain on Stage’ 1973: ‘The Iron Curtain on Stage’, 13 January 1973. *Human Events*, 9

Toledano 1963: Toledano, Ralph de. 5 November 1963. ‘A Poet is a Poet is a What’, *National Review*, 404–06

Vaysman 2023: Vaysman, Margarita. 2023. ‘The Trouble with Queer Celebrity: Aleksandr Aleksandrov (Nadezhda Durova)’s *A Year of Life in St Petersburg (1838)*’, *Modern Language Review* 118(1): 97–113

Viereck 1965: Viereck, Peter. 1 January 1965. ‘The Mob Within the Heart: A New Russian Revolution’, *TriQuarterly*, 7–43

Yevtushenko 1963: Yevtushenko, Yevgeny. 1963. *A Precocious Autobiography* (New York: E.P. Dutton)

Yevtushenko 1963a: Yevtushenko, Yevgenii. 1963. ‘Vystuplenie na plenum pravleniia Soiuzu pisatelei SSSR 1963, mart’. *Yevgenii Yevtushenko Papers* (M1088). Department of Special Collections, Stanford Libraries, Stanford, California. Box 9, Folder 10

Yevtushenko 1963b: Yevtushenko, Yevgeny. 10 August 1963. ‘A Post Book Condensation: A Precocious Autobiography’, *Saturday Evening Post*, 45–69

'Yevtushenko: Prostitute Poet' 1968: 'Yevtushenko: Prostitute Poet', 28 December 1968. *Human Events* [Reprint from the *Arizona Republic*], 11

'Za vysokuiu ideinost' i khudozhestvennoe masterstvo sovetskoi literatury: plenum pravleniia Soiuza pisatelei SSSR' 1963: 'Za vysokuiu ideinost' i khudozhestvennoe masterstvo sovetskoi literatury: plenum pravleniia Soiuza pisatelei SSSR'. 30 March 1963. *Literaturnaia gazeta*, 1-2

Zasurskii 1966: Zasurskii, Ia. N., 1996. *Amerikanskaia literatura XX veka: nekotorye aspekty literaturnogo protsessa* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta)

Zhukov 1963: Zhukov, Iurii. 30 March 1963. 'Otvetstvennost'!', *Literaturnaia gazeta*, 3

Ziolkowski 1987: Ziolkowski, Margaret. 1987. 'Diaries of Disaffection: Some Recent Russian Memoirs', *World Literature Today* 61(2): 199-202

Илья Виноцкий

Эзопов миг. М. Л. Гаспаров и культурная биография советской интеллигенции (Филологическая басня)

The Aesopian Moment. M.L. Gasparov and the Cultural Biography of the Soviet Intelligentsia. A Philological Fable.

In one of his letters, written in 1992, Mikhail Gasparov mentions an article about the pitiful state of the Russian intelligentsia that he received from an American scholar. To Gasparov's (rather ironic) surprise, the author of this piece stated that the term 'period of stagnation' had been introduced by Gasparov himself in his essay on Horace, which allegorically portrayed the Roman Age of Augustus. In the present essay, I trace the origins of this intriguing legend (an essay and a sociological theory by the eminent Israeli-American Soviet-Jewish scholar of nationalism Liah Greenfeld) and expand on the role of Roman allusions in the political imagination of the Soviet 'thinking class' from the mid-1960s to the late 1980s.

Did Gasparov coin the term? Were his famous philological essays on Roman culture allegorical by design? How did they correlate with his views of Soviet society and its intellectual dissenters? I argue that in his series of articles and chapters about the age of Augustus, Gasparov considered historical 'Aesopian language' as a symptom of the deep moral and intellectual crisis of Roman intellectual society, which, like its Soviet counterpart in the twentieth century, 'thought little about new needs and conditions' and was used to promote political jokes, gossip, hints, and squabbles.

Прежний интеллигент-разночинец гордился тем, что вышел из мещанства или мелкого духовенства; интеллигент советского времени, наоборот, гордится, если он «потомственный интеллигент», как будто интеллигенция – это каста.

М. Л. Гаспаров. *Интеллигенция и интеллигентность: от этимологии к морали*

Когда смотрюсь я в зеркала,
То вижу, кажется, орла.
А. С. Пушкин. *Из вариантов*

Глаз историка

Много лет тому назад, в самом конце советского периода, я учился в педагогическом университете на филологическом факультете. На первом курсе “древнерусскую” историю у нас вел крупный специалист по эпохе Ивана Грозного, который имел репутацию смелого либерала, подмигивавшего (как меня предупредили старшие ребята) каждый раз публике, когда хотел намекнуть на современность. Так, когда он говорил, закрыв на мгновение правый глаз: “В 1453 году Константинополь пал”, – мы радостно переглядывались, угадывая актуальную политическую аллюзию. Сложнее было, когда профессор подмигивал, говоря что-нибудь вроде “дочь Ярослава Мудрого вышла замуж за французского короля в 1051 году”. Правда, и тут мы как-то находили подходящие к современной ситуации смыслы. Но однажды он подмигнул в середине совершенно нейтральной фразы на наречии “забавно”, и, чтобы понять скрытую аллюзию, я пошел на ту же самую лекцию профессора, только на другом потоке. И он подмигнул. Но не там. Он действительно был замечательным историком и либе-

ралом, но у него был небольшой нервный тик – “одушевляющий недостаток”, вводивший в заблуждение его готовых обманываться позднесоветских слушателей.

Похожие комические и серьезные истории о фантомной аллюзионности может вспомнить, как мне кажется, любой выходец из позднесоветской эпохи. В общем и целом они представляют собой иллюстрации особого типа мышления и самовыражения российской интеллигенции, стремившейся, как мы постараемся показать дальше, вписать свою (вынужденную) страсть к политическим намекам и фигам в кармане в “высокую” культурную традицию.

Предлагаемая статья представляет собой попытку реконструкции культурной биографии советской интеллигенции через призму “эзопова языка”, игравшего ключевую роль в самосознании представителей “мыслящего сословия” так называемой эпохи застоя. В центре моего внимания будут научные и публицистические статьи, письма и автобиографические заметки одного из крупнейших филологов-классиков XX века, в которых важную роль играл “вопрос об интеллигенции” как

культурной элите “закатного” периода империи.

Не случайно...

17 декабря 1992 года известный русский филолог и переводчик классической поэзии М. Л. Гаспаров пишет из Лос-Анджелеса письмо своей племяннице, философу и переводчику Наталии Автономовой: “Мне прислали оттиск американской статьи о положении в России – там было сказано, что термин ‘the period of stagnation’ пустил в ход филолог Гаспаров в статье о Горации. Не помню там этого, но допускаю, потому что больно уж прост термин” (Гаспаров 2008: 312–313).

В примечании к этому письму указано, что имеется в виду статья Лии Гринфельд (Liah Greenfeld) *Russian Nationalism as a Medium of Revolution*, опубликованная во втором номере 18-го тома журнала *Qualitative Sociology* 1995 года на стр. 189–209 (Гаспаров 2008: 314). Автор этой умной и до сих пор актуальной статьи, говоря о том, что советская интеллигенция склонна была воспринимать любой литературный жанр как политический комментарий к современности, приводила в при-

мер гаспаровское описание Рима эпохи Горация как своего рода социально-политический анализ эпохи застоя в СССР:

Political commentary was as much as expected from literary critics or scholars, who served as mediators between creative writers and their audience and were considered the leaders of the intelligentsia. It is not coincidental that “the period of stagnation” was announced in an essay of a classical philologist, Mikhail Gasparov, which dealt with Horace’s poetry. The author was quite unaware of the impact the essay made and, when told of it, was surprised. One cannot help wondering, however, would his edition of Horace, published, as was the rule in Russia, in hundreds of thousands of copies, sell out within months of publication, if it were not for this misinterpretation? (Greenfeld 1995: 198–199)¹

¹ В оттиске статьи о национализме, датированном 1994 годом последнее слово дается в написании “(mis)interpretation”.

Сразу возникает вопрос: каким образом Гаспаров мог прочесть зимой 1992 года отпечаток статьи, опубликованной только в 1995 году? И кто и зачем прислал классическому филологу и специалисту по русской поэзии американскую статью о положении в России? Использовал ли Гаспаров в статье о Горации (и какой именно?) термин “застой” и пустил ли он его в культурный оборот, объявив в такой завуалированной форме, как пишет Гринфельд, о начале нового периода в русской истории второй половины XX века? Наконец, как соотносятся (если соотносятся) работы ученого о древнеримской поэзии с его размышлениями о современном обществе?

Советская филологомания

Ответ на первый вопрос заключается в том, что Гаспаров, очевидно, прочитал не отпечаток статьи для *Qualitative Sociology*, а другую работу того же автора – статью *Kitchen Debate: Russia’s anti-democratic intellectuals*, вышедшую в умеренно консервативном журнале *The New Republic* от 22 сентября 1992 года (Greenfeld 1992) (сокращенный журнальный вариант статьи Грин-

фельд *The End of the Russian Revolution*, представленной для *National Council for Soviet and East European Research* в октябре 1992 года и отпечатанный в том же месяце²).

Автор этой статьи – известный американский социолог российского происхождения Лия Владимировна Гринфельд (родилась в 1954 году во Владивостоке, эмигрировала в 1972 году в Израиль, с 1982 работала в США, в 1992 году была профессором кафедры социологии Гарвардского университета, в том же году опубликовала свою первую книгу о европейском и американском национализме *Nationalism: Five Roads to Modernity* [Harvard University Press, 1992]³). Профессор Гринфельд была лично знакома с Гаспаровым, беседовала с ним во время своей поездки в Москву, и именно она и прислала ему отпечаток статьи, в которой упомянуто его имя⁴.

² См. Greenfeld 1992a.

³ Книга переведена на многие языки, в том числе и на русский (2008).

⁴ Электронное письмо Л. Гринфельд ко мне от 15 октября 2023 года. Там же профессор Гринфельд вспоминает, что историю о том, что термин “период застоя” ввел в оборот Гаспаров в статье о Горации, она слышала от сотрудницы Института этнографии АН СССР Наталии Дараган.

Как видно уже из названия, статья Гринфельд в *New Republic* представляет собой резкую критику советской интеллигенции, замкнувшейся в поздний советский период в элитарных “кухонных кружках”, участники которых вели бесконечные дискуссии о значении творчества, искусства и политики (Greenfeld 1992: 23). Эти замкнутые кружки представляли собой, в интерпретации исследовательницы, самодостаточный элитарный мир, в котором отчужденная от государства гуманитарная интеллигенция вела в целом сносное и даже приятное существование. Во время и после перестройки они распались, и интеллигенция оказалась выброшенной из той социальной утопии, в которой она отводила для себя столь важное место. Парадокс русского интеллектуального сообщества заключается, по мнению Гринфельд, в том, что в ходе демократических преобразований оно двигалось не вперед, а вспять, к российскому имперскому сознанию в двух его антитетичных, но тесно связанных (и равно снобистских) формах – славянофильства и западничества⁵. В итоге рус-

⁵ См. также связанную по теме статью Гринфельд *The Scythian Rome: Russia*,

ская интеллигенция не сумела ни выработать новых идей, ни создать для себя новую идентичность, необходимую, по мысли автора, для демократического общества. Она быстро разочаровалась в капитализме и реформах, лишивших ее более или менее благополучного экономического положения и привилегированного положения, и вернулась к дореволюционному национализму, ставящему крест на демократическом будущем страны. Свои выводы исследовательница сделала на основе разговоров с московскими и петербургскими респондентами в июне и июле 1992 года (Greenfeld 1992a: 5).

В контексте этих рассуждений Гринфельд неожиданно обращается к центральной роли в истории российской интеллигенции позднесоветского времени одной давней статьи филолога-классика Гаспарова:

In Russia the intelligentsia always saw itself as an aristocracy. It enjoyed prestige incomparable to that of other groups – a prestige related to its contribution to Russia’s international standing. For Rus-

ставшую впоследствии главой ее книги (Greenfeld 1993).

sia's greatness was understood, first and foremost, as the greatness of Russian culture, a reflection of the nation's moral superiority, in comparison to which political and economic failings appeared trivial. Literature, in particular, was invested with authority, and for that reason often doubled as social criticism. (*It's no surprise that the "period of stagnation" was announced in an essay by a classical philologist, Mikhail Gasparov, called "On Horace's Poetry."*) Yet Brezhnev's administration chose writers as its chief public enemy. Many remember the trial of Siniavski and Daniel in 1966 as the first – and highly symbolic – action of the new government. Famous writers (such as Solzhenitsyn) were driven into exile, from which they inveighed against communism. The great majority – many of them graduates of the prestigious Literary Institute and fully committed to the calling of Russia's spokesmen – were doomed to obscurity at home, condemned to a frustrating existence on the outskirts of literature

as copy editors and publishing assistants or as teachers of literature. (Greenfeld 1992: 22)⁶

Обращение к Гаспарову здесь связано с общим представлением исследовательницы об интеллектуальной “кухне” позднесоветской гуманитарной интеллигенции, для которой художественная литература, как и в XIX и первой половине XX века, все еще находится в центре общественного внимания, но главными по-

⁶ Ср. полный вариант этого фрагмента в статье, напечатанной в *National Council for Soviet and East European Research*: “The trial of Siniavskii and Daniel in 1966 and the invasion into Czechoslovakia in 1968 might have been a sign for some that the hopes were not to be fulfilled and signaled the beginning of alienation, but for most this was not clearly perceptible until the middle of the new decade. What is now called “the period of stagnation” was announced in an essay of a classical philologist, Gasparov, “On Horace's Poetry” (a sign of the centrality of literature in Russian society, which makes its philologists its best and most interesting sociologists and political scientists). Gasparov's essay discussed the death of the Republic, and invited one to draw parallels between the ancient tragedy and one's own life. The basis of the Augustan stagnation in the Soviet society was economic, rather than political. The liberal policies which led to the spurt of the Khrushchev and early Brezhnev years had negative implications”. Цит. по: Greenfeld 1992a: 7.

средниками между авторами и читателями теперь оказываются не литературные (журнальные) критики, а академические эксперты-филологи. При этом некоторые наиболее авторитетные ученые предстают в роли своеобразных интерпретаторов-проповедников, эффективнее других формулирующих под флером научного исследования идеологическую и моральную повестку интеллигенции. Гаспаров занимает особое место среди таких профессиональных ученых-медиумов, а среди его работ по древнеримской культуре выделяется вступительная статья о поэзии Горация, представляющая “пророческий” социально-политический анализ Рима эпохи Августа, вышедшая в томе переводов поэта, раскупленного в “сотнях тысяч экземпляров”. (Сложно согласиться с исследовательницей в том, что популярность этой статьи и других работ Гаспарова связывалась с их политической аллюзионностью – скорее, они открывали для советских читателей, тосковавших по мировой культуре, совершенно новый классический мир, населенный знаменитыми, малоизвестными и совершенно неизвестными авторами и историческими лицами; по край-

ней мере, именно таким откровением была для меня эта книга, купленная в 80-е годы у одного покидавшего страну советского интеллигента).
Иначе говоря, пример филолога-классика Гаспарова подчеркивает в концепции Гринфельд принципиальную филологоцентричность позднесоветской интеллигентской культуры, видевшей свои отражения в научных описаниях минувших эпох – и, между прочим, истории Древнего Рима. В этом контексте Гаспаров легко оказывается объектом поклонения, а его статья о Горации – внимательного и едва ли не сакрального по своему характеру вчитывания и впитывания. Известно, что схожие – хотя и со своей ролевой спецификой – “сакральные репутации” в этот период приобрели некоторые другие филологи (в широком смысле этого слова) – от Алексея Лосева, Михаила Бахтина и Дмитрия Лихачева до Юрия Лотмана и Сергея Аверинцева⁷. Добавлю, что апогеем и

⁷ Вопрос о “сакрализации научных авторитетов в позднесоветской культуре” (С. Зенкин) рассматривается в статье Алексея Береловича *О культе личности и его последствиях. (Заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе)*. По мнению исследователя, “самая главная

своего рода смотрам этой филологоцентричной традиции стали перестроечные лекционные курсы властителей наших дум в МГУ (в каком-то смысле, аналог стадионной поэзии периода оттепели).

Золотой век

Концепция Гринфельд интересна и в целом, как мы полагаем, верна, но проблема заключается в том, что в известной статье Гаспарова *Поэзия Горация*, написанной в качестве предисловия к переводам од, эподов, сатир и посланий римского поэта, вышедших в серии “Литературные памятники” в 1970 году, слово “застой” вообще не упоминается (Гаспаров 1970: 5–38). Более того, Рим описывается ученым в этой статье как цивилиза-

функция (и миссия, если угодно) этих культовых личностей” “заключалась в том, что они были своего рода сгустком традиции, в них концентрировалась сама возможность передать наследие. Мыслитель (или, если конкретизировать, филолог-герменевт) воспринимался прежде всего как хранитель традиции и тот, кто традицию передает, а вовсе не как изобретатель новых форм, новых идей, парадигм, чего хотите нового” (в отличие от “параллельного” процесса деификации интеллектуалов-революционеров на Западе в 1950–60-е годы) (Берелович 2005: 39–44).

ция, достигшая своего расцвета, спокойная и удобная для жизни и далекая от упадка.

Начинает Гаспаров с противопоставления Римской империи городским республикам “величиной с какой-нибудь район Московской области” (эту деталь читатели действительно могли интерпретировать как подмигивающий жест) и пишет, что “в новых великих державах человеку жилось богаче, сытней и уютней” (Гаспаров 1970: 30). Кровавые гражданские войны Рима остались позади. В огромной стране установился мир и порядок. Возросла социальная мобильность населения, и провинциалы допущены к управлению державой. В то же время достигнутое жителем империи материальное благополучие оказывается купленным “ценой душевных тревог, неведомых жителю полиса” (Гаспаров 1970: 30). Житель империи сам не заметил, как из гражданина превратился в подданного. Его политическая жизнь теперь определяется “не его волей, а неведомыми замыслами монарха и его советников”, а хозяйственное благосостояние регулируется “таинственными колебаниями мировой экономики” (Гаспаров 1970: 31) (еще одно подмигивание, на этот раз из обла-

сти современной экономической теории⁸).

В результате человек империи, по Гаспарову, почувствовал себя “одиноким и потерянным” в “бесконечно раскинувшемся мире, где больше ни на что нельзя было положиться”, и затосковал “по былым временам полисного быта, когда жизнь была беднее и скуднее, но зато понятнее и проще” (Гаспаров 1970: 31). Гораций, в интерпретации Гаспарова, оказывается выразителем этого нового сознания человека времен расцвета огромной державы, воспринятого поэтом как “возрождение римского величия”, “восстановление древней здоровой простоты и нравственности в самом римском обществе, а затем – восстановление могущества римского оружия, по-

⁸ Выражение “колебания мировой экономики” использовал еще Лев Троцкий в 1924 году (“конъюнктурные колебания мировой экономики неизбежны”) (Троцкий 1924: 531). В 1960-е годы оно активно использовалось советскими экономистами и публицистами по отношению к международному положению СССР и стран социалистического сотрудничества: “Эта работа [...] позволила братским странам составить программу развития своей экономики на сравнительно продолжительное время, оградить последнюю от возможных экономических на сравнительно продолжительное время” (ПХ 1967: 24).

сле стольких междуусобиц вновь двинутого для распространения римской славы до краев света”. Огромный мир уже “не пугает поэта, если до самых пределов он покорен римскому порядку” (Гаспаров 1970: 35).

Гаспаров подчеркивает, что мироощущение Горация было родственно официальной идеологической пропаганде августовской эпохи. Но это не значит, что он льстил властелину, ведь, как и для других поэтов-современников, выросших в эпоху гражданских войн, идеи нарождающейся империи были не навязаны ему, а выстраданы им. Как и другие поэты, он воспевал “монархические идеалы с республиканской искренностью и страстностью” (Гаспаров 1970: 36), хотя постепенно втягивался в орбиту двора и шаг за шагом терял творческую свободу и прибавлял не только в политическом, но и в физическом весе⁹.

⁹ “Слава Горация гремела. Когда он приезжал из своего сабинского поместья в шумный, немилый Рим, на улицах показывали пальцами на этого невысокого, толстенького, седого, подслеповатого и вспыльчивого человека. Но Гораций все более чувствовал себя одиноким” (Гаспаров 1970: 37).

Еще раз подчеркнем, что у остранинно ироничного Гаспарова в этой исторической картине нет и намека на трагичность перехода от хаотичной и опасной демократической республики к спокойной и циничной империи. Его римский интеллигент вполне доволен произошедшими переменами. Он думает, ест, пьет, пишет, шутит и путешествует, хотя порою и грустит и тоскует в рамках дозволенного. Такое описание сытой, спокойной и творчески продуктивной культуры, на некоторое время соединившей интересы общества и власти, гораздо больше напоминает “золотой век” Александра I и Пушкина или “советский ренессанс” середины 1920-х годов, нежели период застоя в перестроечном понимании этого слова.

Более того, *при желании* описание “века Августа” могло прочитываться некоторыми советскими читателями как завуалированное объяснение (или даже апология) советского общества 1960-х годов. Сравните с гаспаровской картиной характеристику “общей атмосферы” расцвета советского социализма в статье социолога Олега Яницкого:

После четырех лет страшной войны и еще десяти, потребовавшихся на залечивание ее ран, страна наконец начала строиться, ее граждане – обустроиваться. Заводы работали, массовое жилищное строительство шло полным ходом, квалифицированных рабочих рук не хватало, о безработице и не слышали, молодежь училась, престиж образования и науки был чрезвычайно высок, на пенсию можно было жить и лечиться. Возможно, что каждый при этом «просвечивался» органами, но люди продолжали работать и учиться, отдыхать, воспитывать детей, строить планы на будущее. Критическая масса образованных и любящих свое дело людей нарастала. Это были годы зрелости тех, кто выжил на войне, – их настрой на созидательный мирный труд был очень высок. (Яницкий 2007: 36)¹⁰

¹⁰ О “золотом веке” 1970-х годов и “динамическом застое” см. статьи в специальном выпуске журнала *Неприкосновенный запас* (2, 2007), в особенности: Кустарев 2007, Шубин 2007.

В то же время *при желании и задним числом* Рим эпохи Августа в блестящем описании Гаспарова действительно мог восприниматься оппозиционной гуманитарной интеллигенцией как пародия на “период развитого социализма”, провозглашенного Л. И. Брежневым в 1967 году. Иначе говоря, разные группы позднесоветской интеллигенции, настроенной на аллюзионную волну, могли видеть здесь культурный анализ, апологию или сатиру. Текст Гаспарова в принципе не исключает ни одну из этих интерпретаций. Критически-аллюзионное отношение филолога к этому периоду проявится позже, в статье об Овидии в изгнании 1978 года (Гаспаров 1978), в доцензурной версии которой политический “режим Августа” объявлен, со ссылкой на учителя Гаспарова С. Л. Утченко, *первым в истории* режимом, основанным на государственном лицемерии (Утченко 1965: 267)¹¹.

¹¹ В более позднем постскрипуме к *Овидию в изгнании* Гаспаров сообщает, что процитированные им в статье 1978 года слова Утченко о том, что империя Августа – “первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии”, были вычеркнуты цензором, “хотя в 1960-е

Но еще раз повторим, что в самой *Поэзии Горация*, которую Гринфельд считала завуалированным социальным и политологическим анализом советского общества периода стагнации, самого слова “застой” нет.

Жанр застоя

Это слово как характеристику надвигающегося кризиса империи Гаспаров впервые использовал в статье, посвященной другому, гораздо более раннему, античному автору и восприятию связанного с его именем жанра в поздний период истории Древнего Рима. Речь идет о статье, опубликованной в литпамятниковском издании *Басен Эзопа* 1968 года (перевод, статья и комментарии М. Л. Гаспарова), на обложке которого был помещен замечательный “портрет” Эзопа, разговаривающего с лисицей, нарисованный на греческом сосуде для питья, изготовленном в V в. до н. э. в Афинах (не могу отделаться от

годы они дважды были напечатаны в книгах самого Утченко”: “Как вы думаете, какое слово их смутило?” – спросил меня коллега по *Вестнику*. Лицемерие” – предположил я. “Нет: ‘первый в истории’” (Гаспаров 2006: 77).

антиисторического ощущения, что этот образ чем-то напоминает типичного российского интеллигента со смеющимся взглядом и фараоновской бородкой – почему-то думаю о довлатовском шарже на писателя и интерпретатора “эзопова языка” в культуре 1960-х годов Александра Гениса¹², – но это явно в сторону).

¹² “В 60-е поэтика эзопова языка создала свой метамир. Намеки теряют связь с тем, на что намекают. Эзопов язык постепенно отчуждается от породившей его эмпирической реальности. Если заменить эзоповы термины теми понятиями, которые они подразумевают, то обнаружится, что [...]” (Вайль *et al.* 1997: 166).

Источник: <https://novayagazeta.ru/amp/articles/2016/09/02/69739-bez-dovlatova>

В этой работе, продолжившей более ранние исследования Гаспарова об античной басне, легендарный образ Эзопа, связанный “в памяти масс” с “первыми схватками демоса в борьбе народа против знати”, противопоставляется его басням, потерявшим свой “боевой пафос” (Гаспаров 1966: 252). С развитием греческой цивилизации последний потускнел, “иносказательность полемической аргументации стала ненужной”, и, хотя басню по-прежнему любят, “она воспринимается уже как средство развлечения толпы, не достойное серьезного оратора”

(Гаспаров 1966: 253). Гаспаров приводит характерный анекдот (№ 63 в эзоповском сборнике) о самом остроумном из ораторов IV в. Демаде. Однажды он произнес речь в народном собрании, но его не слушали:

Тогда он стал рассказывать: “Деметра, ласточка и угорь путешествовали вместе; подошли они к реке, и ласточка взлетела в воздух, а угорь нырнул в воду”. Здесь он остановился; его стали спрашивать: “А Деметра?” – “А Деметра на вас сердится, – ответил Демад, – за то, что вы о государственных делах не думаете, а забавляетесь эзоповыми баснями”. (Гаспаров 1966: 253)

На рубеже классической и эллинистической эпох жанр спускается из “высокой” литературы для взрослых граждан “в литературу учебную”, откуда и переходит в римскую культуру, сохранив свою “мелкособственническую идеологию”, сводимую Гаспаровым к четырем принципам: “практицизм, индивидуализм, скептицизм, пессимизм” (Гаспаров 1966: 260). Составление дошедшего до нас основного

эзоповского сборника, продолжает Гаспаров, неслучайно относится к I–II вв. н. э.: “Именно в это время басня, казалось бы, совсем заглохшая в тиши риторических школ, вдруг оживает и в последний раз совершает торжественное шествие по античной литературе” (Гаспаров 1966: 265). Именно здесь Гаспаров и использует термин “(культурный) застой” в значении социально-исторического контекста демократического жанра, выродившегося в лишенный гражданской силы и энергии эзопов язык образованной элиты:

Античный мир вступал в последнюю фазу своего духовного развития. Это было время подведения итогов и начинающегося культурного застоя. В Риме утвердилась императорская власть. *Политическое красноречие умолкло и сменилось красноречием парадным, торжественным – цветистым, пышным, стремящимся не убедить, а поразить и развлечь слушателя. Философские искания утихли, и на смену им пришла популяризация достигнутого – короткие доходчивые*

проповеди и трактаты, приспособленные к идеям и вкусам широкой публики, образованной и необразованной. (Гаспаров 1966: 265)

Иначе говоря, эзопов язык, по Гаспарову, является голосом начинающейся эпохи застоя, предшествующего, в свою очередь, упадку великой культуры.

Тема политической и культурной деградации Рима занимает важное место в работах филолога в 1970–1980-е годы. Так, в статье *Греческая и римская литература II–III веков н.э.*, написанной для первого тома *Истории всемирной литературы* (М.: Наука, 1983), Гаспаров пишет о “быстро начинавшемся упадке” римской цивилизации: “Внешнее благоденствие империи в середине II века было бесспорным. Царил ‘римский мир’: завоевательные войны приостановились, оборонительные еще начались [...] Однако уже во II веке н.э. отчетливо начинают проступать признаки внутреннего упадка античного общества”. Этот упадок нашел выражение “в пессимизме, эсхатологии и мистике”, отличавших поздних римских авторов (в основе басенного сознания, по Гаспаро-

ву, лежит представление о том, что “в мире царит зло”). Очевидно, что исследователь вписывал стадию застоя, отличавшуюся особым типом литературного сознания и изблюбленными жанрами, в общую социально-историческую динамику развития культуры: “периоды расцвета полисного строя (при Эсхиле и Софокле) и больших государств (при Каллимахе и Вергилии) рождали литературу совсем иную, чем периоды кризиса и упадка” (Гаспаров 1983: 303–312). Выражал ли “римский цикл” (точнее, античный цикл) статей Гаспарова рубежа 1960–1970-х годов, рассчитанных на интеллигентную читательскую публику, его размышления о современном советском обществе? Мы полагаем, что выражал, хотя не так прямолинейно и явно не в том значении, которое в нем находили советские интеллигенты, среди которых, по воспоминаниям современника, были умельцы, которые “читали передовую в *Правде* так, что она приобретала похабный смысл”¹³. Свое отношение к исторической аллюзионности Гаспаров выразил в одной из

¹³ Комментарий А. Гениса, напомнившего нам в частном письме о том, что Гегель называл басню “рабским жанром”.

статей об античной басне: “недопустимо выискивать ‘скрытый смысл’” в текстах, не содержащих “никаких прямых или косвенных намеков на наличие такового”, ибо древний баснописец мог быть так же далек от мысли об этих применениях, как и от мысли о Франко-Прусской войне (Гаспаров 1971: 171).

Между тем само обращение исследователя к вопросу об осторожном эзоповом языке профессиональных риториков и обывательской дидактической морали в контексте событий 1966–1968 годов является, на наш взгляд, символичным. К этому вопросу мы вернемся в последнем разделе нашей статьи. Сейчас же заметим, что критика (на наш взгляд, чересчур жесткая и недифференцированная) Гринфельд “кухонной” солипсистской российской элиты 60–80-х годов во многом оказывается созвучной размышлениям Гаспарова об интеллигенции как “отводке европейской культуры”, “пересаженном на русскую казарменную почву” и выполняющем “роль хранителя и распорядителя” западных ценностей “при покровитель-

ственной власти” (Гаспаров 1999: 25)¹⁴.

*Эзопов комплекс*¹⁵

В 1970–1980-е годы псевдо-типологическая параллель “Рим упадка – СССР” (наследница прежних аналогий Москвы с Римом) бродила в самых разных умах и поэтических фантазиях и, соответ-

¹⁴ “Может быть, общественную роль интеллигенции, – пишет Гаспаров, – стоило бы определить не словом ‘опозиционность’, а более широким: ‘авангард, разведка, эксперимент’? Будучи шире образованной, более динамичной, менее закостенелой в традиционном мышлении, она выступает на первый план в те моменты, когда общество оказывается в непривычной критической ситуации, и реакции накопленного массового опыта не срабатывают” (Гаспаров 1999: 27). Как справедливо пишет К. А. Осповат, “вопреки устойчивой репутации Гаспарова как образцового носителя эскапистски-антикварного научного этоса, его высказывания о политике филологии с перестроечных времен и до его смерти в 2005 году, объединенные в сборнике 2012 года, настаивают на актуальных функциях гуманитарного знания” (Осповат в печати).

¹⁵ Выражение “эзопов комплекс” вошло в оборот в начале 1990-х годов (Н.А. Шайкенов, Борис Петров, Андрей Поляков). В интересующем нас смысле термин используется Ириной Каспэ в статье *Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких?* (Каспэ 2007: 202–231).

ственно, могла облегчить вчитывание публикой актуально-политического смысла в филологические статьи Гаспарова из популярных у советской интеллигенции *Литературных памятников*. (Отметим, что сам Гаспаров еще в 1962 году сочинил аллюзионное сатирическое стихотворение “Калигула”, которое предал огласке лишь в 1990 году¹⁶). Иосиф Бродский, как известно, признавался, что том Горация (тот самый, что начинался статьей Гаспарова) был его настольной книгой (эссе *Письмо Горацию*). Римская тема в его произведениях вышивалась по канве гаспаровских переводов и интерпретаций имперской культуры как “конца прекрасной эпохи” (*Письма к римскому другу*, пьеса *Мрамор*, *Римские элегии* и др.)¹⁷. По признанию Алек-

¹⁶ Первая строфа: “Пришел веселый месяц май, / Над нами правит цезарь Гай, / А мы, любуясь Гаем, / Тиберия ругаем” (Гаспаров 1990). Благодарю Илью Кукулина за указание на этот текст.

¹⁷ О притягательности имперской истории для Бродского пишет Санна Турома в главе *Путеводитель по имперским мифологиям*. Ленинград: “В стихах, написанных до отъезда из Советского Союза, он часто обращается к историческим реалиям имперского Рима, создавая сатирические описания советской жизни, как,

сандра Гениса, благодаря статье Гаспарова Гораций стал его любимым римским поэтом. “Римская аналогия” в качестве средства “оппозиционного просвещения” (термин Якова Гордина) проникла, как показала Марина Балина, и в советскую детскую литературу (Balina 2007: 323–353).

О том, как приятно было русскому интеллигенту-гуманитарию (вослед за романтиками начала 1830-х годов, либертенем Федором Карамазовым¹⁸ и декадентами конца XIX века) осознавать себя “вписанным” в римскую историю периода ее заката, едва ли не красноречивее всего свидетельствует известная “песенка” Булата Окуджавы 1982 года, пародирующая гипертрофированное аллюзионное восприятие чуткими читателями того времени “древне-римской темы”:

Римская империя времени
упадка

например, в ‘Post Aetatem Nostram’ (1970)” (Турома 2021: 95).

¹⁸ Федор Карамазов, как известно, гордился своим аристократическим носом: “Настоящий римский, – говорил он, – вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка” (Достоевский 1976: 22).

сохраняла видимость
твёрдого порядка:
главный был на месте,
соратники рядом,
жизнь была прекрасна,
судя по докладам.

А критики скажут, что
слово “соратник” – не
римская деталь,
что эта ошибка всю пе-
сенку смысла лишает...

Может быть, может
быть, может, и не рим-
ская – не жаль.

Мне это совсем не меша-
ет, а даже меня возвыша-
ет.

Римляне империи вре-
мени упадка
ели, что достанут, напи-
вались гадко,
а с похмелья каждый на
рассол был падок, –
видимо, не знали, что у
них упадок.

А критики скажут, что
слово “рассол”, мол, не
римская деталь,
что эта ошибка всю пе-
сенку смысла лишает...

Может быть, может
быть, может и не рим-
ская – не жаль.

Мне это совсем не меша-
ет, а даже меня возвыша-
ет.

Юношам империи вре-
мени упадка

снились постоянно то
скатка, то схватка,
то они в атаке, то они в
окопе,
то в Афганистане, а то и
в Европе.

А критики скажут, что
“скатка”, представьте, не
римская деталь,
что эта ошибка всю пе-
сенку смысла лишает...

Может быть, может
быть, может, и не рим-
ская – не жаль.

Мне это совсем не меша-
ет, а даже меня возвыша-
ет.

Римлянкам империи
времени упадка,
только им, красавицам,
доставалось сладко –
все пути открыты перед
ихним взором:
хочешь – на работу, а хо-
чешь – на форум.

А критики хором: “Ах,
форум! Ах, форум! – вот
римская деталь!

Одно лишь словечко – а
песенку как украшает!..”

Может быть, может
быть, может быть, и
римская – а жаль:

мне это немного мешает
и замысел мой разруша-
ет. (Окуджава 2001: 362–
363)

Исследовательница темы Древнего Рима в позднесоветской культуре, названной одним остроумным филологом “ампиром во время чумы”, посвятила несколько страниц этому стихотворению Окуджавы (Александрова 2020: 43–174)¹⁹. В ее интерпретации, поэт обозначил в песне “тот предел существования традиции, на котором художник перестает полагать язык аллюзий полноценным способом гражданского высказывания”, и сумел “прервать дурную бесконечность исторических повторений” (Александрова 2020: 165). “Римскую империю” она рассматривает как ироническую реплику в поэтическом диалоге Окуджавы с Давидом Самойловым, автором “Рема и Ромула”, – “жестом ‘асимметричным’, но солидарным” (там же). В то же время нарочито прозаический, научно-цитатный характер песенки Окуджавы указывает на ее более прозаические (точнее, научно-публицистические и, как мы увидим далее, политические) источники – устояв-

шиеся к началу 80-х годов идеологические формулы или мемы.

Действительно, уже первая строка песни Окуджавы обыгрывает не только начало известного “декадентского” сонета Поля Верлена “Томление” (в переводе Валерия Брюсова – “Я – римский мир периода упадка”²⁰), но и клише 1970-х годов, используемое оппозиционно настроенной интеллигенцией по отношению к СССР “периода развитого социализма”, а советскими пропагандистами – по отношению к “разлагающимся” Соединенным Штатам Америки. Сравните в книге киноведа Елены Карцевой *Массовая культура в США и проблема личности* (1974):

Римская империя периода упадка пошла еще дальше по этому пути, ее искусство зачастую уже просто показывало “натуру”: эротические сцены или подлинные кровавые сражения гладиаторов со львами. Сразу же возникает историческая параллель, ибо

¹⁹ Римской теме в русской литературе посвящена книга Джудит Калб (Kalb 2008), в которой выражается благодарность М. Л. Гаспарову за ценные замечания и советы. Филологические работы ученого о древнеримской поэзии в этой книге не упоминаются.

²⁰ Владимир Марков включил этот перевод в сборник *Приглушенные голоса: поэзия за железным занавесом*, вышедший в Нью-Йорке в 1952 году (Марков 1952: 404).

современное американское искусство во многом повторяет этот путь: от натурализма “массовой культуры” к реальной сиюминутности “хэппенингов” и непосредственности телевизионных зрелищ. Недаром в трудах, посвященных самым разным сторонам жизни страны, в том числе и культуре, США сейчас все чаще и чаще сравниваются с гибнущей Римской империей. (Карцева 1974: 187)

Еще один пример этого выражения по отношению к загнивающему Западу²¹ находим в шестом номере журнала *Иностранная литература* за 1975 год – в переводе культового романа Ирвина Шоу “Вечер в Византии” (пер. с английского К. Чугунова): “Все бьют посуду, пляшут голышом на столах и устраивают оргии в плавательных бассейнах. *Римская империя периода упадка*”. (Шоу 1975: 181)

Известный советский разведчик и журналист Эрнст Генри

²¹ См. генеалогию этого популярного мема в работе А. А. Долинина (Долиннн: 26–76).

также проводил параллель между Римом периода упадка и США:

весь вопрос в том, в какой стадии своего исторического пути находится эта империя. В стадии расцвета и дальнейшего подъема? В стадии застоя? Или в стадии упадка, как когда-то, с III века, могучая Римская империя? Вот о чем приходится прежде всего спрашивать через 200 лет после образования североамериканской республики. (Генри 1976: 379)

Иначе говоря, Окуджава не только пародирует “римскую” аллегорическую традицию позднесоветской литературы, отталкивавшуюся, в интерпретации Гринфельд, от авторитетных филологических работ Гаспарова о древнеримском обществе, но и комически сталкивает эту традицию с советской пропагандистской риторикой: Рим в упадке – это не своя советская власть и не чужая Америка, а мы, хорошие русские интеллигенты с возвышающими нас в наших же глазах псевдо-историческими самообманами. Как писал Лев Лосев, “внутренним содержа-

нием эзоповского произведения является катарсис, переживаемый читателем как победа над репрессивной властью” (цит. по: Вайль, Генис 1998: 166), – победа, разумеется, воображаемая и мимолетная, как Анна Петровна Керн для Пушкина.

Фига и бревно

Итак, предсказал ли М. Л. Гаспаров в своих работах об античной культуре эпоху застоя в СССР? Чтобы ответить на этот вопрос, нам следует сперва вернуться к образу и теме культурной стагнации в его статье об Эзопе. Разумеется, самого слова “застой” он не выдумал (как не придумал его, вопреки утверждению англоязычной Википедии, и М. С. Горбачев для обозначения экономической и социальной ситуации в СССР с середины брежневского правления до перестройки). Синонимичные периоду (времени) упадка” выражения “эпоха застоя” и “период застоя” хорошо известны с XIX века. Так, в книге Фердинанда Грегоровиуса *Рим при последних императорах* (пер. с нем. В. И. Савина) читаем, что, достигнув в начале IV века “предела, за которым начинаются застой и ста-

рость”, вечный город “благодаря величию своему, пребыл почти целых два столетия в состоянии долгого и едва заметного перехода к упадку” (Грегоровиус 1888: 13).

Применялся этот термин и к российской культурной истории. Врач и общественный деятель второй половины XIX века Н. А. Белоголовый вспоминал о русском обществе 1840–50-х годов:

Тяжелое время застоя, неприязнь правительства к рассадникам высшего образования и насильственное разобщение их с всемирной наукой, – все эти условия какими отличалась описываемая эпоха, не могли благоприятствовать надлежащему у нас росту и процветанию науки и породили и в московском университете много темных и печальных сторон, которые выражались несоответствием большинства профессоров своему высокому назначению, их невежественною отсталостью в преподавании своего предмета и неизбежною вследствие того узкостью их взглядов, придававших живой науке вид

такой мертвой и законченной схоластики, что, казалось, все доступное человеческому уму уже достигнуто и завершено, и что свежим силам дальше идти некуда и работать не над чем. Таким преподаванием подрывалось самое существенное назначение университета. (Белоголовый 1898: 283)

В *Критических этюдах по русской литературе* 1888 года К. К. Арсеньев назвал современный исторический период “эпохой застоя, внешней войны и внутренней смуты” (Арсеньев 1888: 97). Наконец, сам Гаспаров включает в *Записки и выписки* для иллюстрации понятия “застой” цитату из лекций В. О. Ключевского, явно проецируемой на конец прекрасной советской эпохи: “Старые бедствия устранялись, но новые блага чувствовались слабо. Общество было довольно покоем, но порядок ветшал и портился, не подновляемый и не довершаемый. Дела предоставляли идти, как они заведены были, мало думая о новых потребностях и условиях. Часы заводились, но не проверялись”. Угадайте, о каком это веке? (Гаспаров 2000: 242).

Речь у Ключевского идет о царствовании Елизаветы Петровны (1741–1761). Причем далее историк дает выразительную картину елизаветинского общества, созвучную, как мы полагаем, гаспаровской интерпретации римского и советского застоев:

Власть без ясного сознания своих задач и пределов и с поколебленным авторитетом, с оскудевшими материальными и нравственными средствами, общественное мнение, питавшееся анекдотами и пересудами, без чувства личного и национального достоинства, весь порядок, державшийся страхом и произволом и направляемый, по выражению Н. Панина, “более силою персон, нежели властью мест государственных”, при крайне низком уровне гражданского чувства и сознания общего интереса, без любви к отечеству. (Ключевский 1918: 345)

Добавим, что в эстетическом, социологическом, экономическом и политическом смыслах термины эпоха или период застоя широко использовались

учеными, писателями и публицистами и после революции, очень часто как марксистская характеристика “периода умирающего капитализма” (есть эти термины, например, в русском переводе Маркса, в интерпретации марксизма Каутским и в книге *Из психологии общества* Александра Богданова). По отношению к Советскому Союзу, насколько мы знаем, они стали использоваться только с конца 1960-х годов. Одно из первых употреблений слова “застой” в социально-нравственном смысле мы встречаем в программной работе академика А. Д. Сахарова *Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе* (1968), в которой мертвой советской общественной мысли противопоставляется дух свободной дискуссии, отличавший философов Древней Греции:

Ничто так не угрожает свободе личности и смыслу жизни, как война, нищета, террор. Однако существуют и очень серьезные косвенные, лишь немногим более отдаленные опасности. Одна из этих опасностей – *оболванивание челове-*

ка. А. Солженицын, Г. Владимов, Г. Свирский и другие писатели, выступающие на ту же тему, ярко показали, как некомпетентность и цензура убивают в зародыше живую душу советской литературы; но ведь то же самое относится и ко всем проявлениям общественной мысли, *вызывая застой, серость, полное отсутствие каких-то свежих и глубоких мыслей.* Ведь глубокие мысли появляются только в дискуссии, при наличии возражений, только при потенциальной возможности высказать не только верные, но и сомнительные идеи. *Это было ясно еще философам Древней Греции,* и едва ли кто-нибудь сейчас в этом сомневается. Но после 50 лет безраздельного господства над умами целой страны наше руководство, похоже, боится даже намек на такую дискуссию. (Сахаров 1974: 42)

В другой статье Сахаров писал об *“угрожающих признаках разлада и застоя”* в советском обществе (Сахаров 1973: 100). В середине 1970-х годов этот

термин используют также советские пропагандисты в полемике с диссидентами и западными советологами как кальку с английского “stagnation”. Например: “Если верить буржуазной пропаганде, то советская экономика переживает ‘застой’, Советский Союз якобы стал ‘отставать от Запада’”. (АП 1977: 11)

Мы полагаем, что политическая аллюзия в статье Гаспарова о баснях Эзопа проявилась (без ведома ее автора) именно в 1970-е годы, когда аллюзионное письмо, как показал в своей диссертации *Эзопов язык в современной русской литературе* (1984) Лев Лосев, стало *lingua franca* советской интеллигенции, противопоставившей крамольные исторические намеки советским пропагандистским “параллелям”. Можно сказать, что в это время марксистская политико-экономическая концепция истории скрестилась с восходящей к Шарлю Монтескье (*Les considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains*, 1734) и Эдуарду Гиббону (*History of the Decline and Fall of the Roman Empire*, 1776–88) историко-моралистической типо-

логией (Рим эпохи упадка)²². Тогда же, видимо, и сформировалась донесенная Гринфельд легенда о том, что в оборот тему советского застоя пустил далекий от политики филолог-классик.

Замечательно, что в более поздней статье американской исследовательницы русского происхождения говорится о том, что сам Гаспаров не знал, какое влияние он оказал на советскую интеллигенцию своей работой о Горации, и удивился, когда ему об этом сказали (“when told of it, was surprised”). Соблазнительно предположить, что именно Гринфельд и задала этот вопрос Гаспарову, а он, как это ему было свойственно, улыбнувшись, ушел от прямого ответа.

В свою очередь, как мы видели, в стэнфордском письме к Наталии Автономовой Михаил Леонович с некоторым эзоповским лукавством (внешней формы проявления глубокой филологической иронии) признается, что не может вспомнить, он ли пустил в оборот термин застой или не он, но при этом скромно добавляет, что вполне воз-

²² Об истории истолкований термина в русской культуре см.: (Мильчина 2023: 13–35).

можно, что и он, “потому что больно уж прост термин”. Скромность его понятна, ведь для историка античного Рима термины упадка и застоя действительно лежат на поверхности и легко применимы к любому периоду социально-экономико-моральной стагнации.

В то же время смысл пассажа о Риме времен застоя в статьях Гаспарова о баснях Эзопа в культуре поздней империи заключался не в прямолинейном политическом намеке на деградацию советской власти, как думали его интеллигентные (по)читатели, по наблюдению американского социолога, а в историко-филологической и социально-этической интерпретации “эзопова языка” как симптома глубокого кризиса культуры и интеллигентного общества того баснословного времени, на которое он смотрел из сумеречной позднесоветской эпохи, когда “общественное мнение”, “мало думая о новых потребностях и условиях”, питалось, как римляне и римлянки периода упадка и нынешние фейсбучные комментаторы, анекдотами, пересудами и перепбранками:

От той напряженности политической и философской мысли, которая когда-то в IV в. до н. э. вытеснила басню из “высокой литературы”, не осталось ничего. Басня могла вернуться в умы и на уста людей. Ораторы рады были занимательным рассказом расцветить свои разлагольствования. Философы рады были живой сценкой проиллюстрировать свои нравственные поучения. И басня находит гостеприимный прием на страницах и у тех и у других. [...] После “греческого возрождения”, после политического и духовного кризиса III в. н. э. античная культура быстро катится к упадку. (Гаспаров 1968: 265)

Впрочем, в соответствии с социо-культурной концепцией Лии Гринфельд начала 1990-х годов, советский интеллигент эпохи застоя в последней фразе, скорее всего, видел фигу в кармане, а не бревно в собственном глазу.

Библиография

Balina 2007: Balina, Marina. 2007. 'Ancient Rome for Little Comrades: The Legacy of Classical Antiquity in Soviet Children's Literature' in: *The Sites of Rome: Times, Space and Memory* (Oxford: Oxford UP), 323–353

Greenfeld 1992: Greenfeld, Liah. 1992. 'Kitchen Debate: Russia's anti-democratic intellectuals', *The New Republic*, September

Greenfeld 1992a: Greenfeld, Liah. 1992. 'The End of the Russian Revolution', *The National Council for Soviet and East European Research* (Washington D.C.), < <https://www.ucis.pitt.edu/nceer/1992-806-27-Greenfeld.pdf>> [последнее посещение: 1 января 2024 г.]”

Greenfeld 1993. Greenfeld, Liah. 1993. 'The Scythian Rome: Russia' в: *Comparative Societal Analysis Workshop "The Empire Strikes Out: The Breakup of Colonial Empires and State Socialist Polities"* (Ithaca: Cornell University), 189–274

Greenfeld 1995: Greenfeld, Liah, 'Russian Nationalism as a Medium of Revolution: An Exercise in Historical Sociology,' *Qualitative Sociology*, 18 (2), 189–209

Kalb 2008: Kalb, Judith E. *Russia's Rome: Imperial Visions, Messianic Dreams, 1890–1940* (Madison: University of Wisconsin Press)

АП 1977: *Актуальные проблемы современной идеологической борьбы*. 1977 (Москва: Политиздат)

Александрова 2020: Александрова, Мария. 2020. 'Древний Рим в контексте позднесоветской культуры. Три "исторических" стихотворения', *Russian Literature*, 11–12, 143–174

Арсеньев 1888: Арсеньев, Константин. 1888. *Критические этюды по русской литературе*, т. 1 (Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича)

Белоголовый 1898: Белоголовый, Николай. 1898. *Воспоминания и другая статья* (Санкт-Петербург: Типо-лит. К. Ф. Александрова)

Берелович 2005: Берелович, Алексей. 2005. 'О культе личности и его последствиях. (Заметки о позднесоветском интеллектуальном сообществе)', *Новое литературное обозрение*, 6(76), 39–44

Вайль, Генис 1998: Вайль Петр, Генис Александр. 1998. *60-е Мир советского человека* (Москва: Новое литературное обозрение)

Гаспаров 1968: Гаспаров, Михаил. 1968. 'Жизнеописание Эзопа' в: *Басни Эзопа*. Перевод, статья и комментарии М. Гаспарова (Москва: Наука), 7–62

Гаспаров 1970: Гаспаров, Михаил. 1970. 'Поэзия Горация' в: Гораций. *Оды. Эподы. Сатиры. Послания* (Москва: Художественная литература), 5–38

Гаспаров 1971: Гаспаров, Михаил. 1971. *Античная литературная басня: (Федр и Барбий)* (Москва: Наука)

Гаспаров 1978: Гаспаров, Михаил. 1978. 'Гаспаров. Овидий в изгнании' в: *Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта* (Москва: Наука), 189–224

Гаспаров 1983: Гаспаров, Михаил. 1983. 'Греческая и римская литература II–III вв. н. э. Эпоха и культура' в: *История всемирной литературы: в 8 т., I* (Москва: Наука)

Гаспаров 1990: Гаспаров, Михаил. 1990. 'Калигула' в: *Alma Mater*, апрель, 2 (Tartu)

Гаспаров 1999: Гаспаров, Михаил. 1999. 'Русская интеллигенция как отводок европейской культуры' в: *Россия/Russia. Новая серия. Вып. 2: Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. Материалы международной конференции* (Москва, Венеция: О.Г.И.)

Гаспаров 2000: Гаспаров, Михаил. 2000. *Записи и выписки* (Москва: Новое литературное обозрение)

Гаспаров 2006: Гаспаров, Михаил. 2006. *Стих, язык, поэзия: памяти Михаила Леоновича Гаспарова* (Москва: Российский государственный гуманитарный университет)

Гаспаров 2008: Гаспаров, Михаил. 2008. *Ваш М. Г. (Из писем М. Л. Гаспарова)* (Москва: Новое издательство)

Генри 1976: Генри, Эрнст. 1976. *Новые заметки по истории современности* (Москва: Наука)

Грегоровиус 1888: Грегоровиус, Фердинанд. 1888. *История города Рима в Средние века в средние века, I* (Санкт-Петербург: Тип. Департаментов Уделов)

Долинин 2010: Долинин, Александр. 2010. 'Гибель Запада. К истории одного стойкого верования' в: *К истории идей на Западе: "Русская идея"* (Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома, Издательский дом "Петрополис")

Достоевский 1976: Достоевский, Федор. 1976. *Полное собрание сочинений в 30 т., XIV*, (Ленинград: Наука)

Карцева 1974: Карцева, Елена. 1974. *"Массовая культура" в США и проблема личности* (Москва: Наука)

Каспэ 2007: Каспэ, Ирина. 2007. 'Смысл (частной) жизни, или Почему мы читаем Стругацких?', *Новое литературное обозрение*, 6(88), 202–231

Ключевский 1918: Ключевский, Василий. 1918. *Очерки и речи. Второй сборник статей* (Петроград: Литературно-издательский отдел Комиссариата народного просвещения).

Кустарев 2007: Кустарев, Александр. 2007. 'Золотые 1970-е – ностальгия и реабилитация' в: *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 2 (52), 6–12

Марков 1952: [Марков, Владимир.]. 1952. *Приглушенные голоса: поэзия за железным занавесом* (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова)

Мильчина 2023: Мильчина, Вера. 2023. 'Декаданс или упадок? О переводе одного французского слова', *Вопросы литературы*, 2, 13–35

Окуджава 2001: Окуджава, Булат. 2001. *Стихотворения* (Санкт Петербург: Академический проект)

Осповат в печати: Осповат, Кирилл. 2023. *Руины: русская филология ввиду Мариуполя* (в печати)

Сахаров 1973: Сахаров, Андрей. 1973. *Сахаров в борьбе за мир* (Франкфурт-на-Майне: Посев)

Троцкий 1924: Троцкий, Лев. 1924. *Пять лет Коминтерна* (Москва: Государственное издательство)

Турома 2021: Турома, Санна. 2021. *Бродский за границей: Империя, туризм, ностальгия* (Москва: Новое литературное обозрение)

Эрнст 1976: Эрнст, Генри. 1976. *Новые заметки по истории современности* (Москва: Наука)

Утченко 1965: Утченко, Сергей. 1965. *Кризис и падение Римской республики* (Москва: Наука).

Шоу 1975: Шоу, Ирвин. 1975. *Вечер в Византии* (пер. с английского К. Чугунова), *Иностранная литература*, 9, 98–196

Шубин 2007: Шубин, Александр. 2007. 'СССР в апогее: как мы жили', *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 2(52), 13–35

Яницкий 2007: Яницкий, Олег. 2007. 'Длинные 1970-е: гражданское общество тогда и сейчас', *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 2(52), 36–52

Papers

Materials and Discussions

Francesca Lazzarin

“Автор – и оператор, и режиссёр, и актёр”. Беседа с Славой Сергеевым об автобиографической прозе, исторической памяти и жизнеутверждающем смехе

‘The Author is both a Cameraman, a Director and an Actor’. A Conversation with Slava Sergeev about his Autobiographical Prose, Historical Memory and Life-Affirming Laughter

* * *

В конце 2022 года был опубликован первый итальянский перевод прозы Славы Сергеева (Sergeev 2022): сам автор специально подобрал для этого нового издания две повести и один рассказ, которые раньше уже вышли в России, но не под одной обложкой. Общий знаменатель трёх произведений, которые Сергеев решил программно собрать – ординарная жизнь интеллигентного, обеспеченного среднего класса в *похорошевшей* Москве конца нулевых-начала 2010-х, с одной стороны, и вытесненные травмы репрессий советской эпохи, с другой. Кажется, будто эти два явления несовместимы, настолько они далеки друг от друга. Однако, как хорошо показывают персонажи Сергеева, непроработанный травматичный опыт волей-неволей проявляется, повлияв на индивидуальную судьбу людей и на коллективную историю страны¹. А главный герой большинства сергеевских текстов – своего рода двойник самого писателя: перед нами литератор, рассказывающий от первого лица о себе и об окружающих, о столичных жителях, с которыми он сам общается и проводит время (это и люди искусства, и журналисты, и психологи, и юристы, беззаботно наслаждающиеся *сытыми годами* нового века). По идее можно говорить об автофикшне (о “фикции абсолютно реальных фактов и событий”, если процитировать созда-

¹ Тому, как болезненная память о сталинских чистках всплывает в постсоветской России, и в частности в семейном контексте, посвящены и романы Сергея Лебедева, которые тоже были недавно переведены на итальянский (см., например, Лебедев 2011; Лебедев 2016; Lebedev 2018; Lebedev 2022), хотя у Лебедева речь идёт скорее о 90-х годах (и в первую очередь об историческом переломе 1991 года), чем о России XXI века.

теля самого термина – писателя и литературоведа Сержа Дубровского)², что сближает автора, например, с таким классиком, как Сергей Довлатов, и особенно с его страницами о творческих тусовках Ленинграда 1970-х годов³. Кроме того, ещё одна общая черта с Довлатовым – чувство юмора, ирония и самоирония⁴, хотя в последних произведениях Сергеев отказывается от яркой сатиры, являющейся доминантой своего раннего творчества (вспомним, например, его сборники *Места пребывания истинной интеллигенции*, 2006, и *Капо Юрий, море и фея Калипсо*, 2008) и двигается в сторону пронзительной трагикомедии – впрочем, как говорит сам писатель, в нынешней ситуации едва ли можно найти что-либо смешное.

Итак, в рамках своего автофикшна Сергеев размышляет о себе и о мире вокруг себя: как часто бывает в жанре автофикшна, можно заметить смесь художественной прозы и эссеистики, тем более что иногда бывают длинные отступления с соображениями автора-рассказчика. В первом откровенном автофикшне мировой литературы (роман *Нити* уже упомянутого Дубровского, 1977) психоанализ играл ключевую роль в строении и, что важнее, в реконструкции себя через акт письма: неслучайно, в одной из повестей Сергеева мы погружаемся, например, в психологический интенсив, каждый участник которого имеет возможность осознать свои неврозы и ошибки по Фрейдю, которые долго передавались из поколения в поколение – и развиваться дальше.

Всё это происходит в определённом промежутке времени, свидетелем которого является автор, ещё и с учётом специфического биографического опыта: ведь Сергеев родился ещё в СССР в 1965 году, стал взрослым во время перестройки и начал работать в области литературы в постсоветской России, где он занимался и собственным творчеством (он публиковался в таких журналах, как *Знамя*, *Дружба Народов*, *Континент* и др.), и литературной критикой (в частности, он писал рецензии для *Независимой газеты* и известного московского молодежного журнала *ОМ*). Так что он успел непосредственно заметить и осмыслить все перемены последних десяти-

² Подробнее об автофикшне см., например, Gasparini 2008; Marchese 2015.

³ По этому поводу любопытно отметить, что фамилия Сергеев была частью одного из псевдонимов самого Довлатова.

⁴ Об автобиографическом начале в творчестве Довлатова см., например, Remonato 2014 и указанную там библиографию; о довлатовском юморе см. Сальмон 2008.

тилетий. Помимо времени, налицо важнейшее пространственное измерение – город Москва и взаимосвязь автора-рассказчика-персонажа не только с социальной средой, которую он описывает, и частью которой он является, но и с родным городом, выступающим одним из главных героев сергеевской прозы. Писатель очень подробно показывает, как столица России выглядит между двумя её постсоветскими мэрами (а именно Юрием Лужковым и Сергеем Собяниным), как она преобразовалась со временем, как её структура влияет не только на быт, но и, так сказать, на бытие её жителей, отражая так эпизоды из автобиографии автора (в случае которого можно точно говорить о желании писать свою неповторимую *автобиогеографию*), как и социальные различия современности и исторические трансформации прошлого и настоящего. Как уже было сказано, ещё одна ключевая тема в творчестве Сергеева – вопрос о памяти, и этой памятью, хоть и часто вытесненной у людей, проникнуты улицы и дома московского мегаполиса.

То, о чём писал Сергеев по поводу нулевых и 2010-х годов, теперь кажется нам уже безвозвратно прошедшим этапом истории. А нынешний этап истории тоже напоминает довлатовскую судьбу и, следовательно, довлатовское творчество в эмиграции, поскольку, после начала полномасштабной войны в Украине Сергеев переехал в Израиль. Полтора года спустя, из-за новой вспышки арабо-израильского конфликта, он временно уехал сначала в Берлин, а потом в Ригу. Как раз в этой трудной исторической и личной конъюнктуре мы решили обсудить с ним его творчество, недавний опыт эмиграции и идеи для новых произведений.

~

Ф.Л.: В Вашей прозе нельзя не заметить сходство между автором и персонажем-рассказчиком. Ведь в большинстве Ваших рассказов и повестей повествование ведётся от первого лица, а главный герой – московский литератор, иногда его даже зовут Слава. Он же часто описывает людей из своего круга общения, а также события, в основе которых лежит подлинный жизненный опыт. Поскольку это, конечно, по Вашему замыслу не совсем фрагменты автобиографии или мемуаров, по всей видимости перед нами то, что в теории литературы называют автофикшном. Всегда ли было так в Вашем творчестве? Почему Вы выбрали такую перспективу для Вашей

прозы? Можно ли говорить, что я рассказчика – это Ваше собственное я? И если нет, чем они отличаются друг от друга?

С.С.: Кажется, Набоков говорил, что повествование от первого лица для сочиняющего равно распахнутому окну и вдоху полной грудью врывающегося в комнату свежего воздуха. Это неудивительно: если госпожа Бовари – это Флобер, то какое облегчение для автора отбросить третье лицо и приблизиться к персонажу вплотную! Причем именно к персонажу, потому что в контексте литературы я автора – это не автор, это *тоже* персонаж. Я пока почти не пишу воспоминаний, и тем более, литература – не исповедь, хотя почти всегда густо замешана на биографии пишущего. Повествование от первого лица в моей прозе – не более, чем прием. Мне легче и интереснее *так* размышлять о мире, и мое я в данном случае является чем-то вроде кинокамеры, причем автор в этом случае и оператор, и режиссёр, и актёр. В каком-то смысле, я ставлю литературный и философский эксперимент над самим собой, и описываю его – на этом построены многие мои тексты. Впрочем, этот эксперимент ставится над каждым жителем Земли, просто далеко не все описывают его, не все пытаются из объекта хотя бы на час превратиться в субъекта этого великого эксперимента... Кстати, о Флобере. У меня есть несколько повестей, где повествование ведется от лица... женщин. В начале 2000-х в России очень большую роль стали играть женщины, это был такой женский *взрыв*. Я увидел это, и конечно, мне захотелось подумать над этим феноменом и описать его. Причем, описать мир, в том числе российский мужской мир – *их глазами*, и, может быть, немного посмеяться над этим мужским миром и его действующими лицами. Тогда это было ещё смешно... У меня есть социальная повесть, написанная от лица женщины и повесть о личных отношениях, написанная с *той стороны*... Женщине в каком-то смысле было легче приспособиться к произошедшим в 1990-х переменам, и некоторые много добились... Несколько таких фигур появилось и в политике. К сожалению, эта тенденция пока не получила своего развития.

Ф.Л.: Кстати, по поводу юмористической стороны Вашей прозы: Вас часто сравнивали с Сергеем Довлатовым, что касается и личности повествователя с его иронией и самоиронией, и его *интеллигентного* окружения, и способа самовыражения как раз через автофикшн. Он Вас действительно вдохновил? И если да, то как?

С.С.: До конца нулевых годов меня действительно часто сравнивали с ним, и это мне, конечно, было лестно. Но замечу, что не только с ним, а и с другими представителями жанра трагикомедии в русской прозе конца XX века, а именно с Венедиктом Ерофеевым и митьками. Сравнение с митьками кажется мне более точным – их проза оказала на меня большое влияние в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда я довольно мучительно искал стиль и формы, соответствующие радикально менявшейся действительности. Причем интересно: оказала, а потом я как будто бы забыл про нее. Но где-то в подсознании это хранилось. Один из наблюдательных московских критиков это заметил... Я бы говорил именно о влиянии, а не вдохновении... Что несет в себе проза Довлатова и Венедикта Ерофеева? Смех. Освобождающий и, как оказалось позднее, жизнеутверждающий смех, смех в очень тяжелых обстоятельствах брежневского и андроповского застоя. А что такое смех? Не будем вспоминать все классиков филологии, скажем просто – это игра на понижение; страшное, печальное – становится смешным и оттого – менее страшным, менее печальным. В этом секрет невероятной популярности Довлатова и Венечки Ерофеева в Перестройку и 1990-е годы. Если я могу смеяться над героями и их обстоятельствами, причем смеяться не зло, а с любовью, сочувствием, симпатией – значит, все не так уж плохо, значит, есть надежда. Этого очень давно не было в русской литературе, несколько десятилетий – и этот пример, воспринятый через чтение и память, оказался для меня, как для писателя, очень важным... Интересно, что свой стиль повествования я нащупал случайно, в застольном разговоре с друзьями, когда рассказывал им о каких-то своих приключениях того времени. Все смеялись, и я подумал, что можно попробовать так записать мою историю – чтобы было смешно. Поэтому в моих ранних повестях и рассказах много элементов так называемого сказа... Это было примерно в 1995-96 году, кстати, не в Москве, а в Литве. Вероятно, нужно было сделать несколько шагов в сторону, чтобы увидеть себя со стороны.

Ф.Л.: А потом Вам действительно удалось посмотреть на себя со стороны, и не только на себя, но и на Ваш родной город. Ведь в Вашей прозе (и не может быть иначе, с учётом её сюжетов) Москва играет важнейшую роль. Как столица СССР (а впоследствии и РФ) изменилась при Вашей жизни, и как её география переплетается с

событиями, описанными в Вашей прозе? Иными словами, как бы Вы описали характеристику, скажем так, *сергеевского московского текста*?

С.С.: Вы знаете, это сложный вопрос для меня, как ни странно. Как можно отстраненно говорить о чем-то, тебе имманентно присущем? Я москвич с рождения, я очень хорошо знаю этот город и поэтому считываю все её контексты очень быстро... Вы правы, Москва играла очень большую роль в моих текстах, особенно текстах конца нулевых и начала десятых годов. Это не только *декорация*, это некий гений места, сверх-герой, злой и добрый дух... Мои персонажи двигаются в силовом поле Москвы, как, например, когда-то, сто лет назад, герои Андрея Белого двигались в силовом поле Петербурга, и город накладывает на всё очень сильный отпечаток... В начале XXI века Москва стала олицетворением перемен, происходящих со страной и на ней же, в середине 2010-х годов немедленно сказались те отрицательные тенденции, которые так пышно расцвели сейчас... Я её любил, что я могу ещё сказать?.. Наверное, люблю до сих пор. Но возвращаться туда мне сейчас не хочется, несмотря на то, что в последние годы перед войной город стал очень удобным, намного удобнее Иерусалима, в котором я жил и даже Берлина, в котором иногда бываю. Нам как бы предложили эти удобства *взамен* гражданской активности и, на мой взгляд, надломил вольный дух города, потому что главной чертой новой Москвы XXI века, столицы России, была именно свобода, свобода выбора путей и возможностей, а не только большие деньги и богатство, как принято считать.

Ф.Л.: Я полностью согласна с Вами: я постоянно жила и работала в Москве несколько лет как раз на рубеже нулевых и 2010-х, и всё это почувствовала – и свободу выбора путей и возможностей, и созидательную энергию, и надежды молодых поколений. *Злой и добрый дух* московских переулков действительно и манит, и обманывает... И иногда не скрывает противоречия и *раны* того же городского пространства. Кстати, в Ваших произведениях, и особенно в тех из них, которые были недавно переведены мной на итальянский, речь идет не только о Москве на рубеже нулевых и 2010-х, но и об исторической памяти, и в частности о вытеснении памяти, о не проработанных коллективных травмах. Как самые тёмные страницы советского прошлого отразились в жизни Вашей семьи и се-

мей Ваших близких, и как Вы пришли к тому, чтобы всё это переосмыслить в литературе?

С.С.: Мою семью сталинские репрессии коснулись довольно сильно. Слава Богу, никто не погиб, но моя бабушка провела несколько дней в тюрьме за простое опоздание на работу в 1940 году. У мамы была корь, высокая температура, пока ждали врача, бегали в аптеку – прошло два часа... В те годы за это полагался срок – так Сталин готовился к войне. И только чудо, вмешательство большого чина из МУРа [Московского Уголовного Розыска – Ф. Л.], который в 1920-х годах был простым лейтенантом и соседом деда и бабушки по лестничной площадке, спасло её от лагеря. А два её брата, которые часто появлялись в нашей семье, отсидели – по 5 и 8 лет. Один был известный советский композитор, другой авиаконструктор, он работал в ‘шарашке’, похожей на описанную Солженицыным... После XX съезда КПСС ему вручили орден Ленина – высший советский орден. Так советская власть *извинилась* перед ним... Похожая история произошла в семье моего отца – моего деда с его стороны, еврея по национальности, в 1938 году объявили *немецким шпионом*... Разумеется, всё это я узнал, когда стал взрослым, но по видимому, страх, напряжение, злость, которые вызывала эта тема, воспоминания о ней, я видел у взрослых с довольно раннего возраста... Дети же считают такие вещи. Поэтому я очень не равнодушен к теме репрессий – кроме того, что это чудовищная несправедливость по отношению к ни в чем не повинным людям, причём, огромному количеству людей, моих сограждан – это часть моей семейной истории, Вы правы. И когда после свежего воздуха Перестройки и 1990-х годов в московской атмосфере середины нулевых потянуло этим *запахом*, сначала слабо, в виде неких разговоров и *артефактов*, но потом все сильнее – я сразу это почувствовал. Вот почему я стал писать об этом... Вы знаете, очень часто художник чувствует какие-то изменения в жизни общества гораздо раньше остальных. Я пытался быть одним из тех гусей, что спасли Рим... К сожалению, на данный момент не получилось.

Ф.Л.: Очень хотелось бы Вам сказать, что Вы ошибаетесь, но сейчас, действительно, искусство кажется совсем бессильным перед кардинальными изменениями, которые в последние годы были уже заметны, хоть и в зачаточном виде. Разумеется, после 24 февраля 2022 мы переживаем новые, не менее трагичные историче-

ские события. Среда, которую Вы часто описывали в своей прозе, теперь по большому счету находится в эмиграции. Вы уже зафиксировали специфику нынешней эмиграции (причём в Иерусалиме, что связано и с другим, не менее трагичным переломом нашей современности – жестокой войной между Израилем и Хамасом) в таком *литературном эго-документе*, как дневник, избранные записи которого мы решили опубликовать в нашем журнале. Пока Вы писали этот дневник, Вы уже думали о его возможной публикации? Чем этот дневник отличается от Вашей художественной прозы? Планируете ли Вы написать ещё и художественную прозу по мотивам своего нынешнего опыта?

С.С.: О публикации я думал, ведь я читал дневники эмигрантов *первой волны*, например, Бунина или Зинаиды Гиппиус, но я не предполагал, что это произойдет так быстро. Главным моим мотивом было создание *документа*, я давно хотел записывать свои впечатления и мысли о происходящем в Москве и России, а два с половиной года назад, осенью 2021 года это желание стало просто какой-то острой необходимостью. Надо было как-то защититься от волны ежедневной лжи, которая неслась из телевизора и просто висела мелкой пылью в московском воздухе. Я понял, что прозой здесь не обойдешься, тем более, что в то время я писал большую вещь, довольно далёкую от политики... Дневник даёт возможность моментального, почти не обработанного отклика на события, кроме того это неплохая сублимация ежедневных, иногда довольно сильных чувств. Это что-то вроде ежедневной колонки или Фейсбука для себя. Я не занимаюсь политической журналистикой, у меня нет темперамента *борца*, но в формате дневника я могу быть вполне откровенен и злободневен... Художественную прозу на основе своего эмигрантского опыта я уже написал и думаю, что напишу еще. Недели две назад я закончил повесть о семье новых репатриантов из Одессы, написанную на основе моих впечатлений от общения со знакомыми украинскими беженцами в Иерусалиме. Писал я её почти весь последний год. *Украинские беженцы*... для меня это до сих пор какой-то мрачный абсурд, нонсенс, а между тем это сотни тысяч человек, если не больше... Мои знакомые – обычные ребята из среднего класса, кажется, кто-то из них когда-то даже голосовал за *белоголубые* партии, они любили русскую музыку, любили ездить в Петербург, бродить по нему, но то, что они рассказывали о первых днях так называемой *СВО* – меня глубоко шокировало. То, что меня

шокировало, привело их (с двумя маленькими детьми) к бегству в Израиль в марте 2022 года... Финальную часть повести я дописывал всего через семь месяцев, в октябре 2023 года, под гром далекой канонады: израильская авиация бомбила Газу, и изредка сирены ПВО. ХАМАС обстреливал Иерусалим ракетами, хотя и не очень часто, реже других израильских городов – но я на собственном опыте мог почувствовать, что чувствовали мои знакомые в марте 2022 года. Сирена ПВО – ужасный звук... Так сказать, от антивоенной теории я перешел к антивоенной практике... Все это вошло в мою повесть. Интересно, что завершение для неё я нашел недавно, в Берлине, городе, многие места которого символизируют оставленную в прошлом войну... Этот опыт даёт нам всем надежду.

Библиография

Gasparini 2008: Gasparini, Philippe. 2008. *Autofiction: Une aventure du langage* (Paris: Seuil)

Lebedev 2018: Lebedev, Sergej. 2018. *Il confine dell'oblio* (Rovereto: Keller editore)

Lebedev 2022: Lebedev, Sergej. 2022. *Gente d'agosto* (Rovereto: Keller editore)

Marchese 2015: Marchese, Lorenzo. 2015. *L'io possibile. L'autofiction come forma paradossale del romanzo contemporaneo* (Massa: Transeuropa)

Remonato 2014: Remonato, Ilaria. 2014. 'Dalla vita alla pagina. L'elemento autobiografico nell'opera di Sergej Dovlatov', *Avtobiografija*, 3: 375-394

Sergeev 2022: Sergeev, Slava. 2022. *Silenzio, per favore. Racconti su Mosca, Stalin e il Terrore* (Roma: Queen Kristianka)

Лебедев 2011: Лебедев, Сергей. 2011. *Предел забвения* (Москва: Первое сентября)

Лебедев 2016: Лебедев, Сергей. 2016. *Люди августа* (Москва: Альпина Паблишер)

Сальмон 2008: Сальмон, Лаура. 2008. *Механизмы юмора: о творчестве Сергея Довлатова* (Москва: Прогресс-Традиция)

Сергеев 2006: Сергеев, Слава. 2006. *Места пребывания истинной интеллигенции* (Москва: Зебра Е)

Сергеев 2008: Сергеев, Слава. 2008. *Капо Юрий, море и фея Калипсо* (Москва: Зебра Е)

Сергеев 2016: Сергеев, Слава. 2016. *Уроки каллиграфии в зимнем Крыму* (Москва: Рипол Классик)

Francesca Lazzarin

“Всех выкинуло из воды на берег”. Предисловие к дневнику Славы Сергеева (март-май 2022 г.)

‘Everyone Was Thrown Out of the Water and Onto the Shore’. An Introduction to the Diary of Slava Sergeev (March-May 2022)

* * *

Московский прозаик Слава Сергеев начал писать свой *Дневник* в России осенью 2021 года, когда, по его собственным словам, он почувствовал острую необходимость “защититься от волны ежедневной лжи”. Хотя в его рассказах и повестях всегда фигурировала явная автобиографическая подоплёка, на написание настоящего эго-документа он решился только тогда, когда в родной стране всё чаще стала звучать ура-патриотическая риторика, навязываться квазисоветская правительственная идеология, исказиться память о травмах и ужасах советской эпохи, ужесточиться цензура и репрессии, вплоть до того, что оппозиционно настроенные граждане начали испытывать страх даже тогда, когда “ничего особенного не говорили” (в чём, если процитировать самого Сергеева, заключается первопричина его эмиграции).

Словом, ведение *Дневника* началось накануне полномасштабной войны России против Украины – трагедии, уже ставшей частью учебников по истории. Но записи стали особенно частыми как раз в марте 2022 года: ведь писатель, подобно другим своим коллегам и соотечественникам, эмигрировал в Израиль. Именно фрагменты из этого пока неизданного *эмигрантского дневника*, написанные с марта по май прошлого года, опубликованы ниже. Автор дневника находится за рубежом, и в новом для себя контексте старается ответить на вопрос, уже заданный в одном из самых знаменитых стихотворений поэта Георгия Иванова, уехавшего из советской России сто лет назад: “Но объясни, что стало с нами, и отчего я эмигрант?”. Желание понять, почему огромное количество российских граждан оказалось в таком положении, ощущается чуть ли не в каждой записи.

Перед нами – весьма разнообразные страницы дневника, где можно заметить типичные черты и того, что исследователи эго-документов называют *journal intime*, и того, что принято считать *journal extime*: богатое фактическими деталями повествование о

поездках, прогулках, встречах и других повседневных делах чередуется с описанием внутреннего состояния, рефлексией, самоанализом, как будто автор проходит психотерапевтический сеанс у самого себя – что, впрочем, является и визитной карточкой художественной манеры Сергеева в принципе. Записи то короткие, то длинные; иногда они заключаются в маленьких зарисовках, в центре которых – один впечатляющий эпизод и/или лаконичный комментарий, почти в анекдотическом ключе; иногда речь идёт о полноценных рассказах, с подробными диалогами и с длинными отступлениями, которые действительно напоминают рассказы и повести автора. Разумеется, время от времени не могут не всплывать ретроспективные воспоминания о Москве, начиная с описания отъезда, которое по-своему очень близко предыдущим *московским текстам* Сергеева, с их сильно выраженным *автобиографическим* элементом в форме глубокого внутреннего переживания внешнего, городского пространства, связанного со множеством жизненных перипетий.

Само собой понятно, важнейшее место занимает, так сказать, *русский Иерусалим* – своеобразный пример среды *русского зарубежья*, одновременно похожего и непо похожего на свои многочисленные аналоги прошлого и настоящего, среди вечных споров о том, кто виноват и что делать (если словами автора, это подобно “Кирсанову и Базарову на Титанике”), попыток как-нибудь устроиться, планов на будущее и химер. Представители большой русской и русско-еврейской диаспоры тоже не так сильно отличаются от героев *московских* произведений Сергеева: независимо от того, когда они переехали в Израиль (сейчас ли, в 2014 году, или лет двадцать тому назад), они интеллигентные люди со своими достоинствами и недостатками, которые автор замечает не без иронии и, что важнее, самоиронии, поскольку он в конце концов такой же, как они, и тоже страдает от “неврозов, которые несут черты своего времени”.

Ближневосточный пейзаж, со своей стороны, нередко вызывает ассоциации с Крымом, где писатель часто жил в начале нынешнего столетия: неслучайно, встречи и беседы с друзьями и знакомыми на таком фоне выглядят как программная переключка с рассказами из сборника *Уроки каллиграфии в зимнем Крыму* (2016), действие которых происходит на рубеже нулевых и 2010-х. Только тогда речь шла об отдыхе и о временном пребывании, а теперь мы имеем дело с эмиграцией и со странным, подвешенным состоянием на бессрочную перспективу. Правда, эмигрант эмигранту рознь: кто-то

покинул страну только ради удобства и собственных финансовых интересов (достаточно упомянуть соседа автора в самолёте); кто-то уже понял несколько лет назад, куда идёт политика Кремля; кто-то искренне верит, что Израиль – это земля предков, и чувствует себя там дома, несмотря на все чёрные страницы истории и современности еврейского государства. Как ему вообще свойственно, Сергеев никого не осуждает несмотря на своё несомненное остроумие: он слушает и слышит, фиксирует происходящее, даёт всем выразиться, так как он не чувствует себя ни морализатором, ни пророком, а скорее пристрастным свидетелем и включенным наблюдателем – и он этого не скрывает.

Единственное, что он не может скрыть – это чувство вины перед украинскими беженцами, которые тоже были вынуждены эмигрировать в Израиль, причём по ещё более трагичным причинам. У беженцев травма потери и гнев, у эмигрантов (или *релокантов*, если употреблять модный, отчасти лицемерный эвфемизм нашего времени) – так называемая *травма свидетеля*, шок, стыд, страх: честный разговор с беженкой из Одессы, который приведён в *Дневнике*, – очень яркий тому пример.

Пока Сергеев сочинял свои дневниковые записи, он думал, что когда-нибудь, наверное, они будут изданы, но не ожидал, что это произойдет так скоро: впрочем, некоторые дневники более известных представителей предыдущих волн *русского зарубежья* дошли до читателей в период, когда временное расстояние уже позволяло смотреть на описанные события с некоей аналитической дистанции. И временного расстояния, и аналитической дистанции в данном случае меньше: всё было написано и будет прочитано *по горячим следам*, почти как репортаж о наиболее актуальных вопросах нашего времени (хотя дневник, разумеется, в большей степени субъективный, нежели чистая журналистика – можно было бы его сравнить скорее с мемуарами-репортажами, столь популярными в мировой литературе XXI века).

Это обусловлено и тем, что в дневнике очень живо изображены не только русская и украинская диаспора, но и израильское общество, со всеми его противоречиями, а также с его внутренним напряжением: говорят сами за себя и впечатления автора об арабском районе Восточного Иерусалима, и новости о терактах, и опыт девушки-баристки с казахскими корнями, которая служит в армии и скептически относится к заключению мира с палестинцами. В конечном итоге, несмотря на название этой подборки дневниковых

записей (*Где ты был, Адам? В эмиграции, Господи, не на войне*), автор оказался на войне: война в Израиле, разумеется, который год идёт в более или менее латентном виде, но её новая фаза, наступившая 7 октября 2023 года, поразила весь мир своей жестокостью и отсутствием, по всей видимости, какого-либо перспективного пути для урегулирования конфликта.

Таким образом, Сергеев в своём *Дневнике* затрагивает ключевые события наших дней, переживает их, размышляет над ними – и читатель имеет возможность это сделать вместе с ним. Безусловно, “весь мир сошёл с ума, и мы здесь не спрячемся”, тем не менее “главное, что может сделать писатель в нынешней ситуации – это записывать”: так или иначе, остаётся многовековая, терапевтическая функция письма и чтения.

Слава Сергеев

Где ты был, Адам? В эмиграции, Господи, не на войне

Из дневника 2022 года

* * *

18.03

Почти двадцать дней в Иерусалиме. Не писал здесь ничего – было не до того. Сборы вызывали много нервов, а отъезд прошел буднично. Как будто не в эмиграцию, а в отпуск, только сумок много. Подошло такси, день был солнечный, около 12 пополудни, шофер закинул чемоданы в багажник, я оглянулся на окна, хлопнули дверцы – и мы поехали.

Было не очень холодно, лежал снег, но пахло уже весной. Какой-то чувак, вышедший покурить из офисов напротив, смотрел на нас, не отрываясь.

Проехали наш дом, повернули за угол, мелькнули кафешка и магазин, в которые ходили почти каждый день, машин на проспекте было много, развернулись, свернули на третье кольцо и поехали там быстро, как в туннеле. Мелькнул Новодевичий...

Приехали в Домодедово, выгрузили чемоданы, расплатились с таксистом, на тележке доехали до регистрации. Какой-то мальчик-секьюрити (от *Сохнут*) кратко опросил нас по еврейским делам и мы сдали чемоданы. В аэропорте было все, как всегда: суета, громкие объявления, ощущение ажиотажа – но никакой войны. Мы выпили кофе с провожавшей нас подружкой жены, потом пошли на контроль. Противная гэбешная пограничница (рядом сидела более нормальная, но я к ней не попал) зло спросила меня, какова цель поездки, и я, вдруг тоже разозлившись, сказал: ПМЖ. За час до этого не хотел так говорить, да и сам был не уверен.

Она что-то долго смотрела в компьютере, потом на барьерчике возле них зажегся зеленый свет, я толкнул калитку, она не поддавалась.

– Ещё раз, – насмешливо сказала пограничница.

Так началась наша эмиграция. Шел пятый день войны.

Кстати, хорошо помню её первый день. Проснулся поздно, жена сказала, что мол, “началось”, и заплакала. Много говорить не ста-

ли, и я вышел пройтись, посмотреть, что и как, и по каким-то мелким делам. Было очень солнечно, чуть ли не первый солнечный день после месяца февральской серости, обычная московская суета, но возле одного из подъездов на Проспекте стоял мужик и, не видя, смотрел куда-то перед собой. Обычный мужчина из хорошего района Москвы, дорого одетый, правда несколько небрежно и какой-то помятый, будто с похмелья. К нему подошел еще один, пободрее, в синей лыжной шапочке.

– Ты чего тут, Михалыч?

– Да вот вышел, чтобы дома не сидеть, не могу. Пиз...ец какой-то...

– Синяя шапка оглянулась на меня, и они понизили голос.

Я дошел до киоска, хотел купить газету – никаких газет не было, кроме *Завтра*. Прошелся, дошел до Н-ской площади, в большом сквере за ней было малоллюдно, я помахал руками, сделал небольшую зарядку. Потом спустился вниз по бульвару и зашел в одну контору, какие-то бумажки дооформить. Поздоровался.

Девочки были знакомые, и я сказал:

– Тяжело чего-то, да?

– Да мы сами тут сидим с утра, как пришибленные, – сказала одна, постарше. – Вы вот эти кадры видели?

– Какие?

Она показала.

– А, эти, слава Богу, нет...

Мы немного поговорили, они предложили чаю, я отказался, потом в комнату зашла подтянутая женщина с короткой стрижкой, в брючном костюме, без верхней одежды, видимо коллега из соседнего офиса.

– Ну, как вы тут?

– Да вот, не очень...

– Пойдем, поговорим.

Они вышли в чайную комнату и до меня донеслось:

– Я разговаривала с Сашкой, ну этот... ты его знаешь... ему ребята сказали, что всё это ненадолго, дней на пять, максимум, на неделю... Возьмут Киев, и все.

– Да? – моя знакомая обрадовалась, и я почувствовал, что я тоже обрадовался, хотя резануло это “возьмут Киев” – как “возьмут”, чем, зачем?..

Но обрадовался почему-то ненадолго. Не поверил... Что-то в брючном костюме вызывало мое недоверие. Возможно, излишняя энергичность. И этот её Сашка...

Самолёт был небольшой, не Боинг, проводницы не говорили по-русски, только английский и иврит. Поехали к взлетной полосе, я обратил внимание, что самолетов у терминала *Вылет* было как-то необычно мало... Взлетели. Красное зимнее солнце висело низко над рваными облаками, в Москве наступал вечер. На мониторчике над креслом был проложен маршрут, белым пунктирчиком. Сначала он шел почти над Донецком, и я подумал, вот бл...дь, экономят горючее, но потом пунктирчик стал отклоняться на восток, все дальше и дальше, в результате мы летели над Курском и Баку. После Баку над Турцией.

После Турции небо очистилось от облаков, внизу стало видно море, потом солнце село (очень красиво), и море угадывалось, море темноты с редкими-редкими огоньками – кораблей. Всю дорогу перебрасывались фразами с соседом, энергичным молодым москвичом в кожаном пиджаке. Он был полон планов, о политике говорил неохотно, и то и дело прикладывался к фляжке с виски, купленной в дьюти фри. Засмеялся: возможно, скоро снова придется переходить на армянский коньяк... Поправил себя: впрочем нас это не касается, ха-ха-ха...

Когда самолет садился в Израиле, стал виден полный огней город внизу – на фоне белого самолетного крыла с израильским голубым шестигранником. До того настроение было так себе, а тут я вдруг обрадовался:

Слава тебе, Господи, уехали!..

Но летели пять часов вместо трёх.

Медленно-медленно шел с чемоданом по залу *Arrival*. Жена ушла вперед. Автомат (приложил паспорт) выдал визу. Потом по общему залу. Ни одного человека в форме. Смотрел по сторонам, где они? Ни одного. Задержался у табло рейсов. В Париж, в Лондон, Бомбей, Лос-Анджелес... Сотрудник Министерства Алии¹ спросил:

– Вы устали? Помочь?

– Нет, просто не могу поверить, что сюда приехал...

Он кивнул, потом долго поглядывал на меня с сочувствием. Шел впереди, недалеко. Потом анализ на ковид, большинство сестер – арабки, веселые, симпатичные, но все в хиджабах, некоторые в черных – здравствуй, Израиль, потом большой автобус, и на окра-

¹ Министерство по делам эмиграции (ивр.).

ине Тель-Авива, у моря, отель. Сказали, что, наверное, будут только сутки карантина, раньше было пять. Жаль, отдохнули бы, всё-таки последние несколько дней с войной и сборами были очень нервные... Было неясно, летим мы или не летим – война все же. Когда вошли в номер, подошел к окну. Пустое шоссе, фонари, пальмы у берега и море, вдали какая-то то ли колокольня, то ли маяк. Я попытался подумать, что всё это похоже на отпуск в Турции – пейзаж-то почти тот же, но сразу почувствовал, что *не похоже* – ощущения были совершенно другие. Тревоги стало меньше, но она никуда не исчезла.

Написал смс сестре: мы добрались. Несмотря на ночь, она не спала, ответила: ура!..

21.03

Оказалось, что у нас оплачены две недели завтраков в ближайшем кафе, как у *новеньких*, чтоб не голодали. Спасибо.

Забавное место, в иерусалимском марте чем-то немного напоминающее мартовский Крым, где мы провели две весны подряд в конце нулевых. В Иерусалиме в марте дождливо, холодно, как и в Крыму, мы садились на крытой веранде, очень похожей на веранду на ялтинской улице Рузвельта и смотрели, как за окном, под холодным ветром качаются кипарисы. И там и тут кофе, яичница, салат, стакан сока... Я чувствовал себя одновременно Буниным и Лоренсом Даррелом. В кафе лежали газеты, в основном, на иврите, но была одна на английском – *Jerusalem Post*. Слышал про неё еще в Москве, может быть, читал у Даррелла. Взял, открыл. На первой странице большие фотографии Путина и Зеленского, и какие-то танки и бронетранспортёры на сером мартовском снегу среди голых деревьев. И большое слово – WAR... Сразу пропала вся благодать и расслабленность, как будто кто-то, схватив за руку, рывком вернул, притащил в реальность. Подумал, что в Крыму 2009 года я играл в эмиграцию, репетировал, а сейчас репетиции кончились, мы и правда – эмигранты!..

Хочу вам сказать – не очень приятное чувство.

22.03

Жена психолог. У нее клиент по Zoom, менеджер *среднего звена* из известной московской компании, 35 лет, хорошая зарплата, квартира, машина, семья, совершенно аполитичный человек:

– Я поймал себя на том, что боюсь ментов. Проезжаю мимо поста ГАИ, начинают потеть руки, и чувствую: боюсь, что остановят... – Остановят и что? – Подкинут наркоту, пришьют дело. – Зачем, вы же не участвуете в политике? – Ну и что, деньги вымогать будут. – А раньше боялись? – Нет, точнее, не так сильно.
– Почему сейчас?
– Сейчас всё можно.

25.03

Бывшему главреду *Эха Москвы*, Венедиктову, подкинули под дверь свиную голову в парике. Какой-то Берлин, 1936. Или 1933? Интересно, сколько это стоило? В смысле, сколько получили исполнители? Такое чувство, что не очень дорого. А вот организаторы, наверное, на хорошем окладе.

Подумал вдруг, что в этих мыслях есть что-то утешительное: смертоносной идеи, владеющей всеми – нет. Она, может быть, есть где-то далеко, на самом верху, и то, не уверен. У большинства есть *работа*. Очень денежная. И, в общем, всё, или почти всё.

Гуляем по району Рамот. Это на горах, окраина Иерусалима, религиозный район. Тихие улицы, двухэтажные дома, пальмы и пинии. Кое-где кактусы. Безлюдно. Видел, как цветет алоэ – длинные красные стрелки. Говорят, он цветет раз в 100 лет. Правда ли, не знаю; посмотрел в Интернете – пишут, что раз в двадцать. Тоже долго. Почему-то подумал, что это хорошая примета и домашний ужас – ненадолго... Многие колючие *листы* были оборваны. Мы тоже взяли листочек. Будем выращивать дома.

Потом выяснилось, что здесь алоэ цветет почти каждый год.

Через овраг, *вади* по местному, арабское поселение. Стоял, рассматривал. Наша еврейская часть обустроена – коттеджи, асфальт, красные черепичные крыши, много цветов. Там – никакого асфальта, просто дома, машины и две большие новые мечети, ночью странная зеленая подсветка, в ней все-таки есть что-то угрожающее, или мне кажется? По вечерам на весь район очень красиво поет мулла. Протяжно, умиротворяющее. Как с такими песнями можно быть агрессивным?.. Там есть магазин, который, конечно, работает в субботу, но местные сказали, что ездить туда нельзя – могут бросить камень. Некоторые все равно ездят, потому что там дешево...

Этот конфликт, как торфяной пожар. Сверху все вроде нормально, а наступать нельзя, там внизу – огонь.

Сказали, что пару лет назад в районе был теракт – на *детской площадке*, и что террористы пришли оттуда.

Странно, в районном супермаркете кассирша – девочка-арабка, в чёрном платке. Очень весёлая, помогает упаковывать продукты в пакет (здесь это нечасто). И в аптеке – фармацевты-арабы. Хорошие, внимательные, терпеливо слушают мой *broken English*. Им хорошо здесь – через овраг зарплаты в два раза меньше.

Но когда я что-то спросил про Израиль и Палестину, вполне безобидное, сразу закрылись: простите, сэр, я не понимаю, я плохо говорю по-английски.

Боже мой, всё равно – какое счастье, что мы здесь. Ужасные новости из дома, из Украины. В Москве подавленность (друзья пишут) – и кадры разрушенных домов Мариуполя.

26.03

Гуляли по району с другой стороны шоссе. Крайняя улица – ряды коттеджей, кипарисы, вьющиеся цветы, тишина. Потом склон холма, поросший лесом. Подумал вдруг, что, наверное, смогу здесь жить.

Ближе к шоссе, вглубь района – многоквартирные дома. Есть новые, но много старых, 1970-х годов. Давно не крашенные и облезлые – там бедность. Причем некоторые облезлые дома – сотами, как у Хундертвассера². Это подражание или он сам? Если сам – то почему в таком виде?..

В районе много синагог. Это странно и непривычно, в Москве при СССР была одна, и там, на праздниках дежурили дружинники, чтобы молодежь не ходила, ловили студентов и школьников, отводили в отделение, а теперь целых три.

И то, некоторые говорили: куда *им* – так много?

Шли мимо в нашем районе, а там Бар-Мицва – праздник совершеннолетия подростков, что-то вроде крещения у христиан или инициации. Музыка, нарядные люди – мужчины в чёрных костю-

² Знаменитый австрийский архитектор середины XX века, еврей по происхождению, пострадал от нацизма.

мах и шляпах, женщины в длинных, цветных платьях с высокими тюрбанами на головах, и бегающие, веселящиеся, кричащие дети в маленьких кипах. Это открытое еврейство очень непривычно. Жена хорошо сказала, хотя немного высокопарно: это народ, по-настоящему поднявшийся с колен.

Примерно раз в две недели – десять дней прихожу к Западной стене, по-русски – Стене Плача. В первый раз по приезду чуть не упал на нее – на последних метрах вдруг кончились силы. *Дошли...*

Кстати, о цветах. Весна, много всяких пахучих травок, лаванда, базилик. Наша московская знакомая, уехавшая сюда года три назад, научила: можно сорвать и положить в чай. Эмигрантский чай с лавандой и базиликом со Святой земли. Помоги, Господи.

Помню разговор с ней, когда они уезжали. Разговор происходил на Никитском бульваре весной, в мае, году в 2019-м. Мы встретились случайно, и она сказала, что они с мужем собираются. – Совсем?.. Зачем? – искренне удивился я. – Сиди-сиди, – сказала она. – Досидишь, что побежишь в одной тапочке... Я засмеялся, но расстался с ней с каким-то странным, нехорошим чувством: вдруг возникло ощущение, что она права. Я постарался его отогнать, пошел в кафе, потом в книжный, кому-то позвонил...

То есть уже тогда было понятно, чем все кончится.

б.04

Вчера были в магазине секонд-хэнд. Подвальчик многоквартирного дома, унылый двор, чахлая растительность. Во дворе играющие дети, сидящая на парапете молодая мама со скучающим взглядом... Магазин – трехкомнатная квартира на первом этаже, наполненная старой одеждой и обувью, неизвестными остатками, кусками чьей-то жизни. Был такой испанский писатель – эмигрант, убежавший от Франко, Гомес де ла Серна, он написал где-то: “в старой обуви есть что-то бесстыдное...”³. Добавлю: бесстыдно-человеческое... Держит магазин высокая громогласная женщина с огромной грудью – ее зовут Фрейда. Это не настоящее имя, ее зовут Инара... Она приняла веру, сделала гиюр. На стене портрет седобородого ста-

³ Рамон Гомес де ла Серна (1888–1963) – испанский писатель, сочувствовал республиканцам, эмигрировал в Аргентину.

рика в чёрной шляпе, с умным волевым лицом – Любавический ребе. Она приехала в Израиль из Америки, а до этого жила в Риге. – Где? – удивленно переспрашиваю я. – Отец – военный, русский, то есть еврей, отсюда хороший русский язык. После перестройки и получения независимости остался в Риге, потом уехал сюда – в 1990-х русским там было некомфортно. Мама русская, она тоже здесь. Она уехала в Америку в 1994-м, в 19 лет, работала там, пыталась учиться, потом приехала сюда в гости – и ей как-то зашло, понравилось...

– А где вы жили в Риге, не помните? – спрашиваю я. – Улица Элизабетес, в центре. У нас не было горячей воды, была такая штука, надо было поджигать и ждать... Это называлось...

– Колонка, – подсказываю я. – Улицу Элизабетес я, как ни странно, помню, хотя не был в Риге лет двадцать. Это старая улица в центре, там когда-то жили знакомые.

– Там недалеко эта их статуя, – говорит Фрейда и поднимает руки вверх, как будто держит в них что-то, – их Свобода, Бривибас...

Кстати, она собиралась в Ригу этим летом, как я думаю, не придет туда Путин?..

8.04

Вчера тихий день, прогулка, кофе в кафе в торговом центре (что-то вроде *Шоколадницы* на метро Коломенская), потом занятия ивритом, идет плохо, потом жена ходила к соседке, беженке из Украины. В первый раз возникло это словосочетание – *беженка из Украины*.

Дичь какая то – *откуда?* Какая... – *беженка?*..

Хотя и то сказать, что довольно поздно – возникло слово.

Вечером разговор по телефону с одноклассницей, она давно здесь – про то, как она обживалась в 1990-х (очень трудно) и вдруг через час её смс с линком – Теракт в Тель-Авиве. Не стал смотреть сначала, у неё на эту тему фобия, потом вспомнил: наши товарищи и соседи по дому, а также по эмигрантскому счастью-несчастью, ребята из Питера, сегодня поехали в Тель-Авив, её день рождения праздновать. Интересно, что испугался я не сразу, всё-таки Тель-Авив – большой город, но потом написал, на всякий случай:

– Как дела?

Быстро пришел ответ:

– Сидим в бомбоубежище, ждём, пока стрелков не поймают.

Потом еще:

– Компания теплая, атмосфера хорошая.

– ??!!...

Мы ох..ели... Причём, как-то не сразу. Шли по улице, желтый свет, тихо, деревья все уже зеленые, а кто-то сидит в бомбоубежище и какой-то идиот (идиоты) по ним стреляют.

Я написал:

– Созвонимся?

– Говорить не можем, просили молчать, – написал наш сосед, Толя, – чтобы гулом голосов не привлекать внимания.

Ой, бл... Но Тель-Авив – большой город, почему именно они?!.. Не сразу, но вспомнил Уайлдера, *Мост короля Людовика Святого*, у него это было хорошо рассказано. Если я ничего не путаю, то случай – это не случай, а звено цепи... Ещё – в детстве такая игра была, морской бой, помните? Там в таких случаях говорили: рядом.

Потом Толина жена рассказывала: пришли на Дизенгоф⁴, сидим за столиком, пьем кофе, заказали вина, и вдруг все ка-ак побежали!.. И невдалеке вроде послышались выстрелы. Соседний столик упал, кто-то на бегу стулья сбил... Я увидела какого-то спортивного чувака, который бежал очень уверенно, и села к нему на хвост, побежала за ним, а Толя за мной. За нами бросилась ещё пара. Он свернул в какую-то боковую улицу с Дизенгоф, пробежал по ней немного, нырнул во двор, открылась какая-то калитка и мы все влетели в квартиру на первом этаже. Вбежали и дверь захлопнулась. Нас было человек шесть. Этот спортсмен вроде знал хозяина, все остальные нет. Кто-то шутливо предложил познакомиться. Мы назвали себя.

– Ок, – сказал хозяин. – Беседер⁵.

В комнате, куда нас провели, 14 – 15 метров, *мазане* – так у израильтян называется комната с железными стенами, мини-бомбоубежище, она есть в каждой новой квартире, стояла какая-то мебель, несколько стульев, меня хотели посадить, но сидеть я не могла – меня начало трясти. И тут пришла смс от вас с дыхательными упражнениями. Это было очень кстати. Я стала их делать и мне полегчало.

⁴ Дизенгоф – главная улица Тель-Авива.

⁵ Хорошо (ивр.).

Мы сидели в этом *мазане* часа два, окно было открыто, но жалюзи опущены, свет выключен, хозяин сказал, что должна прийти смс с отменой тревоги. От кого? Оказалось, что тут есть какая-то бесплатная рассылка, специальная, работает при терактах. Ближе к концу на улице начался какой-то шум, голоса, и один из мужчин, сидевших в комнате, вытащил нож и встал у двери. Но голоса утихли.

Потом нас выпустили. Все жали руку хозяину: тогда раба, спасибо. Он улыбался... Я вышла и заплакала...

И тут вы предложили переночевать у этой Лены-беженки. (Жена вспомнила и позвонила). Она оказалась в полчасе ходьбы по тихим улицам в сторону моря. Знакомые, хозяева квартиры, уехали в Хайфу и попросили её посидеть с собакой – *именно в этот день*. Из-за теракта в Тель-Авиве перестал ходить транспорт в центре и весь межгород. И такси тоже закрыли на выезд, чтобы эти стрелявшие козлы не убежали.

Лена – из Одессы, она уехала оттуда с детьми в середине марта, а муж остался – мужчин из Украины не выпускают... Никаких, с 18 до 60. Война, военное положение... Во всяком случае, для обычных людей. Его призвали, но не в армию, а в так называемую территориальную оборону, но поскольку он плохо видит, отправили в Карпаты. Там пока тихо, но она живет в постоянной тревоге.

Мы созвонились с ней, и пошли пешком, по навигатору. Шарахались от каждого прохожего. Когда пришли, обнялись и мы обе расплакались. Креативные русские, убежавшие от теракта, прячутся у украинской беженки – это же просто сюжет для ТВ, но наши слёзы были настоящими.

– Впрочем, – сказала Толина жена, – переночевали мы не очень. То ли от стресса, то ли еще от чего-то, я не могла заснуть. Потом я поняла – меня мучило чувство вины перед ней и её детьми, но что с этим делать – я не понимала.

9.04

Я целый день крутился мыслями возле этой истории. Почему с ними? Так близко. *Это*. Зачем? Единственный разумный вариант, который пришел мне в голову – то, что нам *хотели показать*, Бог или Судьба, как хотите: что *весь мир* – сошел с ума, не только Россия, и что мы здесь не спрячемся... А то уже – ребята сумку какую-то модельную купили (забыл название), а я синюю ручку Паркер, в

карманчике носить. На машины стал поглядывать... Рено или Фиат? И т.д.

Вот вам и Фиат с Рено.

12.04

Дня три назад пресс-секретарь Путина сказал *Скай ньюс*, что войну закончат в ближайшие дни, что большие потери, а глава ЕР в думе в своем твиттере назвал его предателем. Сообщения об интервью были в *Ведомостях*... Бульдоги борются уже на ковре. Разговоры о химическом оружии в Мариуполе. Европейцы боятся применения Россией тактического ядерного оружия. В программе Соловьева это открыто обсуждают.

Но если его применят, кроме прочего, ветром может все принести в Ростов?.. Или в Курск?..

Впрочем, я совсем не стратег.

13.04 4.30 утра.

Опять запел мулла в ближайшей арабской деревне. Красиво поет, спокойно. Горят городские огоньки, бело-голубые израильские флаги свисают с балконов, пустая дорога, пальмы, кипарисы... Какой Ростов, где он? Три года скакать, не доскачешь... А вот, всё же думаешь о Ростове.

18.04

Снова пришли холода, но солнечно. Цветет Иудино дерево, очень красивыми, розовыми и красными цветами. Почему Иудино – никто не знает. Говорят, что на нём повесился Иуда, после того, как предал Христа. Но в Библии написано, что он повесился на осине... В общем, непонятно.

Повторюсь, это всё очень похоже на Крым. Кстати, мы жили там зимой по совету самого Евгения Рейна⁶. Были у него на Соколе, году в 2006-м, я брал интервью; разговорились, сидели часа три. Дело было в конце лета, и он вдруг спросил, какие наши планы на осень. Я сказал, что мы собираемся в Крым, там осенью очень красиво. И он сказал, со своей неподражаемой интонацией:

⁶ Поэт из круга Иосифа Бродского. Бродский называл его “своим учителем”.

– Вы неправильно ездите! Надо ездить зимой! Лучше, чем в Крыму зимой, я не жил нигде и никогда!..

Оказался прав – не могли оттуда уехать.

Давно это было...

Пошли на улицу? Жена предложила зайти к этой Лене из Одессы, и взять её на прогулку. Она живет в соседнем доме. Просто погулять, чего она сидит одна? Я немного вздрогнул, за два дня до того получил письмо от давней знакомой из Киева: почему ты, почему вы все – молчите? Нас убивают! Нас бомбят!.. Как вам не стыдно молчать?!..

Стыдно. Почему не стыдно?

Подумав, я согласился. Может быть, поэтому и согласился, что хотел оправдаться в собственных глазах.

В общем, пошли.

Оказалась симпатичная девушка, видел-то я её первый раз... 32 года, двое детей, одному 10, другому 4, по полу разбросаны игрушки, стоит манеж, лежат детские вещи.

Когда прилетели первые ракеты, она схватила какую-то одежду и прыгнула в автобус, идущий в Польшу, а мужа не выпустили, я уже говорил про него.

Кстати, её фамилия – Петрова, я не шучу и ничего не скрываю, когда-то сделали фамилию по папе, из-за советского и украинского антисемитизма, а папа – Петров, он из-под Смоленска, и здесь она её менять не стала. Полтора месяца Лена Петрова сидит в полной растерянности, в Украине – война, Израиль предоставил помощь, квартиру, но старший мальчик каждый день спрашивает – мама, когда мы поедем домой?..

Мы позвонили ей, и она с радостью согласилась прогуляться, взяла коляску и оделась за 5 минут. Мы шли и болтали о каких-то пустяках, но постепенно мне становилось все больше и больше нехорошо. В глазах стояли кадры новостей, разрушенные, обгорелые многоэтажные дома – очень похожие на российские, очень... В какой-то момент, у бензоколонки я вдруг остановился. Чувство вины было таким сильным, что хотелось потереть грудь.

– Слушай, – сказал я вдруг, – прости меня ради Бога, за всё это...

Она даже смутилась:

– Да что ты, я же понимаю... Причем тут вы.

Помолчала:

– Но спасибо.

Потом я подумал, что это какая-то достоевщина. Прямо встал посреди улицы и поклонился в пояс: простите, люди добрые...

Но – после этих слов меня отпустило. Мы пошли дальше и продолжили разговаривать о книгах и фильмах. Старший мальчик шел шагах в десяти впереди. Невысокий, беленький, со смешным коком волос.

Она тихо сказала, что теперь он ничего не хочет покупать на русских сайтах. Они купили ему билеты на концерт какой-то английской группы в Тель-Авиве, он узнал, что она будет гастролировать в России и отказался. Просил сдать билеты. Но теперь, похоже, концерт отменился сам собой.

22.04

Продолжение Еврейской Пасхи. День перехода через Красное море. Похоже, это было настоящее цунами – так как в нашем районе не работает ничего, даже продовольственные. Пошли пешком в Старый город, там некоторые кафе открыты в праздник – странно дома в выходные сидеть.

Спустились вниз с нашего холма, спросили дорогу у какого-то хасида. По-английски.

Он отвечал по-русски:

– А зачем вам Старый город?

– О, вы русский? Кафе. Хотим попраздновать. А откуда вы?

– Из Москвы... Сейчас почти все закрыто. И транспорт не ходит.

– Кое-что открыто, мы узнавали. Надо же где-то посидеть – праздник же.

– В Старом городе открыты только арабские кафе. Вы там хотите праздновать Песах? Пойдемте в синагогу.

– Простите, нет, при всем уважении. Там будут очень долго читать молитвы – мы уже знаем.

Хасид немного подумал, и сказал:

– Хорошо. Пойдемте, я вам сейчас устрою праздник. У меня осталась бутылка вина.

Он помолчал и добавил:

– За диваном... На улице пить согласны?

– Конечно!

Мы пошли вглубь района и минут через пять остановились в каком-то дворе. Вокруг стояли старые блочные дома. Наш новый знакомый отлучился на несколько минут, и принес полбутылки красного вина.

– Извините, я что-то напутал, осталось всего столько...

С ним пришла его младшая сестра, вери-секси-ботаник, бывшая студентка МГУ, а теперь здесь, в магистратуре. Сестра была в очках, тесной кофточке и черной плиссированной юбке ниже колен, в Иерусалиме это почти ‘униформа’ – так часто носят школьницы старших классов из верующих семей. Звали девушку Аней, Ханной по местному, и, знаете – мы замечательно выпили с ними, за Праздник... Хаг Песах sameax!

Хасид, его звали Мордехай, хотя в Москве он был Андреем, принес специальные стаканчики, в серебристой, а может быть, и серебряной оправе – два, и один пластмассовый, одноразовый. Ане стакан не хватило, то ли он обсчитался, то ли забыл про нее – в общем, не хватило человеку стакана. Она сказала:

– Ребята, я могу и из горла, за праздник-то!..

Прямо не девушка, а ангел.

Но Андрей-Мордехай ходил домой за одноразовым стаканчиком (родная душа ведь страдает) и еще принес молитвенник *Тегилат Гашем*. Открыл его на нужной странице, отдал Ане, она повернула книгу к нему, он держал стаканы, пластмассовый поставили на соседнюю скамейку, все стали серьезные, и он стал читать молитву, причем, на иврите. Читал долго. Закончил, сказал “Амен” (аминь). И мы сказали “Амен”. И выпили. Оказывается, надо до дна. Хорошая религия!..

– Точно до дна?

– Обязательно.

– Но я не пью почти...

– Ничего, можно мелкими глотками. Это вино, не водка – о чем мы говорим?

Пришлось выпить. Мелкими глотками. И он, и бывшая студентка МГУ, и моя жена выпили сразу. Немного поговорили, не помню, о чем. Кажется... о Хармсе. Выяснилось, что все его любят.

Потом я спросил:

– Сорри, но почему именно до дна? Какое это имеет значение для Бога? Он что, видит этот стаканчик?

– Эх... – сказал Андрей-Мордехай. – Эх... Нет!.. Ты не понимаешь. Ошибаются те, кто думает, что Богу нужна только молитва, только духовные подвиги. Он настолько велик, что для Него все имеет одинаковое значение – и духовное, и бытовые мелочи. И мы не можем знать, что важнее для Него, молитва или правильно выпитый стаканчик!..

– Интересно, – сказал я.
– В этом суть иудаизма.
– В чем, во внимании к мелочам?.. Что-то похожее говорят протестанты.
– Кто?
– Христиане-протестанты.
Он немного помрачнел:
– У нас многое украли и христиане, и мусульмане, и протестанты.
– Именно украли? Может, заимствовали?..
Андрей-Мордехай сходил домой и принес еще полбутылки. Пока он ходил, мы шутили с Аней. Что-то за литературу. Получалось весело. Он принес еще красного.
– Это сладкое. Сейчас смешаем, и будет нормально.
Он опять разлил вино и стал читать молитвы. Аня с серьезным лицом держала молитвенник. После молитвы все снова сказали “Амен”... Бог создал человека, потому что Ему с нами весело. Он любит с нами возиться. И Он избрал евреев – поэтому в душе каждого еврея частица Бога.
– Именно в душе еврея? – спросил я.
Я чувствовал, что этого не надо спрашивать, но все-таки спросил:
– Может, каждого человека? Как же либерте, фратерните, эгалите?
– Это все христианские штучки, сказал Мордехай. – Многим русским евреям православие мешает правильно воспринимать иудаизм!
– При чем тут православие, это же девиз Великой французской революции... – сказал я. – Она боролась с церковью, и во Франции нет православия...
Но он меня не слушал:
– Нет ни эллина, ни иудея, – эта знаменитая фраза – это неправильно, есть!.. Никто не равен, а мы главные!..
Андрей-Мордехай говорил громко, и я вдруг почувствовал запах вина. Он пьян, – подумал я. – Он уже был пьян, когда нас встретил...
Из подъезда вышла симпатичная женщина лет сорока.
Строго спросила:
– Ты с кем тут?
Андрей сразу успокоился.
– Привет. Это еврейские ребята из Москвы, – сказал он.
– Гуманитарии, – добавила Аня. Она попыталась защитить брата, и делала это неплохо.

– Будешь? – она подняла с асфальта и показала женщине вторую бутылку, на дне которой еще что-то плескалось.

– Нет, – сказала жена, – но впрочем, чуть улыбнулась.

Мимо, степенно беседуя, прошли два молодых человека в черных шляпах и лапсердаках.

– О чём они говорят? – Спросила моя жена.

Жена Мордехая прислушалась:

– О каких-то покупках...

Мне показалось, Андрей-Мордехай рассердился, увидев этих двоих.

– А мы говорим о Боге! – весело сказала Аня.

– Мы вообще правильно справляем Праздник, – сказал я. – Да? – Я переспросил у Андрея.

– Пошли домой, – сказала ему жена. – У нас гости, – церемонно пояснила она.

– Сбежал, – подумал я. – Сбежал из-за стола...

Мы тепло попрощались.

– Хаг sameax!

– Хаг sameax! – С Аней даже обнялись. – Вам бы миссионером работать, – сказал я Андрею.

– А он и работает, – засмеялась его жена. – Только бесплатно.

– Тут нельзя, – сказала Аня.

Андрей-Мордехай промолчал. По-моему, он немного обиделся на мое “эгалите, фратерните”. Но с другой стороны, все были уже немного пьяные. И плюс его строгая супруга.

– В целом хорошо отпраздновали, – сказала моя жена, когда мы шли домой и остановились передохнуть у больших кустов базилика.

Я вспомнил томительные посиделки на Пасху в одной московской церкви, где я иногда бывал, напряженно-испуганных прихожан, пивших чай с пирожками, и старавшегося их развеселить священника.

– Надо сходить в его синагогу, – сказал я. – Они все такие веселые?

– Посмотрим, – сказала жена. – Это было бы здорово, но я не уверена.

25.04 Тель-Авив

Почти два месяца в Израиле, а первый раз приехали. Но – были здесь восемь лет назад, как туристы... Приехали на комфортабельном поезде, полчаса пути, чуть больше. Восемь лет назад поездов

не было. Смотрел на землю и поля по обеим сторонам поезда (восемь лет назад ехали ночью) и думал: это Израиль, еврейская земля. Странно... Странно потому, что слова *еврейская* и *земля* – обычно слова антонимы. В Европе евреи – народ без земли, а слова *поезжай в свой Израиль* в России кажутся ругательством. Почему? Тут ведь хорошо.

Вышли на станции, и попали... – в Америку. Многоэтажные дома-небоскребы, потоки машин, женщины и мужчины в современной одежде... И тропические деревья, цветущие большими ярко-красными цветами. Вот какой – месяц нисан... Медленно пошли в город. У станции – какое-то военное учреждение, много людей в военной форме, высоченный забор, ворота с железными турникетами, через которые входили и выходили молодые мужчины и красивые женщины в тесно облегающей военной форме. Потом забор кончился, сразу пошли четырех-пятиэтажные жилые дома, большая детская площадка, высокие, не меньше 100 лет, деревья. Медленно пошли наугад между домами, спросив, в какую сторону море. Это было интересно – большой еврейский город. Именно еврейский. Прохожие, пассажиры автобусов, водители машин, посетители магазинов, почти все – евреи. Исключительность, ставшая нормой. Ни плюс, ни минус – все обычно.

Посидели в кафешке. Плетеные французские стульчики, галерея, растения (пальмы почему-то в кадках). За соседним столиком какой-то лысый немолодой дядька, похожий одновременно на Мамардашвили и Лакана, с трубкой, что-то писал в планшете... Я подумал, что хотел бы быть таким.

Красивая, толстая деваха-официантка, в клетчатой рубашке, спросила, откуда мы. Из Москвы. Она сочувственно кивнула: берегите себя, для вас трудное время... Но ведь хорошо, что вы здесь, правда?..

Позвонили и пошли к Гробманам⁷. Знаем их с прошлого приезда благодаря покойному Мише Юдсону. Тяжело это произносить – ‘покойный’ был молодым человеком...⁸ Шли по навигатору, не

⁷ Михаил и Ирина Гробманы – выдающийся русско-израильский художник-авангардист и его жена, редактор и критик.

⁸ Михаил Юдсон (1956–2019) – русско-израильский писатель, автор нескольких книг прозы.

узнавая мест. Помним, что они живут почти у самого моря. Рядом – дорогая гостиница. Кажется, её не было. И только зайдя во двор – узнали его. Деревья, окружающие дома, скамейку, окна на первом этаже, через которые видны картины. Все такое же, как в тот раз, только зелень гуще и Миши нет.

Вошли в подъезд, на стенах репродукции, позвонили. Открыла Ирина.

Вот она, квартира, похожая на старые московские и питерские интеллигентские квартиры – все стены в книжных полках. А где нет полок – картины. Странные рыбы и птицы, цветы и надписи на иврите.

В прихожей было полутемно, а в комнате, на свету стало видно, что они постарели – 8 лет прошло. Миша (Михаил Яковлевич) уже не ходит, видно – не здоров, сидит в кресле, не встаёт. Взгляд грустный. Ирина всё такая же – деятельная, энергичная и хлопотливая. С гордостью показала мне их архив – вся стена в одной из комнат в папках. Она большой молодец, все аккуратно разложено... Я не выдержал, сказал: тут есть что-то вроде Государственного Литературного архива в России? Ирина сердито посмотрела на меня (бестактный вопрос), и я не расслышал, что сказала: то ли “есть”, то ли “зачем нам”...

Впрочем, тут же потащила нас на кухню, усадила, налила чай, принесла печенье и сыр, села напротив и сказала: – Ну, рассказывайте. Говорили, конечно, о Москве и об Украине.

Сказала:

- Народ поддерживает Путина.
- С чего вы взяли?
- Митинг в Лужниках, опросы...
- Вы верите их опросам?

Спорить не стал, но почувствовал бессилие. Подумал: зачем ей так думать? Что народ в России *плохой* – зачем?..

Впрочем, хорошо посидели. Заговорили об искусстве, общих московских знакомых, книгах... Ира (сама попросила себя так называть), сказала, что две недели назад на нашем месте сидела Прохорова, и что она вернулась в Москву. Сказала, что не может все бросить – от нее зависят жизни 30 человек, ее сотрудников... Вчера звонила Наташа Иванова, она тоже в ужасе.

Что-то вспомнили Айги, я сказал, что знал его, брал интервью, давно, в середине нулевых⁹. В его квартире в Кунцево, на 1-м этаже. – Гена... – сказала Ира, – Миша с ним дружил. – Миша, помнишь?.. Михаил молчал. Мне показалось, что он плохо себя чувствовал. Поговорили о моей новой книге. Мне показалось, что им не понравилась ее около православная тематика.

Когда женщины вышли, Миша попросил меня помочь ему пересестись из кресла в коляску, которую я сначала не заметил. И только подав ему руку, я понял, что он вообще не ходит. Это было очень печально: ещё крепкое, мужское рукопожатие и подгибающиеся ноги. Я понял, что один не удержу и позвал жену. Вдвоём мы пересадили его. Мне показалось, что он был недоволен, что я её позвал, стеснялся...

Надо было уходить, в 23.20 был последний поезд, а идти далеко. Ира проводила нас до дверей, сказала, чтобы мы заходили. Она стояла в дверях, поднятыми руками опираясь на притолоку. Получалось что-то вроде 'распятия'. Я сказал жене, чтобы она сфотографировала её.

Не помню, кто это сказал: авангард – это что-то вроде религии. Выйдя из их двора, мы пошли к морю. Решили всё-таки дойти, потому что было грустно – а оттуда уже на автобусе на станцию. Дошли минут за пять, даже меньше. Помочили ноги, поздоровались, несколько минут послушали шум волн. Не надо борьбы, все пройдет, все, и плохое, и (увы!) хорошее, – вдруг подумал я. – Но имеет значение, что останется на этом песке.

4 утра, вернулись домой. В соседней арабской деревне поет мулла. Опять очень красиво, очень спокойно. Он и этот веселый, современный город, который мы сегодня видели – из разных миров, но страна – одна. Возникло такое сравнение: территории – как жена у нелюбимого, но сильного мужчины. Или наоборот, слабый мужчина у сильной женщины. Хочет уйти, но не может.

28.04

⁹ Геннадий Айги (1934–2006) – русский, советский авангардный поэт. В советское время почти не печатался. Кавалер ордена Литературы и искусств (1998, Франция). Речь тут идёт об интервью 'Поэзия как снег, существует всегда', опубликованном в журнале *Новое литературное обозрение*.

‘Немецкие’ каски на израильских велосипедистах. Кастрюлей. Из-под касок пейсы, но выглядит всё всё равно очень агрессивно и странно.

Когнитивный диссонанс, форма и содержание – или бывшая жертва (невольно) подражает агрессору?..

Кусты роз в человеческий рост, десятки белых цветов. Запах тимьяна. Вечереет, окружающие зеленые холмы... Зеленые холмы Палестины, не Африки – но Африка близко, и всё равно – очень романтично. Подумал в первый раз: не хочу отсюда уезжать. Достала Москва. Одно и то же, по кругу... Троллейбус Б.

Глухие угрозы Путина применить ядерное оружие. Приступ страха: а как же люди? Как же наши, свои, родственники, друзья? Переписка с Анной Б-вой, она тоже в шоке. Долго не мог заснуть. Потом, на следующий день – комментарий ЦРУ и англичан – это блеф, не волнуйтесь. (Будем надеяться, что они знают).

Запись урока иврита, из прошлого ноября (2021), неожиданно нашел в телефоне. Странные звуки давно пришедших смс больше говорят о прошедшем времени, чем наши голоса и чириканье нашей птички Ивана Иваныча на заднем плане.

30.04

Опять переписка с Б-вой. Её проклятия в адрес режима вызывают ощущение бессилия. Говорит, что ‘он’ может нанести ядерный удар, что американцы готовятся ответить тоже ядерно, выстрелить по Кремлю, что “все это очень опасно”... Она переехала в Берлин в прошлом году. Дети работают где-то в Европе на ТВ. Внешне все хорошо, в Берлине поздняя весна...

Стал отшучиваться, вдруг вспомнил араба на Мазерати, которого видел за несколько дней до того. Кстати, первый Мазерати в Израиле – отдохнул от Москвы с её наглым богатством. Что пошло в эту машину: деньги на дорогу, школу, больницу в какой-нибудь арабской деревне?.. Две больницы?.. Или это был известный артист?.. Молодой человек был мил и даже элегантен – притормозил на перекрестке, пропуская меня. Немного пошутили об этом с Б-вой, отлегло. Она очень симпатичная, но сейчас проклятия бесполезны – увы.

Осадок остался тревожный. Вышел на ночную улицу, посидел у детской площадки, долго смотрел на ночной Ерушалаим. Вечный

город, вечный... Будем надеяться, что всё ерунда – про ядерное оружие – но хорошо, что Европа далеко.

1.05

Мир-труд-май

Передача Не-Познера, Мартынов, Архангельский, Седакова... Бредота Вл. Мартынова. Замечательный музыкант, возможно, гениальный, но человек... ээ... не очень умный, мягко говоря... Бывает. Твердый инквизитор-Архангельский. Неплохо выглядящий, бородкой похожий на кардинала Ришелье. Он хочет блага Франции. Растерянная Седакова. Беспольный вечный спор Мартынова и Архангельского под взрывы бомб и стоны умирающих. Не очень понятно и уже даже не важно, о чём... Кирсанов и Базаров на Титанике. Вспомнил, что Мартынов где-то сказал, что Арво Пярту, наверное, заплатили, чтобы он посвятил музыку Ходорковскому, и стало понятнее, легче.

Немного похожи на этот table-talk любимые передачи по ТВ-Культуре. Прежние умные и интересные разговоры выглядят неправдой на фоне войны. Умолчание не работает – это заметно на лицах присутствующих. Нельзя интересно говорить о Бергмане или Фрагонаре под вой снарядов... Отсюда уныние. Всех выкинуло из воды на берег. Лежим, как рыбы, разеваем рты и иногда бьем хвостами.

Фильм Вендерса о фотографе Сальгадо. Начал смотреть в надежде на медитативный рассказ а la *Токио га*.¹⁰ Ошибся, но было полезно. Сальгадо снимал нищету в Южной Америке, войну в Эфиопии в 1990-х, изгнание христиан-коптов, голод, гибель сотен людей от голода – в конце 20 века. Ничего об этом не слышал, был увлечен русской свободой. Почему изгнание? Потому, что “другая вера”. За идущими пешком беженцами (женщины-дети) гонялись на вертолетах. Разумеется, Ми, Россия даже в 90-х продавала оружие негодьям.

Стреляли по бегущим людям сверху...

То есть, похожие на украинскую войну вещи происходили в мире часто. А чеченская война? Забыли о тех страданиях, жертва пре-

¹⁰ Документальный фильм Вима Вендерса о Токио (1982).

вратилась в агрессора?.. А Югославия?.. Значит, такие вещи есть в 'меню' человека, как биологического вида. Просто благодаря Горбачеву и, отчасти, Ельцину, поздний СССР, Россию, они не очень касались. А теперь коснулись.

Но – в результате работы Сальгадо, и по его снимкам об этом узнали, заговорили, приехали 'Врачи без границ', многих беженцев спасли... То есть, художник что-то может сделать, может, слова и картинки не бесполезны – не надо махать рукой и говорить "что мы можем?!"... И я должен продолжать эти записи, может быть, они кому-то помогут.

Правда, в какой-то момент Сальгадо устал, по словам Вендерса, у него началась депрессия и он перестал снимать на социальные темы.

4.05

Плакаты на Храмовой горе: "Евреям и собакам вход воспрещен". Вот это да, отвык от этого здесь... Беспорядки. Кидали пластмассовые стулья в дверь отделения полиции. Сначала удивление, потом страх, потом злость. Не всё так хорошо, как кажется. Тут есть ненависть. Дремучая, как заросли кактуса... Не проредить, ни исправить, только махнуть рукой – пусть растет, но только там, у себя, на своей 'территории'... Поспрашивал у местных – усмеваются, пожимают плечами:

– Это арабы. Мы привыкли.

А некоторые говорят:

– Надо отвечать тоже силой.

Как силой? Тоже стулья кидать?.. Израильская полиция решает: есть ли основания возбудить уголовное дело? А как же свобода слова и совести? Впрочем, за стулья кого-то арестовали. Управляющий совет Храмовой горы обиделся: у нас Праздник, мы (тогда) больше не сотрудничаем с вами!..

Нашел в букинисте книжку *Записки Пу И. От императора к гражданину*. На английском, за 5 долларов. Последний китайский император, автобиография. После захвата власти коммунистами отрекся от престола, попал в лагерь, потом доживал простым служащим, потом пенсионером. Рано умер. Возможно, убили.

На обложке – человек в костюме и шляпе с тонкими чертами лица спускается по лестнице. Рядом женщина в строгом жакете и юбке ниже колен. Метафора очевидна: спускается – к нам... Нынешние

правители России никогда бы так не сделали. Книгу о нынешних можно иллюстрировать картинкой – один человек наверху высокой-высокой лестницы... Спускаться вниз может только аристократ, причем, не обязательно по рождению... Помню очень хороший фильм Бертолуччи по этой книге.

Кстати, издано в Пекине, первый раз в 1965 году, при жизни автора. Второе издание (которое у меня) вышло через 35 лет, в 1989, akurat перед Тянь ань Мень. Сидел потом на лавочке с этой книжкой в руках, мимо ходили религиозные евреи в черном... Чувствовал себя немного китайцем.

Большой куст белых роз и горящий желтым, сквозь кусты, уличный фонарь в сумерках. Так и хочется услышать чей-то голос...

Нашел большой атлас *Times* 1968 года. Синайский полуостров обозначен – Israel military zone. Казахстан и Украина – СССР... Раритет. В новостях: папа Римский звонил нашему Патриарху о войне. Тот ему 20 минут читал по бумажке про причины войны – “русский взгляд”. – Брат мой, сказал Папа, давай будем говорить, как христиане... Видимо, как христианам, первосвященникам поговорить не удалось... Потому что больше римский Папа звонить русскому Патриарху не будет, – так сказала его канцелярия.

Утро на балконе. Ласточки – летающие то высоко, то низко. Булгаков, который никогда не был здесь, всё очень точно описал. Прокуратор, Первосвященник, нищий Пророк и тревожные апрельские ласточки, кружащие над городом.

Накануне вечером, в субботу – выпили у раввина Ильи. Илья из СССР, из Минска, мальчиком был увезен родителями в Канаду... Хороший разговор. Проговорили то, что давно думаю: все беседы о долготерпеливом русском народе – не имеют смысла. Пробуждение этого народа – катастрофа. С пробуждением приходят Пугачевы и Ленины. А вот верные преображенцы или табакерки – испытанный способ политической борьбы в императорской России и допетровской Руси... Можно еще небольшое поражение в Ойкумене, на окраине империи – например, Сахалин (1904) или Крым (1856) – это хорошо для начала реформ. Наполеон и прочие были наивны, чудовищно жестоки и имели большое самолюбие: для падения Москвы – Москва не нужна... Где-то я об этом читал, у Ивана Ильина или Гиппиус.

Илья вышел меня проводить. Запел мулла. Забавный фон нашего разговора – граница Иерусалима, цветущая в свете фонаря белым глициния, и горизонтально висящий в небе тонкий, злой полумесяц.

5.05

Феликс Кандель

Познакомились забавно. Я прочел о его книге *Земля под ногами* в предисловии переводчика к *Русскому роману* Меира Шолева, который привез из Москвы. В Москве этот роман совсем не шел, а тут прочел его за 2-3 недели – для меня это быстро. Я подумал, что *Землю* надо тоже почитать – о ней очень хорошо написали.

Через неделю, вечером, гуляли по району с женой. У одного из домов разговаривали два немолодых американца в кипах – их английский всегда слышно. Мы что-то спросили (как куда-то пройти), они ответили. Спросили, откуда мы.

– О, Россия... *Sorry*...

Слово за слово – разговорились. Спросили, кто я по профессии.

– Писатель, журналист? А у меня сосед и мой друг тоже писатель. Вот в этом доме.

– Как фамилия вашего друга? – с не очень большим интересом спросил я.

– Кандель.

Одна знакомая потом сказала, что в Иерусалиме так часто бывает. Он очень пожилой, почти 90 лет, но живой, весело разговаривающий, быстродвигающийся, пьющий маленькими рюмочками итальянскую водку – граппу. Русскоязычный писатель в Израиле. Здесь таких называют *русские*. Маленького роста, худенький, с бородкой, но с большой внутренней силой. Если верить компьютерной реконструкции, примерно также выглядел апостол Павел – внешне слаб и мал, а внутри из чего-то очень твердого...

В молодости, вместе с Курляндским и Хайтом, придумывал сценарии для *Ну, погоди*. Потом участвовал в движении еврейских отказников, попал в милицию, и в 1977 году выехал сюда.

Сейчас – большая двухэтажная квартира в старом доме в районе Рамот, когда-то это была окраина, окна в сад и на склон горы, в доме много цветов, камин, большая терраса, с растениями в горшках. Автор документального многотомника *История евреев России* и около 15 (!) книг прозы... В Израиле он – живой классик. Жена умерла двадцать пять лет назад, есть двое взрослых сыновей, ше-

стеро внуков, сыновья давно живут отдельно, своими семьями. Феликс принимал нас один, но в доме чисто – есть женская рука. Может быть, сам? – предположила жена. Оказалось потом, что права, сам.

Вспоминал Москву, показывал игрушки – деревянный казак на лошади, две интересные самодельные куклы, на стене – очень хорошая чёрно-белая фотография русской деревенской пары – молодой мужик, с всклокоченной бородой, женщина в платке. Что написано на лицах? Терпение. Россия всегда – терпит. Сказал, что там очень тяжелая жизнь – в деревне, фото сделано в Архангельской области, 30 лет назад, в начале 1990-х. Бесплезно ждать от них сопротивления, измученные люди не могут сопротивляться.

Рассказал:

– Знаете, у этой фотографии интересная история. Я увидел её в Нью-Йорке, в доме одного русского эмигранта и фотографа, и она произвела на меня такое впечатление, что я стал его просить – подари, продай, чуть ли не на колени встал. И я так его просил, что он сделал и подарил мне еще один отпечаток, накануне моего отъезда. И я вез ее в руках, в самолете Нью-Йорк – Тель-Авив, боялся память в чемодане.

Странно выглядела эта фотография на стене дома в Иерусалиме, грустно и странно... Было видно, что и автор фотографии, и он сам – любят этих людей, сочувствуют им, но живут за тысячи километров от них. Неужели только так можно любить Россию – издали?.. (Примеры Гоголь, Александр Иванов, Бунин, Горький, и т.д.).

До войны он часто бывал в Москве – там выходили его книги... Рассказывал, как ездил в 1990-х с Эдуардом Успенским по Подмосковию, как заночевали в каком-то доме, как хозяйка напекла целую сковороду блинов, как ели их со сметаной... А здесь – он любит ездить с сыновьями на Голанские высоты, остановиться где-нибудь, снять комнату, полдома – там очень красиво, покрытые лесом горы, поезжайте, посмотрите.

Было поздно, в соседней арабской деревне, как всегда, запел мулла. Все прислушались.

На полках – московские и питерские книги, Пушкин, Лермонтов, японское *Манъесю*, словарь Даля. Много книг по иконописи. Увлекался... Целый шкаф собственных книг. Две подарил.

Одна из них показалась знакомой. Дома вспомнил, что видел эту книгу в магазине *Москва тридцать лет назад*, в 1990 году, сразу после поступления в Литинститут и даже держал её в руках. Изда-

тельство Слово, оно издавало эмигрантов. Зиник, Горенштейн, Бродский – их книги знал и покупал, в 1990 году это было взрывом. А Канделя не знал, еврейское движение тогда было от меня далеко, потому что мне тогда казалось, что *мы* – такие же, как все. Это кстати верно, но остальные *такие же* нам не дадут быть не то, что такими же, а даже похожими...

Обложку запомнил – она была сделана в странном, сказочно-карикатурном, немного лесковском духе. Мог ли я думать, стоя на тогдашней улице Горького, что через год Советский Союз кончится, а через 30 лет я увижу автора в его доме в Иерусалиме?.. Нет, не мог. Русская история литературы любит длинные линии... Книги полистал: это продолжение традиции Ремизова, Лескова и даже Шергина. Много, что открывал (прозу) было на русские темы. Причем особенно интересно, что это не придумано и не сделано, это органика, от души. Откуда она у еврейского мальчика из Москвы, прошедшего детство на Арбате?..

Про Израиль Феликс сказал неожиданно резко: это мой дом, эта земля – моя, я за неё могу воевать!.. И мой сын воевал за эту землю... Вышли на балкон. Вдали, внизу, километрах в двух, шла трасса Иерусалим–Тель-Авив, по ней ехали редкие машины, горели фонари. Дальше переливались огни Иерусалима.

– Я здесь 45 лет, – сказал он, – это ровно полжизни.

Тут многие такие, по 20, 30, 40 лет живут... Подо мной, на первом этаже, американец-военный, чуть ли не их генерал, в высоких чинах, справа, в соседнем доме корейцы-прозелиты, они не евреи, просто приняли иудаизм, сначала приехали сюда, как туристы, потом их зацепило, здесь такое бывает... Слева румыны, пара, она никогда не здоровается – что значит, бывший соцлагерь.

– Вы религиозны? – Не знаю. Я верующий, но в синагогу не хожу и не молюсь. Но то, что Бог есть, я верю. Он дал евреям эту землю.

8.05

В Израиле уже 30 лет живет моя одноклассница. Когда-то общались. Это она написала смс про теракт, в который попали наши друзья из Питера... Она уехала в 90-х. Сначала жила очень сложно, снимала в Яффо у марокканца крошечную квартирку, потом нашла работу, года через три привыкла. Переехала на север, в маленький городок Кармиэль, работала в Хайфе, долго – 10 лет. Каждый день

ездила на работу на автобусе... Поздно, в пятьдесят, вышла замуж. Муж местный.

Договаривались о встрече долго, то она не может, то я. Нет большого желания? Страшно? Очень давно не виделись... Но по телефону говорили хорошо. Я предложил встретиться в Хайфе. Погуляем, посмотрим, известный город.

Отреагировала нервно: – Ты что? Теракты! Ты что, не слышал?! – Но это же редко и не в Хайфе? – Какая разница! Вся страна крохотная. И, что значит редко, три дня назад! Сядем в кафе в торговом центре, там есть охрана на входе. – Вы дома не гуляете? – Гуляем, у себя в районе.

Откуда этот страх? Это истеричное желание сохранить себя, спрятаться... Ведь это её страна, её земля, тут серьезная полиция...

Вспомнил, как месяц назад по телефону она говорила, что её муж после радиопередачи со Стасом Белковским пошел в магазин и купил десять пачек макарон и тушенки – про запас. Белковский предсказывал мировую войну и голод. По её словам, Белковский теперь носит кипу и цицит. В Москве, мы немного знакомы – этого не было.

Давно-давно, году в 1990-м, один серьезный психолог мне сказал: каждый невроз несет черты своего времени.

10.05

Местная русская

Приехала недавно, месяца три назад. 1. Поздоровались. 2. Спросила (напористо), как я праздновал праздник. – Какой праздник?.. – День Победы! – Пауза. – Маме в смс послал поздравление и цветочки. А так я не праздновал. Контекст такой... 3. – И зря. Мы собирались, выпили. – Кто мы? – Местные русские.

Симпатичная, но глаза злые. Из Иркутска, но почти 15 лет в Москве. С ностальгической улыбкой рассказывала о московском кафе Аист на Бронной улице – месте сбора московского и российского начальства, соответствующего бизнеса и жаждущих денег красивых девушек со всей России.

12.05

Мальчик, сын Лены из Украины, рисовал во дворе. Я подошел, посмотрел: так дети в моем детстве рисовали войну. Ту предыдущую, Отечественную. Сверху, у самой верхней кромки листа – бомбочки, летят вниз. Снизу – прямоугольнички с окнами. Это дома. Один из

них до половины сломан и из него растет что-то вроде гриба-поганки – это взрыв. Спрашиваю: что это? Он молчит некоторое время, потом делает надпись, большими печатными буквами:

– Это то, чего я боюсь.

Попросил: подари мне эту картинку? Он удивился, заколебался, потом протянул: возьмите.

Потом она сама зашла к нам *на пять минут, за сахаром*. Посидели, попили чай, поговорили о чем-то.

И вдруг заплакала:

– Ребята, я больше не могу. Сидела в прошлую субботу в гостях, большая семья, дети, родители, бабушки-дедушки, и подумала: а моя семья где?..

15.05

В аэропорту

Приехала давняя знакомая из Москвы, привезла какие-то вещи. Стояли, ждали её у зала *Прибытие* вместе с другими *русскими*. Говорили, о чём придется. О местных делах (документы, аренда, цены, места), об украинских беженцах, им много помогают. Гораздо больше, чем нам, но, наверное, они этого заслуживают?.. Почему-то я машинально оглянулся, почувствовал чей-то взгляд: прямо за мной на парапете сидел мужчина с совершенно гэбешным лицом, типаж, так знакомый по Москве – и от которого я здесь отвык. То ли он слушал, о чём мы говорим, то ли именно в этот момент просто посмотрел на нас... Вероятно, сотрудник посольства, кто ещё может иметь здесь такое лицо? Сразу вспомнил весь московский контекст, ползучий страх без видимой причины... Хотя мы *ничего особенного* не говорили, так, по мелочи.

Это “мы ничего особенного не говорили” – о, Господи, как быстро всё вспомнилось! Вот от этого я уехал, от этого!..

Самолёт задерживался, и я пошел пить кофе. Парень-бариста плохо понимал мой английский. Молодой человек с длинной религиозной бородой, стоявший сзади, помог. Спокойно, доброжелательно, умные глаза. Случайно опустил глаза: на его модной клетчатой рубашке висел небольшой бейджик: *секьюрити. Два мира, два Шапиро* – был такой анекдот.

18.05

Часто слышу: что мы можем сделать? Именно вопрос, а не *разводя руками*.

Отвечаю: главное, что может сделать писатель в нынешней ситуации – это записывать. Чтобы потом сделать из этого романы, рассказы, стихи... По примеру Белля, Кеппена, Фаллады и т.д. *Где ты был, Адам?, Долина грохочущих копыт, Голуби в траве.*

– Где ты был, Адам?¹¹

– В эмиграции, Господи, не на войне.

19.05

Музей искусств в Тель-Авиве, очень хороший, большой, бесплатный день.

Работы многих художников вживую видел впервые – Поллак, Кислинг, Соня Делоне. Кислинг есть в альбоме в Москве. А альбом как-то купил в Пушкинском... Ну ладно, идем дальше.

На 3 этаже выставка современного искусства. Annet Messenger. Интересно.

Много русских посетителей и почти все русские смотрительницы. Стыль общения смотрительниц советский: “Мы тоже домой хотим”. Убежал от них.

Потом вечер в кафе N. Нашей девочки, Ами, нет, вместо неё другая. Расстроилась, когда я у неё спросил про Ами. Потом пришла ещё одна – *русская*. Т.е. мама – из Казахстана. Немного говорит по-русски. Разговорились, насколько это возможно. Сказала, что служит в армии, а в выходные подрабатывает здесь. – В выходные? А армия? – Ну да, на уик-энд их отправляют домой, и она в это время подрабатывает. Спросила, что я читаю. Показал книжку Достоевского. – Кажется, я что-то слышала. – От мамы? – Не помню.

Подробно написала маршрут до автовокзала на чеке. И даже номер автобуса в Иерусалим. – Как тебя зовут? – Дана. – Это библейское имя. – Я знаю. – Ты хорошая, Дана. – Ты тоже. – Когда в армию? – Послезавтра, в воскресенье. – Давай, осторожнее. С арабами надо делать мир. – Прости, но я так не считаю.

22.05

Встретились у магазина с Канделем. Я: вы говорите, что чувствуете себя израильтянином, а пишете, как последователь Алексея Реми-

¹¹ Где ты был, Адам? – фраза из Библии, книга *Бытие*. Стала названием одноименного антивоенного романа Генриха Белля (1953).

зова, да ещё любите Платонова, то есть пишете демонстративно по-русски.

Кандель: я не думаю о том, какой я писатель: русский или еврейский. Я просто пишу.

23.05.22

Пересмотрел *Сталкера*. Переполнен евангельскими метафорами. Знаменитый монолог Кайдановского “то, что очерствело – умрет” и “сделай так, чтобы они поверили”, чтение Фрейндлих *Откровения Иоанна Богослова...* 1979 год, а пропустили ведь. Правда, фильм шел по окраинам и клубам, на широкий экран его не выпускали. Помню, что смотрел его в каком-то кинотеатре у метро Речной вокзал, днем, потому что в *прайм-тайм*, вечером, его не показывали.

Никакой рекламы не было, всё узнал по сарафанному радио. Поехал с тогдашней подружкой, серый московский снег, у самого кинотеатра маленькая афиша – *Сталкер*. Сейчас она часто на дисках, а раньше – на видеокассетах. Народу в зале, впрочем, было много. Тогда так часто показывали хорошие фильмы – *В четверг и больше никогда* Эфроса тоже смотрел в каком-то Клубе рабочей молодежи у метро Улица 1905 года. Полузапрещенность повышала мотивацию, как сказали бы сейчас, давала чувство причастности к чему-то важному...

Сталкер меня тогда оглушил.

Говорил об этом фильме со студентом-первокурсником ВГИКа. Попросили помочь. Умный, благополучный мальчик, но абсолютный конформист, сын бизнесмена, приехал в Израиль на каникулы. Сказал, что все очень затянато, но ему понравилось. Впрочем, как-то он понял, о чем фильм, сказал – о вере.

Встреча происходила в кафе недалеко от Иерусалимского рынка, район Махане Иегуда. Очень веселое, колоритное место. Хипстеры, туристы, молодежь, еврейские ортодоксы, красивые репатриантки из Эфиопии – все в одном флаконе. Какая извилистая траектория пролегла от кинотеатра на Речном вокзале до этого кафе. С другой стороны, я всегда понимал (за исключением, может быть, начала 1990-х годов), что возможно, придется уехать... Бунин, Алданов, Бурлюк, Набоков, Довлатов, Солженицын, Бродский. Поплавский, Присманова, Божнев, Несмелов. Etc., etc., etc.

Теперь наш выход, – как когда-то сказал Крученых.

Reviews

Ярослав Голубинов¹

Яновский, Андрей (под ред.). 2019. *Городцов Василий Алексеевич. Дневники ученого. 1914–1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2 кн. (Москва: ГИМ). Кн. 1. 1914–1915. 544 с., ил.; Кн. 2. 1916–1918. 384 с., ил.*

Изучение эго-документов в последние годы в России переживает настоящий бум². С одной стороны, это можно объяснить относительной доступностью большинства архивов, легкостью публикации материалов, возможностью электронного хранения текстов (это к тому же облегчает их анализ). Тем не менее, есть и другая, гораздо более важная, причина, а именно возросший интерес общества к свидетельствам о прошлом, во-первых, не подвергшимся никакой литературной обработке, показывающим жизнь как есть, без прикрас, и, во-вторых, транслирующим неподцензурную версию событий минувшего. Живые голоса жителей города и села доносятся до нас со страниц дневников, писем и воспоминаний, давая очень объемные, полифоничные картины разных эпох.

Отрадно, что публикации эго-документов выходят не только в крупных и известных широкой публике столичных издательствах (наподобие Нового литературного обозрения, Кучкова поля, Росспэна и др.), но также в относительно мелких и нишевых, как в столичных центрах, так и в провинции. При этом издания могут быть как результатом долгой кропотливой работы специалистов из архивов, музеев и вузов, так и актом семейной, родовой коммеморации³. Особенно ценными представляются в этой связи извлеченные из семейных архивов эго-документы, о существовании которых исследователи не подозревали, а также источники, хранив-

¹ Рецензия выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-59-14003 «Великая война и антропоцен: токсичное наследие империй и трансформация окружающей среды в Центральной и Восточной Европе».

² См., например, Литовская et al. 2021.

³ Из последних публикаций такого рода можно вспомнить дневники генерала Владимира Ивановича Селивачева, подготовленные его праправнуком Олегом Николаевичем Хлестовым и изданные без обращения за помощью к издательским домам.

шиеся в специализированных архивохранилищах, доступ в которые был обычно ограничен. Среди последних следует выделить, на мой взгляд, двухтомную публикацию в 2019 году дневников за 1914–1918 годы выдающегося российского историка и археолога Василия Алексеевича Городцова (1860–1945), рукописное наследие которого сохранилось в отделе письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ, Москва).

Городцов был выходцем из духовного сословия. Он родился в семье дьячка из села Дубровичи Рязанской губернии и образование получил в Рязанской духовной семинарии, откуда ушел на военную службу, не желая связывать свою судьбу с карьерой священнослужителя (Крупнов 1956: 5–6). На военной службе он пробыл с 1880 по 1906 год, успев дослужиться до чина подполковника, и в отставке начал карьеру профессионального ученого, превратив свое увлечение археологией и геологией уже в постоянную работу⁴. Надо отметить, что Городцов стал на рубеже XIX–XX веков одним из ведущих археологов, автором фундаментальных трудов, внося большой вклад в основы классификации археологических культур на территории России⁵. Его учениками были многие известные исследователи, например, Артемий Владимирович Арциховский, и, таким образом, многие археологи современной России могут проследить свою, так сказать, научную генеалогию до Городцова. Сам же он был учеником Алексея Васильевича Селиванова и Владимира Ильича Сизова. Наследие Городцова стало предметом специальных научных штудий, и в частности, не была забыта и его работа в 1914–1918 годы (Белозерова et al. 2015: 114–118).

Дневники 1914–1918 годов, изданные ГИМ, в первую очередь интересны не только и не столько довольно подробными описаниями научных штудий Городцова, его поездок, выступлений, присутствия на различных научных собраниях и т.д., сколько тем, что это ценный источник, отразивший сознательное и бессознательное (автор дневников периодически фиксировал свои сны⁶) российского интеллигента, выходца из недворянских кругов, обладавшего, к тому же, военным опытом, что отличало его от большинства коллег по музею и вузам, где он преподавал. Российское общество эпохи Великой войны необычайно остро реагировало на военные

⁴ О перипетиях жизненного пути Городцова см.: (Жук 2005).

⁵ Подробнее о значении его научных открытий и трудов см.: (Крупнов 1956: 5–6).

⁶ См., например, впечатляющую и необычайно подробную запись приснившегося ученому утром 12 сентября 1914 года (Яновский 2019, I: 94–99).

успехи и неудачи, в ходе конфликта существенно поменялись практики поведения городских и сельских масс, их восприятие государства и института монархии⁷.

Горожане и селяне стали с началом войны необычайно восприимчивы к слухам. Дневники Городцова дают тому яркое подтверждение. В дневниках можно найти записи десятков слухов, ходивших по Москве после объявления войны и вплоть до ее конца, а сам автор дневников справедливо заметил, что “в настоящее время ведутся две войны”: “одна — на полях сражений, другая на страницах газет, причем как та, так и другая одинаково не щадят правды, а бьют ее бедную, где попало и чем попало” (Яновский 2019, I: 80).

Впрочем, Городцов не был беспристрастным свидетелем, но очень живо переживал происходившее на фронте. Ему как военному в отставке были очень интересны подробности боев, которые он заносил в дневник, снабжая их по необходимости даже схемами. Сыновья Городцова тоже оказались на фронте, и в 1918 году он просил, например, одного из них — Игоря — подробно рассказать о событиях и приключениях на фронте, пленении и пребывании в плену в Германии (Яновский 2019, II: 313–344). Рассказ свой Игорь Василевич Городцов завершил тирадой, что он ненавидит немцев, которые “презирают русских”, и не верит “большевистскому движению в России”, потому что во главе его стоят те же люди (“жиды”), что мучили пленников в Германии. Надо заметить, что рассказ сына, судя по всему, очень растрогал Городцова.

Зарисовки с фронта, иногда дополненные газетными вырезками, часто встречаются в дневнике, и заметно, что автор много размышлял над тем, что услышал от приезжавших с передовой знакомых и друзей. Городцов часто возвращался к теме “внутренних немцев”, т.е. тех противников России, которые мешали стране изнутри. Разговоры о немецком засилье, замаскированных немцах, скрывавших свое происхождение, привлекали внимание Городцова, внимательно фиксировавшего настроения городской публики и сельских жителей⁸. Автор и сам часто отмечал пронемецкие взгляды некоторых своих коллег, о спорах с которыми он также оставлял подробные отчеты. Все это позволяет проследить динамику настроений как рафинированной столичной интеллигенции, так и

⁷ Подробнее об этом см.: (Аксенов 2020).

⁸ См., в частности, запись обсуждения немцев России и их роли в поражении на фронте в записи 17 августа 1915 года (Яновский 2019, I: 453–455).

народных масс, поскольку в своих поездках Городцов, любивший поговорить с попутчиками, часто беседовал со случайными людьми о войне и ее наиболее характерных особенностях.

Другой важной темой, которой также отведено немало места в записях, стала дороговизна и дефицит продовольственных продуктов. Иногда темы слухов и дороговизны соединялись в одной записи. Так, Городцов 28 сентября 1916 года отметил: “Слухи⁹. В Петрограде нет мяса, нет сахара и других продуктов первой необходимости. Петроградцы за продуктами приезжают в Москву, а чаще в Выборг. Но такие поездки доступны только богатым людям” (Яновский 2019, II: 141).

Интересными оказываются и страницы, посвященные политическим изменениям 1917 года. Городцов внимательно присматривался к происходившему на улицах Москвы в феврале–марте того революционного года и с сочувствием описывал происходившие эксцессы (аресты полицейских агентов, “плутов–купцов”, укрывавших съестные запасы и спекулировавших ими), передавал разговоры о “захвате муки, сахара и всякой снеди, спрятанных в церквях, кладовых, сторожках у попов и причетников” (Яновский 2019, II: 217). Февральскую революцию Городцов воспринял, как и многие другие интеллигенты, очень позитивно: “Неужели мы, русские, свободны?” (Яновский 2019, II: 219). Однако записи в июле 1917 года свидетельствуют о разочаровании в деятельности Временного правительства, а разговоры с людьми, которые так любил записывать Городцов, показывали, что министры кредит народного доверия уже исчерпали. К сожалению, не сохранились записи осени 1917 года, поэтому узнать о реакции Городцова на события октября в Петрограде нельзя. Однако его сочувственное отношение к словам сына осенью 1918 года о “жидах”, что засели в большевистских комитетах, заставляет предположить, что отношение это было, по крайней мере поначалу, негативным.

Следует отметить, что дневники Городцова изданы, на мой взгляд, образцово. Сотрудники ГИМ проделали большую работу по составлению научно-справочного аппарата, бережно передали текст дневников, подробно объяснив археографические принципы публикации, а также составили именной указатель к дневникам, добавив к ним в качестве приложения еще несколько писем к Городцову от профессора Харьковского университета геолога Николая

⁹ Курсивом в публикации дневника передано подчеркивание текста в оригинале.

Иосифовича Криштафовича. Публикация писем позволила еще глубже отразить “атмосферу невзгод”, самый дух того времени (Яновский 2019, II: 346)¹⁰.

¹⁰ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-59-14003 *Великая война и антропоцен: токсичное наследие империй и трансформация окружающей среды в Центральной и Восточной Европе.*

Библиография

Аксенов, 2020: Аксенов, Владислав. 2020. *Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918)* (Москва: Новое литературное обозрение)

Белозерова et al. 2015: Белозерова, Ирина, Сергей Кузьминых. 2015. 'Научная деятельность В. А. Городцова в годы Первой мировой войны', в *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. V*, под ред. Айрата Ситдикова, Николая Макарова, Анатолия Деревянко (Казань: Отечество), 114–118

Жук, 2005: Жук, Александр. 2005. *В.А. Городцев в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности* (Омск: Изд-во ОмГУ)

Крупнов, 1956: Крупнов, Евгений. 1956. 'О жизни и научной деятельности В.А. Городцова', *Советская археология*, XXV: 5–12

Литовская et al. 2021: Литовская, Мария и Суржикова, Наталья (под ред.). 2021. *Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах: [коллективная монография]* (Москва–Екатеринбург: Кабинетный ученый)

Яновский 2019: Яновский, Андрей (под ред.). 2019. *Городцов Василий Алексеевич. Дневники ученого. 1914–1918: Из собрания Государственного исторического музея. В 2 кн.* (Москва: ГИМ)

Giorgia Rimondi

Inber, Vera. 2022. *Quasi tre anni. Leningrado. Cronaca di una città sotto assedio*, traduzione e cura di Francesca Gori (Milano: Guerini e associati), 231 pp.

I *quasi tre anni* dell'assedio di Leningrado (dal settembre 1941 al gennaio 1944) rappresentano una delle pagine più tragiche della Seconda guerra mondiale, nel corso della quale la popolazione della città sarà decimata da incursioni aeree, fame, freddo e malattie. Leningrado rivestiva particolare importanza non soltanto strategica, come via di accesso al Baltico, ma soprattutto simbolica, in quanto ex capitale dell'Impero russo e sede della rivoluzione bolscevica del 1917. La resistenza dei suoi abitanti al di là di ogni limite contribuì alla capitolazione del nazifascismo, innescando una serie di eventi che portarono alla conclusione del secondo conflitto mondiale. Di questa tragica pagina della storia del Novecento il diario di Vera Inber restituisce una testimonianza sincera e dettagliata, facendone così una delle principali voci dell'assedio.

Poetessa, scrittrice e traduttrice, Vera Inber (1890-1972) nasce a Odessa in una famiglia agiata, studia a Mosca, dove si avvicina al movimento costruttivista, e viaggia per l'Europa, trascorrendo un periodo a Parigi durante il quale ha inizio la sua attività letteraria con la pubblicazione delle prime raccolte di poesie. Gli anni successivi saranno però segnati dal terrore della persecuzione a causa del suo legame di parentela con Lev Trockij, che nel 1927 verrà prima espulso dal partito e poi esiliato: per questa ragione Inber decide di prendere le distanze tanto dai costruttivisti quanto da tutto ciò che, sul fronte artistico, poteva essere considerato non ufficiale, con l'intento di avvicinarsi quanto più possibile ai dettami del partito. Così, nel 1933 il suo nome figura tra gli autori del volume di stampo propagandistico sul cantiere del canale sul Mar Bianco-Mar Baltico intitolato a Stalin, pensato dal partito come storia ufficiale della costruzione del maestoso progetto – tristemente noto per l'impiego di forza lavoro dei detenuti dei gulag –, volto a mostrare la capacità dello Stato sovietico di piegare l'uomo e la natura ai propri scopi.

Durante l'assedio Vera Inber decide di trasferirsi a Leningrado insieme al terzo marito Il'ja Strašun, direttore del Primo istituto di medicina della città, con l'intento di prendere parte attiva agli eventi documen-

tando gli anni del conflitto, così come faranno le scrittrici Lidija Ginzburg (Ginzburg 2019) e Ol'ga Berggol'c (Berggol'c 2013); tuttavia, a differenza di Inber, queste ultime terranno nascosti per anni i loro diari – pubblicati soltanto durante la perestrojka –, ben sapendo che in essi venivano affrontate tematiche in contrasto con la narrazione ufficiale dell'assedio.

Il diario di Vera Inber vedrà invece la luce nel 1945, e insieme al poema in versi *Il meridiano di Pulkovo* (Inber 1942) le varrà il premio Stalin nell'anno successivo. *Quasi tre anni*, ora pubblicato in lingua italiana da Guerini nella collana *Narrare la memoria*, è una delle opere fondamentali per la costruzione del *mito dell'assedio*, che risponde alla retorica ufficiale del potere sovietico; come sottolinea la traduttrice e curatrice dell'edizione italiana Francesca Gori nell'introduzione, già nel 1943 l'Istituto di storia del Partito aveva diffuso un memorandum contenente precise indicazioni nonché un elenco di temi che dovevano essere necessariamente presenti nelle memorie sull'assedio, di conseguenza già a partire dal 1944 l'autrice si dedicherà al lavoro di revisione del suo manoscritto. Si tratta dunque di un'operazione di autocensura e di compromesso, volta a esaltare innanzitutto la resistenza eroica dei leningradesi durante l'assedio, dando parallelamente meno rilievo alla situazione disastrosa della città e alle digressioni di carattere personale. L'appendice presente nell'edizione italiana presenta solo alcuni dei frammenti espunti dal testo originale, poi pubblicato nella Russia sovietica in versione integrale soltanto nel 1964. Dopo la pubblicazione del diario, Inber tornerà a Mosca per continuare la sua attività di scrittrice e traduttrice, anche se da quel momento diverrà meno prolifica e le sue opere perderanno la forza poetica che aveva contraddistinto il periodo precedente alla guerra. Nonostante la controversa posizione di scrittrice *ufficiale*, nelle pagine del diario ai momenti più esplicitamente retorici e di stampo propagandistico sull'*eroica difesa* della città e della nazione si alternano digressioni che descrivono le difficoltà a cui sono sottoposti i leningradesi nella lotta per la sopravvivenza; difatti, come avverte la curatrice, “sta appunto al lettore distinguere questi due aspetti: quello di una genuina testimonianza letteraria ed esistenziale e quello di un testo documentario dell'assedio” (Inber 2022: 16). Del resto, l'impostazione ideologica generale è resa esplicita nell'annotazione del 29 dicembre 1943: “Quale impatto hanno ora i miei versi? Come ha funzionato la mia penna – la mia arma nella Leningrado assediata? Il mio lavoro è stato utile, almeno in qualche misura? Io ne sono responsabile” (Inber 2022: 195). Tra le pagine del diario emerge costantemente la per-

cezione del lavoro dello scrittore come missione: “voglio essere lì, voglio condividere con essa [Leningrado – G.R.] il mio destino, darle tutta la mia forza” (15 maggio 1942; Inber 2022: 100), e ancora: “sento che devo vivere lì fino alla sua liberazione” (28 settembre 1943; Inber 2022: 185). A questo impegno Inber si dedica anche pubblicamente, tenendo discorsi e interventi a radio Leningrado, alla TASS, ai circoli letterari e al fronte, dando letture nei reparti dell’ospedale. E in effetti la cosa più sorprendente del libro di Inber è la dedizione al proprio compito, le riflessioni sul dovere dello scrittore, sulla sua vocazione e persino sulla tecnica del mestiere, che compaiono qua e là nelle pagine del libro. Un lavoro, quello dello scrittore in tempo di guerra, a cui non ci si può sottrarre, lavoro che diventa una necessità interiore nella città assediata, tanto che si ha “voglia di scrivere come a volte si ha voglia di mangiare” (2 febbraio 1942; Inber 2022: 70). Nelle giornate che oscillano tra bombardamenti e una “calma quasi terrificante”, il lavoro è l’unico sollievo e rifugio, poiché “solamente quando lavoro non può succedermi niente di male” (Inber 2022: 116). Sullo sfondo si staglia la situazione drammatica della città eroe Leningrado e della quotidianità dei suoi abitanti, con tutte le sue difficoltà e privazioni: l’isolamento, il freddo, la mancanza di acqua corrente, il razionamento del cibo, le interminabili code, le malattie, la necessità di conservare le forze per gli spostamenti in cerca di cibo e legna da ardere, in quello che viene descritto come un autentico *Golgota*. A tutto ciò si aggiunge il dramma personale della preoccupazione per il proprio destino e per quello dei cari.

Eppure, Inber riesce a coniugare nel suo resoconto tragedia e bellezza; nonostante i continui pericoli, gli obitori strapieni, i bollettini di guerra e le scene a cui assiste nell’ospedale dove lavora il marito, una parte della vita – tra cui quella culturale – continua a scorrere: la discussione delle tesi di dottorato in un rifugio antiaereo, le riunioni letterarie e le letture pubbliche, i concerti che non si interrompono, nonostante l’atmosfera “lugubre” (Inber 2022: 44) e il freddo. Ed è proprio la notizia che Šostakovič sta componendo la *Settima sinfonia* a spingere Inber a scrivere che, anche nella città distrutta dai bombardamenti, “l’arte non è morta: essa continua a vivere, a risplendere e a riscaldare il cuore” (22 settembre 1941; Inber 2022: 37).

La tensione verso il passato, nel tentativo di restare ancorati agli ultimi scampoli di umanità, è una delle possibili metamorfosi del tempo durante l’assedio, che, cessato di essere una categoria generale, si è paradossalmente individualizzato. Tale percezione è espressa vividamente nel diario tramite l’immagine degli orologi delle strade di Leningrado,

le prime vittime dei bombardamenti, che fin dall'inizio dell'assedio avevano cessato di segnare "l'ora del lavoro, l'ora del riposo, gli incontri desiderati, le occupazioni, le feste e le nascite. [...] Il tempo aveva cessato di esistere" (Inber 2022: 214). Simbolo di una città completamente immobilizzata, spettrale, in cui il tempo collettivo e individuale è come congelato, la loro rimessa in funzione al termine dell'assedio segnerà quella ripresa della vita – "il tempo è ritornato", annota Inber il 24 aprile 1944 (Inber 2022: 214) – che accompagna la ricostruzione della Leningrado ormai libera, in cui ogni cosa e ogni spazio possono ritornare alla loro funzione originaria: le fabbriche riprendono la loro produzione, piazze e giardini, prima invasi dagli orti pubblici, riacquisiscono il loro aspetto precedente.

Il diario di Vera Inber si aggiunge alle numerose testimonianze che preservano la memoria dell'assedio – memoria tuttora problematica in terra russa, dove nel corso degli anni la monolitica narrazione ufficiale ha prevalso sulla verità storica all'interno di una retorica di glorificazione della vittoria nella Seconda guerra mondiale –, raccontando del modo in cui lo spirito umano è stato costretto a misurarsi con questa catastrofe, in cui si intrecciano i destini del singolo e della collettività.

Bibliografia

Berggol'c 2013: Berggol'c, Ol'ga. 2013. *Diario proibito. La verità nascosta sull'assedio di Leningrado* (Venezia: Marsilio)

Ginzburg 2019: Ginzburg, Lidija. 2019. *Leningrado. Memorie di un assedio* (Milano: Guerini e associati)

Inber 1942: Inber, Vera. 1942. *Pulkovskij meridian* (Leningrad: Goslitizdat)

Inber 2022: Inber, Vera. 2022. *Quasi tre anni. Leningrado. Cronaca di una città sotto assedio* (Milano: Guerini e associati)

Giorgia Rimondi

Kuznecov, Eduard. 2023. *Parole trafugate. Diari clandestini dalla Russia (1970-1971)*, traduzione di Maria Olsufieva e Oretta Michahelles (Milano: Guerini e associati), pp. 200.

Eduard Samuilovič Kuznecov (1939) ha trascorso 16 anni della sua vita nei lager sovietici. Di questo lunghissimo periodo i suoi *Diari* restituiscono soltanto una piccola parte: i mesi che vanno dall'ottobre 1970 al novembre 1971.

Rispetto ad altre testimonianze della vita nel lager nel contesto post-staliniano, il caso *Kuznecov* ha ricevuto grande risonanza internazionale, portando a risvolti concreti nel sollevare il tema dei diritti umani nell'URSS degli anni Settanta e del funzionamento della macchina totalitaria sovietica. L'attenzione all'esperienza dello scrittore e giornalista dissidente è testimoniata dall'apparizione nel 1973 dei suoi *Diari* di prigionia, fatti arrivare clandestinamente in Occidente e pubblicati in prima edizione mondiale in lingua italiana per Longanesi, con il titolo *Senza di me. Diario da un lager sovietico (1970-1971)*. Nello stesso anno a Parigi esce l'edizione francese presso Les Editeurs Reunis, anticipando *Arcipelago Gulag* di qualche tempo.

La vicenda di Kuznecov è emblematica della resilienza umana durante gli anni bui del regime sovietico: i *Diari* ricostruiscono le fasi di preparazione della tentata fuga dall'URSS, l'arresto, l'internamento nel gulag e il processo, interrompendosi poco dopo la notizia della sospensione della pena di morte.

Di origini russo-ebraiche, tra il 1959 e il 1960 Eduard Kuznecov è studente di filosofia dell'Università di Mosca, contribuisce alla diffusione della letteratura samizdat partecipando alla pubblicazione della rivista clandestina *Sintaksis* e della raccolta poetica *Feniks*, prendendo parte agli incontri informali in Piazza Majakovskij insieme ad altri scrittori e attivisti, tra cui Jurij Galanskov, Vladimir Osipov e Vladimir Bukovskij. Per queste attività viene arrestato una prima volta nel 1961 e condannato a sette anni di campo speciale, dapprima a Pot'ma e in seguito nel Dubravlag, in Mordovia, dove conoscerà quelli che in seguito saranno i suoi compagni di fuga: Jurij Petrovič Fëdorov e Aleksandr Grigor'evič Murženko. Dopo il rilascio si trasferisce a Riga con la moglie Sil'va Zal-

manson. Nel febbraio del 1970 riceve un invito da Israele e cerca di ottenere inutilmente i documenti per lasciare l'URSS. Insieme a Fëdorov e Murženko, il 15 giugno 1970 organizza un tentativo di dirottamento aereo, che terminerà però con l'arresto e la condanna a morte. Grazie all'attenzione dell'opinione internazionale la pena verrà commutata in 15 anni di reclusione nel campo di lavoro a regime speciale n. 10 in Mordovia. Nel 1974 la moglie Sil'va viene rilasciata all'interno di uno scambio tra prigionieri israeliani e sovietici. Kuznecov dovrà invece attendere fino al 1979 per raggiungerla in Israele.

La sua vicenda va inquadrata nel particolare contesto politico degli anni successivi alla Guerra dei Sei Giorni (1967), in cui l'Unione Sovietica aveva interrotto le relazioni diplomatiche con Israele e sempre più ebrei sovietici chiedevano di emigrare in Israele. Il processo per ottenere il visto spesso costava ai richiedenti il lavoro, rendendoli vulnerabili ad accuse di parassitismo sociale, e sebbene alcuni venissero autorizzati a partire, molti ricevevano un rifiuto formale, che poteva giungere immediatamente o anche dopo anni in cui i loro casi giacevano presso l'OVIR. L'ampiezza del fenomeno era testimoniata dalla comparsa del termine non ufficiale *otkazniki* o *refjuzniki*, usato in Unione Sovietica per designare coloro ai quali le autorità avevano negato il permesso di emigrare. La motivazione tipica per tale rifiuto era che coloro che avevano avuto accesso in passato a informazioni vitali per la sicurezza nazionale non potevano essere autorizzate a lasciare il Paese. Tra gli anni Sessanta e Settanta, seppure non fosse formalmente considerato un reato, emigrare legalmente dall'URSS veniva visto dalle autorità come *tradimento alla patria*. Va ricordato che prima della ratifica nel 1973 della Convenzione internazionale sui diritti civili e politici, l'Unione Sovietica non riconosceva formalmente il diritto di emigrazione: la possibilità di lasciare il Paese dipendeva unicamente dalla decisione delle autorità, ed era solitamente limitata al ricongiungimento familiare o a quelle minoranze etniche che desideravano fare ritorno nel loro Paese d'origine. In ogni caso, il processo per richiedere il permesso di lasciare l'Unione Sovietica era complicato da formalità burocratiche volte a ostacolare un'emigrazione di massa. La tendenza ad abbandonare l'URSS era particolarmente forte all'interno di comunità nazionali e gruppi religiosi soggetti a pressioni governative, tra cui ebrei, armeni, greci e tedeschi sovietici. Sulla scia della lunga tradizione di antisemitismo sociale e politico in Russia, particolarmente gravosa era la situazione degli ebrei, soprattutto dopo il secondo conflitto mondiale e la nascita dello Stato d'Israele, in seguito alla quale si erano intensificate

le accuse di sionismo e *cosmopolitismo*. Nonostante ciò, essendo registrato come russo alla voce sul passaporto che indicava l'appartenenza etnica, Kuznecov aveva chiesto, invano, di essere riconosciuto ufficialmente come ebreo, inizialmente per "ragioni emotive" ("osservando le manifestazioni dello scatenato antisemitismo popolare, [...] decisi che era necessario per me stesso unirmi ai perseguitati", Kuznecov 2023: 61), e solo successivamente per "consapevoli ragioni di discendenza" (Kuznecov 2023: 61). Nel difficile contesto della sua situazione attuale, in cui "il pane quotidiano del male di tutti i giorni" gli era diventato insostenibile (Kuznecov 2023: 87), la fuga oltre confine appariva come "l'unico mezzo per raggiungere un'esistenza degna" (Kuznecov 2023: 165). Insieme ad altri quindici *refjuzniki*, Kuznecov, con il pretesto di partecipare a un matrimonio, pianificò di impossessarsi di un aereo civile e giungere in Israele passando per la Svezia. L'operazione non ebbe successo – la mattina del 15 giugno 1970 il gruppo venne arrestato all'aeroporto Smol'nyj di Leningrado –, tuttavia contribuì a sensibilizzare il mondo sulla situazione dei diritti umani in Unione Sovietica. Dopo che il caso *Dymšic-Kuznecov* divenne noto, le forti condanne internazionali costrinsero le autorità sovietiche ad aumentare la quota di cittadini sovietici ammissibili all'emigrazione, pur continuando sporadicamente a imporre varie limitazioni per scoraggiare l'uscita dal Paese.

I *Diari* di Kuznecov si collocano in un momento particolare dell'evoluzione del sistema gulag. Nonostante il ridimensionamento dei lager sovietici dopo la diffusione del *rapporto segreto* e la decisione ufficiale sulla loro liquidazione nel 1960, lo smantellamento definitivo avverrà soltanto con Gorbačev nel 1987. Le repressioni politiche proseguivano, anche se la loro portata era diminuita; i dissidenti continuavano ad essere arrestati, ora per vere e proprie *attività antisovietiche*, anziché per accuse fabbricate. In questo periodo si registra però un cambiamento significativo nell'atteggiamento di gran parte di coloro che facevano parte dell'apparato repressivo: l'indifferenza verso l'ideologia ufficiale, aspetto che l'autore sottolinea più volte, insieme alla disillusione nei confronti di un sistema i cui capisaldi sembrano ormai vuote parole. Ora è lo stesso inquisitore a dubitare di Dio, "avendo perso la foga dello zelante servire l'Assoluto. [...] Non è nichilismo, ma semplicemente indifferenza verso l'ideologia in genere, e quella ufficiale in particolare: il piccolo idolo ha commesso una grossa sciocchezza lasciandosi andare all'autoflagellazione e allora il ritualismo è apparso in tutta la sua falsità e inetta noia" (Kuznecov 2023: 129).

In una realtà dove gli slogan e le parole sono diventate meri simboli, l'unico modo per conservare un certo grado di obiettività è scrivere, nonostante i rischi che comporta. La scrittura è al tempo stesso strumento di preservazione dell'identità ("scrivo solo per conservare il mio volto", Kuznecov 2023: 108) in una condizione che può essere descritta soltanto nel momento stesso in cui la si sta vivendo. Questa attenzione all'autenticità dell'esperienza resa dalla penna è resa esplicita in un'altra importante testimonianza dell'autore, raccolta nel libro *Mordovskij marafon* (*La maratona di Mordovia*), pubblicato a Gerusalemme nel 1979 (Kuznecov 1979). Nella Prefazione Kuznecov scrive: "Avrei potuto provare a ricostruire a memoria le pagine perdute, sistemare qualcosa o addirittura riscriverle da capo, ma ciò avrebbe inevitabilmente sovrapposto il presente, il contingente, e allora questo libro avrebbe in gran parte perso il diritto di essere definito una 'testimonianza dal gulag'" (Kuznecov 1979: 6) [Traduzione mia: G.R.]. Il resoconto perde la sua immediatezza e sincerità al di fuori della dimensione in cui viene prodotto. Il detenuto non si trova solo ad affrontare "il freddo, il caldo, l'afa, la mancanza di spazio, il bugliolo, i corpi, e, naturalmente, la fame" (Kuznecov 2023: 185), ma anche e soprattutto la totale assenza di solitudine e silenzio, l'essere costretti a condividere in ogni momento lo spazio con altri, che per un intellettuale risulta particolarmente gravoso ("baratterei con gratitudine quindici anni di baracche di lavoro con vent'anni di cella d'isolamento", Kuznecov 2023: 36). Come già notava Herling-Grudziński nel suo *Un mondo a parte*, riprendendo a sua volta Šalamov, la solitudine nel campo è l'unico rifugio per restare aderenti alla propria identità e non venire inghiottiti dal male. Anche per questo la scrittura di Kuznecov è rapida, aforistica, come a tentare di registrare pensieri e stati d'animo che potrebbero dissolversi da un momento all'altro, fatti svanire dalle circostanze. Nelle limitazioni imposte dalla contingenza, insieme al costante timore del ritrovamento e della confisca delle carte (come effettivamente accade il 5 maggio 1971, Kuznecov 2023: 107), la scrittura diventa più che una semplice registrazione di fatti e impressioni: rappresenta una forma di libertà, sia perché avviene di nascosto dalle autorità del campo, sia perché permette una forma di espressione che non è riconosciuta, tanto al detenuto quanto al cittadino sovietico libero.

Le pagine dei *Diari* non toccano solo aspetti concreti della vita del lager o del processo, ma anche riflessioni di più ampio respiro sul regime e sulla realtà sovietica. Il filo conduttore di tali riflessioni è l'idea di libertà anche nelle condizioni più disumane. Come rileva Kuznecov, la resi-

stenza interiore e il desiderio di libertà vengono paradossalmente alimentati proprio dal sistema del lager, tanto che quest'ultimo si rivela una "scuola d'amore per la libertà" (Kuznecov 2023: 95). Nei detenuti è soprattutto il corpo ad essere il campo di espressione di una ritrovata quanto paradossale libertà, più o meno consapevole. Il lager si rivela luogo della verità, dove ci si può permettere di essere liberi: lo dimostrano tanto i tatuaggi dei detenuti con contenuto esplicitamente anti-sovietico (Kuznecov 2023: 145, 148), quanto l'atteggiamento e le parole dei carcerieri. Kuznecov interpreta così la disillusione dei suoi stessi aguzzini rispetto a un sistema in cui hanno perso la fede: "[...] una decina d'anni fa non c'era nemmeno il cinismo d'oggi, quello dei recenti abnegati adepti di un culto sanguinario, oggi invece funzionari in un tempio abbandonato delle loro deità. Nell'ufficio del giudice istruttore, oggi, non sentirai più parlare della suprema felicità di essere un cittadino sovietico, del fulgido futuro dell'umanità per il quale si possono e si devono sopportare molte cose" (Kuznecov 2023: 128). Spogliato della facciata dell'ideologia, nel sistema gulag resta solo la violenza, inflitta su se stessi o sugli altri. Le riflessioni sul potere sul corpo nelle *Memorie da una casa di morti* di Dostoevskij (che non a caso viene citato spessissimo da Kuznecov) si rivelano incredibilmente attuali: "Vi sono persone che sono simili a tigri avidi di leccare il sangue. Chi ha provato una volta questo potere, questa signoria illimitata sul corpo, sul sangue, sull'anima di chi è come loro, di creature umane, di fratelli, secondo la legge di Cristo; chi ha provato il potere e la piena possibilità di umiliare con la peggiore umiliazione un altro essere che ha in sé l'immagine di Dio, colui è incapace di signoreggiare i suoi sentimenti. La tirannide è un'abitudine: è dotata di capacità di sviluppo, e alla fine si tramuta in una malattia" (Dostoevski 1935: 265-266). L'"illimitata signoria sul corpo" delle punizioni corporali di cui scriveva Dostoevskij nel lager si spogliano degli abbellimenti ideologici e il regime emerge in tutta la sua "umana bestialità" (Kuznecov 2023: 154). Il gulag ("retrocortile dell'impero sovietico", Kuznecov 2023: 36) è il luogo in cui la realtà sovietica si esprime in tutta la sua violenza e verità, lasciando emergere la reale natura del regime. Le *storie esemplari* dei detenuti riportate da Kuznecov e le sue indagini sulle loro condizioni (tramite questionari che diffonde e raccoglie in tabelle, Kuznecov 2023: 189-190), descrivono l'esplorazione umana della sofferenza del corpo e dello spirito. Con un'importante distinzione: rispetto ai galeotti dostoevskiani, per i reclusi nel gulag anche l'autolesionismo solo raramente è una forma consapevole di protesta e resistenza; non un martirio, ma l'unica via per evadere dalla mortifera monotonia dell'esistenza quotidiana

nel campo (Kuznecov 2023: 151-152). Persa ogni connotazione etica, la violenza autoinflitta non rappresenta tanto un modo per preservare la propria dignità, quanto il tentativo per il detenuto di ritrovare un contatto con la realtà.

L'altra faccia dell'annichilimento fisico è quello morale; la "religione laica tirannica" dello stato totalitario – nella sua tendenza sovrapersonale che secondo l'autore rappresenta il tratto comune della storia russa – vorrebbe invadere ogni aspetto della vita spirituale dell'individuo per creare un "uomo nuovo" (Kuznecov 2023: 139-140), ma nel sistema in cui "l'uomo non è nulla" vengono legittimati gli istinti più bassi, al punto che non si distinguono più vittime e carnefici. Nella lotta dell'uomo sull'uomo il detenuto "è vittima fortuita del regime, ma in realtà carne della sua carne. Essi [...] sono guidati dalle circostanze, potrebbero essere carcerieri se le circostanze non avessero preso una piega tale da farne dei detenuti. Come tali vengono tormentati, ma anch'essi cercano incessantemente qualcuno che sia più debole di loro" (Kuznecov 2023: 154). Nella condizione disperata del lager occorre trovare in sé "la forza di non accettare di sentirsi una nullità" (Kuznecov 2023: 124). L'appello che Kuznecov e i suoi compagni rivolgono al Segretario Generale dell'ONU U Thant nella lettera dell'11 agosto 1970 (Kuznecov 2023: 161-169) rivendica precisamente questo diritto a "resistere consapevolmente alle condizioni che tolgono ogni volto all'uomo, che lo trasformano in un semidemente animale a righe" (Kuznecov 2023: 169).

Ancora oggi i *Diari* si rivelano più che mai attuali nello svelare l'altra faccia, quella più nascosta, dell'apparato repressivo del potere, e dell'instancabile lotta dell'uomo per opporsi ad esso. Convinto che non si possa "guardare con calma il male d'oggi pensando con fredda certezza a quello di domani" (Kuznecov 2023: 154), Kuznecov si interroga sul futuro del regime, con parole che sembrano essere applicabili al contesto attuale della Russia contemporanea: "[...] non basterà loro il solo rinnovamento dei vecchi idoli. Ci vorrebbe un'esplosione di patriottismo, un lungo ribollire di passioni, una bella purga e l'energico martellare sul fatto che ormai, e davvero stavolta, manca poco alla generale beatitudine. Sono leve grossolane, ma tanto sicure, tante volte collaudate in pratica, che non occorre essere chiromanti conoscitori del cuore umano o profeti per decidersi alla predizione" (Kuznecov 2023: 129).

Bibliografia

Dostoevski 1935: Dostoevski, Fedor. 1935. *Ricordi della casa dei morti* (Torino: UTET)

Kuznecov 1979: Kuznecov, Eduard. 1979. *Mordovskij marafon* (Ramat-Gan: Moskva-Ierusalim)

Kuznecov 2023: Kuznecov, Eduard. 2023. *Parole trafugate. Diari clandestini dalla Russia (1970-1971)* (Milano: Guerini e associati)

Reviews

Attilio Russo

Kuzovkina, Tat'jana, Lotman, Michail, e Majja Chalturina (a cura di). 2023. *Zara Grigor'evna Minc: Dokumenty, pis'ma, vospominanija* (Tallinn: Izdatel'stvo Tallinskogo universiteta), pp. 656.

Per gli studiosi e gli appassionati di letteratura del secolo d'argento, Zara Grigor'evna Minc (1927-1990) non ha certo bisogno di presentazioni. Sebbene il suo nome sia spesso associato al più noto marito e collaboratore di lunga data Jurij Michajlovič Lotman (1922-1993), ella è, anche e soprattutto, ricordata come una delle critiche letterarie più notevoli del ventesimo secolo, che si distinse per l'originalità e lo spessore con cui affrontò lo studio delle opere simboliste (a partire da quelle di Aleksandr Blok). Il volume qui recensito, *Zara Grigor'evna Minc: Dokumenty, pis'ma, vospominanija*, ultimo della collana "Bibliotheca Lotmaniana", rappresenta uno sforzo pantagruelico nell'operare un importante recupero documentale, mettendo a disposizione materiali d'archivio piuttosto difficili da reperire e le memorie di diversi testimoni, e un auspicio a riaccostarsi alla donna e alla studiosa di letteratura che è stata Zara Minc.

Il volume uscito nel 2023, curato da Tat'jana Kuzovkina (Università di Tallinn), Michail Lotman (figlio di Zara Minc e Jurij Lotman) e Maja Chalturina (scrittrice, giornalista e critica teatrale), è una raccolta molto ricca dove la struttura polifonica ne determina, in un certo qual modo, il genere. Appartiene, difatti, al nuovo genere delle memorie *ibride*, quelle che, oltre agli scritti dei personaggi di cui si parla, includono i documenti, le lettere e i ricordi di coloro che li hanno conosciuti.

Il libro si divide in tre parti. Nella prima sezione vengono presentati i materiali d'archivio: i diari di Zara Minc degli anni 1941-1944 messi a disposizione dalla famiglia, pagelle e lettere di valutazione scolastiche acquisite dall'Archivio dell'Università di San Pietroburgo e pubblicate da Natal'ja Obrazcova (filologa, figlia di Michail Lotman), e scritti, poesie, disegni e fotografie di Jurij Lotman stesso. Gli ego-documenti, le poesie e le fotografie, disposti secondo un ordine rigorosamente cronologico, hanno qui la funzione di rendere note al lettore quelle caratteristiche della studiosa, senza la mediazione di terzi, che saranno poi così tanto elogiate dai commentatori in passaggi successivi. I diari che coprono gli

anni dal 1941 al 1944 seguono le vicissitudini di Zara adolescente e della sua famiglia durante la guerra, vicende personali che si intrecciano alle contingenze storiche coeve e ne restituiscono un'idea generale, e rendono testimonianza della maturazione della bambina in una giovane donna. In particolare, si resta fin da subito affascinati dalla straordinaria capacità con cui Zara Minc riesce a fissare su carta i propri stati d'animo, gli eventi e gli attori della vita di tutti i giorni. Difatti, nel registrare l'aspetto delle persone che ha conosciuto, l'ambiente familiare o collegiale, un campo o il dettaglio del discorso di alcuni suoi conoscenti, la giovane Zara Minc si rivela una narratrice talentuosa e un'acuta osservatrice. Altrettanto incisivo è assistere, pagina dopo pagina, alla nascita di quegli aspetti della personalità che l'accompagneranno in futuro. Ad esempio, nella nota del 18 luglio 1944 può colpire il rigore con cui la ricercatrice disciplina la propria scrittura, dandosi delle precise regole di stesura, un elemento poi riscontrabile nei suoi lavori scientifici.

I documenti scolastici sono utili nel sottolineare le inclinazioni scientifiche della protagonista, presenti fin dagli inizi, mentre i materiali che completano la prima sezione riflettono l'ironia e la creatività con cui i coniugi Lotman fronteggiavano le difficoltà della vita. Quest'ultima parte è ricca di disegni e di fotografie di quegli anni ed esibisce l'ironica poesia di Lotman *Proščanie Gektora s Andromachoj*. Un valore aggiunto è dato dai brevi saggi introduttivi, dalle postfazioni e dalle ricche note che corredano il materiale e chiariscono al lettore il contesto e i personaggi di cui si parla, anche se ricorrono una sola volta nel testo.

La seconda sezione è composta dalle lettere che hanno per soggetto Zara Minc. Nello specifico si tratta dello scambio epistolare degli anni 1962-1989 con Vera Golicyna, specialista in letteratura russa del XX secolo dell'Università di Pskov, conosciuta quando era ancora una studentessa e poi collega all'Università di Leningrado, di lettere e fotografie dall'Archivio di Lev Sergeevič Sidjakov, perlopiù inedite, della lettera di Zara Minc in risposta al *Brjusov: Poezija i pozicija* di Dmitrij Evgen'evič Maksimov, delle lettere inviate a Dina Magomedova, filologa, professoressa e studiosa di Aleksandr Blok e di letteratura del secolo d'argento, messe a disposizione dalla stessa, dello scambio epistolare tra i coniugi Lotman e David Samujlovič Samojlov, uno dei più noti *poety-frontoviki*, e di quello con i Belobrovcev, prima studenti e poi filologi e traduttori all'Università di Tartu. Se in generale il *fil rouge* dell'epistolario è dato dall'evolversi delle relazioni sociali e lavorative di Zara Minc, nello specifico ognuna delle lettere, oltre a possedere un

importantissimo valore storico-biografico, getta una luce su un aspetto differente. Nella corrispondenza con Vera Golicyna è più chiaro ed evidente il progredire del rapporto tra le due donne: le prime lettere sono piuttosto formali, brevi, ricche di convenevoli e focalizzate sul lavoro, ma più aumenta il numero e più lo stile di scrittura si ammorbidisce, il tono diventa colloquiale e ci si sposta sul personale. Nella lettera a Maksimov si parla prevalentemente di teoria ed emerge l'instancabile volontà di rivedere e di correggere i propri scritti di Zara Minc. Nelle parole di Dina Magomedova si comprende come la studiosa avesse un vero e proprio dono nella spiegazione dei concetti e nel trovare legami tra artisti che non tutti avrebbero immaginato. Magomedova è anche la prima a sottolineare quanto per Zara Minc fossero importanti i suoi studenti e il loro futuro dopo le sue lezioni. Lo scambio con il poeta Samojlov, invece, vede intrecciarsi ricordi personali, esperienze condivise, discorsi sulla letteratura, giudizi politici e riflessioni sul processo creativo. Una menzione particolare va alle lettere che chiudono la sezione. Come viene più volte ribadito nel libro, la corrispondenza tra studenti e insegnanti è speciale in quanto permette di riprodurre un ritratto meno manierato e più sincero degli insegnanti, nonché di osservare la formazione e la crescita professionale dei loro allievi. Inoltre, le vicende personali di Irina e Vitalij Belobrovcev sono anche un esempio della ambigua e difficile condizione di tanti critici letterari dell'epoca che si muovevano nel mondo accademico in un periodo dove parlare di letteratura non era semplice per tutti.

La terza e ultima parte del libro rappresenta il contributo più originale dell'opera. I saggi memorialistici in essa contenuta, infatti, sono stati redatti appositamente per la collezione. Amici, colleghi, parenti e studenti di Zara Minc si uniscono per donare ai lettori i loro ricordi e le loro impressioni sulla grande studiosa. È il caso di Larisa Najdič, sua nipote, di Michail Malevič e sua madre Viktorija Aleksandrovna Kamen-skaja, gli amici di sempre, di Mark Al'tšuller, amico e collega, e di tanti altri. Le reminiscenze di questa sezione trattano Zara Minc quale persona privata, ma ribadiscono anche il suo ruolo nell'ambiente universitario e soprattutto l'impatto che ha avuto su intere generazioni di studiosi. I ricordi della nipote chiariscono come Jurij Lotman e sua moglie, personalità eclettiche e multiformi, non sottovalutassero l'aspetto etico e sociale del loro lavoro, esigendo sempre che questo potesse essere fondamentale nella crescita culturale e umana di tutti quelli coinvolti. Le ultime righe del suo intervento si soffermano sul rapporto tra i due coniugi. Ciò che appare evidente da queste pagine è proprio quanto si

correggessero e supportassero a vicenda. Michail Malevič ricorda le impressioni che aveva avuto fin da quando era bambino e come Zara Minc lo avesse aiutato a muovere i primi passi nel mondo accademico. Sua madre, Viktorija Kamenskaja, si distrae tra la celebrazione del suo genio quale studiosa del simbolismo e di Blok e la rimembranza del loro stretto rapporto. Vladimir Papernyj mette insieme qualche ricordo sparso per comporre un ritratto dell'accademica: illustra le sue posizioni sul freudismo, la sua ignoranza sul funzionamento del sistema idrico, la sua timidezza intrinseca, il rapporto con i figli, lo strano modo in cui toglieva la polvere dai libri e ogni altro tipo di mania o affascinante abitudine. Michail Bezrodnij, Svetlana Kul'jus, Marianna Tarasenko, Elena Mireckaja, Maja Chalturina e altri studenti parlano di lei dentro e fuori dalle aule, di come per alcuni di loro ella rappresenti un essere mitologico, un ideale o un modello con cui sono chiamati sempre a confrontarsi. Il loro contributo consente di avere uno sguardo ben più dettagliato e originale sulla persona e sui fatti, concentrandosi su quelle sfumature che uno storico avrebbe ritenuto superflue. Inoltre, le testimonianze non si limitano a raccontare fatti personali che coinvolgono gli autori e Zara Minc, ma altresì scenari, attività lavorative e vite di altre persone. Benché tutta l'attenzione converga sulla moglie, è inevitabile che il libro tratti anche di Jurij Lotman, offrendo qualche aneddoto specificamente su di lui. Non mancano pagine dedicate allo strutturalismo di Tartu e nemmeno il ricordo inedito di un Lotman riparatore di elettrodomestici, idraulico e cuoco.

Nel tirare le somme, la complessa rete di documenti personali e saggi memorialistici offre una ricostruzione a 360 gradi della figura di Zara Minc, una donna e una studiosa affascinante, indispensabile nel contesto accademico di quegli anni, per la creazione di un ambiente fertile per la riflessione artistica e nella vita di amici, parenti e allievi. Il volume senza ombra di dubbio può essere considerato un ulteriore punto di vista da cui poter osservare il notevole lavoro della studiosa e una fonte inestimabile di informazioni biografiche, utile per tutti coloro che desiderano approfondire ciò che si cela dietro alle sue idee originali o anche solo per approfondire la Tartu dei letterati del periodo. Tuttavia, il carattere aneddótico, lo stile semplice, il materiale composito e l'aspetto affettivo ne fanno un lavoro apprezzabile tanto per lo specialista e l'appassionato quanto per il lettore profano.

Authors

Marina Balina is Isaac Funk Professor Emerita, and Professor of Russian Studies at Illinois Wesleyan University. Her scholarship focuses on historical and theoretical aspects of twentieth-century Russian children's literature. She is the author of numerous articles in English, German, and Russian. She served as editor and co-editor of 12 volumes, most recently *The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children* (University of Toronto Press, 2021) and *Hans Christian Andersen and Russia* (University of Southern Denmark Press, 2020.) Her new co-edited volume, *Historical and Cultural Transformations of Russian Childhood: Myths and Realities*, appeared from Routledge in November 2023. She is the recipient of national and international grants, among them the Distinguished Scholar Award from the American Association of Children's Literature, National Endowment for Humanities, American Comparative Literature Association, The Kennan Institute of the Woodrow Wilson Centre, Austrian Ministry of Culture and Literature, and German Academic Exchange (DAAD). As a guest professor, she has taught at the University of Nottingham, Salzburg, Hamburg and Hawaii-Manoa.

Marco Caratozzolo is Associate Professor in the Department of Research and Innovation for the Humanities at the University of Bari. His main research areas are Russian literature of the nineteenth and early twentieth century (Griboedov, Dostoevskii, Chekhov, Oberiu), Russian emigration in France and Italy, and the Russian reception of St. Nicolas.

Claudia Criveller is Associate Professor in Russian Literature and Language at the University of Padua. Her main research areas are Russian Modernism and early twentieth-century Russian literature, with a particular focus on Andrei Belyi's works. She has also worked on intersemiotic translation, working on Fedor Dostoevskii's as well as Belyi's works. She has authored theoretical works on Russian autobiographical fiction with a focus on Vladimir Nabokov, Venedikt Erofeev, Andrei Siniavskii and Evgenii Kharitonov.

Andrey Fedotov is Lecturer in the Faculty of Philology at Moscow State University. He is the author of *Russkii teatral'nyi zhurnal v kul'turnom kontekste 1840-kh godov* (2016), "Sovremennik" protiv "Moskvitianina". *Literaturno-kriticheskaia polemika pervoi poloviny 1850-kh godov* (2015, with Alexey Vdovin and Kirill Zubkov) and several articles on Russian authors of the nineteenth century, as well as on Russian

theatre. His current research project is devoted to the poetics of Nikolai Nekrasov.

Iaroslav Golubinov, PhD in History, is Assistant Professor at the Samara National Research University. His main field of research is the study of social, cultural and environmental aspects of the First World War in different European countries (especially in Eastern Europe). He is the author of several articles in journals such as *Mouvement Social*, *Scando-Slavica*, and *Quaestio Rossica* and in collected volumes (*Multilingual Environments in the Great War* and *Science, Technology, Environment, and Medicine in Russia's Great War and Revolution, 1914–22* etc.).

Andrea Gullotta is Lecturer in Russian at the University of Palermo. He has also worked for the University of Glasgow, the Ca' Foscari University of Venice and the University of Padua, where he obtained his PhD. His main field of research is the literature of the Gulag. He is the author of several articles and of the monograph *Intellectual Life and Literature at Solovki 1923-1930. The Paris of the Northern Concentration Camps* (2018). He is the PI of the Research Project of National Interest (PRIN) *Literature of Socialist Trauma: Mapping and Researching the Lost Page of European Literature*, funded by the Italian Ministry for University and Research.

Francesca Lazzarin is a Research Fellow in Russian Literature at the University of Udine and a translator from Russian, Ukrainian, and Czech. She completed a PhD in Slavic Studies at the University of Padua in 2012. From 2012 until 2020 she lived in Moscow, where she worked at the Higher School of Economics and the Gor'kii Literature Institute. She published several articles about the cultural institutions of Petrograd, modernist prose and poetry, and the representation of Moscow in contemporary Russian literature, both in Italy and abroad. Her current research interests include nineteenth Century Russian literature legacy in contemporary music, theatre and cinema.

Maria Mayofis is a literary scholar and cultural historian, currently working as a Research Fellow at the Center for Russian Culture at Amherst College. She received her Ph.D. in literature from the Russian State University for the Humanities in 2002. From 2000 to 2010, she was an editor of the 'history' rubric of the *New Literary Observer* [Novoe lit-

eraturnoe obozrenie, NLO] journal in Moscow, Russian Federation. Her first monograph was devoted to the literary communities of the early 19th century. Her second research field is the cultural life of the Late Stalinist and the Thaw periods.

Benjamin Musachio is a doctoral candidate in the Department of Slavic Languages and Literatures at Princeton University. In his dissertation, he examines how and why Evgenii Evtushenko and Andrei Voznesenskii became popular among American audiences in the 1960s. He has previously published in *Rizhskii al'manakh*, *The Russian Review*, *The Journal of Baltic Studies*, and *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*.

Giorgia Rimondi, PhD, is a researcher in Slavic Studies and Research Scholar of the Northwestern University project on Russian philosophical thought (NU RPRT Research Initiative). She is a member of the Losevian commission of the scientific council “Istoriia mirovoi kul'tury” of the Russian Academy of Sciences. Since 2018, she has been collaborating with the Losev Center for Russian Language and Culture in Moscow. Her research interests include Russian philosophy of the 1920s and the relationship between philosophy and literature.

Attilio Russo obtained his Master's degree in European and American Languages and Literatures from the University of Padua with a thesis on Lidiia Zinov'eva-Annibal. His main interests include narratology, with particular attention to lesser-known Russian narrative theories, and Russian Symbolism.

Irina Savkina is an independent researcher who is currently based in Finland. From 1993 to 2023, she was a Senior Lecturer in the Faculty of Communication Sciences at the University of Tampere, Finland. She specializes in literary and cultural studies, focusing on Russian literature and culture, gender studies, autobiographical studies, Russian popular culture, and mass media. She has authored three books about Russian women's literature and more than 160 scholarly articles. Her current research project is devoted to the study of diaries of the Soviet period. Her academic focus is on various forms of self-reflection in diaries.

Slava Sergeev (1965) is a Russian writer. He spent his childhood in Kamchatka and subsequently moved to Moscow. After obtaining a degree in Geology, he studied at the Gorky Literature Institute. He published several short stories and essays in Russian journals (*Kontinent*, *Druzhba narodov*, *Novoe literaturnoe obozrenie*, *OM*, *Ogonek*, and others). He is the author of the collections of short stories *Mesto prebyvaniia istinnoi intelligentsii* (2006), *Kapo Iurii, more i feia Kalipso* (2008), *Moskva nas bol'she ne liubit* (2011), *Uroki kalligrafii v zimnem Krymu* (2016). His works were in the long list of the National Bestseller Award in 2007 and 2012, and in the short list of the Dovlatov Festival Award Zapovednik in 2015. In 2022 he left the Russian Federation. He currently lives abroad. His prose has been translated in several languages.

Ludmila Sproģe is Professor in the Department of Russian and Slavic Studies of the Faculty of Humanities at the University of Latvia, Riga. Her main areas of interest are the Silver age of Russian literature, émigré Russian literature, Russian culture in pre-war Latvia, Latvian-Russian cultural relations and Translation Studies.

Leona Toker, Professor of English at the Hebrew University of Jerusalem and member of Israel Academy of Sciences and Humanities, is the author of *Nabokov: The Mystery of Literary Structures* (1989), *Eloquent Reticence: Withholding Information in Fictional Narrative* (1993), *Return from the Archipelago: Narratives of Gulag Survivors* (2000), *Towards the Ethics of Form in Fiction: Narratives of Cultural Remission* (2010), *Gulag Literature and the Literature of Nazi Camps: An Intercontextual Reading* (2019), and articles on English, American, and Russian writers. She has edited *Commitment in Reflections: Essays in Literature and Moral Philosophy* (1994) and co-edited *Rereading Texts / Rethinking Critical Presuppositions: Essays in Honour of H. M. Daleski* (1996), and *Knowledge and Pain* (2021). She is Editor of *Partial Answers: Journal of Literature and the History of Ideas* (Johns Hopkins University Press). In 2023 she guest-edited a forum on Anatoly Kuznetsov, author of *Babi Yar*, for *East European Holocaust Studies*.

Pavel Uspenskij is Associate Professor in the Faculty of Humanities at the National Research University Higher School of Economics in Moscow. He is the author of *Tvorchestvo V. F. Khodasevicha i russkaia literaturnaia traditsiia (1900-e gg.–1917 g.)* (2014), *K russkoi rechi: Idiomatika*

i semantika poeticheskogo iazyka Mandel'shtama (2020, with Veronika Fainberg) and *Poeticheskii iazyk Pasternaka. 'Sestra moia — zhizn' skvoz' prizmu idiomatiki* (2021, with Tatiana Krasilnikova) and several articles on Russian literature. His research interests include Russian realism, twentieth-century Russian literature, the poetics of Russian poetry. His current research project centers on Nikolai Nekrasov's poetics.

Ilya Vinitzky is Professor of Russian Literature in the Slavic Department at Princeton University. His main fields of expertise are Russian Romanticism and realism, the history of emotions, and nineteenth-century intellectual and spiritual history. His books include *Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia* (Northwestern UP, 2015), *Ghostly Paradoxes: Modern Spiritualism and Russian Culture in the Age of Realism* (Toronto UP, 2009), and *A Cultural History of Russian Literature*, written with Andrew Baruch Wachtel (Polity Press, 2009). He is working on a comprehensive study of the political and literary activities of Ivan Narodnyi (Jaan Sibul), a Russian-Estonian expatriate writer, art critic, and con man who lived in America from 1906 until he died in 1953.